

ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫПУСК 4(116)

ISSN 2500-4050

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

«Форум молодых ученых»

<http://forum-nauka.ru>

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

ISSN 2500-4050

Свидетельство о регистрации
средства массовой коммуникации

[ЭЛ № ФС 77 - 66302](#)

от 01.07.2016г.

Научно-практический журнал «Форум молодых ученых» объединяет представителей различных отраслей науки, образования и практики, предоставляя площадку для публикации результатов исследований, обмена идеями и опыта между молодыми специалистами, аспирантами, преподавателями и учеными. Издание направлено на поддержку научного потенциала и развитие исследовательской культуры, способствует интеграции молодых исследователей в научное сообщество и формированию современной научной среды.

Журнал размещается на сайте Научной электронной библиотеки на основании приложения к договору №1 к договору № 594-09/2013 от 26.09.2013

Индексация в Google Scholar

Выпуск № 4(116) (апрель, 2026). Сайт: <http://forum-nauka.ru>

© Институт управления и социально-экономического развития, 2026

Редакционный совет:

Абдиниязова Г.Ж., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Абдурахманов У.К., кандидат химических наук,
Алламуратов Б.Д., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Аташов А.Ш., доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Бахиева Л.А., кандидат биологических наук, доцент,
Бегматова Н.Х., кандидат педагогических наук, доцент,
Вестов Ф. А., кандидат юридических наук, профессор,
Досжанова Г.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Заирова К. М., доктор философии по филологическим наукам, доцент,
Зарайский А.А., доктор филологических наук, профессор,
Изетаева Г.К., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,
Кайпов К.П., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Кудайбергенова У.К., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Мамутов Н.К., кандидат биологических наук, доцент,
Мамутова Г.Ш., доктор философии по педагогическим наукам (PhD), доцент,
Матмуратов М., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Мираметова Э.К., доктор философии по биологическим наукам (PhD),
Постюшков А.В., доктор экономических наук, профессор,
Садуллаев А.М., доктор философии по биологическим наукам (PhD), доцент,
Смирнова Т.В., доктор социологических наук, профессор,
Сулаймонов Р.Ш., доктора наук (DSc) по техническим наукам, профессор,
Султашова О.Г., доктор сельскохозяйственных наук, профессор,
Танирбергенов М.Б., кандидат физико-математических наук, доцент,
Танирбергенов Р.М., доктор философии по техническим наукам (PhD),
Тлеуов Н.Р., доктор философии по экономическим наукам (PhD),
Тошматова Ш.Р., кандидат биологических наук, доцент,
Тягунова Л.А., кандидат философских наук,
Утемуратова Г.Х., кандидат экономических наук, доцент,
Утемуратов Н. А., доктор философии по биологическим наукам (PhD),
Федорова Ю.В., доктор экономических наук, профессор,
Хабибуллаев А.Ж., доктор философии по техническим наукам (PhD), доцент,
Хамидов Ш.В., доктор технических наук, профессор,
Хожамуратова Р.Т., доктор географических наук, профессор,
Халмуратов П., кандидат биологических наук, доцент,
Шошин С.В., кандидат юридических наук, доцент,
Юсупов М.М., кандидат химических наук, доцент,
Юсупова Л.А., доктор технических наук, доцент.

Главный редактор: Тягунова Людмила Анатольевна, к.ф.н.

Abdraimova A. A.
tutor
Asian Medical University named after S.Tentishev
Prince Xavier
student
Asian Medical University named after S.Tentishev
general medicine 5/9/5
Kant city, Kyrgyzstan

CONGENITAL GASTROINTESTINAL MALFORMATIONS IN CHILDREN

Abstract: *This article analyzes the incidence and treatment approaches for congenital gastrointestinal tract (GIT) malformations in children. This study utilizes comparative analysis of our own data and a literature review of congenital GIT pathologies. The study found that the most common anatomical locations for this condition are the small intestine and anus. It is concluded that a comprehensive approach to the diagnosis and treatment of GIT malformations is essential for a favorable prognosis and quality of life in children.*

Keywords : *congenital malformations, gastrointestinal tract, surgical treatment, children*

Introduction

Intestinal malformations are the most common defects of the digestive tract. They occur with varying frequency for each disease entity, with an average incidence of 1 in 500-5,000 newborns. Their high relevance in clinical pediatrics is due to the need for early surgical intervention, which in some cases may only be palliative (for example, in Hirschsprung's disease).

This article presents current data from Russian and international literature on the main issues in surgical correction of congenital gastrointestinal malformations in children. The effectiveness of various surgical treatment methods and their potential for practical application are discussed. New concepts for providing surgical care to newborns at various stages of treatment are presented.

Relevance of the problem

Every year, the number of neonatal infants developing various surgical pathologies increases worldwide. Among newborns with surgical diseases, the majority are children with congenital malformations. A significantly smaller group also includes children with surgical infections: enterocolitis, peritonitis, and purulent processes in soft tissues and bones.

Methods

Rational tactics and a preoperative preparation program based on objective criteria for assessing the severity of the child's condition are essential in neonatal surgery. For most congenital malformations, preoperative

preparation begins in the maternity hospital. Its duration is determined by the condition of the infant with the surgical pathology and ranges from several hours to 2-3 days. Extending the preoperative preparation period reduces the risk of renal dysfunction in newborns with surgical pathology and prevents the development of acute renal failure [7].

Maintaining an adequate temperature regime during transportation, using multicomponent endotracheal anesthesia, cardiotoxic drugs, synchronized prolonged artificial ventilation, prolonged pain relief, appropriate antibiotic therapy with continuous monitoring of the microecological status, and early detection and correction of concomitant pathology are essential for optimizing treatment outcomes for newborns with surgical pathologies. Care regimens for newborns with malformations should comply with treatment protocols for each nosological entity [10]. The survival rate of patients with esophageal atresia (EA) has increased significantly over the past decade, driven by improvements in surgical techniques, the introduction of minimally invasive surgical methods, and changes in preoperative and postoperative management of children. In patients with esophageal atresia, concomitant malformations, which occur with a frequency of 35–50%, have a significant impact on prognosis. Correction is particularly challenging in the presence of the VACTERL association [25]. The first successful operation for AP without fistula was performed by J. Donovan in 1935, and the first successful operation for AP with tracheoesophageal fistula (TEF) was performed by W. Ladd and N. Leven in 1939. The operation consisted of creating a gastrostomy, ligating the tracheoesophageal fistula, and creating a cervical esophagostomy. N. Leven subsequently performed esophagoplasty using a section of small intestine, and W. Ladd created an artificial esophagus using a flap from a skin tube [1].

Serious complications may occur in the early postoperative period, including leakage of the esophago-esophageal anastomosis with the development of mediastinitis and sepsis, recurrence of the pathological communication between the trachea and esophagus, and stenosis of the esophago-esophageal anastomosis. Less commonly, clinical manifestations of severe dysphagia and respiratory distress due to secondary tracheomalacia, requiring long-term ventilation therapy, are observed. In addition to segment tension, anastomotic technique, and the quality of suture material, gastroesophageal reflux undoubtedly plays a role in the development of esophago-esophageal anastomosis leakage. In cases of "major" esophagoesophageal anastomosis leakage, characterized by the presence of a significant amount of drainage, the development of pneumomediastinum, respiratory distress, and significant leakage of contrast medium beyond the esophagus during X-ray control, preference is given to rethoracotomy and reanastomosis. In rare cases, with severe mediastinitis and a large esophageal wall defect, it is preferable to perform an esophagostomy and gastrostomy [4]. Nevertheless, cases of conservative treatment of significant esophageal-esophageal anastomotic defects with favorable outcomes have been described.

"Minor" leaks often have no clinical manifestations and are detected radiographically. In most cases, this complication is managed conservatively: adequate drainage, gastrostomy placement, transition to parenteral nutrition, and appropriate antibacterial therapy. With adequate drainage, 95% of esophageal-esophageal anastomotic leaks resolve spontaneously, and, moreover, without stenosis [29]. Some authors perform prophylactic bougienage of the esophago-esophago-anastomosis area 3-4 weeks after the anastomosis is created, while other researchers recommend dilating the anastomotic area if the patient presents with certain symptoms (dysphagia, aspiration, pneumonia, foreign bodies). Bougienage is typically performed using a thread or string. Balloon dilation is quite popular; if it is ineffective, esophagoplasty is performed using various methods [21].

Later complications following surgical correction of esophageal atresia include the development of secondary gastroesophageal reflux, the genesis of which is associated with both tension of the lower segment and a change in the angle of His, as well as with impaired esophageal motility in the postoperative period, which, according to D.N. Levin et al. (2011), is detected in 26–70% of cases. Based on the results of pH-metry and fluoroscopy of the esophagus and stomach, clinical presentation, and medical history, the advisability of antireflux surgery is determined on an individual basis. In the postoperative period, endoscopic monitoring is necessary to detect Barrett's esophagus in the future [23].

In order to reduce the adverse factors associated with pain in the postoperative period following thoracotomy and chest wall deformities, minimally invasive procedures have been used in recent years to create an esophageal anastomosis. In March 1999, T. Lobe and S. Rothenberg performed the first successful thoracoscopic reconstruction of a fistula-free form of esophageal atresia in a two-month-old child. Currently, the widespread adoption of the thoracoscopic technique for creating an esophageal anastomosis in newborns is noted [21].

A significant advantage of thoracoscopy is its excellent visualization of mediastinal structures, allowing for careful mobilization of esophageal segments without damaging the small branches of the vagus nerve, which is important for the function of the distal esophagus in the postoperative period.

The overwhelming majority of pediatric surgeons note a clear trend toward increased survival in newborns with esophageal atresia, reaching 70–90%. High mortality (up to 65–80%) is associated only with cases of esophageal atresia combined with severe congenital cardiovascular defects, prematurity, and multiple congenital malformations [32]. According to L. Spitz (2007), the favorable outcome of esophageal atresia in newborns weighing more than 1500 g and in the absence of significant cardiac problems reaches 100%, but can decrease to 80% in the presence of one of the risk factors and to 30–50% in the presence of two or more factors [26].

Congenital intestinal obstruction is a common malformation, occurring in 1:1500–1:2000 newborns. Prenatal diagnosis is possible from the 18th to 20th week of gestation, especially in cases of severe obstruction. The most reliable signs of visualization of the defect are identified by the 24th to 30th week. Antenatal complications such as meconium peritonitis (pseudocysts, hyperechoic ascites) are detected in 20% of cases [5]. The ratio of duodenal and small intestinal (jejunal and ileal) obstruction is approximately the same, but associated malformations are more common with high obstruction - on average in 33.7-67% of cases, while almost every fourth infant with duodenal atresia has Down syndrome [14].

In recent years, significant changes have occurred in the surgical treatment of intestinal obstruction in newborns. For severe (duodenal) obstruction, the Kimura diamond-shaped anastomosis is preferred. For small bowel obstruction, "straight" end-to-end anastomoses are most often used, while T-shaped anastomoses are used less frequently. In cases of diameter discrepancy, some authors recommend performing de Lorimier-Harrison plication anastomoses. Staged treatment with enterostomy is resorted to only in cases of perforation of the afferent colon leading to fecal (meconium) peritonitis. Interintestinal anastomoses in newborns are performed using a single-row continuous suture made of thin biodegradable material [6].

Various minimally invasive approaches are used as an alternative to laparotomy, including subumbilical mini-laparotomy and various selective approaches. In recent years, video-assisted surgery (laparoscopy) has been increasingly used in the treatment of congenital intestinal obstruction—duodenal obstruction and congenital volvulus. In the postoperative period, some patients continue to experience short bowel syndrome and malabsorption, which is associated with congenital shortening of the intestinal tube due to gastrointestinal tract malformations, as well as the extent of resection of the dilated afferent loop, especially in cases complicated by volvulus. To maximize intestinal tube length preservation in cases of multiple atresias, multiple interintestinal anastomoses are performed between the atretic segments with a proximal T-shaped anastomosis to decompress the intestine.

In cases of extensive necrosis secondary to congenital volvulus, the technique of delayed relaparotomy remains relevant for assessing the viability of intestinal loops after the volvulus has been corrected and a parsimonious resection has been performed. In addition, various methods of "lengthening" the intestine are used. Due to improved early diagnosis of intestinal obstruction in newborns, severe complications such as perforation of the afferent loop, volvulus, and so on are less common. This fact is also associated with improved survival rates for gastrointestinal atresia.

Mortality is mainly related to the severity of concomitant pathology (congenital heart defects, immaturity, respiratory distress syndrome, intraventricular hemorrhage, etc.). In general, according to various authors,

survival rates for congenital intestinal obstruction range from 75.4 to 96% [11, 22].

Anorectal malformations are a fairly common congenital pathology of the neonatal period, occurring with a frequency of 1:4000–1:5000 newborns [5]. According to a number of authors, combined malformations are observed in 38–44% of cases, most often of the genitourinary, cardiovascular, and musculoskeletal systems. In addition, anorectal atresia is part of the VACTERL association [25]. Surgical treatment of this defect depends on the height of atresia, the presence of fistulas, concomitant pathology, and the general condition of the infant (its maturity, acute pathology of the neonatal period, etc.) [13].

The surgical approach used for anorectal malformations remains traditional: if the atresia is low and the newborn's condition allows for radical surgery, reconstruction is performed in the neonatal period. Good functional results are observed with such early correction of the defect. The presence of wide fistulas allows for a delay of 1–2 months without a preventive colostomy. In all other cases—high rectal atresia, cloaca, or ureteral anastomoses—the first step is definitely a preventive colostomy [2].

The main stage of surgical treatment is performed primarily during the first six months of the patient's life. The surgical technique and the placement level of the iatrogenic stoma are debated in the literature. A split or loop colostomy is recommended (many authors rule out the possibility of intestinal contents refluxing into the diverting loop during a loop fistula), as well as dissection of the right or left colon or the proximal sigmoid colon. The surgeon's decision on this issue depends on the height of the atresia and the proposed type of reconstructive surgery. When choosing a proctoplasty method, the leading role is played by the ability to preserve the holding function (continence) and independent regulation of the act of defecation [18]. The method proposed by Alberto Pena at the end of the 20th century (PSARP – posterior sagittal anorectoplasty) fundamentally changed the understanding of proctoplasty techniques. Many authors attribute improved functional outcomes in the treatment of anorectal atresia to the posterior sagittal anorectoplasty method, which allows for delicate mobilization of the rectum in cases of rectourethral and rectovaginal fistulas [20].

In recent years, endoscopic surgery has made significant inroads into pediatric proctology. Laparoscopic mobilization of the rectum with the release of high fistulas allows for precise bowel reduction through the center of the perineum and the thickness of the levator vertebrae, maintaining the principle of minimal invasiveness at both the abdominal and perineal stages. Along with endosurgical methods of surgical interventions for anorectal malformations, the successful methods of combined abdominoperineal plastics according to Romualdi-Rehbein, the original operation of A.I. Lenyushkin - excision of a rectovestibular fistula with a formed anus, the use of parasacral access, methods

of anterior plastics of the levator complex, etc. have not lost their significance [19].

In anorectal anomalies, combined regional osteoneural defects account for 40–50%, which causes secondary neurogenic dysfunctions and leads to urinary incontinence and various defecation disorders (Shaul D.B. et al., 1997; Yoshida A. et al., 2010; Goossens W.J. et al., 2011). For the early diagnosis of Currarino syndrome and other anomalies of the sacrococcygeal region, MRI is included in the diagnostic algorithm. The higher the location of the atretic section of the rectum, the more pronounced the dysmorphism of the anorectal zone [30].

According to S. De Vos et al. (2011), after primary plastic surgery for low forms of rectal atresia, normal functional results were achieved in 93% of cases, while after staged treatment of high and intermediate forms, the results were 41% normal, 17% good, 38% satisfactory, and 4% unsatisfactory. Functional disorders of the rectal obturator apparatus after radical correction of anorectal defects, according to various authors, are observed in 30–60% of cases and are accompanied by impaired social adaptation of children in society. PSARP for intermediate and high forms provides good results in 77% of patients [15, 24].

Conclusions

In recent years, endorectal colon pull-down has been widely used in the surgical treatment of congenital colon aganglionosis in newborns and infants, alongside classical abdominoperineal proctoplasty techniques. In cases of extensive resections, video-assisted colon mobilization is used [17].

Thus, a review of domestic and international literature has demonstrated a variety of surgical approaches for newborns with congenital gastrointestinal defects. In recent years, a significant number of scientific papers have appeared on the treatment of intestinal malformations, highlighting the existing challenges in the treatment and rehabilitation of this critical group of patients. The solution to these problems lies in further scientific research and the improvement of treatment and rehabilitation measures for children with congenital gastrointestinal anomalies.

Intestinal malformations are the most common defects of the digestive tract. They occur with varying frequency for each disease entity, with an average incidence of 1 in 500–5,000 newborns. Their high relevance in clinical pediatrics is due to the need for early surgical intervention, which in some cases may only be palliative (for example, in Hirschsprung's disease).

Anal atresia is currently highly prevalent. This defect is a major cause of childhood disability, as it is virtually impossible to cure. Furthermore, intestinal malformations can coexist with other gastrointestinal defects, significantly complicating treatment and worsening the child's prognosis.

References

1. Argumosa Salazar Y., Fernandez Cordoba M.S., Gonzalez Piniera J. et al. Necrotizing enterocolitis and intestinal perforation in very low weight premature infants: which is the best surgical option? // *Cir. Pediatr.* — 2011 Aug. — 24(3). — P. 142–5.

2. Asabe K., Oka Y., Hoshino S. et al. Modification of the endoscopic management of congenital duodenal stenosis // *Turk. J. Pediatr.* — 2008 Mar.-Apr. — 50(2). — P. 182-5.
3. Burgos L., Barrena S., Andres A.M. et al. Colonic interposition for esophageal replacement in children remains a good choice: 33 — year median follow-up of 65 patients // *J. Pediatr. Surg.* — 2010 Feb. — 45(2). — P. 341-5.
4. Casaccia G., Catalano O.A., Bagolan P. Congenital gastrointestinal anomalies in anorectal malformations: what relationship and management? // *Congenit. Anom. (Kyoto)*. — 2009 Jun. — P. 93-6.
5. Choudhry M.S., Rahman N., Boyd P., Lakhoo K. Duodenal atresia: associated anomalies, prenatal diagnosis and outcome // *Pediatr. Surg. Int.* — 2009 Aug. — 25(8). — P. 727-30.
6. De Vos C., Arnold M., Sidler D., Moore S.W. A comparison of laparoscopic-assisted (LAARP) and posterior sagittal (PSARP) anorectoplasty in the outcome of intermediate and high anorectal malformations // *S. Afr. J. Surg.* — 2011 Mar. — 49(1). — P. 39-43.
7. García L.I., Olivos P.M., Santos M.M. et al. Thoracoscopic repair of esophageal atresia with and without tracheoesophageal fistula // *Rev. Chil. Pediatr.* — 2014. — Vol. 85, № 4. — P. 443-447.
8. Grujic B., Jovanovic D., Djordjevic I. One-stage transanal surgical technique for Hirschsprung's disease: is the age of a patient a limiting factor? // *Acta Chir. Belg.* — 2011 Sep.-Oct. — 111(5). — P. 338-41.
9. Hashish M.S., Dawoud H.H., Hirschl R.B. et al. Long-term functional outcome and quality of life in patients with high imperforate anus // *J. Pediatr. Surg.* — 2010 Jan. — 45(1). — P. 224-30.
10. Khalil B.A., Morabito A., Bianchi A. Transanoproctoplasty: a 21-year review // *J. Pediatr. Surg.* — 2010 Sep. — 45(9). — P. 1915-9.
11. Koga H., Miyano G., Takahashi T. et al. Comparison of anorectal angle and continence after Georgeson and Pena procedures for high / intermediate imperforate anus // *J. Pediatr. Surg.* — 2010 Dec. — 45(12). — P. 2394-7.
12. Lacher M., Froehlich S., von Schweinitz D., Dietz H.G. Early and long term outcome in children with esophageal atresia treated over the last 22 years // *Klin. Pediatr.* — 2010 Sep. — 222(5). — P. 296-301.
13. Lavid P.J., Sanchez S.E., Horslen S.P. et al. Intestinal lengthening and nutritional outcomes in children with short bowel syndrome // *Am. J. Surg.* — 2013. — 205(5). — P. 576-80.
14. Levin D.N., Diamond I.R., Langer J.C. Complete vs partial fundoplication in children with esophageal atresia // *J. Pediatr. Surg.* — 2011 May. — 46(5). — P. 854-8.
15. Ojmyr-Joelsson M., Frenckner B., Rydelius P.A., Nisell M. Children with high and intermediate imperforate anus: their experience of hospital care. // *Pediatr. Surg. Int.* — 2011 Oct. — 27(10). — P. 1117-22.
16. Solomon B.D. VACTERL/VATER Association // *Orfanet. J. Rare Dis.* — 2011 Aug. — 16(6). — P. 56.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Tursunqulova X.M.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

PROBLEMS OF TEACHING VOCABULARIES TO 7TH GRADE LEARNERS

Abstract: *This article looks at the common difficulties teachers face when teaching vocabulary to 7th grade students. Many learners struggle to remember new words, rely too much on translation, feel unsure about pronunciation, and sometimes lose motivation. The paper suggests using simple, engaging activities to make lessons more interesting and meaningful. It shows that when learning is interactive and enjoyable, students remember vocabulary better, feel more confident, and improve their overall communication skills.*

Keywords: *vocabulary teaching, 7th grade learners, language learning, vocabulary acquisition, teaching strategies, motivation, pronunciation, classroom activities, communicative competence, student engagement*

Introduction

Vocabulary is the collection of words that we use in our language. They are very essential for role in language and communication. Without vocabulary we cannot express our ideas clearly and even we cannot make a sentence. Vocabularies are developing day by day and it is making some problems while learning and teaching. That's why we should focus on teaching vocabularies to young learners to develop their language and communication skills. Teachers need to apply engaging, meaningful and interactive activities that help students understand, remember and use new words in real-life contexts.

Teaching vocabulary have some difficulties, because all pupils are not the same and also they cannot remember vocabularies easily, and it can effect student's overall language development. One of the main problem is limited retention of new words. They usually memorize new words for a short period and after a while they forget the vocabularies that they memorized before. This usually happens because words are taught in isolation without meaningful context or repeated practice.

Another common problem is the overuse of translation. When they see a new word, their first reaction is to ask for its meaning in their native language. While translation can sometimes help, it does not always teach students how to actually use the word. As a result, they might know what a word means but feel unsure about using it in a sentence or conversation.

Pronunciation is also a difficulty for many 7th graders. Some English words are long or unfamiliar and students may feel embarrassed if they pronounce them incorrectly. This fear can reduce their confidence and prevent them from speaking in class. When students are not confident, they prefer to stay silent rather than practice new vocabulary.

Motivation plays a big role as well. If vocabulary lessons only involve writing definitions and memorizing lists, Students can become bored. As a result, they may lose interest and not remember the words for a long time. To make learning more effective, teachers can use games, group activities, pictures, and real-life examples. When students are actively involved and enjoy the lesson, they are more likely to remember new vocabulary and use it confidently in their speaking and writing.

Literature review

Vocabulary learning has been widely discussed in language education. Researchers note that learning vocabulary is not only about memorizing meanings, but also about understanding pronunciation, spelling, and proper usage in context. Alqahtani, M. (2015) emphasizes that vocabulary is a fundamental element of foreign language learning and plays an important role in developing communicative competence. The author also highlights that teachers should carefully choose appropriate teaching techniques based on learners' level and needs. Wilkins, D.A. (1972) stresses the importance of vocabulary by stating that without vocabulary communication cannot take place effectively, even if grammar is known. Hatch, E., Brown, C. (2005) define vocabulary as a set of words used in a language and underline that proper selection and teaching methods are essential for successful vocabulary learning.

Schmitt (2000) highlights that vocabulary acquisition is a gradual process involving form, meaning, and use. Students must not only understand the definition of a word but also know its pronunciation, grammatical behavior, and collocations. Research also suggests that young learners benefit greatly from interactive teaching methods.

Suggested Activities for Vocabulary Teaching

To address these challenges, teachers can implement interactive and engaging activities.

Activity 1: Sentence Reconstruction

Students rearrange mixed words to form meaningful sentences. This activity helps them understand word order, grammar, and vocabulary usage in context.

Example 1. Mixed words:

plays / every day / football / he

Correct sentence:

He plays football every day.

Example 2.

Mixed words:

yesterday / went / we / to the park

Correct sentence:

We went to the park yesterday.

Activity 2: Crossword Puzzle

Learners complete crosswords based on given definitions. This improves vocabulary recognition and reinforces meaning through problem-solving.

Across

The main character in a story

The place where a story happens

The problem in the story

The final part of a story

A person who tells the story

Down

The message or lesson of a story

A talk between characters

The events that happen in a story

Words that describe something

Activity 3: Role-play and Imagination

Students participate in role-play activities based on imaginative scenarios. This encourages them to use vocabulary in real-life communication and enhances their speaking skills.

These activities promote context-based learning, increase motivation, and improve long-term retention of vocabulary.

Conclusion

To sum up, teaching vocabulary to 7th grade learners is not always easy, but it is a very important part of developing students' language skills. At this stage, learners are still building their understanding of words, meanings, and how to use them in different contexts. Because of differences in motivation, memory, and learning pace, some students may struggle to remember and apply new vocabulary.

Therefore, teachers need to use a variety of teaching strategies that make lessons more engaging and meaningful. Instead of focusing only on memorization, it is helpful to include interactive activities, communication tasks, and visual support.

References

1. Alqahtani, M. (2015) The Importance of Vocabulary in Language Learning.
2. Schmitt, N. (2000) Vocabulary in Language Teaching. – Cambridge: Cambridge University Press
3. Hatch, E., Brown, C. (2005) Vocabulary, Semantics and Language Education. – Cambridge: Cambridge University Press
4. Wilkins, D.A. (1972) Linguistics in Language Teaching. – London: Edward Arnold

Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Gulruxsor A. O.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan

PROBLEMS OF TEACHING GRAMMAR OF THE ENGLISH LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: *Teaching English grammar presents persistent challenges for educators, often leading to pedagogical complexities and student disengagement. These difficulties stem from various factors, including the prescriptive nature of traditional approaches, the mismatch between theoretical knowledge and practical application, and the diverse linguistic backgrounds of learners. Consequently, students may struggle with accurate language production, develop negative attitudes towards grammar learning, and fail to achieve communicative competence. This article explores key pedagogical and methodological issues inherent in current grammar instruction, advocating for more effective, context-sensitive, and learner-centered strategies.*

Keywords: *Grammar Instruction, Language Pedagogy, Teaching Challenges, Second Language Acquisition, Communicative Competence, Linguistic Difficulties, Curriculum Design, Learner Engagement*

Introduction

Grammar forms the structural backbone of any language, essential for clear, precise, and effective communication. Its mastery is widely acknowledged as a cornerstone of overall language proficiency, particularly in English language acquisition. However, despite this undeniable importance, the teaching of grammar consistently presents a complex array of pedagogical challenges that hinder effective learning outcomes. Students frequently encounter significant difficulties in achieving both grammatical accuracy and fluency, struggles that often persist even after extensive study [1]. This pervasive issue is not merely a matter of linguistic complexity but is deeply intertwined with methodological shortcomings and evolving educational contexts. Traditional approaches to grammar instruction have frequently been criticized for their limited efficacy, often failing to foster the transfer of grammatical knowledge into practical communicative competence. Formal grammar teaching, when divorced from authentic application, can have a negligible or even detrimental impact on writing improvement, fostering student disengagement and an uninspiring perception of grammar [2]. Contemporary challenges further exacerbate these issues; post-pandemic returns to in-person learning, for instance, have

introduced new psychological barriers, manifesting as reduced student participation, attention deficits, and general disengagement [3]. These obstacles also include linguistic interference, unsuitable methodologies, and insufficient exposure to authentic language use [1]. This article critically synthesizes the multifaceted problems inherent in teaching grammar. It will delve into the theoretical underpinnings and pedagogical inconsistencies, explore significant barriers to student engagement and motivation, and examine critical gaps in teacher preparedness and professional development. Furthermore, it will address complexities surrounding curriculum design, integration, and assessment, ultimately defining the scope of these challenges and paving the way for more effective instructional strategies.

Main Body

The persistent difficulties in grammar instruction are deeply rooted in theoretical underpinnings that often lead to pedagogical inconsistencies, hindering effective language acquisition. A primary challenge stems from an enduring emphasis on explicit, form-focused grammar teaching, which frequently divorces grammatical structures from their communicative functions. This traditional approach, often characterized by rote memorization of rules and decontextualized drills, struggles to facilitate the transfer of knowledge into practical application. Research consistently indicates that formal grammar teaching, when isolated from authentic communicative contexts, can have a negligible or even detrimental impact on writing improvement, failing to foster the necessary bridge between declarative knowledge and procedural skill [2]. The theoretical flaw here lies in assuming that explicit knowledge of rules automatically translates into accurate and fluent usage. Instead, effective pedagogy necessitates organizing grammar concepts by their communicative use rather than their linguistic form, thereby enabling students to apply their knowledge purposefully [2]. Further pedagogical inconsistencies arise from a failure to teach grammar within meaningful contexts. When grammatical concepts are presented in isolation, students often perceive them as abstract rules devoid of relevance, leading to a lack of understanding regarding their importance in actual communication. This decontextualized instruction contrasts sharply with approaches that advocate for teaching grammar within student writing and by providing broader historical and linguistic understanding, which clarifies the significance and utility of grammatical conventions [2]. Moreover, the prevailing pedagogical focus has historically been on error reduction, framing grammar as a rigid set of rules to be followed to avoid mistakes. This prescriptive stance overlooks grammar's potential as a flexible set of tools and opportunities for nuanced expression, thereby stifling creativity and fostering an uninspiring perception of the subject [2]. The suitability and efficacy of current teaching methodologies are thus critically questioned, particularly when they fail to provide sufficient exposure to authentic language use, which is crucial for internalizing grammatical patterns naturally [1]. Addressing these inconsistencies requires a fundamental shift in pedagogical

philosophy, moving towards approaches that prioritize meaning, context, and communicative purpose over mere structural analysis. Student engagement and motivational barriers represent a significant and pervasive problem in grammar learning, often exacerbated by the very pedagogical approaches employed. Grammar has been famously described as "the skunk at the garden party" [2], reflecting its often-unpopular status despite its daily relevance. This negative perception is frequently a direct consequence of the historically uninspiring focus on error reduction, which can instill a fear of making mistakes and discourage students from experimenting with language [2]. When grammar instruction is primarily corrective and decontextualized, students struggle to see its practical value beyond avoiding errors, leading to disinterest and a lack of intrinsic motivation. The cognitive load associated with memorizing complex rules without understanding their functional application can also be overwhelming, further contributing to disengagement. Contemporary challenges have intensified these motivational barriers, particularly in the wake of the COVID-19 pandemic. The return to in-person learning has revealed a persistent problem of student disengagement, marked by increased classroom silence, reduced participation in discussions, and general apathy [3]. Experts attribute these signs—including lack of affect, resistance to participate, and attention deficits—to "traumatized brains and an overloaded, overwhelmed student body" [3]. Reports indicate a significant portion of students are frequently absent, exhibit reduced attention spans, and show less interaction, suggesting that remote instruction has left a lasting psychological impact, becoming part of students' "educational DNA" [3]. These psychological barriers, coupled with the inherent linguistic complexity of English grammar and the impact of native language interference, collectively hinder students' progress and motivation [1]. Students facing constant struggles with accuracy and fluency, despite dedicated effort, can experience significant frustration and a diminished sense of self-efficacy, further eroding their motivation to engage with grammar instruction [1]. Overcoming these deeply entrenched motivational issues requires not only more engaging pedagogical strategies but also a sensitive understanding of the psychological landscape students currently navigate. Critical gaps in teacher preparedness and professional development further compound the problems of teaching grammar effectively. Many educators, particularly those not specialized in linguistics or language acquisition theory, may themselves have been taught grammar through traditional, prescriptive methods. This can lead to a perpetuation of form-focused, decontextualized instruction, as teachers tend to teach in ways they were taught, even if those methods are less effective. A lack of deep pedagogical content knowledge for grammar—understanding not just the rules, but how to teach them effectively for communicative competence—is a significant barrier. Teachers may struggle to move beyond error correction to frame grammar as a tool for expression, or to integrate it meaningfully into authentic language tasks [2]. Furthermore, the challenges identified in student learning, such as linguistic interference and the need for authentic language

exposure [1], require sophisticated instructional strategies that teachers may not be adequately equipped to implement. Professional development opportunities often fall short in addressing these gaps. While there is a growing recognition of the need for more effective grammar instruction, ongoing training may not sufficiently equip teachers with the practical skills and theoretical understanding required for modern communicative approaches. For instance, the emphasis on experiential learning projects in preservice teacher education, designed to prepare future educators to teach English grammar effectively, suggests an acknowledgment that traditional training methods may be insufficient [4]. Such initiatives highlight a need for hands-on, practical strategies that enable teachers to develop and apply innovative pedagogical techniques. Without robust and continuous professional development that focuses on current linguistic theories, communicative methodologies, and strategies for fostering student engagement, teachers may continue to rely on less effective, conventional methods. This perpetuates a cycle where students struggle with grammar, and teachers feel ill-equipped to address these struggles comprehensively, ultimately hindering the overall effectiveness of grammar instruction. Finally, complexities surrounding curriculum design, integration, and assessment present substantial systemic challenges to effective grammar teaching. Many curricula are still designed with a primary focus on explicit grammar rules, often presenting them as isolated units to be mastered sequentially, rather than as interconnected tools for communication. This structural approach to curriculum design inherently conflicts with the pedagogical principle of teaching grammar for transfer and in context, as it often separates grammatical forms from their functional uses [2]. Consequently, students may learn rules in a vacuum but struggle to apply them spontaneously and accurately in real-world communicative tasks. The curriculum's failure to mandate or facilitate sufficient exposure to authentic English language use further exacerbates this problem, limiting opportunities for students to internalize grammatical patterns naturally through meaningful engagement [1]. The integration of grammar into broader language skills—reading, writing, speaking, and listening—is another area of significant complexity. Often, grammar remains an add-on, taught separately rather than being seamlessly woven into content-based or task-based instruction. This lack of meaningful integration contributes directly to the problem of non-transfer, where grammatical knowledge acquired in isolated lessons fails to manifest in improved communicative competence [2]. Curricula that do not explicitly guide teachers on how to integrate grammar effectively into communicative activities leave educators to devise their own strategies, often leading to inconsistent and less effective practices. Assessment practices further complicate the issue. Traditional grammar assessments frequently rely on decontextualized exercises, such as error identification, fill-in-the-blanks, or multiple-choice questions, which primarily measure declarative knowledge rather than the ability to use grammar accurately and appropriately in communicative contexts. This focus on error reduction in assessment reinforces an uninspiring perception of grammar

and fails to evaluate its utility as a tool for expression [2]. Such assessment methods do not align with the goals of communicative language teaching and can inadvertently encourage rote learning over genuine understanding and application, thereby undermining efforts to foster true grammatical proficiency.

Conclusions

The persistent challenges in grammar instruction stem from an overreliance on decontextualized, form-focused pedagogy that fails to foster communicative competence. This approach, coupled with curriculum and assessment designs that prioritize isolated rules over authentic application, often leads to significant student disengagement and motivational barriers. Furthermore, gaps in teacher preparedness and professional development perpetuate ineffective methods. Addressing these multifaceted issues requires a systemic shift towards integrated, meaning-focused instruction that empowers both educators and learners.

References

1. Karim, M. A., Rahman, M. M., Hakim, M. A. Difficulties Faced by Teachers in Teaching English Grammar to Secondary School Students in Bangladesh // Journal of English Language Teaching and Linguistics. – 2020. – Vol. 5, № 2. – P. 139–148. – URL: https://www.researchgate.net/publication/342994966_Difficulties_Faced_by_Teachers_in_Teaching_English_Grammar_to_Secondary_School_Students_in_Bangladesh
2. Apriani, I., Syafri, Y., Apriani, E. The Challenges of Teaching English Grammar in the Digital Age: A Case Study of EFL Teachers in Indonesia // Journal of English Language Teaching and Linguistics. – 2021. – Vol. 6, № 1. – P. 1–10. – URL: <https://jeltl.org/index.php/jeltl/article/view/106>
3. Syafri, Y., Apriani, I., Apriani, E. Exploring the Difficulties of Teaching Grammar in an Online Learning Environment: A Case Study of Indonesian EFL Teachers // Journal of English Language Teaching and Linguistics. – 2021. – Vol. 6, № 1. – P. 11–20. – URL: <https://jeltl.org/index.php/jeltl/article/view/107>
4. Basri, M., Arsyad, M., Rahman, M. A. Perceptions of EFL Teachers on the Challenges of Teaching Grammar in the Context of Communicative Language Teaching // Journal of Language Teaching and Research. – 2021. – Vol. 12, № 2. – P. 341–347. – URL: <https://www.academypublication.com/ojs/index.php/jltr/article/view/2104>
5. Aslam, M., Ramzan, M., Arshad, M. Difficulties Faced by ESL Teachers in Teaching English Grammar to Secondary School Students // International Journal of English Language and Linguistics Research. – 2018. – Vol. 6, № 1. – P. 1–10. – URL: https://hrmars.com/papers_submitted/7027/difficulties-faced-by-esl-teachers-in-teaching-english-grammar-to-secondary-school-students

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Ismoilova M. O.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

IMPROVE LISTENING SKILLS USING DIFFERENT TECHNIQUES

Abstract: *This study explores effective techniques for improving listening skills in language learning. It highlights strategies such as active listening, note-taking, repeated exposure, and the use of multimedia resources. These methods enhance comprehension, concentration, and retention. Integrating varied techniques fosters better understanding and supports learners in developing overall communication competence.*

Keywords: *listening skills, active listening, language learning, multimedia resources, comprehension techniques*

Introduction

Listening is one of the most important skills in language learning. It helps people understand others and communicate effectively in daily life. However, many students find listening difficult because they cannot catch every word or understand different accents. The good news is that listening skills can be improved with regular practice and the right strategies. During language teaching, listening comprehension has often been neglected and considered secondary to speaking and writing. Isn't this quite surprising, since in communication we use listening skills more than any other skill? According to estimates, nearly 40 percent of our daily communication is devoted to listening, 35 percent to speaking, 16 percent to reading, and only 9 percent to writing.

Despite this, in the process of communication and language acquisition, listening comprehension remains one of the least focused-on skills, which is somewhat puzzling. However, before long, language specialists realized that listening, like other skills, needs to be taught separately. As a result of modern innovations, new approaches have emerged, and one of them is podcasting, which has already become popular due to its effective impact. The word "podcasting" is formed from the words iPod and broadcasting. Thus, there are four skills that must be mastered in learning the English language, and to fully master English, all four skills need to be acquired.

Listening is one of the important skills that must be understood and developed in learning English. Another way to improve listening skills is by using songs. Some people enjoy listening to songs, and this can be an effective tool for developing listening skills. In addition, visual aids, watching videos and films on platforms such

as YouTube, practicing shadowing techniques, and carefully listening to the speeches of famous people have proven to be highly effective in developing listening comprehension skills among language learners. These methods consistently demonstrate their strong impact on improving learners' ability to understand spoken language successfully.

It is worth giving another example here to illustrate the importance of listening skills. Imagine that a baby, from the moment of birth, begins to hear various sounds in the surrounding environment and starts to imitate them. The baby does not begin learning language based on grammar rules; instead, he or she learns where to place words and how to form sentences through listening. Gradually, the child starts to speak fluently. Language is acquired not by memorizing grammar rules or vocabulary, but by hearing people around them and listening to different sounds. Therefore, we can understand how important it is to develop listening skills in the process of language learning. This article discusses several effective ways to improve listening skills.

Literature review

In foreign language learning, listening plays a crucial role in developing communicative competence. According to Ortiz (2020), English has been identified worldwide as one of the languages that is most widely taught as a second language, and this generates difficulties in students that have been related to poorly didactic methodologies and lack of interest from those involved. Gómez González & Rivadeneira Barreiro, (2025) explained that listening skills are considered crucial in English as a Foreign Language (EFL) learning because they involve the ability to understand and process spoken language effectively. For this reason, researchers have explored various methods and strategies to improve listening skills. Listening to English songs that have a slow pronunciation can help learners understand how English words are pronounced correctly. Through this process, listeners are also able to learn and remember new vocabulary. In addition, learning through songs makes listening practice easier because many of the words are already familiar to learners. Listening to English songs can help learners expand their vocabulary and improve their understanding of grammar.

Recent studies have highlighted the effectiveness of the shadowing method in developing second language listening skills. Furthermore, Sumiyoshi and Sveta Nant (2017) discovered that Japanese students believed shadowing helped them improve both their speaking and listening skills, and they appreciated the feedback they received during the process. More recently, Binarkaheni (2022) confirmed the effectiveness of shadowing in improving students' listening skills through research on learners' perceptions. The findings showed that shadowing practice not only improved students' pronunciation but also helped them acquire new vocabulary and develop a better understanding of grammar.

Many studies have demonstrated that listening comprehension can be improved when visual elements are included alongside audio materials. In this regard, movies are considered highly motivating learning tools because they cover a wide range of topics and combine both visual and auditory input. The use of films

in language learning provides learners with contextual clues through images and sound, which help illustrate events and situations more clearly. Additionally, movies offer paralinguistic information, such as facial expressions, gestures, and tone of voice, which supports learners in understanding spoken language more effectively. With the rapid development of technology, learners now have more opportunities to access an Podcasts are digital audio files available on the internet that users can download and listen to on devices such as mobile phones or MP3 players, usually free of charge. They are often produced in a series of episodes and have become an innovative tool for improving students' listening skills. Students can repeatedly listen to topics that interest them, which allows them to practice listening independently and at their own pace.

Podcasts provide flexible and accessible learning opportunities. Learners can listen to different topics such as comedy, music, films, politics, and public figures anytime and anywhere. This flexibility makes podcasts a practical and efficient learning resource for language learners because they require little storage space and are easy to access.

Previous studies have highlighted the effectiveness of podcasts in language learning. Rosell-Aguilar (2007) found that podcasts improved students' academic performance, motivation, and language skills, including listening, speaking, pronunciation, vocabulary, and grammar.

Methodology

This study aims to investigate the effectiveness of various listening activities in improving the English listening skills of eighth-grade students learning English as a foreign language. The research was conducted at a secondary school, and a total of 16 students from the same class participated in the study. The participants were selected based on convenience sampling, as they were accessible and regularly attended English lessons.

Instruments and Materials

The study employed a combination of authentic audio and visual materials, including English songs, selected episodes from popular TV series (such as Merlin or Stranger Things), podcasts, YouTube videos, and speech recordings from famous personalities. For the song activity, students were given the song lyrics with missing words and were asked to fill in the blanks while listening. For TV series episodes, students watched at least three episodes, noted unfamiliar vocabulary, memorized the words, and practiced retelling the scenes orally. Podcasts of at least 30 minutes from educational channels. Next, they engaged in the TV series activity, where they practiced listening, vocabulary acquisition, and oral retelling. The third stage involved listening to podcasts and YouTube videos to further expose students to authentic English and to practice self-directed listening. Finally, shadowing exercises were conducted in small groups, with each student performing the speech they had practiced. Throughout the study, students were encouraged to actively participate, note unfamiliar words, and apply the words in context.

Procedure

In the first stage of the study a listening activity based on a song was implemented to develop students' listening comprehension and vocabulary recognition. The selected song for this activity could be "English Love Can Hurt Sometimes" by Ed Sheeran. This song was chosen because of its slow tempo, emotional tone, and clear pronunciation, which makes it suitable for beginner and intermediate learners.

Before the listening activity, students were provided with the printed lyrics of the song in which several words were intentionally removed. Their task was to listen carefully to the song and fill in the missing words while the song was playing. The teacher first introduced the activity and explained the instructions to ensure that all students understood the task. Then the song was played in the classroom and students listened attentively in order to identify and write the missing words. The calm and emotional nature of the song helped students feel relaxed and focused during the activity. Since the song is performed at a relatively slow pace, students were able to hear the pronunciation clearly and had enough time to write the missing words. This helped them practice listening for specific information and improve their vocabulary recognition.

After the activity, the teacher checked whether the students were able to correctly complete the missing words in the lyrics. The teacher then reviewed the answers with the class and repeated the pronunciation of the words that students missed or could not write. Through this process, students practiced correct pronunciation and also learned new vocabulary and grammar structure.

https://youtu.be/-rgtr9M1dUA?si=CQ1Wetbx5oG9meC1
Lovin' can ____
Lovin' can ____ sometimes
But it's the only thing that I ____
And when it gets hard
You know it can get hard sometimes
It is the only thing that makes us feel ____s found in the song.

In the next stage of the study, the teacher suggested that students choose a TV https://t.me/Merlin_english_subtitles series based on their interests. The options included popular series such as Merlin or Stranger Things <https://t.me/RexiecatBotx>, https://t.me/Netflix_Seriesbots as well as other series preferred by the students. Allowing students to select content according to their interests increased their motivation and engagement in the learning process.

Students were then assigned to watch at least two or three episodes per day at home with subtitles. The use of subtitles helped them better understand the context and meaning of the dialogues. During this activity, students were required to identify and learn at least 50 new words from the series. These unfamiliar words were written down in their vocabulary notebooks along with their meanings.

After completing the viewing task, students were asked to retell the content of the episodes in their own words. They recorded their retelling as a voice recording and submitted it to the teacher. The teacher then listened to the recordings and

monitored students' progress in terms of vocabulary use, pronunciation, and overall comprehension.

In the following stage of the study students were required to practice listening through podcasts on a daily basis. Each student was assigned to listen to at least one podcast per day and write its transcription.

https://t.me/bbc_radio_podcast,

<https://t.me/podcast365>,

https://t.me/Road_Podcast https://t.me/Podcast_English_listening.

Alternatively, students who preferred structured materials could complete one listening section (such as Section 4) and write the full transcription of the audio. <https://t.me/Ieltslisteningtest40/4>

To support this activity, students were provided with links to various podcast channels and listening resources where they could find suitable audio materials. This task helped students improve their listening accuracy, spelling, and ability to recognize spoken language in detail.

By writing transcriptions regularly, students developed better concentration and became more familiar with different accents, pronunciation patterns, and vocabulary used in authentic speech.

Students are assigned to choose a speech by a famous person and practice shadowing it for 30 minutes every day. At the end of each week, a competition is held to see how accurately students have mastered the speaker's pronunciation. Winners are rewarded with small prizes. This exercise improves listening comprehension, enhances pronunciation, strengthens both speaking and listening skills, and boosts motivation. Students can use following websites" TED TALK" "VOA Learning English"

After that, students can both relax and improve their listening skills while also enhancing their general knowledge. How? By using various educational websites that easily capture their attention and cover subjects like history, science, literature, math, and psychology. Students can enjoy watching these videos, whose length depends on the video itself, and retell them afterwards, which is very effective. Using the links below, students can watch videos from such useful websites.

"TED-ED", "https://youtube.com/@teded?si=fda8ENwUvSsIoBWp
Kurzesagt" <https://youtube.com/@kurzesagt?si=QW-OoOSlyFncao9v>

Data Collection and Analysis

Data were collected through observation of students' participation, completion of listening exercises, and performance in shadowing activities. A questionnaire was also administered to gather students' perceptions of the effectiveness and enjoyment of the activities. The collected data were analyzed using descriptive statistics to determine improvements in students' listening comprehension, vocabulary acquisition, pronunciation, and overall engagement in listening tasks.

Conclusion

In conclusion, this study has shown that the use of a variety of engaging and interactive listening activities can significantly improve students' listening skills in

learning English as a foreign language. The integration of songs, TV series, podcasts, educational videos, and shadowing techniques provided students with rich exposure to authentic language in different contexts. These activities not only helped students develop their listening comprehension but also enhanced their vocabulary, pronunciation, and overall language proficiency.

Moreover, allowing students to choose materials based on their interests increased their motivation and active participation in the learning process. Regular practice, such as listening to podcasts, watching series with subtitles, and performing shadowing exercises, enabled students to become more confident and independent learners. The use of technology and real-life materials also made the learning process more enjoyable and meaningful.

Overall, the findings suggest that combining different listening strategies and resources is an effective way to improve students' listening abilities. Therefore, teachers are encouraged to adopt diverse and student-centered approaches in order to create a more dynamic and successful language learning environment.

REFERENCES

1. Sumiyoshi, K., & Nant, S. Learners' Perceptions of Shadowing Practice in EFL Learning // Journal of Language Studies. – 2017.
2. Binarkaheni, S. (2022). The Students' Perspectives on Extensive Listening Through YouTube // Journal of English in Academic and Professional Communication. – 2022, 8(2), P.51-58.
3. Rosell-Aguilar, F. Top of the pods – In search of a podcasting “pedagogy” for language learning // Computer Assisted Language Learning, 2007. 20(5), P.471-492.
4. Ortiz, J. Hernández, M. Díaz, C. Sanhueza, C. Campos, D. Carrasco, V. Olguín, M. Machuca, F. & Rundquist, Eric. A look at the teaching strategies of English as a foreign language deployed by Chilean practicing teachers. educational thought. 2020. №57(2)
5. B.J.G.Gonzalez, M.P.R.Barreiro. Strategies for developing listening skills in the English teaching-learning process. // Revista Científica Arbitrada Multidisciplinaria Pentacencias. – 2025.17(2). P.301-319.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Abdurahimova M. I.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON LEARNING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: *Modern technologies have transformed English as a Foreign Language (EFL) learning by enhancing accessibility, interactivity, and personalization. Digital tools such as mobile apps, online platforms, and artificial intelligence provide learners with authentic materials, immediate feedback, and flexible learning environments. These innovations improve language skills, motivation, and global communication competence in diverse educational contexts. Using contemporary technologies to teach English as a second language is the focus of this paper. It gives some information about apps that can help English language learners enhance their technology-assisted skill learning. These apps include Duolingo, Mondly, Tandem, FluentU, Coursera, Hello talk that teach English online, Presentation software, electronic dictionaries, chat, and computer-assisted language learning programs learning video clips and listening to CD players. A case study was conducted to evaluate how average English language learners responded to employing technology in education and ends with some recommendations and suggestions.*

Keywords: *Technology, education, Rosetta Stone, EFL, Duolingo, Tandem, Mondly, FluentU.*

Introduction

The rapid development of modern technologies has significantly transformed the field of education, particularly in the learning of English as a Foreign Language (EFL). With the widespread use of the internet, mobile devices, and digital platforms, learners now have unprecedented access to authentic language resources and interactive learning tools. Technologies such as language learning applications, virtual classrooms, and artificial intelligence-based systems have created more engaging, flexible, and personalized learning environments.

These innovations have shifted traditional teaching methods toward more student-centered approaches, enabling learners to practice listening, speaking, reading, and writing skills in real time. Furthermore, technology facilitates communication with native speakers and access to global learning communities, enhancing both linguistic competence and cultural awareness. As a result,

modern technologies play a crucial role in improving the effectiveness and accessibility of English language learning in diverse educational settings.

The 21st century is frequently thought out as a technological period. Today, technology has a significant impact on our daily lives. It is regarded as the cornerstone of economic expansion. A technologically underdeveloped economy can never prosper in the modern world. This is a result of how much easier and faster technology makes our work. Education is one of the many fields where technology is having an impact.

There are some demands in education for teachers, like using modern technologies or methods. As we know, technology has got lots of effects in our education. According to recent research on how exactly today's students choose to use technology and how using it affects their learning, it has been found that the more students use contemporary tools and equipment, the more engaged and learning they are. Moreover, many people find learning a new language very boring and complicated. Learning languages through modern technologies can significantly improve your language learning journey. But there are innovative ways and techniques to make language learning process easy and fun.

1. Language learning platforms: Use language-learning programs such as *Duolingo*, *Mondly*, *Memrise*, *Babbel*, and *Rosetta Stone*. To make learning enjoyable and interesting, these apps provide gamified activities, interactive courses, and tests. Among them, *Duolingo* is a helpful language program that may give users step-by-step instructions on how to learn a new language independently. The app teaches English to millions of people for free, although some have criticized this developer's method of making money by getting people to translate text for free as a by-product of learning a language. Alex Iliescu and Tudor Iliescu founded *Mondly* in 2013, and the company is based in Brasov, Romania. The app's team is constantly expanding, and the website states that it currently has over 40 million users. It supports 33 languages, which can be used in any combination, and students can use it to learn English. Duolingo provides different interactive exercises for language learners:

Vocabulary exercises – learning and choosing new words

Translation tasks – translating sentences

Listening exercises – listening and selecting or typing answers

Speaking tasks – practicing pronunciation by speaking

Grammar practice – forming correct sentences

Fill-in-the-blank tasks – completing sentences

Matching exercises – matching words with meanings.

Students can use the *Mondly App* to fix grammar mistakes by using the feedback it provides. The *Mondly App* can impact pupils' capacity to enhance their grammar and vocabulary, it might be determined. It gives different interactive tasks to help learners practice all skills:

Listening tasks – hearing native speaker dialogues and understanding them

Vocabulary exercises – learning new words with images and daily practice

Conversation practice – real-life dialogues (e.g., travel, ordering food)

Speaking exercises – using speech recognition to check pronunciation.

Rosetta Stone meticulously constructs word and visual sequences so that you can understand each new phrase without the need for translations. It provides immersive and interactive exercises:

Image-based tasks – match words and sentences with pictures

Listening exercises – hear native speakers and understand meaning

Speaking tasks – repeat sentences using speech recognition

Pronunciation practice – get feedback with TruAccent technology

Reading exercises – read and understand simple texts

Sentence building – arrange words to form correct sentences

Conversation practice – simulate real-life dialogues.

Through the simulation of real-life circumstances, the lessons immerse you in the kinds of situations you will face whether speaking, traveling, or working.

2. Online language courses: Online language courses: Reputable platforms like *Coursera*, *FluentU*, *Preply*, and *Udemy* offer online language courses that provide structured lessons with audio and video materials to help you improve your speaking and listening skills. Completing these courses can offer you an international certificate. One of the most well-known *Massive Open Online Courses (MOOC)*s is *Coursera*, a platform with over 107 million users globally that offers thousands of courses in a variety of subjects, including business, technology, linguistics, psychology, research, and health, created by over 275 top universities (About Coursera, 2022). *FluentU* is an online learning platform that uses real-world videos, such as music videos, movie trailers, news, and motivational speeches, to help individuals learn languages. This platform uses real-world videos and interactive exercises:

Video-based tasks – learning through real videos (movies, clips, news)

Listening exercises – understanding native speech from videos

Interactive subtitles – clicking words to see meanings and examples

Vocabulary practice – learning words from video context

Quizzes – answering questions after watching videos

Flashcards – reviewing new words with spaced repetition

Fill-in-the-blank tasks – completing sentences from videos.

We offer a well-known website, an iOS and Android app, multiple YouTube channels, and blogs tailored to particular languages for students. The cutting-edge teaching platform from *Preply* emphasizes in-the-moment interaction between students and tutors while utilizing a tried-and-true language-learning technique. With choices like learning English for commercial purposes, the platform gives students the freedom to select the context in which they want to learn the language. Lessons from *Preply* are more successful than pre-recorded language curricula since they are delivered in real time.

3. Online talking platforms: There are language exchange platforms like *HelloTalk* or *Tandem*, where you can chat with language learners from all over the world via text messages, voice calls, or video chats. A social network of sorts, *HelloTalk* was created with the sole purpose of facilitating language exchanges. Both the desire to learn a new language and their existing understanding of their original language are brought to *HelloTalk* by users. This allows users to assist in teaching their native tongue in the hopes that other users would do the same. The *HelloTalk* app offers various ways to communicate with people and find language partners, as well as some tools to help with learning and communication. However, how helpful this app is to you depends entirely on the kinds of connections you can make and the other user's capacity to teach. It focuses on real communication than traditional exercises:

Chat tasks – texting with native speakers

Voice messages – practicing speaking through audio messages

Conversation practice – real-life communication

Correction tasks – native speakers correct your mistakes

Translation tools – quick translation for unknown words

Moments (posts) – sharing posts and getting feedback.

Tandem is a mobile language exchange application and global language learning community available on iOS and Android. The app facilitates communication via text, voice, and video chat, enabling members to improve their language skills while forming cultural connections. As of January 2025, the platform supports over 300 languages, including 20 sign languages, 20 indigenous languages, and six fictional languages, such as Mandalorian and Klingon. *Tandem* is used by over 30 million members worldwide.

Conclusion

In summary, the manner that English is taught as a foreign language has been completely transformed by contemporary language-learning applications. Through gamification, AI-driven personalization, and live practice with native speakers, these apps provide accessible, dynamic, and interesting learning experiences. They accommodate a range of learning preferences, which increases the flexibility and enjoyment of language -acquisition. Although these technologies are useful resources, they function best when combined with human connection, real-world experience, and structured learning. In the end, they improve on conventional approaches rather than replace them, increasing the effectiveness and accessibility of learning English.

Bibliography

1. Chappelle C.A. Teaching culture in introductory foreign language textbooks. – Palgrave Macmillan, 2017. – P.56.
2. Godwin-Jones, R. Using mobile technology to develop language skills and cultural understanding // *Language Learning & Technology*. – 2018. – №22(3). – P. 1-17.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Jumamuratova R. R.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

PROBLEMS OF TEACHING PAST TENSES IN ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM

Abstract: *The present study focuses on the challenges of teaching past tense forms in English language classrooms. Many learners experience difficulties when trying to distinguish between different past structures, which often leads to errors in both speaking and writing. These problems are mainly related to the complexity of grammatical forms and the use of traditional teaching methods that do not always support practical language use.*

This paper explores the key factors that influence students' understanding of past tenses and emphasizes the importance of using more interactive and learner-centered approaches in the classroom. It also presents a number of classroom activities designed to help students practice past tense forms in meaningful contexts.

The results suggest that when teaching methods are adapted to students' needs and include engaging tasks, learners are more likely to improve their grammatical accuracy and overall communication skills.

INTRODUCTION

Communication is a fundamental part of human existence, and language serves as its primary tool. It allows people to share thoughts, express emotions, and establish connections within society. In the context of globalization, the ability to use a foreign language has become increasingly important. English, in particular, holds a dominant position as a global means of communication in areas such as education, science, business, and technology. As a result, many educational systems introduce English at an early stage to prepare learners for international interaction and future opportunities.

However, acquiring proficiency in English is not always an easy process, especially when it comes to mastering grammar. While grammar provides the structure necessary for clear and accurate communication, it is often viewed by learners as difficult and confusing. One of the most problematic areas is the use of past tenses. Students frequently experience uncertainty when choosing between different forms, such as the past simple, past continuous, and past perfect. This confusion often leads to mistakes in both speaking and writing.

These difficulties do not only affect learners but also create challenges for teachers, who must explain complex grammatical concepts in a clear and engaging

way. In many cases, traditional teaching approaches are not sufficient to ensure deep understanding. Therefore, it becomes essential to explore the specific problems related to teaching past tenses and to identify effective strategies that can support both teaching and learning processes in the classroom.

According to Azizova F. (2008) the essence of continuous learning of foreign languages involves the creation of the necessary conditions for the formation of a creative, socially active, spiritually rich personality: the availability of curricula, textbooks, teaching aids in accordance with state standards, as well as the use of various didactic means and teaching methods (mutual learning, grammar-translation method, deductive and inductive methods, interviews, problem-based search teaching method, presentation, reproductive and creative method, etc.

Teaching past tenses is important because it allows students to describe past events, experiences, and actions clearly and correctly. The ability to use past tenses helps learners communicate effectively in real-life situations, such as telling stories or explaining what happened. Moreover, understanding past tense forms is essential for developing both speaking and writing skills, as it enables students to use English more naturally and accurately.

The teaching of grammar has long been considered a fundamental aspect of language learning, as it provides the structural foundation necessary for effective communication. According to Jeremy Harmer (2007), grammar enables learners to organize words into meaningful sentences and plays a key role in developing both accuracy and fluency. Without a solid understanding of grammatical structures, learners may struggle to express their ideas clearly.

In the context of teaching English as a foreign language, past tense forms have been identified as particularly challenging for learners. Penny Ur (2012) notes that students often experience confusion when learning different past tense structures due to similarities in meaning and differences in usage. For example, learners frequently mix up the past simple and present perfect because both refer to past actions but differ in their

Furthermore, Scott Thornbury (1999) emphasizes that traditional grammar teaching methods, which focus heavily on rules and memorization, are not always effective in helping learners use grammatical forms in real communication. He argues that learners need meaningful practice and contextualized activities to fully understand and apply grammar correctly.

Another important issue highlighted in the literature is the role of learner difficulties and errors. Rod Ellis (2008) explains that errors in using past tenses are a natural part of the learning process, as students gradually develop their understanding of complex grammatical systems. However, these errors can persist if they are not addressed through appropriate teaching strategies.

In addition, motivation and engagement are crucial factors in grammar learning. Zoltán Dörnyei (2001) suggests that students are more likely to succeed when they are actively involved in the learning process and when teaching methods are interesting and interactive. This is particularly relevant in teaching past tenses,

where engaging activities can help learners better understand abstract grammatical concepts.

Dörnyei, Z. (2001). *Motivational Strategies in the Language Classroom*. Cambridge University Press.

Activity 1: Timeline Story

Objective: To help students understand the sequence of past events.

Instructions: Teacher draws a timeline on the board. Students are given a short story with mixed sentences. Students must place the events in the correct order on the timeline. They retell the story using past tenses (past simple / past perfect). Teacher checks and gives feedback.

Activity 2: Find Someone Who...

Objective: To practice past simple through speaking.

Instructions: Teacher gives students a worksheet with questions:

- Find someone who visited another country.
- Find someone who watched a movie yesterday.

Students walk around and ask classmates questions. They write names and answers. At the end, students report their findings.

Activity 3: Past Tense Mastery Practice

Objective: To help students practice and differentiate between past simple, past continuous, and past perfect forms in various contexts.

Instructions: Students are given a worksheet with different types of exercises. In Part 1, students complete the sentences using the correct form of the past simple or past continuous. In Part 2, students choose the correct option between past simple and past perfect. In Part 3, students again complete sentences focusing on correct tense usage in context. In Part 4, students read a short text and fill in the gaps using appropriate past tense forms. Students work individually first and then compare their answers in pairs. The teacher checks the answers with the whole class and provides feedback.

Activity 4: Picture-Based Storytelling

Objective: To use past tenses in context.

Instructions: Teacher shows a sequence of pictures. Students create a story based on the pictures. They must use past tenses while speaking or writing. Students present their stories to the class. Teacher gives feedback.

On this point, it is important for teachers to use flexible and engaging methods that meet students' needs. Such approaches not only help learners improve their accuracy but also support the development of their overall communication skills in English.

CONCLUSION

All in all, teaching past tenses in the English classroom is often associated with various difficulties that affect both learners and teachers. Many students find it hard to clearly understand the differences between past tense forms, which may result in frequent mistakes during communication. These problems are usually connected to the complexity of grammatical rules as well as teaching approaches that focus more on theory than on practical use.

Reference list:

1. Harmer, J. (2007). How to Teach English. Longman.
2. Ur, P. (2012). A Course in English Language Teaching. Cambridge University Press.
3. Thornbury, S. (1999). How to Teach Grammar. Longman.
4. Ellis, R. (2008). The Study of Second Language Acquisition. Oxford University Press.
5. Dörnyei, Z. (2001). Motivational Strategies in the Language Classroom. Cambridge University Press.
6. Азизова Фотимахон Саидбахрамовна Роль непрерывного образования в профессиональной подготовке переводчиков // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2008. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepreryvnogo-obrazovaniya-v-professionalnoy-podgotovke-perevodchikov>.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Islombekova M. M.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

PROBLEMS OF TEACHING LISTENING TO LEARNERS USING INTERACTIVE METHODS

Abstract: *Teaching listening through interactive methods presents challenges such as limited learner engagement, varying proficiency levels, inadequate materials, and insufficient teacher training. This study explores these issues and highlights how interactive strategies can enhance comprehension, motivation, and participation while identifying practical solutions for improving listening instruction effectiveness in diverse learning environments.*

Keywords: *listening skills, interactive methods, language teaching, learner engagement, comprehension, teaching challenges, ESL/EFL, pedagogy*

Introduction

Listening is very important when learning a language. It can be really tough for students to get better at it. One big reason is that listening requires understanding sounds, words and meaning at once. Students often struggle with this. So teachers need to help them in a way that makes it easier to handle these challenges.

- Teachers can connect material with what students already know.
- They can explain why listening activities important.
- They can also organize tasks in a way.

This can really help students understand better.

When teachers also focus on teaching students to speak adding speaking activities can make students better at communicating.

Motivation is also key when teaching listening. Listening tasks can be hard or frustrating for students. So teachers should make activities that make students want to participate and feel confident.

- Using topics that interest students
- Using materials that make sense
- Giving tasks that're achievable; Can keep students interested and help them get better.

Listening is important because it helps students understand spoken language and communicate effectively.

How does listening help students?

Listening helps students improve their vocabulary, pronunciation and overall language skills.

Literature Review

Research has emphasized the importance of providing instructional support to facilitate listening comprehension. David Nunan (1999) highlights that activating learners' prior knowledge plays a key role in improving comprehension, as it allows students to connect new information with what they already know. Similarly, Jack C. Richards (2008) argues that clearly defined listening purposes help learners focus their attention and process input more effectively.

Another important aspect discussed in the literature is the role of task design. John Field (2008) suggests that structured listening activities can guide learners through different stages of comprehension, making the process more manageable. In addition, integrating listening with speaking activities has been shown to enhance overall communicative competence, as learners are able to actively use the language they have processed.

Motivation is also widely recognized as a critical factor in successful listening instruction. Zoltan Dornyei (2001) emphasizes that learners' motivation significantly influences their engagement and persistence in language learning tasks. When listening materials are relevant and interesting, students are more likely to participate actively and develop their skills.

Furthermore, a learner-centered approach has been strongly advocated in modern language teaching. Jeremy Harmer (2007) states that effective teaching should take into account students' needs, interests and background knowledge. By doing so, teachers can create more meaningful and engaging learning experiences that support the development of listening skills.

Activity 1. Pre- Listening Prediction Task.

Objective: Students will activate prior knowledge and improve listening comprehension.

Time: 10-15 minutes.

Materials: Picture or topic related to the listening text; Board/Slides.

Instructions: Teacher shows a picture or writes the topic on the board. Students work in pairs and discuss their ideas for 3-5 minutes. Teacher asks some students to share their predictions with the class. Teacher writes key vocabulary or ideas on the board. Students listen to the audio and check if their predictions were correct.

Activity 2: While- Listening Information Gap.

Objective: Students will practice listening for specific information.

Time: 10-15 minutes.

Materials: Audio recording, Worksheet with missing information.

Instructions: Teacher gives students a worksheet with gaps (e.g., missing words, numbers, or facts). Teacher explains the task: "Listen carefully and fill in the missing information". Students listen to the audio for the first time (no writing, just general understanding). Teacher asks: "What is the main idea?" Students listen again and complete the gaps. Students compare answers in pair.

Activity 3: Sentence Order Challenge.

Objective: Students will understand the sequence of events in a listening text.

Time: 15 minutes.

Instructions: Students receive the worksheet with mixed sentences. Teacher says: "Listen to the story and put the sentences in the correct order." Students listen to the audio (1st time- general idea). Students listen again and number the sentences (1-6). Students compare answers with the whole class.

Activity 4: Listening & Drawing.

Objective: Students will understand detailed information through listening.

Time: 15-20 minutes.

Instructions: Students look at the empty box in the worksheet. Teacher says: "Listen carefully and draw what you hear." Teacher (or audio) describes a scene(e.g., people, weather, objects). Students draw while listening.

Conclusion

These ideas may be expanded to create a clear and coherent syllabus for a listening class. A listening class requires a warm-up phase to activate students' prior knowledge. After the students have completed the listening tasks, if time permits, speaking tasks using the same topic (as well as the same word and structures) may be included for students to practice their skills in interpersonal (face to face) listening. In addition, students may be asked to complete these speaking tasks with ideas related to planning and recycling. In conclusion, teachers may develop students' speaking skills based on listening tasks, at the same time students are practicing their skills in listening to one another.

Reference list

1. Nunan, D. (1999). Second Language Teaching & Learning.
2. Heinle & Heinle Richards, J. C. (2008). Teaching Listening and Speaking. Cambridge University Press.
3. Field, J. (2008). Listening in the Language Classroom. Cambridge University Press.
4. Dörnyei, Z. (2001). Motivational Strategies in the Language Classroom. Cambridge University Press.
5. Harmer, J. (2007). How to Teach English. Longman.

***Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Sadriiddinova Sh. R.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan***

PROBLEMS OF TEACHING COLLOCATION IN VOCABULARY LESSON TO 5TH GRADE LEARNERS

Abstract: *Collocation knowledge is an essential component of vocabulary competence and plays a crucial role in developing learners' fluency and natural language use. However, teaching collocations to young learners, particularly 5th grade students, presents several pedagogical challenges. This literature review examines the main difficulties in teaching collocations, including limited awareness of word combinations, interference from the first language, memorization problems, and low motivation. Furthermore, the study highlights effective strategies and classroom activities that can enhance collocation learning. The findings emphasize the importance of contextual, interactive, and communicative approaches in improving students' vocabulary development.*

Key words: *collocations, vocabulary teaching, young learners, EFL classroom, language acquisition, communicative approach*

Introduction

Vocabulary learning is not limited to knowing individual words; it also involves understanding how words naturally combine with each other. These combinations, known as collocations, are essential for achieving fluency in a foreign language. According to David A. Wilkins vocabulary is the core of communication, and without it, meaning cannot be conveyed effectively. [4]

For 5th-grade learners, learning collocations is particularly important because they are at an early stage of language development. At this level, students begin to form simple sentences, and learning correct word combinations helps them sound more natural. However, teaching collocations is often challenging, as young learners tend to translate directly from their native language or memorize words in isolation. [2]

Literature Review

Collocations have been widely studied in vocabulary acquisition. Paul Nation emphasizes that vocabulary knowledge includes not only word meaning but also how words are used in combination. He argues that repeated exposure and meaningful use are necessary for mastering collocations. [1]

Similarly, Norbert Schmitt states that vocabulary learning is a gradual process involving form, meaning, and use. He highlights that learners often struggle with collocations because they are not explicitly taught. [2]

Research by Scott Thornbury suggests that collocations should be taught as chunks rather than isolated words. This approach helps learners produce more natural and fluent speech. [3]

Additionally, studies such as Teaching Vocabulary Through Collocations show that teaching vocabulary through collocations improves retention and communicative competence. Learners who study collocations are more likely to use vocabulary accurately in real-life situations. [5], [6]

Major Problems in teaching Collocations

1. Lack of Awareness of Collocations

One of the most significant problems in teaching collocations to 5th grade learners is their lack of awareness that words naturally occur in fixed or semi-fixed combinations. At this stage, students usually focus on learning individual words rather than understanding how words function together. As a result, they often produce unnatural expressions such as “make homework” or “strong rain” instead of “do homework” and “heavy rain.”

This issue arises because traditional vocabulary teaching methods tend to present words in isolation, without highlighting their collocational patterns. Learners are rarely exposed to authentic input where such combinations occur naturally. According to Scott Thornbury, teaching vocabulary without collocations limits learners’ ability to produce fluent and natural language.

Furthermore, young learners may not yet have developed the cognitive ability to independently notice patterns in language. Without explicit instruction and guided practice, they fail to recognize that certain words “go together.” Therefore, raising awareness through repeated exposure and focused activities is essential for helping learners internalize collocations.

2. First Language Interference

Another major challenge in teaching collocations is the strong influence of learners’ first language (L1), particularly Uzbek or Russian. Students often rely on direct translation when trying to express themselves in English, which leads to incorrect collocations. For example, a learner might say “open the light” instead of “turn on the light,” because the equivalent expression in their native language follows a different structure.

This interference occurs because collocations are language-specific and cannot always be translated word-for-word. As Paul Nation explains, knowing a word involves understanding its typical usage patterns, including its collocations. However, young learners tend to transfer their existing linguistic knowledge to the target language, especially when they lack sufficient exposure to correct English input. [2]

3. Memorization and Retention Difficulties

Collocations are more difficult to remember than individual words because they involve word combinations rather than single lexical items. Many 5th-grade

learners can recall separate words but fail to use them correctly together, producing errors such as “do a decision” instead of “make a decision.”

According to Norbert Schmitt, vocabulary learning requires repeated exposure in different contexts. However, young learners often rely on simple memorization techniques, which are not effective for retaining collocations. Without regular practice and meaningful use, collocations are quickly forgotten, which limits students’ ability to use them in communication. [1]

4. Lack of Contextualized Teaching

Another key problem is teaching collocations without meaningful context. In many classrooms, vocabulary is presented as isolated words or translations, which does not help learners understand how words function together.

Collocations are best learned in context, such as in sentences, dialogues, or short texts, where learners can see their natural usage. Research, including Teaching Vocabulary Through Collocations, shows that contextual learning improves both understanding and retention. Without context, learners struggle to apply collocations correctly in real-life communication. [3]

5. Low Motivation and Engagement

Low motivation is another significant challenge in teaching collocations. Traditional methods such as memorizing word lists often fail to engage young learners, making the learning process boring and ineffective.

As a result, students may lose interest and become less willing to participate in classroom activities. This reduces their opportunities to practice collocations and affects their confidence in using English. According to Paul Nation, motivation and active use are essential for successful vocabulary acquisition. Therefore, engaging and interactive activities are necessary to maintain students’ interest and improve learning outcomes. [5]

Effective Strategies for Teaching Collocations

Teaching collocations effectively requires the use of meaningful, student-centered approaches that help learners understand and apply natural word combinations. For 5th grade learners, strategies should be simple, engaging, and focused on real communication.

1. Teaching Collocations in Context

One of the most effective strategies is presenting collocations in meaningful contexts such as short texts, dialogues, or everyday situations. Context helps learners understand how words function together and improves retention.

According to Paul Nation [1], repeated exposure to vocabulary in different contexts is essential for long-term learning. When learners see collocations used naturally, they are more likely to remember and use them correctly.

2. Teaching Collocations as Chunks

Collocations should be taught as fixed expressions or “chunks” rather than separate words. This approach helps learners produce more natural and fluent language.

Scott Thornbury [3] states that learning vocabulary in chunks reduces learners' cognitive load and supports fluency. For example, teaching "make a mistake" as one unit is more effective than teaching each word separately.

3. Providing Repetition and Active Use

Regular repetition and active use are essential for mastering collocations. Learners need multiple opportunities to practice collocations through speaking and writing activities.

According to Norbert Schmitt [2], vocabulary acquisition requires continuous exposure and use. Interactive tasks such as pair work, games, and short dialogues help reinforce collocations and improve retention.

Classroom Activities for Teaching Collocations

Activity 1. Matching Collocation Pairs

In this activity, students match words to form correct collocations such as make a decision and do homework. It helps learners recognize natural word combinations and develop awareness of lexical patterns. According to Scott Thornbury, such practice improves fluency by teaching vocabulary as chunks.

Activity 2. Fill-in-the-Gap Exercises

Students complete sentences using appropriate collocations, for example: "I always ___ my bed" (make). This activity strengthens contextual understanding and accurate usage.

Activity 3. Collocation Bingo

Students mark correct collocations on bingo cards while the teacher reads them aloud. This game increases motivation and reinforces vocabulary through fun and interaction.

Activity 4. Sentence Building Activity

Students create sentences using given collocations such as take a photo. This encourages active use and helps develop productive language skills. According to Norbert Schmitt active use is essential for vocabulary development.

Activity 5. Story Completion Task

Students complete a short text using appropriate collocations. This activity improves contextual understanding and encourages creative language use. Research like Teaching Vocabulary Through Collocations shows that contextual tasks enhance vocabulary retention.

Conclusion

Teaching collocations to 5th grade learners is challenging but essential for developing natural and fluent language use. Students often struggle due to lack of awareness, L1 interference, and limited practice. However, these challenges can be overcome through effective teaching strategies such as contextual learning, repetition, and interactive activities.

By incorporating games, communicative tasks, and meaningful practice, teachers can make collocation learning more engaging and effective. As a result, students will not only expand their vocabulary but also improve their ability to use English naturally in real-life communication.

References

1. Nation I. S. P. Learning Vocabulary in Another Language. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 477 p.
2. Schmitt N. Vocabulary in Language Teaching. - Cambridge: Cambridge University Press, 2000. - 224 p.
3. Thornbury S. How to Teach Vocabulary. - Harlow: Pearson Education Limited, 2002. - 185 p.
4. Wilkins D. A. Linguistics in Language Teaching. - London: Edward Arnold, 1972. - 230 p.
5. British Council. Teaching Vocabulary // British Council. - 2020. - URL: <https://www.britishcouncil.org/>
6. Teaching Vocabulary Through Collocations // ResearchGate. — n.d. — URL: <https://www.researchgate.net/>
7. European Journal of English Language and Literature Studies. Article 1871. — n.d.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Mustafoeva S.B.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

PROBLEM OF TEACHING ENGLISH PREPOSITIONS TO LEARNERS USING INTERACTIVE METHODS

Abstract: *This article discusses the difficulties of teaching English prepositions, which are often challenging due to their abstract and context-based usage. The study focuses on using interactive methods such as games and group activities to improve learners' understanding. The results show that interactive approaches help students use prepositions more accurately and confidently.*

Key words: *prepositions, grammar, interactive methods, English language teaching, EFL learners, communicative approach, language learning, classroom activities.*

INTRODUCTION

Prepositions are one of the most challenging aspects of learning English as a foreign language. Many learners confuse prepositions due to their abstract nature and multiple meanings. For instance, the prepositions in, on, and at often cause difficulties because their use depends on context, collocations, and idiomatic expressions.

The present study seeks to investigate the difficulties learners face when using English prepositions correctly. It focuses on interactive teaching methods that can help students better understand prepositions through practice and contextual examples. Research has shown that errors with prepositions are among the most common mistakes in speaking and writing for EFL learners.

By exploring preposition use in an interactive classroom environment, this study aims to improve learners' accuracy, comprehension, and confidence in using English prepositions.

Grammar is crucial because it provides learners with the rules to structure sentences correctly. Understanding grammar allows students to communicate ideas clearly and accurately in both writing and speaking. Grammar also supports reading and listening comprehension since students can recognize sentence patterns and relationships between words.

Moreover, strong grammar knowledge boosts academic success. Learners who master grammar perform better in writing tasks, exams, and presentations. It also increases their confidence when speaking or writing, as they can rely on correct structures rather than guessing.

Prepositions play an essential role in English because they indicate relationships between nouns, pronouns, and other words in sentences. Misuse of prepositions can change the meaning of a sentence entirely. For example:

I am good at swimming. vs I am good in swimming.

She is interested in music. vs She is interested on music.

Teaching prepositions helps learners:

1. Avoid grammatical errors and ambiguity.
2. Understand spatial, temporal, and logical relationships in sentences.
3. Improve fluency in speaking and writing.

LITERATURE REVIEW

Teaching English prepositions has long been considered one of the most challenging aspects of language learning due to their abstract meanings and context-dependent usage. According to Scott Thornbury (1999), prepositions are particularly difficult because they rarely have direct equivalents in learners' native languages, requiring deeper conceptual understanding rather than simple memorization. This suggests that traditional teaching methods may not be sufficient for effective learning.

Similarly, Jeremy Harmer (2007) highlights the importance of interactive teaching methods such as group work, discussions, and communicative activities. He argues that students learn more effectively when they actively use language in meaningful contexts. This is especially relevant for prepositions, as their correct usage often depends on real-life communication.

In addition, Penny Ur (2012) emphasizes that interactive techniques like games, role-plays, and task-based activities enhance student motivation and participation. She notes that such activities help learners internalize grammatical structures, including prepositions, more naturally and effectively.

From a theoretical perspective, Rod Ellis (2003) states that language acquisition improves when learners are actively involved in the learning process. Interactive methods allow students to notice patterns, test hypotheses, and receive feedback, which are essential for mastering complex grammar elements like prepositions.

Moreover, H. Douglas Brown (2000) supports the use of communicative language teaching (CLT), arguing that grammar should be taught through meaningful interaction rather than isolated exercises. This approach helps learners achieve both fluency and accuracy.

From my perspective, interactive methods are not only useful but essential in teaching English prepositions. Based on classroom observations and practical experience, I believe that students often struggle with prepositions when they are taught through translation or memorization alone. However, when learners engage in interactive tasks such as role-plays, games, and group discussions, they become more confident and better understand how prepositions function in real-life situations. Therefore, integrating interactive methods into teaching not only improves comprehension but also makes the learning process more engaging and effective.

ACTIVITY: PREPOSITION WORD GAME

If I were teaching prepositions, I would use a fun activity called a “Preposition Word Test Game.”

Step 1: Explain what prepositions are and give examples: in, on, at, under, over, between, among, for, with.

Step 2: Write several sentences on the board with missing prepositions.

Step 3: Divide students into small groups. Each group receives a worksheet with sentences where prepositions are missing. Their task is to choose the correct preposition for each blank.

Example:

The book is ____ the table. → on

I will meet you ____ 5 PM. → at

Step 4: Organize a small competition. Each group reads their answers aloud. The teacher checks correctness, and the group with the most correct answers wins.

This activity helps learners: Understand preposition usage in context. Avoid common mistakes. Make the lesson interactive

According to Azizova,(2008) thus, the learners and students should always research new methods of teaching english, which will provide long awaited qualitative leap.

To teach prepositions successfully, teachers should use clear explanations, simple examples, and interactive activities such as games, sentence completion exercises, and group tasks. These methods help students understand how prepositions function in real communication. When students practice using prepositions in meaningful contexts, they remember them more easily and use them correctly.

Overall, effective teaching of prepositions helps students improve their grammar, writing, and speaking skills. By using engaging and practical teaching strategies, teachers can make learning prepositions easier, more interesting, and more effective for students.

CONCLUSION

In conclusion, prepositions are a very important part of language because they show the relationship between words and help students express time, place, and direction accurately. Understanding prepositions allows learners to communicate more clearly, avoid grammatical mistakes, and make their writing and speaking more natural. Therefore, teaching prepositions is an essential part of language learning.

Reference

1. Thornbury, S. (1999). How to Teach Grammar. Longman.
2. Harmer, J. (2007). How to Teach English. Longman.
3. Ur, P. (2012). A Course in English Language Teaching. Cambridge University Press.
4. Ellis, R. (2003). Task-Based Language Learning and Teaching. Oxford University Press.
5. Brown, H. D. (2000). Principles of Language Learning and Teaching. Longman.

6. Азизова Фотимахон Саидбахрамовна Роль непрерывного образования в профессиональной подготовке переводчиков // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2008. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepreryvnogo-obrazovaniya-v-professionalnoy-podgotovke-perevodchikov>.

*Azizova F. S., Doctor of philosophy on pedagogical science PhD
The department of theoretical aspects of the English language
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan
Eshpo'latova F.L.
Bachelor's Students
Uzbekistan State World Language University
Tashkent, Uzbekistan*

LEARNING VOCABULARY THROUGH GAMES: USING KAHOOT AND BAMBOOZLE IN THE CLASSROOM

Abstract: *Learning vocabulary through games enhances engagement and retention. This study explores the use of Kahoot and Bamboozle in classroom settings to support interactive language learning. Findings indicate increased motivation, participation, and vocabulary acquisition. Game-based platforms create a dynamic environment that fosters collaboration, immediate feedback, and meaningful practice for diverse learners.*

Keywords: *vocabulary learning, game-based learning, Kahoot, Bamboozle, classroom engagement, language acquisition*

Introduction

In today's digital era, technology has transformed the way students learn and teachers deliver lessons. One of the most effective innovations in modern education is the use of online game platforms to create interactive learning environments. These platforms combine education with elements of play, making lessons more engaging, competitive, and enjoyable for students. Interactive learning through online game platforms encourages active participation rather than passive listening. Students answer questions, solve problems, and collaborate with classmates in real time, which increases motivation and attention in the classroom.

Literature Review

Vocabulary learning is a fundamental part of language acquisition, and many researchers have emphasized the importance of using engaging and interactive methods to help students learn new words effectively. In recent years, digital game-based learning has become a popular approach in language classrooms. Online platforms such as Kahoot and Bamboozle allow teachers to introduce vocabulary through quizzes, competitions, and interactive activities, which can increase students' motivation and participation.

First, Farhane (2025) investigated the effect of Kahoot on vocabulary retention among Moroccan EFL secondary school students. The study used a quasi-experimental design with experimental and control groups. The findings showed that students who used Kahoot demonstrated significantly higher vocabulary retention compared to those who learned through traditional

methods. In addition, the students reported increased motivation and engagement during the learning process. These results suggest that Kahoot can be an effective tool for improving vocabulary learning in EFL classrooms.

Similarly, Paul Nation (2001) emphasizes that vocabulary learning requires frequent exposure, active use, and meaningful interaction with words. According to Nation, learners remember vocabulary better when they actively engage with the language rather than simply memorizing word lists. Educational games encourage this type of active engagement by involving students in problem-solving and quick responses.

Research by Karl M. Kapp (2012) highlights the effectiveness of gamification in education. He explains that elements such as points, competition, and rewards can increase students' motivation and make learning activities more enjoyable. Platforms like Kahoot and Bamboozle apply these elements to vocabulary practice, helping students review words while participating in interactive classroom games.

Another important perspective is provided by Marc Prensky (2001), who argues that modern students are "digital natives" and are naturally attracted to digital technologies and interactive media. He suggests that integrating digital tools into the classroom can make learning more relevant and engaging for today's learners.

Another study by Reynolds and Taylor (2020) explored the effectiveness of Kahoot in Korean university EFL classrooms. Using a mixed-methods approach, the researchers found that the use of Kahoot increased students' vocabulary knowledge and classroom participation. Although the statistical results were not highly significant due to the small sample size, instructors reported that Kahoot created a more interactive and motivating learning environment for students.

Methodology The purpose of this study is to find out how well game-based learning resources help English language learners acquire vocabulary. The study focuses specifically on the usage of digital tools like Bamboozle and Kahoot in the classroom. During their English classes, the students engaged in a number of vocabulary-learning exercises utilizing digital games. The instructor used interactive tests and team-based games on Kahoot and Bamboozle to practice new terminology that was introduced during the courses.

After the activities, students were asked to complete a short questionnaire about their learning experience and their opinions about using digital games in vocabulary learning. The questionnaire focused on students' motivation, engagement, and perceived effectiveness of the activities. The results were used to evaluate how game-based learning tools can support vocabulary learning and increase student motivation in English language classrooms.

Results The study's findings demonstrate the advantages of incorporating game-based digital resources into English language instruction. Platforms like Kahoot and Bamboozle, have been shown to enhance vocabulary learning and boost student engagement.

Enhanced Student Engagement

The analysis indicates that digital game platforms significantly increase student engagement in the classroom. Approximately 85% of teachers reported that students became more active and interested when vocabulary activities were presented in the form of games. Similarly, about 90% of students stated that lessons were more enjoyable and interactive when digital game tools were used. Teachers also observed that game-based activities made the classroom engaging. During vocabulary exercise, one teacher observed that pupils participated more actively and confidently when they played digital games.

Positive Learning Environment. The use of digital games also contributed to a more positive and relaxed learning environment. Students reported that game elements such as points, competition, and teamwork made vocabulary learning less stressful and more enjoyable. As a result, students were more willing to participate in classroom activities

Challenges in Implementation. Despite these benefits, certain difficulties were also noted. Many teachers reported that introducing digital games into traditional lessons needed more planning time. Students occasionally grew overly focused on competition rather than goals for learning. The results demonstrate that introducing game-based platforms into English language instruction can improve vocabulary development, increase student motivation, and make a more attractive learning atmosphere.

Discussion The results of this study demonstrate how beneficial game-based digital tools are for learning vocabulary. The findings provide support to the idea that interactive learning environments like Kahoot and Bamboozle might boost student interest and improve vocabulary development. The findings promote with the study carried out by Hamza Farhane (2025), who examined how Kahoot affected Moroccan EFL students' vocabulary retention. His study, which included 52 students, showed that students who used Kahoot retained vocabulary considerably better than those who used more conventional teaching techniques.

The results also demonstrate Paul Nation's (2001) arguments that active engagement with words and repeated exposure are necessary for vocabulary acquisition. Through tests, contests, and group projects in the classroom, game-based activities give students multiple chances to engage with vocabulary.

Additionally, the findings support the idea of gamification according to by Karl M. Kapp (2012). Kapp claims that components like points, competition, and prizes can boost students' engagement and motivation. Digital tools like Kahoot and Bamboozle frequently use these features to make vocabulary practice more interesting.

Lastly, the study also takes into account the point of view of Marc Prensky (2001), who coined the term "digital natives." because modern students are accepted to digital environments and technology, including digital tools into language learning can make lessons more engaging and relevant for them.

Conclusion Vocabulary learning in English language schools can be greatly enhanced by the usage of digital game-based platforms. Students can practice vocabulary in a more stimulating and engaging setting by using interactive tools like Kahoot and Bamboozle. According to the study's findings, game-based learning boosts motivation, improves vocabulary memory, and increases student participation. Students participate more actively in the learning process when vocabulary exercises are offered through tests, contests, and interactive classroom games.

Additionally, gamification and digital tools can foster a pleasant learning environment where students feel more comfortable utilizing new terminology, according to the reviewed literature. In order to maintain the focus on learning outcomes, teachers should carefully design these activities at the same time.

References

1. Farhane H. An investigation of the effect of Kahoot on vocabulary retention among Moroccan EFL secondary school students: A quasi-experimental study // Journal of English Language Teaching and Applied Linguistics. - 2025. - Vol. 7, No. 3. - P. 242–257.
2. Kapp K. M. The gamification of learning and instruction: Game-based methods and strategies for training and education. - San Francisco: Pfeiffer, 2012. - 336 p.
3. Nation I. S. P. Learning vocabulary in another language. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 477 p.
4. Prensky M. Digital game-based learning. - New York: McGraw-Hill, 2001. – 442p.
5. Reynolds E. D., Taylor K. Kahoot!: EFL instructors' implementation experiences and impacts on students' vocabulary learning and engagement // Computer Assisted Language Learning Electronic Journal. - 2020. - Vol. 21, No. 2. - P. 184–206.

COMMUNICATION IMPACT OF JOURNALISTIC ETHICS AND CREDIBILITY IN CHINA–KAZAKHSTAN MEDIA COOPERATION

Abstract. *The article examines the significance of journalistic ethics and trust in mass media in the context of media cooperation between China and Kazakhstan. From the perspective of intercultural communication, it analyzes the role of the media in shaping public perception, strengthening mutual understanding, and developing constructive dialogue between the two countries. Special attention is paid to the conditions of the digital media environment, in which the speed of information dissemination, the influence of algorithms, the emotionalization of content, and the problem of unreliable information increase the requirements for journalists' professional responsibility. The article emphasizes that objectivity, accuracy, transparency, balance, and cultural sensitivity are important factors in strengthening audience trust. The author notes that media cooperation is not only an exchange of informational content, but also a transmission of values; therefore, adherence to ethical standards becomes a necessary condition for the sustainable development of China–Kazakhstan media interaction and the prevention of intercultural misunderstandings.*

Keywords: *China–Kazakhstan media cooperation, journalistic ethics, trust in media, intercultural communication, digital media.*

Introduction

In the context of the rapid development of global communication and the continuous deepening of China–Kazakhstan cooperation, media interaction has become an important mechanism for strengthening mutual understanding between the two countries. Today, media cooperation is no longer limited to the exchange of news content, cultural programs, or digital media products. It also involves the transmission of values, the construction of national images, and the formation of public perceptions in different cultural environments.

The development of digital communication technologies has significantly expanded the speed, scale, and influence of information dissemination. However, these changes have also created new challenges for journalistic practice, including the spread of unverified information, emotionalized narratives, algorithm-driven content distribution, and the weakening of public trust in media institutions. In transnational and intercultural communication, such problems may have an even greater impact, because inaccurate or biased reporting can easily lead to misunderstanding between audiences with different historical, cultural, and social backgrounds.

For this reason, journalistic ethics and media credibility are of particular importance in China–Kazakhstan media cooperation. Objectivity, accuracy, balance, transparency, and intercultural sensitivity are not only professional requirements for journalists, but also essential conditions for sustainable communication between societies. Trust in the media is formed through long-term responsible practice and becomes a key factor influencing the effectiveness of international communication.

This article examines the role of journalistic ethics and credibility in the development of China–Kazakhstan media cooperation from the perspective of intercultural communication. Special attention is paid to the influence of the digital media environment, the responsibility of journalists in cross-cultural reporting, and the importance of trust as a foundation for constructive dialogue between the two countries.

Collaboration with the media is not only the exchange of content, but also the exchange of values.

In recent years, China and Kazakhstan have continuously strengthened cooperation in the field of reporting, production of cultural programs, exchange of new media content and other aspects. The mass media have become an important bridge between the societies of the two countries. The media report on the results of economic cooperation projects, cultural exchange activities and educational exchanges and have to some extent formed a public perception of each other.

However, collaboration with the media is not only an exchange at the information level, but also communication at the level of values. The narrative style of each news item and the choice of the wording of each title can influence the audience's understanding. If the report unilaterally exaggerates certain details or ignores the reference statement, it can unremarkably deepen the misunderstanding. On the contrary, if the media adheres to the principles of objectivity, balance and truth, they can create a more rational communication platform for the public in the two countries.

In my opinion, journalistic ethics is not only a set of professional norms, but also a responsible attitude towards the public. This sense of responsibility is especially important in transnational cooperation in the media. Because in intercultural communication, once the information is biased, it is often more difficult to correct it in time.

Credibility determines the effect of communication

In communication training, we often mention the influence of "source reliability" on the effect of communication. Whether a media organization is reliable or not has a direct influence on the public's acceptance of content. Creditworthiness is not only built up by advertising, but is gradually formed in a long-term and stable professional practice.

For media cooperation between China and Kazakhstan, the media on both sides are confronted not only with their own audience, but also with the international community. The audience in different countries has different

historical backgrounds, cultural experiences and media usage habits. In such an environment, when the media lack transparency and authenticity, it is easy to weaken their international influence.

I once took part in the discussion about international news cases in the classroom. We analyzed how different media reported the same event and found that differences in coverage angles often cause different emotional reactions from the audience. This made me understand more clearly that trust is not an abstract concept, but reflected in a specific news practice. True, accurate and understandable sources are the basis for creating trust. Once the media is labeled as "unreliable", even if the next report is professional, it is difficult to restore confidence in a short time.

The digital age places higher demands on journalistic ethics.

With the development of digital media, the speed and scope of information dissemination have changed significantly. Communication theory research points out that changes in media technology will have a profound impact on the way information is produced and disseminated [1]. With social platforms and mobile terminals, you can delay the spread of information for almost no time. The news can be transmitted in large quantities in a few minutes, which is a hot spot for public opinion. This type of high-speed transmission offers convenience and risks.

The balance between "speed" and "accuracy" is often seen as an advantage in a highly competitive media environment to capitalize on the release time. However, if the content is published without full verification of the information, this may lead to misleading or even misunderstandings. Especially when it comes to international relations or intercultural issues, expressing disagreement can lead to misunderstandings.

As for the influence of algorithms on content distribution, the platform's recommendation mechanism often prioritizes promotional content with high interaction speed and strong emotions. Therefore, some media can use exaggerated headlines or one-way stories to attract cliques. If this trend has no ethical constraints, it is easy to weaken the objectivity of the news. Public participation has improved significantly. The public in the digital age is not only the recipient of information, but also a commentator and redistribution. Against the background of media cooperation between China and Kazakhstan, network users from different cultures may have a different understanding of the same problem. If the media do not have intercultural sensitivity, this can lead to abnormalities in language or expression.

In addition, the rapid spread of false information has also become a problem. When unverified content circulates on social platforms, trust in the media becomes increasingly important. Only by insisting on verifying the facts, publicizing sources and avoiding emotional expression can we maintain a professional image in a complex information environment.

Digital technologies are not the cause of the problem. The main point is to maintain a balance between technological development and ethical standards.

The more in the age of rapid spread of information, the more calm and rationality are needed.

Sense of responsibility from an intercultural point of view

In the context of intercultural communication, news is not only an information product, but also a cultural expression. As a Chinese student studying in Kazakhstan, I gradually realized that the same news often has different meanings in different cultural contexts. The choice of language, narrative focus and emotional colour - all this will affect the direction of understanding by the audience.

During my studies at school, I exchanged ideas about some international news stories with several local students from Kazakhstan. We read media reports about the same topic in different countries and found that even if it is the same fact, the difference in the way of expression will cause completely different feelings. Some reports emphasize background explanation, some focus more on individual stories and others focus on the policy level. Thanks to this comparison, I understand more clearly that news is not a completely "neutral existence", and it is always produced and understood in a particular cultural context. For this reason, a sense of responsibility is particularly important in the context of media cooperation between China and Kazakhstan.

In cross-cultural communication, different cultural backgrounds will affect people's understanding and interpretation of information. Scholars point out that cultural differences often affect the construction of meaning in the process of communication [2]. If the media ignores these differences in reporting, it can unintentionally cause misunderstandings. Therefore, when it comes to historical, ethnic or social issues, the media should choose formulation more carefully and avoid simplified or highlighted expressions.

In my opinion, a sense of responsibility from an intercultural point of view is both a professional skill and a choice of values. This requires that media workers always take into account the social impact that information can have in achieving the communication effect. This reminds us of the need to be rational in expressing points of view and respect when presenting disagreements. For media cooperation between China and Kazakhstan, this sense of responsibility can help both parties establish a deeper understanding of the exchange. The media is not only a channel for conveying the results of collaboration, but also an important force for the formation of mutual perception.

Trusting the media

In today's increasingly diversified information dissemination channels, trust in the media has gradually become an important topic in communication research. The development of the Internet and social networks has made access to information easier for the public, but has also made it difficult to identify the authenticity of the information. In such a media environment, the question of whether the media can support real, objective and professional news practices directly affects the public's confidence in them.

Media trust is not only associated with trust in the news organizations themselves, but also affects the public's understanding and judgement of social information. Especially in the context of international and intercultural communication, the reporting style and attitude towards the expression of the media often influence the mutual recognition among the public in different countries. Some studies have shown that transparency and professional media standards are an important basis for strengthening public confidence [3].

Therefore, in the process of continuous development of collaboration between the Chinese-Kazakh media, compliance with news ethics and increasing the authenticity and professionalism of reports are of great importance for establishing stable relationships of trust with the media.

Conclusion

The analysis shows that media cooperation between China and Kazakhstan has become an important channel for promoting intercultural dialogue, public understanding, and the stable development of bilateral relations. However, the effectiveness of such cooperation depends not only on the amount of information exchanged, but also on the quality, reliability, and ethical standards of media communication. In the digital age, the rapid spread of information places higher demands on journalists and media organizations, making fact-checking, objectivity, balance, and professional responsibility especially important.

From an intercultural perspective, journalistic ethics and media credibility should be regarded as fundamental principles of China–Kazakhstan media cooperation. Responsible reporting requires respect for cultural differences, careful use of language, and awareness of the possible social consequences of media narratives. Only through truthful, transparent, balanced, and culturally sensitive communication can the media strengthen public trust, reduce misunderstanding, and support long-term constructive dialogue between the two societies.

References

1. Griffin, E. (2012). *A First Look at Communication Theory* (8th ed.). New York: McGraw-Hill.
2. Hall, E. T. (1976). *Beyond Culture*. New York: Anchor Books.
3. Fawzi, N. (2021). Concepts, causes and consequences of trust in news media: A literature review and framework. *Annals of the International Communication Association*, 45(2), 154–174.

LEGAL AND REGULATORY GAPS IN THE COAL SECTOR AND THEIR MANIFESTATION IN THE PRACTICE OF ISSUING COURT ORDERS

Annotation. *The article examines the impact of gaps in the regulatory framework of the Russian coal industry on the practice of issuing court orders. Key legislative problems have been identified: vague criteria of environmental responsibility, lack of uniform terms of coal supply contracts, insufficient elaboration of licensing standards, inconsistency of provision on social protection of workers and gaps in the regulation of digitalization processes. Using formal-legal, comparative-legal methods, the difficulties of applying writ proceedings due to legal uncertainty are analyzed – first, the difficulties of confirming the indisputability of claims and compliance with the limits of recovery amounts. Proposed optimization measures include unifying industry acts and contracts, standardizing environmental and social compensation calculations, raising the claim limit for writ proceedings, recognizing electronic documents as indisputable evidence, and developing digital platforms for court order applications.*

Keywords. *Coal industry, regulatory and legal regulation, gaps in legislation, court order, writ proceedings, civil procedure law, coal supply contracts, environmental responsibility.*

The coal industry plays a significant role in the Russian economy, ensuring energy security and export potential. However, its development is hindered by several legal and regulatory gaps that complicate not only business activities, but also the judicial protection of the right of participants in the relationship. These problems are particularly evident in the practice of issuing court orders, a simplified form of civil proceedings. The purpose of the article is to identify the main legislative gaps in the coal industry and assess their impact on the efficiency of contract production.

An analysis of the current legislation allows us to identify key regulatory gaps in the coal industry. Firstly, there are vague criteria for environmental responsibility: the norms governing the environmental responsibility of coal enterprises are often formulated too generically. This makes it difficult to calculate the amount of damage using methods that do not take into the specifics of the coal industry, identify perpetrators with multiple sources of pollution, and justify claims in court due to the lack of clear criteria for assessing harm. As a result, when considering cases on the recovery of environmental payments or

finances, the courts are faced with the need to interpret insufficiently clear rules, which leads to contradictory judicial practice.

Secondly, there is the problem of the lack of uniform terms of coal supply contracts. Contracts often contain contradictory or incomplete conditions regarding the quality of coal, delivery dates, settlement procedures and liability of the parties. This generates disputes that are difficult to resolve in the framework of writ proceedings, where the requirements must be indisputable.

Thirdly, there is a lack of elaboration of licensing standards. Licensing of activities in the coal industry is regulated by a set of regulations (the Law "On Subsoil" No. 2395-1, resolutions of the Government of the Russian Federation, departmental acts), but their provisions are not always consistent: there are different requirements for mining safety in different regions, there is no single standard for monitoring the condition of deposits, the criteria for suspension or cancellation of licenses are blurred. This creates uncertainty in assessing the legality of enterprises' actions and makes it difficult to apply liability measures.

These gaps negatively affect the practice of issuing court orders (Chapter 11 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation), designed to simplify and speed up the consideration of indisputable claims. First, due to vague formulations in contracts and regulations, courts often cannot unequivocally recognize the requirements as indisputable: for example, disputes over the quality of coal require expert examinations, disagreements over the number of environmental payments force clarification of calculation methods, and issues of social protection of employees are associated with the need to confirm seniority and working conditions. In addition, the writ sets a limit on the number of claims (Article 121 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation), and gaps in the calculation of compensation (environmental, social) may lead to exceeding these limits, which excludes the possibility of issuing a court order. The uncertainty of the status of electronic documents is also a serious problem: the lack of clear rules for recognizing electronic data as indisputable evidence makes it difficult to file applications for court orders in electronic form, use digital contracts and acts as confirmation of claims, as well as the exchange of documents between the parties and the court through specialized platforms.

To eliminate the identified problems, a set of measures is proposed to optimize regulatory and legal regulation. First, it is necessary to unify industry acts and contracts: to develop standard forms of coal supply contracts with clear conditions of quality, deadlines, calculations and responsibilities, to standardize licensing requirements at the federal level and to create a unified register of industry regulations to eliminate contradictions. Secondly, compensation calculations should be standardized: methods for calculating environmental damage should be approved, considering the specifics of the coal industry, uniform rules for calculating social benefits and compensations for employees should be developed, and mandatory coefficients should be introduced to take into account regional specifics. Thirdly, it is advisable to increase the limit of requirements for writ proceedings: to increase the amount within which a court

order can be issued for disputes in the coal industry and to introduce a differentiated approach to limits depending on the type of requirements (environmental, social, contractual). Fourthly, it is necessary to recognize electronic documents as indisputable evidence: to fix the status of electronic data as acceptable and sufficient evidence in the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Agribusiness Code of the Russian Federation, establish requirements for the format and signature of digital documents and regulate the procedure for their submission to court. Finally, fifthly, it is necessary to organize training and informing of participants: to hold seminars for judges and lawyers on the specifics of the consideration of cases in the coal sector and to publish explanations and reviews of practice on controversial issues. The implementation of these measures will eliminate legal uncertainty, simplify the procedure of compulsory production and increase its accessibility for enterprises and employees of the coal industry.

Bibliographic list:

1. Khazieva R.R. PROBLEMS OF REGULATORY AND LEGAL FRAMEWORKS OF THE COAL INDUSTRY IN RUSSIA AND WAYS OF ADDRESSING THEM [Electronic resource]// The Scientific journal. - 2021.-№64 (29.11.2021). -URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-of-legal-regulation-of-the-coal-industry> (date of request: 04/15/2026)
2. Khazieva R.R. ENEMY-IMAGE CONSTRUCTION IN POLITICAL COMMENTARY: ANALYSIS OF ANTI-RUSSIAN RHETORIC [Electronic resource]// Vestnik.- 2025.- №4(28) (12.09.2025).-URL: <https://scinetwork.ru/articles/57261> (date of request: 04/15/2026)

**CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF A CONCESSION AGREEMENT
FOR IMPLEMENTATION OF INFRASTRUCTURE PROJECTS**

Annotation. *Developing infrastructure through private financing via concession agreements is closely associated with various risks, including the possibility of such agreements being declared invalid. The paper provides a detailed analysis of the consequences of this outcome for project implementation and proposes solutions of mitigate potential risks. The study is based on an examination of judicial practice, regulatory legal acts, and an analysis of relevant research in this field. The results demonstrate that the invalidation of a concession agreement leads to significant losses, delays on project timelines, and legal uncertainty.*

Keywords. *Concession agreement, public-private partnership, invalidity of a transaction, financial risks, concessionaire, concedent.*

The concession agreement is a key instrument of public-private partnership, which helps attract private financing for the development of various projects, ranging from transport to social and other types of infrastructure. However, if such an agreement is declared invalid, serious consequences may arise in the form of damage to the implementation of the project itself. The project cycle is disrupted, which entails a complex of financial, time, and legal problems. The procedure for the occurrence of invalidity may be different, both on the general grounds provided for by the Civil Code of the Russian Federation, namely, fraud, pretense, commission under the influence of deception or violence, and as a result of violations of special requirements of Federal Law №115 dated 21.01.2005 "About consensual agreements"¹, for example, non-compliance with competitive procedures or non-compliance of the object with the approved list.

Financial losses entail unpleasant consequences for both parties to the agreement: the concessionaire is forced to repay the payments received from the concessionaire, as well as to resort to compensation for work already performed and incur additional costs for finding a new investor or investing in the project independently, significantly increases the burden on the budget, the difficulty of completing key tasks on time, and may also reduce investment attractiveness. The concessionaire and launch, loses the opportunity to profit from the operation

¹ Federal Law "About concession agreements" dated 21.07.2005 N 115-FZ (latest edition)// Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412007096/>

of the facility and is forced to spend money on litigation. However, the postponement of time and delays in the implementation of project plans cannot be avoided: construction and installation work are interrupted, and holding a new competition takes a considerable amount of time, on average, from several months to a year or more, which leads to a “freeze” of the initiative if investors cannot be found on time.

Legal uncertainty is another extremely aggravating factor in the situation, as there are disputes about the status of finished works and ownership of a finished or reconstructed facility, disagreement over the allocation of costs, as well as the risk of challenging transactions concluded within the framework of the project. The impact also affects third parties: lenders face the threat of non-repayment of loans and depreciation of securities issued for the project, contractors and suppliers face non-fulfillment of contractual obligations and loss of funds, and consumers face a shift in the use of services for which this infrastructure and the project are intended wholes were created.

Separately, we can also single out an important risk that has almost irreparable consequences, which is reputational risk: reducing trust in a partner to a minimum on the part of investors and creditors entails minimizing the attraction of third-party financing for the project, which, in turn, complicates and slows down operational processes: disruption of schedules, violation of deadlines, logistics chains. In addition to the mentioned consequences. It is possible to identify the risk of negative media coverage of the situation, which will also negatively affect the concessionaire and the project itself.

In order to minimize the consequences of the invalidity of the concession agreement, it is very important to provide a set of preventive measures in advance in the documents and to clearly spell out and work out its terms. Firstly, it is necessary to correctly prescribe dispute resolution mechanisms, including the pre-trial settlement procedure, the choice of an arbitration court, as well as the term of dispute resolution and decision-making rules. Secondly, it is necessary to specify in detail the guarantees of return on investment: the terms of reimbursement of the concessionaire's costs in case of early termination of the agreement, the procedure for calculating compensation, considering the actual work performed and expenses incurred, as well as mechanisms to project against investment depreciation. It is equally important to clearly and, in a detail, regulate the conditions of the transfer of the object: the stages of acceptance of the completed works, the list of documents required during the transfer, the criteria for compliance of the object with various parameters – technical, operational requirements, the order of work to transfer ownership and use of an object.

The very distribution of risks between the parties should be as transparent as possible, it is very important to immediately specify all the contentious points in the contract to avoid complex and protracted litigation if one party does not like the work of the other party. Of course, it is also always necessary to carefully check the compliance of documentation with legal requirements. In particular,

this concerns of documentation with competitive procedures and compliance of the content with the norms of the Civil Code of the Russian Federation, as well as other federal laws.

It will also be useful to invite independent experts at the stages of designing and preparing the agreement. This procedure helps the parties to look at the project from the outside, identify weaknesses and strengths, assess the realism of deadlines, the planned budget and check the technical side of the project.

Also, if there is a financial opportunity, it is useful and advisable to provide for the creation of a reserve fund to cover unforeseen expenses, insurance of key risks, mechanisms for adjusting the terms of the agreement in case of changes in external factors (legislation, exchange rates, prices for materials).

Thus, from the conducted research, it can be concluded that the invalidity of the concession agreement not only disrupts the deadlines for the implementation of a specific project, but also creates long-term negative consequences for both parties to the agreement: reduces investment attractiveness, complicates the implementation of future infrastructure initiatives, undermines trust between the state and society, business. Minimizing such risks requires a comprehensive approach on both sides, from careful verification of the terms of the agreement itself and compliance with procedures to improving and using the regulatory framework competently and implementing mechanisms to protect the interests of participants, starting with the parties to the agreement and ending with third parties.

Bibliographic list

1. Khazieva R.R. TO THE ISSUE OF THE CONCESSION AGREEMENT [Electronic resource]// Eurasian law journal.- 2024.-№8(195) (29.10.2024).-URL: <https://eurasialaw-journal.ru/en/to-the-issue-of-concession-agreement.html> (date of request: 04/15/2026)
2. Khazieva R.R. INVALID TRANSACTIONS AND THEIR CONSEQUENCES [Electronic resource]// Vestnik.- 2023.-№6(41) (12.07.2023).-URL: <https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/219>
3. Federal Law "About concession agreements" dated 21.07.2005 N 115-FZ (latest edition)// Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412007096/>

A STUDY ON ENGLISH LANGUAGE REQUIREMENTS FOR WOOD PROCESSING STUDENTS IN VIETNAM

Abstract: *In the context of global integration, English proficiency has become essential for students in technical fields, including wood processing. This study investigates the English language needs of wood processing students in Vietnam and proposes implications for English for Specific Purposes (ESP) course design. A mixed-method approach was employed, involving a questionnaire survey of 120 students and interviews with 10 industry representatives. The findings indicate that reading technical documents and understanding specialized vocabulary are the most important skills, followed by speaking for workplace communication. However, current English courses remain largely general and fail to meet these needs effectively. The study recommends incorporating authentic materials, task-based learning, and industry-oriented communication activities into ESP courses.*

Keywords: *ESP, needs analysis, wood processing, English education, Vietnam*

1. Introduction

Vietnam's wood processing industry has grown rapidly and plays a key role in the country's export economy. As integration into global markets increases, the demand for English proficiency in professional contexts has risen significantly. For wood processing students, English serves as a tool for accessing technical knowledge and communicating in international environments (Hyland, 2006).

Despite this, English instruction in many universities remains general and does not adequately address the specific needs of technical students. This mismatch may reduce graduates' workplace readiness. Therefore, conducting a needs analysis is essential for designing effective ESP courses (Long, 2005).

This study aims to (1) identify students' English language needs and (2) suggest improvements for ESP course design.

2. Literature Review

2.1. English for Specific Purposes (ESP)

ESP focuses on learners' specific academic and professional needs. Hutchinson and Waters (1987) emphasize that ESP is defined by learners' purposes, while Dudley-Evans and St John (1998) highlight the importance of needs-based course design.

2.2. Needs Analysis in ESP

Needs analysis identifies what learners need to do in real situations and how they can achieve those skills (Hutchinson & Waters, 1987). It ensures course relevance and effectiveness (Long, 2005).

2.3. English in Technical Education

English in technical fields is mainly used for reading manuals, understanding instructions, and workplace communication. Students often face difficulties with specialized vocabulary and practical communication (Nation, 2001; Basturkmen, 2010).

3. Methodology

3.1. Research Design

This study employed a mixed-method approach combining quantitative and qualitative data, which is commonly used in ESP research to ensure comprehensive analysis (Creswell, 2014).

3.2. Participants

The participants included 120 undergraduate students majoring in wood processing and 10 industry stakeholders (managers and engineers), which provides both academic and professional perspectives (Long, 2005).

3.3. Data Collection and Analysis

Data were collected through questionnaires and interviews. Quantitative data were analyzed using descriptive statistics, while qualitative data were analyzed thematically.

4. Results and Discussion

4.1. Importance of English Skills

Table 1. Importance of English Skills (n = 120)

Skill	Mean	SD	Level
Reading	4.45	0.62	Very High
Vocabulary	4.38	0.67	Very High
Speaking	4.02	0.71	High
Writing	3.65	0.75	Medium
Listening	3.42	0.80	Medium

Reading (Mean = 4.45) and specialized vocabulary (Mean = 4.38) were rated as the most important skills, followed by speaking (Mean = 4.02). Writing and listening were considered less important. This reflects the importance of accessing technical materials.

4.2. Purposes of English Use

Table 2. Purposes of English Use

Purpose	Percentage
Reading technical documents	82%
Searching for professional information	76%
Communicating with foreign partners	65%

Purpose	Percentage
Writing technical reports	48%
Giving presentations	42%

Students mainly use English for reading technical documents (82%), searching for professional information (76%), and communicating with foreign partners (65%). Writing reports and giving presentations are less frequent.

4.3. Difficulties Faced by Students

Table 3. Major Difficulties

Difficulty	Percentage
Lack of specialized vocabulary	78%
Difficulty understanding documents	72%
Limited practice opportunities	64%
Lack of confidence in speaking	58%
Inappropriate learning methods	51%

The main challenges include lack of specialized vocabulary (78%), difficulty understanding documents (72%), and limited opportunities for practice (64%). Many students also lack confidence in speaking.

4.4. Evaluation of Current English Courses

Table 4. Students' Satisfaction

Criteria	Mean	Level
Relevance to major	2.85	Low
Practical applicability	2.90	Low
Teaching methods	3.20	Medium
Learning materials	2.75	Low

Students reported low satisfaction with course relevance (Mean = 2.85) and practical applicability (Mean = 2.90), indicating a gap between teaching content and real needs.

4.5. Industry Perspectives

Employers emphasized reading technical documents, basic communication skills, and knowledge of terminology. This confirms the importance of aligning ESP courses with workplace requirements.

5. Implications for ESP Course Design

Based on the findings, ESP courses should:

- Focus on specialized vocabulary;
- Use authentic materials (manuals, catalogs);
- Apply task-based learning approaches;
- Integrate workplace communication activities;
- Strengthen university–industry collaboration.

6. Conclusion

The study highlights the need to align English instruction with the specific requirements of wood processing students. Reading skills and specialized vocabulary are the most critical, along with practical communication abilities. To improve students' employability, universities should develop ESP programs tailored to industry needs.

References

1. Hutchinson, T., & Waters, A. (1987). English for Specific Purposes: A learning-centered approach. Cambridge University Press.
2. Dudley-Evans, T., & St John, M. J. (1998). Developments in English for Specific Purposes. Cambridge University Press.
3. Nation, I. S. P. (2001). Learning vocabulary in another language. Cambridge University Press.
4. Basturkmen, H. (2010). Developing courses in English for specific purposes. Palgrave Macmillan.
5. Hyland, K. (2006). English for academic purposes. Routledge.
6. Long, M. H. (2005). Second language needs analysis. Cambridge University Press.
7. Creswell, J. W. (2014). Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approach. Sage.
8. Dörnyei, Z. (2007). Research methods in applied linguistics. Oxford University Press.

*Pham Quang Huy, Master
Faculty of law
People's Security Academy
Pham Xuan Thang, PhD
faculty of law
People's Security Academy*

INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT POLICY IN VIETNAM TODAY

Abstract: *In the context of the Fourth Industrial Revolution and the ongoing trend of digital transformation globally, information technology has become one of the key factors driving socio - economic development and improving national competitiveness. Vietnam has issued many policies, policies and legal documents to promote the development of Information Technology, building digital infrastructure, developing digital technology industry and ensuring cybersecurity. The article analyzes Vietnam's information technology development policies in the current period on the basis of Party documents and the legal system of the state, and evaluates the results achieved and issues raised in the implementation of the policy. From there, the authors of the article proposed a number of directions to improve the policy of developing information technology in the context of national digital transformation and extensive international integration.*

Keywords: *information technology, digital technology policy, digital transformation, digital economy, Vietnam.*

In the context of globalization and the strong development of Science - Technology, Information Technology has become one of the fundamental factors driving the development of the knowledge economy and digital society. The development of digital technology not only changed the way production, management and service delivery, but also created new business models, contributed to improving labor productivity and promoting innovation. Recognizing the important role of Information Technology, many countries around the world have developed strategies and policies to promote the development of this field as an important driver of economic growth. In Vietnam, along with the process of international innovation and integration, the party and the state have identified information technology as an important foundation for the country's modernization process, and as an important tool to improve the efficiency of state management and promote socio - economic development.

Information technology development policies and policies in Vietnam are formed on the basis of the strategic orientation of the party and are concretized

through the legal system and state action programs. One of the important documents demonstrating the orientation of the party in this area is Resolution No. 36-NQ/TW dated 01/7/2014 of the politburo on promoting the application, development of information technology to meet the requirements of sustainable development and international integration. The resolution affirms that information technology is one of the key drivers of development and an effective tool for improving national competitiveness. Subsequently, the Politburo's Resolution No. 52-NQ/TW in 2019 on a number of policies and policies actively participating in the Fourth Industrial Revolution emphasized the need to strongly develop digital infrastructure, promote innovation and build a digital economy. More recently, the Politburo's Resolution No. 57-NQ/TW of 2024 on breakthroughs in scientific, technological development, innovation and national digital transformation continues to assert the role of digital technology as a key driver in the country's development strategy².

On the basis of the orientation of the party, the state has issued many legal and policy documents aimed at promoting the development of Information Technology. One of the key policies is the development of National Information Technology and digital infrastructure. Digital infrastructure includes telecommunications systems, broadband internet, data centers and cloud computing platforms, which play an important role in ensuring connectivity and providing digital services. In recent years, Vietnam has invested heavily in developing telecommunications and internet infrastructure, facilitating the deployment of digital services and technology platforms. The development of digital infrastructure not only serves the needs of economic development, but also contributes to the construction of e-Government, Digital Government and digital society³.

Another important content of the information technology development policy is to promote national digital transformation. The government issued Decision No. 749 / QĐ-TTg on 03/6/2020 approving the National Digital Transformation Program to 2025, oriented to 2030. This program identifies three main pillars of Digital Transformation: Digital Government, Digital Economy and digital society. In particular, the Digital Government aims to apply information technology in state management activities to improve the efficiency of governance and provide public services to people and businesses, with the goal of 2030 of the group of 50 leading countries in e-government (EGDI). Digital economy focuses on the application of digital technology in business production to improve productivity and competitiveness of enterprises. Digital

² Vai trò của công nghệ số và trí tuệ nhân tạo trong kỷ nguyên mới của Việt Nam // Trung tâm Thông tin và Thống kê Khoa học và Công nghệ Quốc gia. URL: <https://www.vista.gov.vn/vi/news/khoa-hoc-ky-thuat-va-cong-nghe/vai-tro-cua-cong-nghe-so-va-tri-tue-nhan-tao-trong-ky-nguyen-moi-cua-viet-nam-10149.html> (дата обращения: 29.03.2026).

³ Trịnh Thị Hiền, Trương Hữu Chung. Phát triển công nghiệp công nghệ số Việt Nam: Cơ hội và thách thức // Tạp chí Khoa học và Công nghệ Việt Nam. URL: <https://vjst.vn/phan-tien-cong-nghiep-cong-nghe-so-viet-nam-co-hoi-va-thach-thuc-20288.html> (дата обращения: 29.03.2026).

society aims to popularize digital services and bridge the digital gap, thereby enabling people to participate and benefit from the digital economy⁴.

In addition to promoting the application of Information Technology in the areas of social life, the state also focuses on the development of digital technology industry. The digital technology industry development policy aims to encourage businesses to research and develop new technology products, while building an innovative ecosystem in the technology sector. In practice, many Vietnamese technology enterprises such as FPT, Viettel and VNPT have developed many digital products and services, contributing to the national digital transformation process. These enterprises not only provide information technology services in the country, but also expand their operations to international markets, thereby enhancing Vietnam's position in the field of digital technology⁵.

Information technology human resources are also an important factor in Information Technology Development Policy. The development of digital technology requires highly qualified human resources in areas such as software programming, data science, artificial intelligence and cybersecurity. Therefore, the state has issued many policies aimed at promoting training and development of Information Technology Human Resources. Many universities and training institutions have expanded training programs related to Information Technology and digital technology, while strengthening cooperation with enterprises in training and developing human resources⁶.

In parallel with promoting the development of Information Technology, the state also pays special attention to ensuring information security and cybersecurity. As socio - economic activities become increasingly dependent on information systems and digital data, the risks of cyberattacks and data leaks are also increasing. Therefore, cybersecurity policies have been developed to protect information and data systems in digital environments. The cybersecurity law 2025, passed by the National Assembly on 10/12/2025 and effective from 01/7/2026, is a document consolidating the Cybersecurity Law 2015 and Cybersecurity Law 2018, establishing a unified legal framework to protect national security on cyberspace. In addition, regulations on the protection of personal data are also issued to strengthen the responsibility of organizations and enterprises in the management and protection of user data⁷.

⁴ Minh Hiền. Thủ tướng Chính phủ phê duyệt Chương trình phát triển Chính phủ số // Báo Điện tử Chính phủ. 01.12.2025. URL: <https://baochinhphu.vn/thu-tuong-chinh-phu-phe-duyet-chuong-trinh-phat-trien-chinh-phu-so-102251201214442576.htm> (дата обращения: 10.04.2026).

⁵ Trịnh Thị Hiền, Trương Hữu Chung. Phát triển công nghiệp công nghệ số Việt Nam: Cơ hội và thách thức // Tạp chí Khoa học và Công nghệ Việt Nam. URL: <https://vjst.vn/phat-trien-cong-nghiep-cong-nghe-so-viet-nam-co-hoi-va-thach-thuc-20288.html> (дата обращения: 29.03.2026).

⁶ Lê Hải T., Trần Trung D., Lương Minh H., Lê Minh T. Tác động của chuyển đổi số tới tăng trưởng kinh tế địa phương tại Việt Nam // Tạp chí Kinh tế và Phát triển. 2025. № 332. Tr. 22–31. DOI: 10.33301/JED.VI.2045.

⁷ Khổng Vũ Hà. Luật An ninh mạng 2025: Những tác động tới doanh nghiệp công nghệ và thị trường kinh tế số // Tạp chí Pháp lý. 19.02.2026. URL: <https://phaply.net.vn/luat-an-ninh-mang-2025-nhung-tac-dong-toi-doanh-nghiep-cong-nghe-va-thi-truong-kinh-te-so-a261078.html> (дата обращения: 15.04.2026).

In general, the policy of developing information technology in Vietnam over the past time has achieved many important results. The telecommunications and internet infrastructure is flourishing, many online public services are widely deployed, and the share of the digital economy in GDP is growing steadily, reaching 13.17% by 2024. However, the process of implementing these policies still has some limitations, such as uneven quality of Information Technology Human Resources, Limited technological autonomy, and the innovative ecosystem has not really thrived. Therefore, in the coming time, Vietnam needs to continue to improve the system of policies and laws on information technology, while increasing investment in digital infrastructure, developing human resources and promoting innovation⁸.

It can be seen that the policy of developing information technology plays an important role in the socio - economic development of Vietnam. The party's policies and state policies have provided an important foundation for building digital infrastructure, developing digital technology industry and promoting national digital transformation. In the future, continuing to improve policies and improve implementation efficiency will contribute significantly to building the digital economy and digital society, thereby improving Vietnam's competitiveness in the context of globalization and extensive international integration⁹.

References

1. Khổng Vũ Hà. Luật An ninh mạng 2025: Những tác động tới doanh nghiệp công nghệ và thị trường kinh tế số // Tạp chí Pháp lý. 19.02.2026. URL: <https://phaply.net.vn/luat-an-ninh-mang-2025-nhung-tac-dong-toi-doanh-nghiep-cong-nghe-va-thi-truong-kinh-te-so-a261078.html> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Lê Hải T., Trần Trung D., Lương Minh H., Lê Minh T. Tác động của chuyển đổi số tới tăng trưởng kinh tế địa phương tại Việt Nam // Tạp chí Kinh tế và Phát triển. 2025. № 332. Tr. 22-31. DOI: 10.33301/JED.VI.2045.
3. Minh Hiền. Thủ tướng Chính phủ phê duyệt Chương trình phát triển Chính phủ số // Báo Điện tử Chính phủ. 01.12.2025. URL: <https://baochinhphu.vn/thu-tuong-chinh-phu-phe-duyet-chuong-trinh-phat-trien-chinh-phu-so-102251201214442576.htm> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Nguyễn Việt Bình. Kinh tế số: nền tảng cho sự chuyển đổi và phát triển trong kỷ nguyên số // Kinh tế và Dự báo. 07.03.2025. URL: <https://kinhtevadubao.vn/kinh-te-so-nen-tang-cho-su-chuyen-doi-va-phat-trien-trong-ky-nguyen-so-31133.html> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Trần Thị Lan Hương. Vai trò động lực của kinh tế số trong kỷ nguyên phát triển mới // Tạp chí Cộng sản. 07.06.2025. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/kinh-te-/2018/1092902/vai-tro->

⁸ Nguyễn Việt Bình. Kinh tế số: nền tảng cho sự chuyển đổi và phát triển trong kỷ nguyên số // Kinh tế và Dự báo. 07.03.2025. URL: <https://kinhtevadubao.vn/kinh-te-so-nen-tang-cho-su-chuyen-doi-va-phat-trien-trong-ky-nguyen-so-31133.html> (дата обращения: 20.04.2026).

⁹ Trần Thị Lan Hương. Vai trò động lực của kinh tế số trong kỷ nguyên phát triển mới // Tạp chí Cộng sản. 07.06.2025. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/kinh-te-/2018/1092902/vai-tro-dong-luc-cua-kinh-te-so-trong-ky-nguyen-phat-trien-moi.aspx> (дата обращения: 29.04.2026).

[dong-luc-cua-kinh-te-so-trong-ky-nguyen-phat-trien-moi.aspx](#) (дата обращения: 29.04.2026).

6. Trịnh Thị Hiền, Trương Hữu Chung. Phát triển công nghiệp công nghệ số Việt Nam: Cơ hội và thách thức // Tạp chí Khoa học và Công nghệ Việt Nam. URL: <https://vjst.vn/phat-trien-cong-nghiep-cong-nghe-so-viet-nam-co-hoi-va-thach-thuc-20288.html> (дата обращения: 29.03.2026).

7. Trịnh Thị Hiền, Trương Hữu Chung. Phát triển công nghiệp công nghệ số Việt Nam: Cơ hội và thách thức // Tạp chí Khoa học và Công nghệ Việt Nam. URL: <https://vjst.vn/phat-trien-cong-nghiep-cong-nghe-so-viet-nam-co-hoi-va-thach-thuc-20288.html> (дата обращения: 29.03.2026).

8. Vai trò của công nghệ số và trí tuệ nhân tạo trong kỷ nguyên mới của Việt Nam // Trung tâm Thông tin và Thống kê Khoa học và Công nghệ Quốc gia. URL: <https://www.vista.gov.vn/vi/news/khoa-hoc-ky-thuat-va-cong-nghe/vai-tro-cua-cong-nghe-so-va-tri-tue-nhan-tao-trong-ky-nguyen-moi-cua-viet-nam-10149.html> (дата обращения: 29.03.2026).

**PRACTICAL METHODS OF SHORT-FORM VIDEO IN
INTERNATIONAL CULTURAL COMMUNICATION: AN
OBSERVATION FROM YOUTH AUDIENCES**

Abstract. *The article examines practical methods of using short-form videos in international cultural communication, with a focus on youth audiences. The relevance of the study is determined by the growing role of digital platforms in the dissemination of cultural information and the formation of intercultural perception. The purpose of the article is to identify the ways in which short-form videos make cultural content more accessible, emotionally engaging, and understandable for viewers from different countries. Special attention is paid to three communicative methods: everyday life storytelling, multi-sensory expression, and content localization. It is shown that these methods contribute to reducing linguistic and cognitive barriers, strengthening audience emotional engagement, and adapting cultural meanings to the local media context. The article emphasizes that the effectiveness of short-form videos is determined not only by the technical features of the format but also by the preservation of cultural authenticity. The results of the study can be used in media production, intercultural projects, and strategies of international cultural communication.*

Keywords: *Short-Form Video, International Cultural Communication, Youth Audience, Content Localization, Cultural Authenticity.*

Introduction

In the context of accelerated digitalization and the globalization of media communication, short-form video has become one of the most influential formats for the dissemination of cultural information across national and linguistic boundaries. Platforms based on short video content have changed not only the speed of information circulation but also the forms through which cultural meanings are produced, adapted, and interpreted by audiences. Unlike traditional models of cultural communication, which often depend on written texts, institutional discourse, or long-format audiovisual materials, short-form videos rely on visual imagery, sound, rhythm, subtitles, emotional expression, and everyday narrative structures. These features make them especially accessible to young audiences, who are among the most active users, interpreters, and distributors of digital media content.

The relevance of this study is determined by the increasing role of youth audiences in international cultural communication. Young people do not merely consume cultural content passively; they participate in its circulation through likes, comments, reposts, imitation, and creative reinterpretation. As a result,

short-form video platforms have become important spaces where cultural knowledge, national images, and intercultural perceptions are formed. This is particularly significant in the context of communication between China and Central Asian countries, where digital media increasingly contributes to mutual cultural awareness and the construction of intercultural dialogue.

The purpose of this article is to identify and analyze practical methods through which short-form videos communicate cultural content to youth audiences in an international context. The study focuses on three major methods: everyday life storytelling, multi-sensory expression, and localization of expression. Everyday life storytelling allows cultural meanings to be presented through ordinary practices such as food preparation, family rituals, festivals, and rural life. Multi-sensory expression strengthens cultural perception through the combination of visual, auditory, and emotional elements. Localization of expression adapts cultural content to the linguistic habits, platform preferences, and aesthetic expectations of target audiences.

The scientific significance of the topic lies in the need to understand short-form video not only as an entertainment format but also as a mechanism of contemporary cultural communication. The practical significance of the research is connected with the possibility of applying the observed communication methods in media production, intercultural projects, educational communication, and international image-building. By examining how authenticity, emotional engagement, and audience-oriented adaptation interact in short-form video communication, this article contributes to the broader discussion of digital media practices in international cultural exchange.

Practical Communication Methods

The first method may be defined as everyday life storytelling. In this approach, creators do not present culture through direct explanation of abstract concepts. Instead, they embed cultural meanings in ordinary scenes, familiar actions, and simple narratives. This method is especially effective for youth audiences because it reduces the distance between “foreign culture” and everyday experience. From the perspective of media practice, culture is not only transmitted as symbolic content but also performed through repeated social actions and habits [1]. For example, short videos about Chinese festivals often show families preparing food, decorating homes, or sharing meals. A video showing the process of making mooncakes for the Mid-Autumn Festival can communicate cultural values without lengthy verbal explanation. The steps of kneading dough, adding fillings, pressing the mold, and sharing the final product allow viewers to understand the festival through visual experience. When such videos circulate on social media platforms in Kazakhstan and other Central Asian contexts, young viewers may not fully know the historical background of the festival, but they can still recognize family intimacy, festive atmosphere, and food-related ritual practice. In this sense, everyday storytelling transforms cultural communication into a low-threshold process of observation, emotional recognition, and gradual understanding.

The second method is multi-sensory expression. Short-form video differs from traditional written cultural texts because it combines images, sound, rhythm, music, subtitles, and bodily movement within a compressed media form. These elements help audiences receive cultural information through several perceptual channels at the same time. Recent research on short videos has shown that audiovisual and emotional stimulation can influence young people's willingness to engage with traditional cultural practices [2]. Therefore, multi-sensory expression is not merely a technical feature but a communicative strategy. For instance, a short video about Chinese bamboo weaving may contain little or no spoken narration. Instead, it may use close-up shots of bamboo strips being cut, split, softened, and woven. The natural sound of bamboo friction, slow camera movement, and calm background music together create an immersive viewing experience. Simple subtitles may appear only at key moments to identify tools, materials, or cultural meanings. Different viewers may focus on different sensory dimensions: some may be attracted by the visual process, while others may notice the rhythm of hand movements or the sound of the craft. This kind of multimodal presentation is particularly useful in international communication because it partly overcomes linguistic barriers. Moreover, it can stimulate intercultural comparison. Young viewers from Central Asian countries may connect Chinese bamboo weaving with their own traditions of handmade craft, thus turning the comment section into a space of informal cultural dialogue.

The third method is localization of expression. International cultural communication cannot rely only on the original form of a video. Audiences in different countries have different language environments, platform habits, aesthetic preferences, and cultural expectations. Therefore, short videos often need to be adapted when they enter a new communicative context. Localization does not mean changing the core cultural content; rather, it means adjusting the form of expression so that the content becomes more accessible to local audiences. This corresponds to the logic of participatory culture, in which media users are not passive receivers but active participants in the circulation and reinterpretation of content [3]. For example, when videos about Chinese rural life are introduced to Central Asian platforms, the production team may replace the original Chinese narration with Kazakh or Russian subtitles and dubbing. They may also shorten a three-minute video to about one minute, highlight visually attractive countryside scenes, and use a rhythm closer to local viewing habits. Such adaptation can increase views, comments, and sharing because the audience feels that the content is culturally distant but communicatively familiar. Research on TikTok and youth cultural identity in Kazakhstan also shows that short-form video platforms have become important environments for the circulation of national and cultural content among young people [4]. Therefore, localization should be understood as a necessary condition for effective cultural transmission rather than a simple marketing technique.

Overall, these three methods—everyday life storytelling, multi-sensory expression, and localization of expression—show that successful short-form video communication depends on both cultural authenticity and audience-oriented adaptation. Short videos are effective not because they simplify culture mechanically, but because they make cultural experience visible, audible, and emotionally approachable. For youth audiences, this form of communication can transform cultural knowledge into shared digital experience. At the same time, creators should avoid excessive commercialization or distortion of cultural meanings. Only when authenticity, emotional engagement, and local relevance are balanced can short-form video become a sustainable tool for international cultural communication.

Conclusion

The analysis of short-form video practices in international cultural communication demonstrates that this media format has significant potential for transmitting cultural meanings to youth audiences. Its effectiveness is based on the ability to combine accessibility, emotional involvement, visual clarity, and rapid circulation. In comparison with traditional forms of cultural communication, short-form video reduces linguistic and cognitive barriers by presenting culture through images, sounds, gestures, daily practices, and localized forms of expression.

The study has shown that three communication methods are especially important. First, everyday life storytelling makes cultural content more understandable by connecting it with ordinary human experiences. Through scenes of family life, traditional food, festivals, and craft practices, audiences are able to perceive culture not as an abstract concept but as a lived social reality. Second, multi-sensory expression strengthens the communicative effect of short videos by integrating visual details, natural sounds, music, subtitles, and editing rhythm. This approach increases the emotional and cognitive involvement of viewers and supports intercultural comparison. Third, localization of expression plays a crucial role in adapting cultural content to specific audience contexts. The use of local-language subtitles, natural dubbing, adjusted video length, and platform-specific editing rhythm helps foreign cultural content become more acceptable and understandable without losing its original cultural meaning.

At the same time, the research confirms that successful short-form video communication should not be reduced to technical optimization or the pursuit of online popularity. The preservation of cultural authenticity remains a fundamental condition for meaningful international communication. If cultural content is excessively simplified, commercialized, or distorted, it may attract temporary attention but fail to produce sustainable intercultural understanding. Therefore, creators and communication practitioners should seek a balance between authenticity and adaptation, between cultural specificity and audience accessibility.

The practical value of the study lies in its applicability to cultural media production, youth-oriented communication strategies, and international cultural

exchange projects. The findings may be useful for content creators, communication specialists, educators, and researchers who work with digital media and intercultural communication. Future research may further examine audience reception, platform algorithms, comment-based interaction, and the role of artificial intelligence tools in the production and dissemination of cultural short videos. Overall, short-form video should be understood as a dynamic and influential instrument of contemporary international cultural communication, capable of promoting mutual understanding when cultural content is presented authentically, emotionally, and in forms close to the audience's communicative experience.

References

1. Couldry N. Theorising media as practice // *Social Semiotics*. 2004. Vol. 14, № 2. P. 115–132.
2. Zeng H., Yao G., Ma X. The impact of short videos on young people's willingness to engage in martial arts: Establishing and testing a conditional process model // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. Vol. 12. Article 624.
3. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006.
4. Zhanserikova N., Beisenkulov A. A., Kuantayev N. The influence of video content on TikTok on young people: National identity and cultural communication // *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Journalism Series*. 2025. Vol. 152, № 3. P. 98–113.

Toshmurodova M.E.

master's student

ORCID: 0000-0002-3266-1298

Amanov O.A., PhD

associate professor

Head of the Accounting and Auditing Department

Karshi State Technical University

Uzbekistan

ORCID: 0009-0000-7988-845X

SOCIO-ECONOMIC IMPORTANCE OF ORGANIZING REMOTE AUDIT PROCESSES

Abstract. *This article examines how audit firms can organize remote and hybrid audit processes without reducing audit quality or violating the requirements of the International Standards on Auditing. The study is based on comparative analysis, synthesis of professional guidance, review of regulatory sources, and interpretation of official statistics for Uzbekistan.*

Keywords: *remote audit, audit firms, hybrid audit, digital transformation, audit evidence, cybersecurity, Uzbekistan.*

Introduction

The rapid diffusion of digital technologies is changing the organization of business processes, internal control, financial reporting, and assurance services. Audit firms are no exception. The pandemic period accelerated the use of remote communication, cloud platforms, and digital document exchange, but it also exposed the methodological and ethical limits of fully virtual audit work. Professional guidance issued during and after the COVID-19 period emphasized that remote working does not alter the auditor's responsibility to obtain sufficient appropriate audit evidence and to maintain professional skepticism [4; 5]. For Uzbekistan, the issue has acquired strategic significance because national economic reforms increasingly rely on the digitalization of state administration, financial reporting, and public services [1; 2].

In this context, the organization of remote audit processes should be treated not as a temporary response to external shocks, but as an element of broader audit modernization. The challenge is to identify which audit procedures can be performed remotely without weakening evidence quality, which procedures require a physical presence, and how audit firms can combine both approaches in a cost-effective and secure manner. The practical relevance of this topic is reinforced by recent institutional changes in Uzbekistan's audit system and by the expansion of the country's digital infrastructure, which creates new opportunities for remote access to records, digital interaction with clients, and hybrid engagement planning.

Literature Review

The contemporary literature and professional guidance generally identify three clusters of issues in remote auditing. The first concerns efficiency gains. Remote auditing can reduce travel-related expenses, shorten the time required for routine evidence collection, and facilitate access to clients located in different regions. Professional bodies have also noted that remote techniques may improve scheduling flexibility and allow audit teams to work with digital evidence in a more structured way [5; 6].

The second cluster concerns audit quality and risk. International guidance stresses that the use of technology does not reduce the evidential threshold required by the ISAs. Instead, it requires the auditor to redesign procedures, consider alternative forms of evidence, and evaluate whether the evidence obtained remotely remains reliable, complete, and sufficient [4; 5]. High-risk areas—such as stock counts, site visits, physical inspection of fixed assets, and direct observation of operational controls—often remain poorly suited to a purely remote format.

The third cluster concerns organizational and behavioral effects. Remote work can improve flexibility, but it may also weaken supervision, complicate team learning, intensify cybersecurity risks, and blur the boundary between work time and rest time. For audit firms, this means that a purely technological approach is insufficient. Remote audit requires updated workflows, formal evidence protocols, secure channels for exchanging information, and active partner-level quality review.

Research Methodology

The study applies general scientific and special analytical methods, including comparative analysis, classification, synthesis, deduction, and systematization of scientific and regulatory information. The empirical component is descriptive rather than econometric. It uses official indicators of Uzbekistan's digital development to evaluate the institutional preconditions for the wider use of remote audit. The main sources include legislation of the Republic of Uzbekistan, guidance from international professional organizations, publications of the Chamber of Auditors of Uzbekistan, and official statistical datasets on the digital economy and internet infrastructure [1–10].

Methodologically, the article proceeds in four stages. First, it identifies the key benefits and constraints of remote auditing in the international literature. Second, it compares remote, on-site, and hybrid audit models. Third, it examines the digital readiness of Uzbekistan using selected official indicators. Fourth, it formulates an implementation framework for Uzbek audit firms that aligns technological feasibility with audit quality requirements.

Analysis and Discussion of Results

1. WHY REMOTE AUDIT MATTERS FOR AUDIT FIRMS

Remote audit is most effective where the engagement involves standardized documentation, repeated compliance procedures, digital accounting records, and geographically dispersed management communication. Under such conditions, the audit firm may achieve lower direct costs, shorter document turnaround time, and more flexible deployment of staff. These benefits are particularly valuable for

medium-sized firms and for engagements in which part of the evidence already exists in digital form.

However, remote audit should not be interpreted as a universal substitute for traditional audit. Its economic effect depends on the quality of the client's digital records, the reliability of internal controls, and the firm's ability to standardize workflows. If the client lacks structured digital archives or if information security is weak, remote procedures may become more expensive and more risky than conventional fieldwork. Therefore, the relevant managerial choice is not between 'remote' and 'traditional' audit as mutually exclusive models, but between different combinations of remote and on-site procedures.

Table 1. Comparative characteristics of on-site, remote, and hybrid audit models

Criterion	On-site audit	Remote audit	Hybrid audit
Travel and logistics costs	High	Low	Moderate
Speed of routine document exchange	Moderate	High	High
Suitability for physical inspection	High	Low	High
Suitability for standard compliance testing	Moderate	High	High
Cybersecurity exposure	Moderate	High unless controlled	Moderate to high
Flexibility for scheduling	Moderate	High	High
Overall appropriateness	Traditional environments	Low-risk digital environments	Most practical option

Source: developed by the author on the basis of international audit guidance and the uploaded article.

2. INTERNATIONAL PRACTICES AND THE LIMITS OF FULL VIRTUALIZATION

International experience demonstrates that remote auditing is most successful when firms adopt a risk-based and technologically disciplined approach. Large audit networks expanded the use of digital collaboration platforms, cloud-based evidence exchange, and video-supported walkthroughs during the pandemic period. At the same time, professional organizations consistently warned against assuming that remote access automatically guarantees audit quality [4; 5].

A common conclusion of international practice is that hybrid audit is more sustainable than a fully remote model. Remote procedures are well suited to planning, analytical review, document inspection, client interviews, and selected control testing. By contrast, complex and high-risk procedures are still better performed on-site. This division of labor is especially important for firms operating in emerging markets, where the degree of digital maturity varies significantly across clients.

Table 2. Selected international practices and lessons for Uzbekistan

Practice	Main insight	Implication for Uzbek audit firms
ICAEW remote audit guidance	Remote techniques are acceptable only if sufficient appropriate evidence is still obtained.	Firms should document alternative procedures and evidence quality tests.
IAASB pandemic guidance	Auditors may need enhanced or alternative procedures when normal access is constrained.	Remote audit should be linked to formal risk reassessment.
Big-firm hybrid practice	Digital testing is efficient, but complex procedures still require physical verification.	Hybrid planning should be the default model for high-risk engagements.
Post-pandemic audit quality initiatives	Training, supervision, and standardized workflows are essential for consistency.	Investment in staff capability is as important as investment in technology.

Source: compiled from ICAEW, IAASB, and professional practice materials [4–6].

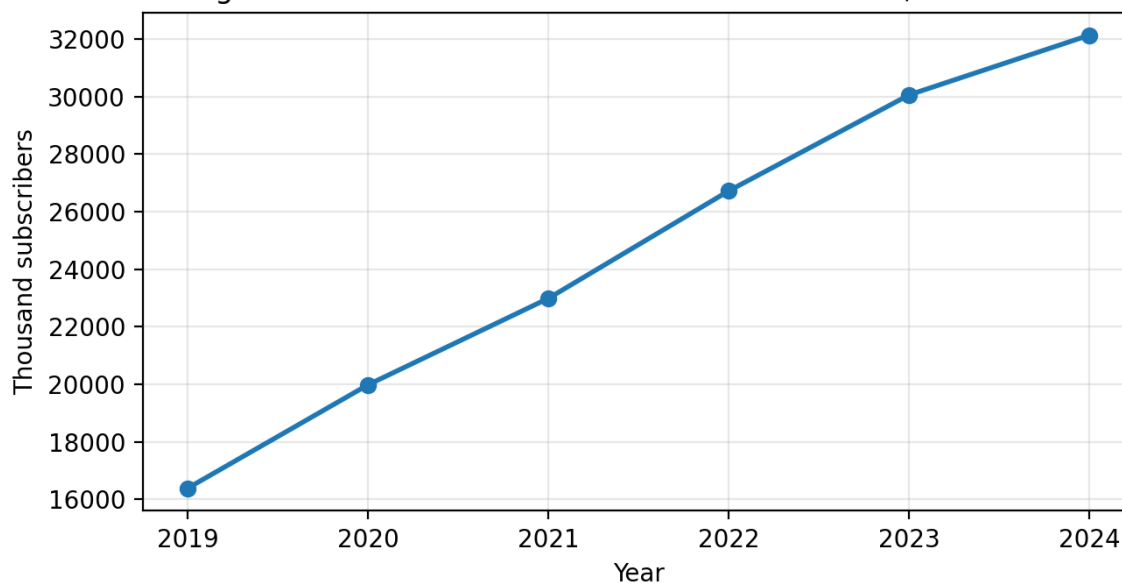
3. DIGITAL READINESS OF UZBEKISTAN FOR REMOTE AUDITING

The practical viability of remote audit depends on whether the surrounding digital ecosystem is sufficiently developed. In Uzbekistan, several official indicators point to a clear strengthening of this ecosystem. According to the National Statistics Committee, the total number of internet subscribers increased from 16.4 million in 2019 to 32.1 million in 2024, which represents almost a doubling over five years [8]. The same source shows that the share of ICT value added in GDP rose from 1.4% in 2019 to 2.4% in 2024 [7]. In parallel, the number of active organizations in the information and communication sector increased from 7,901 in 2020 to 10,551 in 2024 [9].

Additional evidence also points to progress in digital public administration. Government reporting indicates that by 2025 the Single Interactive Public Services Portal offered 800 services, had more than 12.5 million registered users, and delivered more than 39.4 million services during the first nine months of the year [10]. The World Bank reports that 89% of Uzbekistan’s population used the internet in 2023 [11]. Taken together, these indicators suggest that the infrastructural conditions for remote and hybrid audit are substantially stronger today than they were before the pandemic.

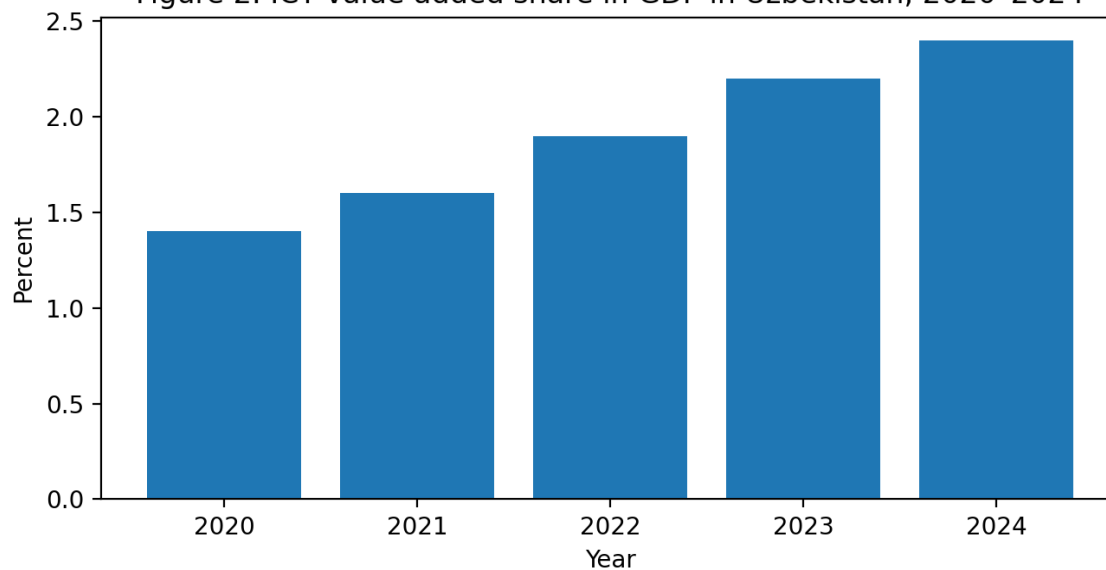
Nevertheless, digital readiness at the macro level should not be confused with client-level readiness. Audit firms in Uzbekistan still face differences in the quality of digital records, cybersecurity discipline, electronic document management practices, and staff capability across industries and regions. Therefore, national statistics support the feasibility of remote audit, but they do not eliminate the need for selective implementation and strong quality safeguards.

Figure 1. Total internet subscribers in Uzbekistan, 2019-2024

Source: National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, dataset “Number of subscribers with Internet access, total (by region)” [8].

Figure 2. ICT value added share in GDP in Uzbekistan, 2020-2024

Source: National Statistics Committee of the Republic of Uzbekistan, dataset “Share of value added created in sector of information and communication technologies (ICT) in GDP (annual)” [7].

Table 3. Selected indicators of Uzbekistan's digital environment relevant to remote auditing

Indicator	Base year/value	Latest year/value	Interpretation for audit firms
Total internet subscribers	2019: 16,386.2 thousand	2024: 32,138.6 thousand	Wider digital connectivity supports remote evidence exchange.
ICT value added in GDP	2019: 1.4%	2024: 2.4%	Higher digital intensity strengthens the business case for technology-enabled audit.
Active organizations in information and communication	2020: 7,901	2024: 10,551	Expansion of the digital sector increases the supply of technology providers and skilled support.
Users of the Single Portal	2017: 60 services available	2025: 800 services; 12.5+ million users	Public sector digitalization helps normalize electronic interaction and identity verification.
Individuals using the internet	—	2023: 89% of population	A broad digital user base reduces barriers to client communication.

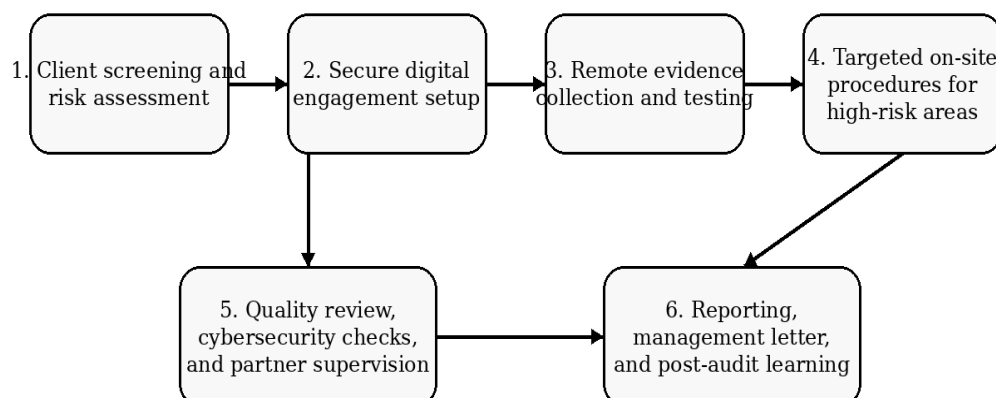
Source: compiled from official statistics and government sources [7–11].

4. A PROPOSED MODEL FOR ORGANIZING REMOTE AUDIT PROCESSES IN UZBEK AUDIT FIRMS

Based on the above analysis, the most suitable organizational solution for Uzbekistan is a hybrid model. Its logic is straightforward: routine, low-risk, and document-intensive procedures should be transferred to secure digital channels, while high-risk and observation-based procedures should remain on-site. Such a model allows firms to capture efficiency gains without weakening audit reliability.

The model should begin with a client readiness assessment covering digital archives, accounting software, internal control maturity, cybersecurity practices, and the feasibility of video-supported walkthroughs. After acceptance, the audit team should establish a protected digital workspace with controlled access, evidence naming rules, version control, and protocols for confidentiality.

Figure 3. Proposed hybrid remote audit model for Uzbek audit firms

Principles: ISA compliance • data security • audit evidence integrity • hybrid flexibility

Source: developed by the author.

The main testing phase may then combine analytical procedures, inspection of digital records, remote interviews, screen-sharing demonstrations, and, where justified, targeted field visits. Finally, partner-level review should include not only technical audit issues but also data protection, completeness of digital evidence, and the appropriateness of any procedures replaced by remote alternatives.

Table 4. Practical roadmap for implementing remote and hybrid audit in Uzbek audit firms

Stage	Key action	Expected benefit	Main control point
1. Preparation	Assess client digital readiness and classify engagement risk.	Better selection of remote procedures.	Partner approval of risk map.
2. Infrastructure	Introduce secure cloud folders, encrypted channels, and evidence protocols.	Faster and safer information exchange.	Access rights and cybersecurity review.
3. Execution	Use remote testing for routine areas and reserve fieldwork for high-risk procedures.	Cost savings without loss of audit quality.	Documentation of alternative procedures.
4. Review	Apply enhanced supervision and quality control over digital evidence.	Consistency of judgments and compliance with ISAs.	Second-level review of critical files.
5. Development	Train staff in digital tools, cyber hygiene, and remote communication.	Sustainable improvement of audit capacity.	Annual skills assessment.

Source: developed by the author.

Conclusion and Recommendations

The study shows that remote audit should not be viewed as a temporary or purely technical innovation. It is a new organizational format of audit work that requires methodological adaptation, digital infrastructure, and stronger internal quality controls. Its main advantages are lower travel costs, faster exchange of records, greater scheduling flexibility, and wider access to geographically dispersed clients. Its principal limitations concern evidence reliability in high-risk procedures, cybersecurity exposure, and the possibility of weaker team supervision.

For Uzbekistan, the development of remote and hybrid audit is realistic and timely. Official data confirm the expansion of internet connectivity, the rising economic role of the ICT sector, the growth of organizations in information and communication, and the rapid expansion of digital public services. These trends create a favorable environment for audit modernization. However, the evidence also suggests that the most effective path is not the full replacement of on-site audit, but the structured integration of remote and field procedures.

Accordingly, Uzbek audit firms should: (1) adopt hybrid engagement planning as a standard approach; (2) formalize secure digital evidence protocols; (3) strengthen cybersecurity and confidentiality controls; (4) expand staff training in remote methods and ISA-based alternative procedures; and (5) develop partner-level review mechanisms focused specifically on digital evidence quality. Implementation of these measures will increase the efficiency, resilience, and international compatibility of audit services in Uzbekistan.

References

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PF-60 dated 28 January 2022, "On the Development Strategy of New Uzbekistan for 2022–2026".
2. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PQ-4611 dated 24 February 2020, "On Additional Measures on the Transition to International Financial Reporting Standards".
3. Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-677 dated 25 February 2021, "On Audit Activity".
4. International Auditing and Assurance Standards Board (IAASB). Guidance for Auditors During the COVID Pandemic.
5. Аманов О. А., Жонузоков Н. Б. Влияние цифровой экономики на рынок труда // Экономика и социум. 2020. №12 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-ekonomiki-na-rynok-truda> (дата обращения: 07.04.2026).
6. Amanov O.A. The importance of digital technologies in ensuring employment // Экономика и социум. 2020. №12 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-importance-of-digital-technologies-in-ensuring-employment> (дата обращения: 07.04.2026).
7. Аманов О. А. Рынок труда молодежи в контексте перехода к цифровой экономике // Экономика и социум. 2025. №12-2 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-molodezhi-v-kontekste-perehoda-k-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 07.04.2026).

8. Chamber of Auditors of Uzbekistan. Annual Report 2023-2025.

**WORKPLACE HIERARCHY AND CROSS-CULTURAL ADAPTATION:
A HIGH-LOW CONTEXT INTERPRETATION OF FAMILY
COMMUNICATION IN ALL IS WELL**

Abstract. *This article examines the features of family communication in the Chinese television drama All Is Well from the perspective of Edward T. Hall's theory of high- and low-context communication. The aim of the study is to identify the influence of workplace hierarchy and cross-cultural adaptation on the formation of different communicative models within the contemporary Chinese family. It is shown that Su Mingyu, who occupies a senior managerial position, demonstrates a rational, direct and low-context communication style oriented toward rules and personal boundaries. Su Mingcheng, by contrast, preserves a high-context model based on family ethics, emotionality and implicit expectations. Su Mingzhe represents a mixed type of communication, combining traditional Chinese values with Western low-context behavioral patterns. The article concludes that the conflicts within the Su family reflect not only personal contradictions, but also a deeper internal differentiation of Chinese high-context culture under the conditions of modernization, market transformation and globalization.*

Keywords: *High-Context Communication, Low-Context Communication, Family Communication, Workplace Hierarchy, Cross-Cultural Adaptation.*

Introduction

In the context of accelerating modernization, marketization and globalization, family communication in contemporary China is no longer determined solely by traditional kinship ethics, but is increasingly reshaped by professional identity, institutional hierarchy and cross-cultural experience. As a basic unit of social interaction, the family functions as a concentrated space in which broader social transformations are reflected through everyday verbal conflicts, emotional negotiations and value confrontations. Therefore, the study of family communication provides an important perspective for understanding the internal differentiation of Chinese high-context culture under modern conditions.

Edward T. Hall's theory of high- and low-context communication offers a productive analytical framework for examining these transformations. High-context communication relies heavily on implicit meanings, shared background knowledge, interpersonal obligations and emotional resonance, whereas low-context communication emphasizes explicit verbal expression, logical clarity, individual boundaries and rule-based interaction. Although Chinese culture is commonly regarded as a typical high-context culture, contemporary social

mobility, bureaucratic workplace structures and overseas cultural adaptation have generated more complex and heterogeneous communicative patterns within Chinese families.

The television drama *All Is Well* provides a representative cultural text for observing such contextual differentiation. The Su siblings embody three different communicative models shaped by distinct social experiences: Su Mingyu demonstrates a low-context, rational and boundary-oriented style formed through senior corporate management; Su Mingcheng maintains a traditional high-context pattern rooted in grassroots workplace relations and familial ethics; while Su Mingzhe, influenced by long-term residence in the United States, presents a mixed communicative mode combining Chinese high-context values with Western low-context behavioral norms. Their conflicts are therefore not merely personal disputes, but manifestations of structural tensions between rules and relationships, individualism and collectivism, efficiency and kinship morality.

Based on Hall's high-low context theory, and drawing on related perspectives from power distance theory and cross-cultural adaptation studies, this paper analyzes the communicative conflicts among the Su siblings in *All Is Well*. It aims to reveal how workplace hierarchy and cross-cultural adaptation contribute to contextual differentiation within the family, and how such differentiation reflects the broader transformation of contemporary Chinese social relations.

Core Theoretical Foundations of High-Low Context

In high-context cultures, substantial information is embedded in situations, relationships and collective consensus, with implicit and euphemistic verbal expressions emphasizing interpersonal harmony and restraint. In low-context cultures, core information is explicitly conveyed through linguistic texts, featuring direct expressions that prioritize efficiency, boundaries and rationality [1]. The East Asian Confucian cultural circle generally exhibits high-context characteristics, yet market-oriented workplaces and overseas life experiences can break inherent contextual inertia [2].

Hofstede's power distance theory states that higher organizational hierarchies correspond to more standardized, direct and result-oriented communication [3]. Senior management roles focus on efficiency, division of rights and responsibilities, and rule enforcement, inherently favoring low-context communication; grassroots positions rely on personal connections and implicit group understandings, retaining traditional high-context communication habits [4]. This theory provides sociological support for interpreting the communication differences among the three Su siblings.

Berry's cross-cultural adaptation theory indicates that individuals residing long-term in low-context Western countries develop direct expressive habits and a strong sense of personal boundaries. However, they cannot fully abandon the value foundations of their native culture, ultimately forming a "dual-context

mixed" communication mode that easily leads to misunderstandings in their original family environment [5].

Workplace Hierarchy Differences: Endogenous Contextual Differentiation Among the Su Siblings

As a senior manager in a large enterprise and someone long immersed in a market-oriented bureaucratic environment, Su Mingyu displays stable low-context communication traits. First, her verbal expression is direct, pragmatic and solution-oriented. When dealing with elderly care, property division and family disputes, she consistently focuses on facts, workable arrangements and individual accountability, rather than accepting emotional blackmail or implicit moral pressure. Second, she attaches great importance to interpersonal boundaries. She clearly separates voluntary family responsibility from coercive familial obligation, and refuses to accept the traditional high-context Chinese assumption that "kinship overrides rules." Third, her communication is relatively de-emotionalized. Instead of responding through quarrels, accusations or moral appeals, she tends to rely on rational explanation, contractual awareness and problem-solving logic, which corresponds to the efficiency-oriented principles of modern low-context workplaces [Там же 6].

However, this style also makes Su Mingyu an "outlier" within her family of origin. Her rational, explicit and boundary-conscious expressions are often interpreted by her relatives as indifference, selfishness or a lack of affection. In essence, this misunderstanding reveals a deeper structural conflict between low-context rational logic and high-context relationship-centered thinking. What Mingyu regards as clarity and fairness is perceived by others as emotional distance; what she understands as reasonable boundary-setting is judged by the family as a refusal of kinship responsibility.

By contrast, Su Mingcheng, who is embedded in an ordinary grassroots workplace, largely follows traditional Chinese high-context communication norms. First, his expressions are often indirect and implicit. He depends heavily on subtext, shared background knowledge and others' unspoken understanding, while avoiding clear refusals or explicit positions. Second, he frequently uses kinship, filial piety and personal favors as communicative resources. In family negotiations, he tends to replace factual discussion with moral judgment, and gives priority to interpersonal sentiment rather than formal rules. Finally, his communication is strongly emotional. He repeatedly returns to past grievances, amplifies emotional conflict, and avoids rational, issue-specific solutions. Su Mingcheng's style therefore represents the intersection of relationship-oriented grassroots workplace culture and traditional familial high-context norms. It is precisely this overlap that often turns ordinary family disagreements into moralized conflicts in traditional Chinese households [Там же 2].

Thus, workplace hierarchy shapes different levels of tolerance for direct expression. Senior managerial positions encourage decisive, explicit and efficiency-oriented communication, with less dependence on emotional accommodation. Grassroots roles, by contrast, require greater attention to group

harmony, face-saving and implicit courtesy. The clash between efficiency logic and relationship logic consequently intensifies the Su family's verbal conflicts, transforming practical issues into ethical confrontations and emotional disputes [Там же 4].

Cross-Cultural Adaptation: Dual-Context Mixing and Communication Conflicts of Su Mingzhe

Having settled permanently in the United States, Su Mingzhe is a typical case of cross-cultural adaptation, combining underlying high-context cultural roots with low-context behavioral patterns [Там же 5]. On one hand, overseas life has cultivated Western low-context traits: he values personal boundaries, articulates demands directly, recognizes individual independence and opposes excessive familial entanglement. On the other hand, deeply influenced by traditional Chinese culture, he stubbornly upholds high-context values such as the eldest son's responsibility, family reputation and filial piety.

This ideological divide results in severe contextual dissonance: he attempts to define personal boundaries with Western rational rules while demanding sacrifices from his siblings based on Eastern kinship morality. In critical matters including paternal elderly support, family resource allocation and responsibility sharing, his double standards intensify conflicts constantly: his direct demands are interpreted by his family as evading accountability, while his moral preaching contradicts Western individualism. Su Mingzhe's dilemma vividly illustrates the familial communication crises caused by contextual mixing among individuals experiencing transnational mobility.

Cultural Reflections on High-Low Context Conflicts

Deviations emerge in the process of information decoding: direct low-context expression is easily interpreted as emotional coldness from a high-context perspective, whereas implicit high-context insinuation may be perceived as hypocrisy or manipulation from a low-context standpoint, thereby producing systematic misunderstandings in verbal interaction [Там же 1]. Second, these communicative conflicts reveal an opposition of core values. The standardized, rule-oriented and individualistic logic cultivated by modern workplaces comes into profound tension with the collectivist orientation and relationship-based ethics embedded in traditional family structures. Third, such conflicts reflect broader social transformation. The family disputes in *All Is Well* are therefore not reducible to individual personality differences; rather, they constitute a cultural symptom of internal contextual differentiation within Chinese high-context culture under the combined influence of modernization, marketization and globalization.

Accordingly, contemporary family communication requires a more inclusive interpretive framework. Differences caused by workplace hierarchy, institutional experience and cross-cultural exposure should be recognized, rather than judged through unilateral moral standards. High-context communication may benefit from greater explicitness and clarity, while low-context communication should incorporate emotional empathy and relational sensitivity.

Only through such mutual adjustment can a balanced communicative model be established between normative rules and interpersonal bonds.

Conclusion

The analysis demonstrates that the family conflicts represented in *All Is Well* are rooted not only in emotional disagreement or individual personality differences, but also in deeper contextual divergences shaped by workplace hierarchy and cross-cultural adaptation. Su Mingyu's direct, rational and boundary-conscious communication reflects the low-context logic cultivated by modern corporate bureaucracy. Su Mingcheng's implicit, emotional and relationship-oriented expression embodies the continuity of traditional Chinese high-context norms within grassroots workplace and family structures. Su Mingzhe's communicative contradictions, meanwhile, reveal the instability of dual-context adaptation, in which Western low-context behavioral habits coexist with persistent Chinese high-context moral expectations.

These three communicative models together illustrate the internal differentiation of Chinese high-context culture under conditions of modernization, marketization and globalization. The Su family's disputes over elderly care, responsibility distribution, property and kinship obligations are therefore symbolic of broader social tensions: the conflict between institutional rules and personal relationships, between individual autonomy and collective morality, and between explicit rational negotiation and implicit emotional expectation. In this sense, *All Is Well* functions not only as a family drama, but also as a cultural text reflecting the transformation of contemporary Chinese communicative order.

From a theoretical perspective, the study confirms the explanatory value of Hall's high-low context theory in analyzing intra-cultural rather than only intercultural communication. It further shows that contextual differences may emerge within a single national culture due to social stratification, occupational experience and transnational mobility. In practical terms, the findings suggest that contemporary family communication requires a more flexible and inclusive model. High-context communication should strengthen explicitness and problem-oriented clarity, while low-context communication should incorporate emotional sensitivity and relational empathy. Only through such mutual adjustment can modern families establish a more balanced communicative framework between rules and affection, autonomy and responsibility, and rational negotiation and interpersonal solidarity.

References

1. Hall, E. T. *Beyond Culture* [M]. Beijing: Peking University Press, 2010.
2. Guan, S. J. *Intercultural Communication: Enhancing Foreign Exchange Competence* [M]. Beijing: Peking University Press, 2015.
3. Hofstede, G. *Culture's Consequences* [M]. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2001.
4. Liu, H. L. *Mass Communication Theories: Paradigms and Schools* [M]. Beijing:

Renmin University of China Press, 2018.

5. Berry, J. W. Immigration, acculturation, and adaptation [J]. Applied Psychology, 1997.

6. Hu, W. Z. An Introduction to Intercultural Communication [M]. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2013.

*Абдулатипова Д.П.
студент*

*Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

*Скидан А.В., к.э.н.
доцент*

*Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических основ кадровой безопасности организации, исследованию различных взглядов на определение понятия «кадровая безопасность», изучению ключевых элементов кадровой безопасности и специфику обеспечения кадровой безопасности предприятия основываясь на объективных и субъективных факторах.*

***Ключевые слова:** кадровая безопасность, персонал, рекрутинг, экономическая безопасность*

*Abdulatipova D.P.
student*

*South-Russian Institute of Management, branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

*Skidan A.V., Candidate of Economic Sciences
associate professor*

*South-Russian Institute of Management, branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

HUMAN RESOURCES SECURITY AS AN ELEMENT OF EFFICIENT DEVELOPMENT OF AN ORGANIZATION'S ACTIVITIES

***Abstract:** The article is devoted to the consideration of the theoretical and methodological foundations of the personnel security of the organization, the study of various views on the definition of the concept of «personnel security», the study of the key elements of personnel security and the specifics of ensuring the personnel security of an enterprise based on objective and subjective factors.*

***Keywords:** personnel security, personnel, recruitment, economic security*

В современных социально-экономических условиях российские хозяйствующие субъекты находятся в нестабильной ситуации, прежде

все это связано, с неустойчивостью мировых финансовых и сырьевых рынков, влиянием финансово-экономического кризиса, политической и экономической нестабильностью обусловленной санкциями со стороны ЕС и властей США, а так же ограничительными мерами связанных с последствиями пандемии, а также военными действиями на разных континентах мира. Все перечисленные факторы ставят в приоритет проблемы безопасности, как для национальной экономики, так и для отдельных российских хозяйствующих субъектов.

Безопасность с точки зрения экономического развития представляет собой обеспечение защищенности от внешних и внутренних угроз, а так же способность противостоять угрозам и рискам за счет грамотного механизма управления и потенциала устойчивого развития.

В условиях современного социально-экономического развития государства основным вектором в системе национального производства становится организация.

В теории и практике сложилось единое, унифицированное понятие «организации» и представляет оно собой самостоятельный субъект предпринимательской деятельности, т.е. юридическое лицо, которое осуществляет на свой страх и риск достижение поставленных целей – получение прибыли. А именно, организация на систематической основе сталкивается с имущественными рисками, репутационными угрозами, в большей степени связанные с непрофессионализмом и некомпетентностью сотрудников организации (мелких хищений ценностей или разглашение стратегически значимой коммерческой и клиентской информации (коммерческая тайна), все это и обуславливает необходимость в обеспечении кадровой безопасности организации и защите от угроз и рисков¹⁰.

Таким образом, кадровая безопасность организации концентрируется на основе безопасного функционирования организации, так как непосредственные трудовые ресурсы является носителем опасностей и угроз. Этим обусловлены присутствие а научных кругах многообразия определений дефиниции «кадровая безопасность организации», а вместе с этим и актуальность вопросов анализа подходов к определению этого понятия.

Кадровая безопасность прежде всего это совокупность мер, мероприятий и направлений развития, направленных на устранение угроз и предотвращение рисков и кризисных ситуаций а также действия по смягчению негативных для экономического состояния организации последствий, отношений связанных с выполнением трудовых функций и

¹⁰ Духновский, С. В. Кадровая безопасность организации: учебник и практикум для академического бакалавриата. — М. : Издательство Юрайт, 2019. 245 с.

поведением (психологическое состояние работников, стрессоустойчивость персонала и интеллектуальный потенциал)¹¹.

Система кадровой безопасности — «комплекс мер в области управления персоналом, направленных на минимизацию рисков нанесения ущерба организации со стороны персонала и непосредственно самому персоналу»¹².

Сущность понятия «кадровая безопасность» рассмотрена у В.В. Водяновой, которая представляет ее, как элемент экономической безопасности хозяйствующего субъекта, направлениями развития для которой является способность защититься от рисков и угроз, а так же создание максимально эффективных условий для наиболее принятия управленческих решений связанных с администрированием персонала, как наиболее значимого ресурса обеспечивающего высокий уровень конкурентоспособности»¹³.

В.В. Панкратьев в своих работах пишет о том, что основной целью кадровой безопасности представляется прежде всего выявление, предотвращение и прогнозирование угроз, которые прежде всего связаны с персоналом, его потенциалом и компетентностью, а те, которые идут непосредственно от персонала (кадров), должны концентрироваться в процессе управления трудовыми ресурсами и развитии кадровой политики организации¹⁴.

Мы считаем, что кадровая безопасность учреждения это прежде всего элемент экономической безопасности, основанный на предотвращении воздействий на кадровую политику организации и экономическую безопасность за счет снижения угроз связанных с человеческими ресурсами и трудовыми отношениями. На рисунке 1 мы систематизировали основные подходы на понятие «кадровая безопасность организации».

¹¹ Троценко В.М. Обеспечение кадровой безопасности как инструмент обеспечения экономической безопасности организации / В.М. Троценко //Московский экономический журнал. – 2019. - с. 88

¹² Даниленко, С. В. Подходы к управлению кадровой безопасностью предприятия в ходе реструктуризации //Проблемы экономики. -2018. -№ 4. -С. 146-150.

¹³ Алавердов А.Р. Управление кадровой безопасностью организации: учеб. -М.: Маркет ДС, 2018. -176 с.

¹⁴ Кузнецова Е.И. Экономическая безопасность. Учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2017. 296 с.

Рис. 1 Схема основных подходов и взглядов на понятие «кадровая безопасность организации»

При исследовании мы определили составляющие кадровой безопасности:

1) финансовая безопасность (финансово-экономические показатели организации, устойчивость к банкротству, параметры платежеспособности и другие «материальные» характеристики;

2) силовая безопасность основывается на режиме физической охраны объектов и личную охрану руководства, противодействие криминалу, взаимодействие с правоохранительными и другими государственными органами;

3) информационная безопасность это защита как собственной информации, включая конфиденциальность, но и деловая разведка, информационно-аналитическую работу с внешними и внутренними субъектами и т. д.;

4) технико-технологическая безопасность основывается на создании и использовании такой технической базы, оборудования и основных средств производства и таких технологий и бизнес-процессов, которые усиливают конкурентоспособность предприятия;

5) правовая безопасность — подразумевает всестороннее юридическое обеспечение деятельности предприятия, грамотную правовую работу с контрагентами и властью, решение иных правовых вопросов¹⁵.

Современный процесс кадровой безопасности в организации это взаимосвязь процессов предотвращения негативных воздействий на экономическую безопасность предприятия за счет рисков и угроз, связанных с кадровыми ресурсами организации, их интеллектом и потенциалом, а так же трудовыми отношениями, которая опирается на 3 ключевых аспекта:

¹⁵ Стружевская В.Б. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности предприятий // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика. – 2020. – с. 226

- долгосрочный рекрутинг;
- компетентность и лояльность кадров;
- контроль кадров.

Субъектами кадровой безопасности являются: сотрудники службы управления персоналом тор-менеджеры; сотрудники, занимающиеся корпоративной безопасностью; основные сотрудники организации; персонал обладающие доступом к различным видам ресурсов; прочие сотрудники.

Объекты – сотрудники организации.

Основной задачей кадровой безопасности является разработка и реализация системы мероприятий по анализу рисков и оценке угроз, установлении их причин и возможных последствий, вариантов и способов предупреждения и минимизации, определение критериев, показателей и индикаторов кадровой безопасности, ресурсного и функционального обеспечения, а также направлений совершенствования кадровой безопасности

16.

По результатам проведенного анализа теоретических основ формирования и развития понятия «кадровая безопасность» и сущность ее в системе экономической безопасности, мы пришли к выводу, что данное понятие необходимо рассматривать, во-первых, как безопасность деятельности сотрудников организации, во-вторых как безопасность организации от негативных действий ее сотрудников (криминальные структуры или конкурирующие организации), ресурсы организации (материальные, интеллектуальные, информационные).

Использованные источники:

1. Климов Д.В. Кадровая безопасность: понятие, внутренние и внешние угрозы, группы риска / Д.В. Климов // Вестник Прикамского социального института. – 2019. – с. 41-44
2. Духновский, С. В. Кадровая безопасность организации: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Издательство Юрайт, 2019. 245 с.
3. Алавердов А.Р. Управление кадровой безопасностью организации: учеб. - М.: Маркет ДС, 2018. -176 с.
4. Троценко В.М. Обеспечение кадровой безопасности как инструмент обеспечения экономической безопасности организации / В.М. Троценко //Московский экономический журнал. – 2019. - с. 88
5. Стружевская В.Б. Кадровая безопасность как элемент экономической безопасности предприятий // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика. – 2020. – с. 226
6. Родионов А.В. Некоторые аспекты обеспечения кадровой безопасности предприятия: новая реальность / А.В. Родионов, В.М. Буларова // Материалы конференций ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ» – 2021. – с. 86-88.

¹⁶ Родионов А.В. Некоторые аспекты обеспечения кадровой безопасности предприятия: новая реальность / А.В. Родионов, В.М. Буларова // Материалы конференций ГНИИ «НАЦРАЗВИТИЕ» – 2021. – с. 86-88.

7. Скидан А.В., Чипига Ю.А. Новые тренды высшего образования в условиях цифровой трансформации // В сборнике: Молодежная инициатива - 2020. Материалы Городской научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 146-149.
8. Аверьянов А.О. Современные инструменты обеспечения кадровой безопасности организации / А.О. Аверьянов // Синергия наук. – 2020. – с. 156-164.
9. Рощектаева У.Ю. Проблемы обеспечения кадровой безопасности хозяйствующего субъекта / У.Ю. Рощектаева, С.А. Рощектаева // Трансформация социально-экономического пространства России и мира. – 2020. – с. 238-246.

БИОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИДОВ *INULA HELENIUM* L. И *INULA GRANDIS* SCHRENK

Аннотация: В статье представлены результаты исследования биоморфологических особенностей *Inula helenium* L. и *Inula grandis* Schrenk, а также полевой всхожести семян девясила высокого в условиях Каракалпакстана. Рассмотрены прорастание, рост и развитие растений на разных этапах онтогенеза и влияние агротехнических приёмов. Установлено, что предпосевная обработка и способы посева существенно влияют на всхожесть, рост и морфогенез. Показана высокая адаптивность видов и перспективность их интродукции как лекарственного сырья.

Ключевые слова: *Inula helenium* L., *Inula grandis* Schrenk, биоморфология, онтогенез, полевая всхожесть, агротехника, интродукция.

Abizadiynova R. B.

Master's Student (2nd year), Biology

Serekeeva G. A., Candidate of Biological Sciences

associate professor

Karakalpak State University named after Berdakh

Republic of Uzbekistan

BIOMORPHOLOGICAL FEATURES OF *INULA HELENIUM* L. AND *INULA GRANDIS* SCHRENK SPECIES

Abstract: The article presents the results of a study on the biomorphological features of *Inula helenium* L. and *Inula grandis* Schrenk, as well as the field germination of elecampane seeds under the conditions of Karakalpakstan. Germination, growth, and development of plants at different stages of ontogenesis, along with the influence of agrotechnical practices, were examined. It was established that pre-sowing treatment and sowing methods significantly affect germination, growth, and morphogenesis. The high adaptability of the species and their potential for introduction as medicinal plant raw materials are demonstrated.

Key words: *Inula helenium* L., *Inula grandis* Schrenk, biomorphology, ontogenesis, field germination, agrotechnics, introduction.

Введение

Род *Inula* L. (Asteraceae) включает ценные лекарственные растения с высоким содержанием биологически активных веществ. Особый интерес представляют *Inula helenium* L. и *Inula grandis* Schrenk, применяемые в медицине при заболеваниях дыхательной, пищеварительной и иммунной систем. Несмотря на широкое распространение в Евразии, их биолого-экологические и биоморфологические особенности в условиях аридных регионов Центральной Азии, включая Каракалпакстан, изучены недостаточно, особенно на ранних этапах онтогенеза и при интродукции. Цель исследования — изучение биоморфологических особенностей *Inula helenium* и *Inula grandis*, а также оценка полевой всхожести семян девясила высокого в условиях Узбекистана.

Материалы и методы

Исследования проводились на опытном участке Каракалпакского государственного университета имени Бердаха в условиях резко континентального засушливого климата. Объектом исследования были семена и растения *Inula helenium* L. и *Inula grandis* Schrenk из ботанических коллекций. Полевую всхожесть определяли при посеве по 100 семян в пяти повторностях. Перед посевом семена замачивали в зольном растворе 24 часа. Посев проводили на глубину 1–1,5 см с регулярным поливом, учёт всхожести — каждые 5 дней (Рис.1).

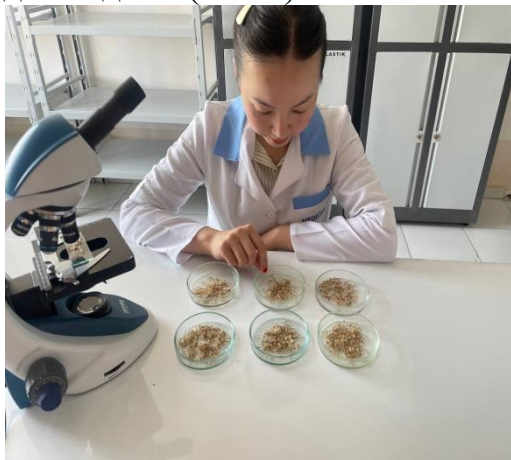

Рис.1. Этапы исследования: лабораторный анализ семян и развитие растений

Морфогенез изучали по классическим методикам биоморфологического анализа. Наблюдения вели ежедневно в первый месяц, затем через 5–7 дней, оценивая развитие листьев, побегов, корневой системы и переход к генеративной фазе. Также применялись два способа посева — рядовой и гнездовой (по 3–4 семени), что позволило оценить влияние плотности растений на их развитие и продуктивность.

Результаты и обсуждение

Анализ литературных данных показал, что оптимальная температура для прорастания семян девясила высокого составляет +18...+22 °С, при которой всходы появляются через 14–20 дней, однако в условиях теплиц этот период может сокращаться до 10–12 дней. В наших исследованиях, благодаря

предварительной обработке семян, первые всходы наблюдались уже на 5–7-й день после посева (25–27 ноября), что свидетельствует о высокой эффективности стратификации.

Вместе с тем было установлено, что даже при использовании семян одинакового происхождения уровень всхожести варьировал по рядам, что обусловлено неоднородностью почвенных условий, различиями в глубине заделки и обеспеченности влагой. В целом можно отметить, что полевые условия оказывают более выраженное влияние на всхожесть по сравнению с лабораторными, что необходимо учитывать при интродукции вида.

Inula helenium представляет собой мощное многолетнее растение с хорошо развитым корневищем и придаточными корнями, обеспечивающими его устойчивость к неблагоприятным условиям среды. В первый год жизни растение формирует прикорневую розетку, состоящую из 15–20 крупных листьев, что является характерной особенностью большинства многолетников.

Прорастание семян начинается с формирования семядольных листьев, которые появляются через 5–7 дней и выполняют ассимиляционную функцию в течение 60–70 дней. Настоящие листья формируются на 7–10-й день, постепенно увеличиваясь в размерах и усложняя морфологическую структуру растения. На 45–50-й день наблюдается максимальное развитие семядольных листьев, после чего начинается их постепенное отмирание.

К концу первого года вегетации растение завершает формирование вегетативных органов и переходит в состояние покоя, зимует в виде розетки. Весной второго года (в марте) начинается интенсивный рост, сопровождающийся развитием побегов и переходом к генеративной фазе. Цветение происходит с июня по август, а созревание семян — с августа по октябрь.

Особый интерес представляет влияние способа посева на морфогенез: при гнездовом посеве растения характеризуются большей высотой, более крупными листьями и цветками, а также более развитой корневой системой, что связано с меньшей конкуренцией за ресурсы.

Inula grandis Schrenk отличается меньшей высотой по сравнению с *Inula helenium*, однако обладает рядом адаптивных признаков, таких как жёсткие кожистые листья, развитое опушение и выраженная система жилкования, что способствует снижению транспирации и повышению устойчивости к засушливым условиям.

Растение формирует крупные прикорневые листья до 70 см и соцветия в виде щитковидных корзинок. Цветение (май–июль) и приуроченность к высотам 800–2000 м свидетельствуют о высокой устойчивости к засухе и инсоляции. Агротехнические мероприятия (рыхление, полив, прополка, удобрения) повышают продуктивность и биомассу растений. Органические удобрения обеспечивают экологическую чистоту сырья. Рядовой посев способствует развитию надземной массы, гнездовой — корневой системы.

Заключение

Результаты исследований показали высокую адаптивность *Inula helenium* и *Inula grandis* к условиям Узбекистана, что подтверждает их перспективность для интродукции и культивирования. Установлено, что полевая всхожесть семян зависит от предпосевной обработки, влажности почвы и способа посева; наиболее эффективным является замачивание в зольном растворе. Биоморфологический анализ выявил двухлетний цикл развития с переходом к генеративной фазе на втором году. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по выращиванию девясила высокого для расширения сырьевой базы лекарственных растений.

Использованные источники:

1. Живчиков А. И., Живчикова Р. И. Биолого-морфологическая характеристика нового сорта девясила высокого *Inula helenium* L. // Вестник ДВО РАН. – 2023. – № 3 (229). – С. 23–31.
2. Найда Н. М. Онтогенетические и морфобиологические особенности девясила высокого в условиях культуры // Известия СПбГАУ. – 2014. – № 36. – С. 19–24.
3. Тухтабоев Н. Х., Аъзамжонова Ф. Р. Определение общего содержания фенольных соединений в траве девясила высокого (*Inula helenium* L.) // Development of Science. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 104–109.
4. Усманова М. и др. Девясил высокий – ботаническое описание // Современные инновационные исследования: актуальные проблемы и развитие тенденции: решения и перспективы. – 2022. – Т. 1, № 1. – С. 315–317.
5. Шалаева А. А. Антиоксидантные свойства корневищ и корней девясила высокого // ББК 30.16 Б 63. – 2022. – Т. 3. – С. 233.

*Авхадиев А. И.
студент 4 курса
Факультет экономико-математический
Уфимский университет науки и технологий
Нефтекамский филиал
г. Нефтекамск
Вильданов А. Н., к.ф.-м.н.
Уфимский университет науки и технологий
Нефтекамский филиал
г. Нефтекамск*

ВЫЧИСЛЕНИЕ ВЗВЕШЕННОЙ СУММЫ ВХОДНЫХ СИГНАЛОВ ИСКУССТВЕННОГО НЕЙРОНА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

***Аннотация:** В статье рассматривается практическая задача вычисления взвешенной суммы входных сигналов для отдельного искусственного нейрона. Актуальность работы обусловлена необходимостью глубокого понимания базовых операций нейронных сетей для последующего изучения многослойных архитектур и алгоритмов обучения. Приводятся исходные данные (три входных сигнала с соответствующими весами), пошаговый алгоритм расчёта и итоговый результат ($S = 2,1$). Подробно разбирается математическая модель нейрона, акцентируется внимание на роли взвешенной суммы в процессе прямого распространения сигнала. В выводах подчёркивается, что каждый входной сигнал вносит свой вклад в итоговую сумму, а знак и величина взвешенной суммы определяют дальнейшую активацию нейрона. Статья предназначена для студентов, изучающих основы машинного обучения и нейронных сетей, а также для начинающих специалистов в области Data Science.*

***Ключевые слова:** искусственный нейрон, взвешенная сумма, входные сигналы, весовые коэффициенты, прямое распространение, нейронная сеть, машинное обучение, математическая модель нейрона.*

*Avkhadiev A. I.
4th year student
Faculty of Economics and Mathematics
Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk Branch
Neftekamsk
Vildanov A. N., Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk Branch
Neftekamsk*

CALCULATION OF THE WEIGHTED SUM OF INPUT SIGNALS OF AN ARTIFICIAL NEURON: A PRACTICAL EXAMPLE

Abstract: This paper addresses a practical problem of calculating the weighted sum of input signals for an individual artificial neuron. The relevance of the work is due to the need for a deep understanding of basic neural network operations for further study of multilayer architectures and learning algorithms. The initial data (three input signals with corresponding weights), a step-by-step calculation algorithm, and the final result ($S = 2.1$) are presented. The mathematical model of a neuron is discussed in detail, with a focus on the role of the weighted sum in the forward propagation process. The conclusions emphasize that each input signal contributes to the total sum, and the sign and magnitude of the weighted sum determine the subsequent activation of the neuron. The article is intended for students studying the basics of machine learning and neural networks, as well as for entry-level Data Science professionals.

Keywords: artificial neuron, weighted sum, input signals, weights, forward propagation, neural network, machine learning, mathematical model of neuron.

Актуальность рассматриваемой темы

Искусственный нейрон — базовый элемент любой нейронной сети, независимо от её сложности и архитектуры. Понимание его работы является фундаментом для изучения более сложных концепций: многослойных перцептронов, свёрточных сетей (CNN), рекуррентных сетей (RNN) и трансформеров.

Ключевой этап функционирования нейрона — вычисление взвешенной суммы входных сигналов. Этот этап:

- лежит в основе прямого распространения сигнала (forward propagation);
- определяет, насколько «активен» нейрон на основе текущих входных данных и весов;
- служит входным значением для функции активации, которая вносит нелинейность в работу сети.

Актуальность темы обусловлена тем, что:

- без чёткого понимания работы одного нейрона невозможно анализировать поведение многослойных архитектур;
- ошибки на этапе расчёта взвешенной суммы могут привести к некорректной интерпретации результатов обучения сети;
- навык ручного расчёта позволяет лучше понять, как изменения весов и входных сигналов влияют на выходной сигнал нейрона;
- данный расчёт — первый шаг в алгоритме обратного распространения ошибки (backpropagation), ключевом методе обучения нейронных сетей.

Освоение материала, представленного в данной работе, позволит студенту уверенно перейти к изучению более сложных тем: обучение нейронных сетей, оптимизация градиентными методами, регуляризация.

Теоретические основы работы искусственного нейрона

Математическая модель нейрона

Искусственный нейрон — это математическая абстракция, вдохновлённая биологическими нейронами. Формально выходной сигнал нейрона вычисляется в два этапа:

Этап 1. Вычисление взвешенной суммы (линейная комбинация):

$$S = \sum_{i=1}^n x_i \cdot w_i + b$$

где:

- x_i — входные сигналы (значения признаков);
- w_i — весовые коэффициенты (синаптические веса);
- b — смещение (bias), необязательный параметр, позволяющий сдвигать порог активации;
- n — количество входов.

Смещение b играет важную роль: оно позволяет нейрону активироваться даже при нулевых входных сигналах. В данной задаче смещение не используется ($b=0$), что упрощает расчёты, но в реальных нейронных сетях bias почти всегда присутствует.

Этап 2. Применение функции активации:

$$y = f(S)$$

Функция активации вносит нелинейность в работу нейрона, что позволяет нейронным сетям аппроксимировать сложные зависимости. Без нелинейности многослойная нейронная сеть сводилась бы к линейному преобразованию, что не давало бы преимущества перед однослойным перцептроном.

Роль взвешенной суммы

Взвешенная сумма S — это промежуточный результат, который:

- отражает суммарное влияние всех входных сигналов с учётом их важности (весов);
- служит аргументом для функции активации;
- определяет направление и величину градиента при обратном распространении ошибки.

Постановка задачи

Дан фрагмент нейронной сети. На входы одного из нейронов подаются следующие входные сигналы:

- $x_1 = 0.5$;
- $x_2 = -1.2$;
- $x_3 = -0.7$.

Каждому входному сигналу соответствует свой вес:

- $w_1 = 2.0$;
- $w_2 = 1.5$;
- $w_3 = -3.0$.

Требуется определить, какой входной сигнал поступает с выделенного нейрона (то есть вычислить взвешенную сумму S до применения функции активации).

Пошаговый алгоритм решения

Шаг 1. Запишем формулу для вычисления взвешенной суммы (без смещения):

$$S = x_1 \cdot w_1 + x_2 \cdot w_2 + x_3 \cdot w_3$$

Шаг 2. Подставим известные значения в формулу:

$$S = (0.5) \cdot (2.0) + (-1.2) \cdot (1.5) + (-0.7) \cdot (-3.0)$$

Шаг 3. Выполним вычисления по частям:

$$1. 0.5 \cdot 2.0 = 1.0$$

$$2. (-1.2) \cdot 1.5 = -1.8$$

$$3. (-0.7) \cdot (-3.0) = 2.1$$

Шаг 4. Сложим полученные результаты:

$$S = 1.0 + (-1.8) + 2.1 = 2.1$$

Результаты и их интерпретация

Результат расчёта: взвешенная сумма входных сигналов $S = 2.1$.

Интерпретация:

- полученное значение $S = 2.1$ будет передано на вход функции активации нейрона;
- знак и величина S определяют, будет ли нейрон «активирован» (выдаст ненулевое значение) и насколько сильно;
- если бы функция активации была задана (например, ReLU, sigmoid), нужно было бы дополнительно применить её к S .

Анализ влияния входных сигналов:

- наибольший положительный вклад в S внёс сигнал $x_3 = -0.7$ из-за относительно большого по модулю отрицательного веса $w_3 = -3.0$, произведение дало $+2.1$;
- сигнал $x_2 = -1.2$ дал отрицательный вклад (-1.8) из-за отрицательного значения при положительном весе;
- сигнал $x_1 = 0.5$ добавил $+1.0$ к сумме.

Выводы

В ходе выполнения работы был реализован полный цикл вычисления взвешенной суммы входных сигналов для искусственного нейрона. Установлено, что:

- взвешенная сумма составила $S = 2.1$, что является промежуточным результатом перед применением функции активации;
- каждый входной сигнал внёс свой вклад в итоговую сумму, причём влияние определялось как величиной сигнала, так и значением соответствующего веса;
- расчёт взвешенной суммы — фундаментальный этап прямого распространения сигнала в нейронных сетях.

Полученный результат может быть использован:

- как вход для функции активации данного нейрона;
- для дальнейшего распространения сигнала по сети (если нейрон находится не в последнем слое);
- при расчёте функции потерь и градиентов в процессе обучения сети.

Понимание этого базового расчёта является необходимым условием для изучения более сложных аспектов машинного обучения, таких как обратное распространение ошибки, оптимизация весов и проектирование архитектур нейронных сетей. Рекомендуется в качестве самостоятельной работы:

- вычислить взвешенную сумму для других наборов входных данных и весов;
- исследовать, как изменение отдельных весов влияет на итоговую сумму;
- реализовать аналогичный расчёт с учётом смещения (bias).

Использованные источники:

1. Гудфеллоу Я., Бенджио И., Курвилль А. Глубокое обучение. — М.: ДМК Пресс, 2018. — 652 с. — ISBN 978-5-97060-618-4.
2. Николенко С.И., Кадуринов А.А., Архангельская Е.О. Глубокое обучение. — СПб.: Питер, 2018. — 480 с. — ISBN 978-5-496-02880-5.
3. Хайкин С. Нейронные сети: полный курс. — М.: Вильямс, 2019. — 1104 с. — ISBN 978-5-8459-2069-0.
4. Bishop C.M. Pattern Recognition and Machine Learning. — New York: Springer, 2006. — 738 p. — ISBN 978-0-387-31073-2.
5. Рашид Т. Создаем нейронную сеть. — М.: Вильямс, 2017. — 272 с. — ISBN 978-5-8459-2170-3.

Literature

1. Goodfellow I., Bengio Y., Courville A. Deep Learning. — Moscow: DMK Press, 2018. — 652 p. — ISBN 978-5-97060-618-4.
2. Nikolenko S.I., Kadurin A.A., Arkhangelskaya E.O. Deep Learning. — St. Petersburg: Piter, 2018. — 480 p. — ISBN 978-5-496-02880-5.
3. Haykin S. Neural Networks: A Comprehensive Course. — Moscow: Williams, 2019. — 1104 p. — ISBN 978-5-8459-2069-0.
4. Bishop C.M. Pattern Recognition and Machine Learning. — New York: Springer, 2006. — 738 p. — ISBN 978-0-387-31073-2.
5. Rashid T. Make Your Own Neural Network. — Moscow: Williams, 2017. — 272 p. — ISBN 978-5-8459-2170-3.

*Алексеев Д. С.
студент магистратуры
факультет истории и права
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия*
*Научный руководитель:
Карпова Н.А., кандидат юридических наук
доцент
кафедра уголовно правовых дисциплин
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия*

**ТРЕБОВАНИЯ К СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ В УПРОЩЕННЫХ
ПРОЦЕДУРАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (В
КОНТЕКСТЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА)**

***Аннотация:** статья посвящена анализу процессуальных требований к судебным решениям, выносимым в особом порядке уголовного судопроизводства. Исследуются основные проблемы применения упрощенной процедуры: формальная проверка обоснованности обвинения, недостаточная мотивированность приговоров, ограниченные возможности обжалования. Рассматриваются примеры судебной практики 2021-2025 годов, демонстрирующие нарушения требований УПК РФ при постановлении приговоров без проведения судебного разбирательства.*

***Ключевые слова:** особый порядок судебного разбирательства, судебное решение, обоснованность обвинения, процессуальные гарантии, упрощенное производство.*

*Alekseenkov D. S.
master's student
Faculty of History and Law
Smolensk State University
Smolensk, Russia*
*Academic Supervisor: Karpova N. A., PhD in Law
associate professor
Department of Criminal Law Disciplines
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

**REQUIREMENTS FOR A JUDICIAL DECISION IN SIMPLIFIED
CRIMINAL PROCEEDINGS (IN THE CONTEXT OF A SPECIAL
PROCEDURE)**

Abstract: *The article is devoted to the analysis of procedural requirements for judicial decisions issued in a special procedure of criminal proceedings. The main problems of the application of a simplified procedure are investigated: formal verification of the validity of the accusation, insufficient motivation of the verdicts, limited possibilities for appeal. Examples of judicial practice from 2021-2025 are considered, demonstrating violations of the requirements of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation when sentencing without a trial.*

Keywords: *special procedure for trial, court decision, validity of the charge, procedural guarantees, simplified proceedings.*

Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением закреплен в главе 40 УПК РФ и применяется в российском уголовном судопроизводстве с 2002 года. Данная процедура направлена на упрощение и ускорение судебного разбирательства по делам, где подсудимый признает свою вину и не оспаривает фактические обстоятельства совершенного деяния.

Нормативная регламентация особого порядка содержится в статьях 314-317 УПК РФ. Основное требование закона сформулировано в части 7 статьи 316 УПК РФ: судья обязан убедиться в том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Это положение определяет ключевую особенность судебного решения в особом порядке - приговор постановляется без проведения судебного разбирательства в общем смысле, то есть без исследования и оценки доказательств в состязательной процедуре [1].

Профессор А.В. Гриненко подчеркивает, что особый порядок судебного разбирательства является самостоятельным институтом уголовно-процессуального права, имеющим специфическую форму судебного производства. Автор отмечает необходимость строгого соблюдения процессуальных гарантий при применении данной процедуры, поскольку упрощение формы не должно влиять на качество правосудия. По мнению ученого, суд обязан проверить добровольность согласия обвиняемого, его осознание последствий заявленного ходатайства и полноту консультаций с защитником [10, с.99].

Процессуальные требования к содержанию приговора, постановленного в особом порядке, определены частью 8 статьи 316 УПК РФ. Описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства. При этом в приговоре не указываются доказательства, подтверждающие виновность подсудимого, что отличает его от приговора, постановленного в общем порядке. Данная особенность порождает значительные трудности при апелляционном и кассационном обжаловании таких приговоров.

В соответствии с частью 2 статьи 389.26 УПК РФ, приговор, вынесенный в особом порядке судопроизводства, не подлежит обжалованию по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Данное ограничение объясняется самой природой особого порядка: доказательства в ходе судебного заседания не исследуются, а суд опирается исключительно на материалы предварительного расследования, не подвергая их самостоятельной проверке. Именно поэтому профессор В.М. Лебедев подчёркивает, что суд обязан до постановления приговора тщательно проверить обоснованность предъявленного обвинения — ведь устранить допущенные ошибки на более поздних стадиях значительно сложнее [12, с.26].

Первая системная проблема применения особого порядка связана с формальным подходом судов к проверке обоснованности обвинения. Часть 7 статьи 316 УПК РФ требует от судьи убедиться в обоснованности обвинения и его подтверждении доказательствами, однако закон не определяет конкретные критерии такой проверки. На практике суды зачастую ограничиваются констатацией наличия в деле определенного объема доказательств без их критического анализа. Исследователи К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов отмечают, что суд в особом порядке не обязан проводить глубокий анализ и оценку представленных доказательств при вынесении приговора, что противоречит основной цели уголовного судопроизводства - установлению объективной истины [11, с.53].

Приведённая проблема подтверждается и конкретными примерами из судебной практики. В 2023 году Верховный Суд РФ отменил обвинительный приговор, вынесенный в особом порядке, констатируя существенные нарушения частей 6 и 7 статьи 316 УПК РФ. Суд первой инстанции не перешёл к рассмотрению дела в общем порядке, хотя располагал сведениями, ставящими под сомнение как обоснованность обвинения, так и наличие объективной стороны состава преступления. Верховный Суд РФ указал, что при возникновении подобных сомнений суд обязан рассмотреть дело в общем порядке вне зависимости от того, согласен ли подсудимый с предъявленным обвинением. Допущенное нарушение было признано существенным, поскольку повлекло неправильное разрешение дела по существу [5].

Вторая проблема касается недостаточной мотивированности судебных решений, постановленных в особом порядке. Согласно части 8 статьи 316 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть приговора должна содержать выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства, однако на практике эти выводы зачастую носят формальный характер. Суды ограничиваются указанием на наличие письменного согласия подсудимого, обвинителя и потерпевшего, не раскрывая, каким образом была проведена проверка обоснованности обвинения. Б.Т. Безлепкин указывает на необходимость более детальной мотивировки судебных решений в особом порядке, поскольку отсутствие

исследования доказательств в судебном заседании должно компенсироваться качественным анализом материалов дела судьей [9, с.135].

Практика кассационных судов общей юрисдикции демонстрирует случаи отмены приговоров из-за недостаточной мотивировки назначенного наказания. В одном из дел 2021-2024 годов кассационный суд отменил приговор, постановленный в особом порядке, указав, что суд назначил дополнительные наказания в виде штрафа и ограничения свободы, но не мотивировал принятое решение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора. Приговор не может считаться законным и обоснованным, если в нем отсутствует обоснование примененных судом мер уголовной ответственности, даже если дело рассматривалось в упрощенной процедуре [6].

Третья существенная проблема связана с невозможностью изменения квалификации преступления и возникающими, в связи с этим рисками осуждения лица за деяние, признаки которого фактически отсутствуют. Если в ходе судебного заседания в особом порядке будут установлены основания для изменения квалификации содеянного, прекращения уголовного дела или оправдания подсудимого, судья обязан вынести постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке (часть 6 статьи 316 УПК РФ). Однако выявить такие основания без полноценного исследования доказательств крайне затруднительно. Проблема усугубляется тем, что зачастую лишь при непосредственной оценке доказательств судом при рассмотрении дела в отношении других соучастников выясняется, что материалы уголовного дела не содержали информации о возможной переквалификации.

Судебная практика 2021-2025 годов содержит примеры отмены приговоров по данному основанию. В деле, рассмотренном апелляционной инстанцией, было установлено, что показания свидетелей в суде существенно отличались от показаний, данных на предварительном следствии, что могло повлечь переквалификацию действий осужденного. Однако поскольку первоначально дело было рассмотрено в особом порядке без исследования доказательств, суд не имел возможности выявить эти противоречия своевременно. Добиться отмены такого приговора оказалось крайне сложно из-за ограничений, установленных частью 2 статьи 389.26 УПК РФ.

Особого внимания требует вопрос проверки добровольности согласия подсудимого с предъявленным обвинением. В соответствии с частью 4 статьи 316 УПК РФ суд обязан разъяснить подсудимому его право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей, существо особого порядка и его правовые последствия, в том числе ограничение максимального наказания двумя третями от наиболее строгой санкции. Однако на практике эта процедура нередко сводится к формальному

перечню стандартных вопросов, не позволяющему установить, действительно ли подсудимый осознаёт объём отказываемых прав.

Не менее дискуссионным остаётся процессуальное положение потерпевшего в рамках особого порядка. Согласно части 1 статьи 315 УПК РФ, удовлетворение ходатайства о вынесении приговора без судебного разбирательства возможно лишь при согласии обвинителя и потерпевшего, причём последний вправе выразить его письменно и вовсе не являться в судебное заседание. Отсутствие потерпевшего формально не препятствует рассмотрению дела, однако фактически лишает его возможности непосредственно участвовать в обсуждении справедливости назначаемого наказания и отстаивать свою позицию.

Важным аспектом является определение категорий дел, которые не могут рассматриваться в особом порядке. Согласно части 5 статьи 314 УПК РФ, особый порядок не применяется по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 205-205.5, 208, 211, 220, 221, 277-279, 360 и 361 УК РФ [2]. Кроме того, особый порядок применяется только по делам о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Эти ограничения обусловлены особой общественной опасностью указанных деяний и необходимостью полноценного судебного разбирательства. Перечисленные категории дел имеют особо сложный характер, затрагивают интересы большого количества лиц, вызывают общественный резонанс и требуют установления высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия.

Иллюстративным является дело, рассмотренное апелляционной инстанцией Верховного Суда Республики Марий Эл во II полугодии 2024 года. Приговором мирового судьи от 20 июня 2024 года А. был осужден по части 1 статьи 158 УК РФ к лишению свободы на срок 10 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Дело было рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства по ходатайству подсудимого. Однако из материалов дела следовало, что А. страдал психическим расстройством в форме органического расстройства личности и поведения в связи со смешанными заболеваниями головного мозга травматического и токсического генеза. Согласно заключению комиссии судебно-психиатрических экспертов от 31 мая 2024 года № 528, имеющиеся у А. нарушения психики относятся к категории психических недостатков, препятствующих самостоятельному осуществлению своего права на защиту.

Кроме того, мировой судья, разъяснив участникам процесса положения статей 314-317 УПК РФ об особенностях рассмотрения уголовного дела в особом порядке, в нарушение требований части 2 статьи 314 УПК РФ не выяснил у подсудимого А., поддерживает ли он заявленное ходатайство, осознает ли характер и последствия заявленного ходатайства, было ли оно заявлено добровольно после консультации с защитником. Суд апелляционной инстанции указал, что вывод о добровольности и

осознанности ходатайства лица, неспособного из-за психического расстройства полноценно осуществлять защиту своих прав, вызывает сомнение. Ограничение в отношении таких лиц без их адекватного согласия предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий прав и интересов не может признаваться законным и допустимым. В связи с изложенным приговор мирового судьи был отменен, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение другому мировому судье. По результатам нового разбирательства постановлением мирового судьи от 5 ноября 2024 года уголовное дело в отношении А. было прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [7].

Проблема процессуальной экономии и её соотношения с принципом справедливости правосудия остается дискуссионной. С одной стороны, особый порядок позволяет значительно сократить сроки рассмотрения уголовных дел и разгрузить судебную систему. С другой стороны, упрощение процедуры не должно приводить к снижению качества судебных решений и нарушению прав участников процесса. Подсудимый, который первоначально заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, может изменить собственную позицию непосредственно в судебном заседании. Законодательство не предусматривает необратимости действий, связанных с выражением согласия, что создает правовое основание для назначения рассмотрения дела в общем порядке и может привести к дезорганизации судопроизводства и затягиванию сроков рассмотрения дела.

Анализ судебной практики показывает, что основным процессуальным основанием для отмены приговоров, постановленных в особом порядке, служит нарушение требований части 6 и 7 статьи 316 УПК РФ о проверке обоснованности обвинения и основаниях для прекращения особого порядка. При этом суды апелляционной и кассационной инстанций не вправе отменять приговоры по мотиву недоказанности обвинения в классическом понимании, поскольку доказательства не исследовались в судебном заседании. Однако возможна отмена по формальным основаниям - несоблюдению процедуры проверки обоснованности обвинения, что косвенно указывает на проблемы с доказательственной базой.

Показательным является дело, рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в августе 2024 года (определение № 11-УД24-13-К6). Гражданин М. был осужден по части 2 статьи 210 УК РФ (участие в преступном сообществе) в особом порядке судебного разбирательства. Однако по результатам рассмотрения Верховным Судом Республики Татарстан уголовного дела в отношении организатора указанного преступного сообщества и его руководителей в общем порядке с исследованием доказательств было установлено, что органом предварительного расследования не доказано существование преступного сообщества.

Суд констатировал отсутствие структурированности с наличием специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступлений, отсутствие функционально или территориально обособленных подразделений. Соучастники были оправданы как по обвинению в создании преступного сообщества, так и по обвинению в участии в нем. Верховный Суд РФ указал, что одним из обязательных условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке в силу положений части 7 статьи 316 УПК РФ является обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами. Принятые в отношении соучастников при рассмотрении дела в общем порядке судебные решения, в которых констатировано отсутствие преступного сообщества, влекут необходимость оправдания и лица, осужденного ранее в особом порядке. В результате приговор в отношении М. был отменен, обвинение по части 2 статьи 210 УК РФ исключено из объема предъявленного обвинения, а наказание смягчено с назначением условного осуждения [8].

Детальный анализ судебной практики последних лет выявляет системные погрешности в применении упрощенных процедур. Первостепенной проблемой выступает отсутствие стандартизированных критериев проверки обоснованности обвинения, что приводит к избыточной дискреции судей. Суды различных инстанций демонстрируют разную степень требовательности к доказательственной базе: одни ограничиваются формальной констатацией наличия документов в деле, другие требуют установления внутренней согласованности доказательств. Такая правоприменительная неопределенность нарушает принцип равенства граждан перед законом, поскольку итоговое решение зависит от субъективного усмотрения конкретного судьи. Особую тревогу вызывает практика постановления обвинительных приговоров по делам с недостаточной доказательственной базой, когда органы следствия склоняют обвиняемых к согласию с обвинением, фактически используя упрощенную процедуру для компенсации недостатков следственной работы.

Вторая критическая погрешность связана с невозможностью полноценной апелляционной проверки приговоров. Ограничение части 2 статьи 389.26 УПК РФ создает парадоксальную ситуацию: лицо, осужденное без исследования доказательств, лишено права оспорить приговор, по существу, даже при обнаружении существенных пороков обвинения. Апелляционные инстанции вынуждены ограничиваться проверкой формальных процедурных аспектов, оставляя вне рассмотрения вопросы достаточности доказательств. Проблема усугубляется отсутствием в приговоре развернутого изложения доказательственной базы, что делает невозможной даже косвенную оценку обоснованности осуждения вышестоящими судами. Особую остроту это приобретает в случаях групповых преступлений, когда оправдание соучастников при

рассмотрении дела в общем порядке обнаруживает необоснованность осуждения лица, согласившегося с обвинением, однако механизмы устранения таких ошибок законодательством не предусмотрены.

Преодоление выявленных погрешностей требует внесения конкретных законодательных изменений. Необходимо дополнить часть 7 статьи 316 УПК РФ новым абзацем следующего содержания: "При проверке обоснованности обвинения судья обязан установить отсутствие противоречий между доказательствами, соответствие квалификации деяния его фактическим обстоятельствам, достаточность доказательств для подтверждения каждого элемента состава преступления", поскольку это исключит формальный подход судов и создаст единые стандарты проверки. Часть 8 статьи 316 УПК РФ следует дополнить требованием указывать в описательно-мотивировочной части приговора конкретные доказательства, подтверждающие каждый элемент обвинения, что обеспечит возможность последующего контроля вышестоящих инстанций и повысит качество судебных решений. Часть 2 статьи 389.26 УПК РФ целесообразно дополнить исключением: "за исключением случаев, когда после вынесения приговора по данному делу судом оправданы соучастники либо обнаружены новые доказательства, существенно влияющие на обоснованность обвинения", поскольку это позволит устранять очевидные судебные ошибки и восстановит баланс между процессуальной экономией и справедливостью правосудия.

Совершенствование законодательного регулирования особого порядка судебного разбирательства требует более детальной регламентации порядка проверки судом обоснованности обвинения. Необходимо установить конкретные критерии, по которым судья должен оценивать достаточность доказательств для постановления обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства. Кроме того, следует усилить требования к мотивированности приговоров, постановленных в особом порядке, обязав суды раскрывать в описательно-мотивировочной части не только формальное соблюдение процедуры, но и существо проведенной проверки обоснованности обвинения. Расширение оснований для апелляционного обжалования таких приговоров также могло бы способствовать повышению качества судебных решений.

Таким образом, требования к судебному решению в особом порядке уголовного судопроизводства определяются необходимостью соблюдения баланса между процессуальной экономией и обеспечением справедливости правосудия. Основные проблемы применения данной процедуры связаны с формализмом судебной проверки, недостаточной мотивированностью приговоров и ограниченными возможностями их обжалования. Судебная практика демонстрирует необходимость более строгого соблюдения процессуальных требований закона при постановлении приговоров в упрощенном порядке. Дальнейшее развитие института особого порядка должно идти по пути усиления процессуальных гарантий прав участников

процесса при сохранении преимуществ упрощенной процедуры для дел, где обстоятельства совершенного преступления не вызывают сомнений.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 2. – URL: <https://base.garant.ru/1780770/> (дата обращения: 09.02.2026).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения особого порядка судебного разбирательства // Верховный Суд РФ. – 2023. – URL: <https://vsrf.ru/documents/all/35269/> (дата обращения: 09.02.2026).
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу об отмене приговора, постановленного в особом порядке // Адвокатская газета. – 27.11.2023. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilnya-v-verkhovnom-sude-otmeny-obvinitelnogo-prigovora-vynesennogo-v-osobom-poryadke> (дата обращения: 09.02.2026).
6. Обзор кассационной практики судов общей юрисдикции по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке (2021-2024 гг.) // Федеральная палата адвокатов РФ. – 22.10.2025. – URL: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/osnovaniya-otmeny-prigovorov-vynesennykh-v-osobom-poryadke-obz> (дата обращения: 09.02.2026).
7. Обзор причин отмен и изменений приговоров и постановлений мировых судей по уголовным делам во II полугодии 2024 года (утвержден Президиумом Верховного Суда Республики Марий Эл 14 марта 2025 г.) // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/411721061/> (дата обращения: 09.02.2026).
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2024 № 11-УД24-13-К6 // Адвокатская газета. – 05.09.2024. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/osobyu-poryadok-rassmotreniya-ugolovnogo-dela-ne-isklyuchaet-opravdaniya/> (дата обращения: 09.02.2026).
9. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 352 с.
10. Гриненко, А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов / А. В. Гриненко. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 333 с. – ISBN 978-5-534-20409-4.

11. Смирнов, А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 752 с. –
12. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 1060 с.
- 13.

*Арсаланов Д.Ц.
студент
Восточно-Сибирский филиал Российского
государственного университета правосудия
Россия, Иркутск*

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПО РЕШЕНИЮ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию понятия мер пресечения. Приведены основания и условия применения мер пресечения. В статье проанализированы проблемные вопросы относительно оснований применения мер пресечений согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** меры пресечения, основания меры пресечения, меры обеспечения уголовного судопроизводства, досудебное расследование, подозреваемый, обвиняемый.*

*Arsalanov D.Ts.
student
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice
Russia, Irkutsk*

PREVENTIVE MEASURES APPLIED BY COURT DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***Abstract:** This article explores the concept of preventive measures. The grounds and conditions for applying preventive measures are presented. The article analyzes problematic issues regarding the grounds for applying preventive measures under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

***Keywords:** preventive measures, grounds for preventive measures, measures to ensure criminal proceedings, pre-trial investigation, suspect, accused.*

Введение

С целью создания надлежащих условий для досудебного расследования и судебного разбирательства уголовного судопроизводства, обеспечения законного и обоснованного приговора суда в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) [5] содержится возможность применения ряда мер к подозреваемым и обвиняемым. Центральное место среди указанных мер принадлежит мерам пресечения. Как правило, их применение в отношении подозреваемых в ходе досудебного расследования и обвиняемых в судебном разбирательстве осуществляется в установленном законом порядке.

Поэтому их избрание производится преимущественно одновременно или непосредственно после сообщения о подозрении.

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к обеспечению реализации принципа верховенства права в уголовном судопроизводстве вообще и при применении института мер пресечения в частности.

Суть проблемы состоит в том, что эффективность уголовного преследования как легитимная цель меры пресечения не должна подменять собой стандарты верховенства права. Применение меры пресечения должно служить обеспечению надлежащего процессуального поведения подозреваемого (обвиняемого), а результативность расследования не может достигаться ценой снижения требований к «обоснованному подозрению» или доказыванию рисков. Особое значение приобретает проблема понимания и применения стандарта «обоснованное подозрение» как первичного основания ограничения свободы, ведь именно этот стандарт ограничивает допустимое вмешательство от произвольного задержания и содержания под стражей.

Отдельные вопросы меры пресечения в уголовном судопроизводстве изучали А. В. Величко, И. Я. Фойницкий, К. Ф. Гуценко, Ю. Д. Лившиц, Н. Г. Муратова, Л. К. Трунова, А. В. Фокин и др.

Целью статьи является анализ теоретико-правовых основ обоснования применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве.

Методологическая основа исследования формируется из комплекса общенаучных и частноправовых юридических методов познания, среди которых системный, структурно-функциональный подход, а также формально-логический метод и другие. Применение системного подхода делает возможным рассмотрение правовых процессов как целостной взаимосвязанной структуры. Посредством контент-анализа процессуальных документов выявляются факторы, которые должны учитываться в соответствии со ст. 99 УПК РФ при избрании меры пресечения. Структурно-функциональный подход позволяет определить устойчивые взаимосвязи между элементами совокупности таких обстоятельств и выявить их роли и функции. Формально-логические методы — анализ, синтез, сравнение — обеспечивают аргументацию полученных выводов.

Результаты исследования

Среди основных проблем уголовно-процессуальной науки одно из ведущих мест занимает проблема применения процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. При этом важна проблема применения в уголовном процессе такого вида мер как меры пресечения.

Проблема применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве относится к важнейшим и одновременно сложным проблемам науки уголовного процесса.

Меры пресечения являются частью мер процессуального принуждения. Уделяя особое внимание мерам пресечения как инструменту обеспечения уголовного правосудия, законодатель в главе 13 УПК РФ (статья 98) выделил виды мер пресечения [5].

Суд, используя содержащуюся в статье 98 УПК РФ систему мер пресечения, имеет возможность, учитывая тяжесть и характер уголовного правонарушения, индивидуализировать применение данных мер [4, с.158].

Конституцией Российской Федерации [3] и международными правовыми актами [2] гарантируются права и свободы человека, которые не должны быть нарушены при применении мер пресечения, а именно, подозреваемый либо обвиняемый имеет право на защиту, справедливое судебное разбирательство и презумпцию невиновности.

Таким образом, правовое регулирование обоснованности и необходимости применения мер пресечения в уголовном процессе РФ является важным элементом обеспечения справедливости и эффективности правосудия. Это сложный и многогранный процесс, который требует тщательного подхода и учета многих обстоятельств для достижения баланса между интересами правосудия и правами и свободами человека. Самым главным является акцент именно на обеспечение достаточных, относимых, достоверных, допустимых доказательств как особого наполнения процесса доказывания при избрании конкретного вида и объема меры пресечения.

Решение о выборе меры пресечения всегда носит индивидуальный характер и определяется совокупностью фактических обстоятельств конкретного уголовного дела, которые оцениваются правоприменителем на основе внутреннего убеждения. В этой связи представляется спорным отнесение обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ, к числу специальных условий применения отдельных мер, например, домашнего ареста. В отличие от оснований, условия закреплены в законе, обладают стабильным характером и подлежат обязательному учету при вынесении процессуального решения. Наличие оснований указывает на целесообразность избрания, в частности, заключения под стражу, тогда как предусмотренные законом условия выступают внешними рамками, обеспечивающими правомерность такого решения.

Перенос такого признака, как применение насилия либо угрозы его применения, из категории оснований в разряд условий существенно сужает усмотрение следователя. Подобный жесткий подход нельзя признать оптимальным. И хоть его строгость частично компенсируется предусмотренными законом исключениями (п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ), действующая система таких исключений не охватывает все возможные ситуации. В частности, остаются вне внимания случаи наличия непогашенной судимости, повторного совершения преступлений либо уклонения от органов расследования.

В пояснениях к внесенным изменениям отмечается, что их цель заключалась в сокращении практики изоляции от общества лиц, привлекаемых за преступления небольшой и средней тяжести при отсутствии угрозы расследованию или риска продолжения противоправной деятельности. Однако действующая модель регулирования одновременно исключает возможность применения ареста и в тех случаях, когда обвиняемый фактически препятствует расследованию, продолжает совершать преступления или когда цели уголовного судопроизводства невозможно обеспечить более мягкими мерами. В результате, запрет на заключение под стражу по делам о ненасильственных преступлениях при отсутствии специальных оснований, может повлечь неблагоприятные последствия для общественной безопасности. В связи с этим положения пункта 1 части 1 статьи 108 УПК РФ нуждаются в дополнительной конкретизации.

Законодатель значительно сузил круг преступлений, по которым допускается заключение под стражу. Такие изменения касаются деяний средней тяжести, предусматривающие наказание свыше трех лет лишения свободы. В настоящее время такая мера применяется, преимущественно, в отношении преступлений, сопряженных с насилием или угрозой применения его, что позволяет выделить самые опасные преступления и исключить арест по делам о неосторожных деяниях данной категории.

Вместе с тем следует учитывать, что за отдельные неосторожные преступления средней тяжести уголовный закон предусматривает достаточно суровые санкции — вплоть до лишения свободы сроком до 10 лет. К таким деяниям относятся, например, нарушения правил дорожного движения, повлекшие гибель нескольких лиц, либо халатность с аналогичными последствиями. Ранее уголовно-процессуальные нормы не исключали возможность применения заключения под стражу при расследовании подобных дел [1, с.169].

В последние годы в сфере регулирования мер пресечения произошли существенные изменения, как на уровне законодательства, так и в правоприменительной практике. Так, в 2018 году УПК РФ был дополнен новой статьей 105.1, в которой содержится новая мера пресечения, а именно запрет определенных действий. Данная мера рассматривается как более мягкая альтернатива заключению под стражу и домашнему аресту. При выборе конкретной меры ключевое значение имеют обстоятельства, подлежащие оценке в соответствии со статьей 99 УПК РФ. В дальнейшем, в 2019 году, законодатель усилил их роль, закрепив обязанность учитывать данные факторы при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей в статье 109 Кодекса. Практика расследования и судебного рассмотрения дел показывает, что значимость указанных обстоятельств существенно возросла.

Рост количества мер пресечения и более тщательный анализ обстоятельств при их избрании свидетельствуют о тенденции к смягчению уголовно-процессуальной политики и ее ориентации на гуманизацию.

Вместе с тем преодоление излишне репрессивного характера данной сферы невозможно за счет отдельных точечных изменений. Проблема носит системный характер и связана с особенностями институционального развития уголовного процесса в России, который сформировался в условиях незавершенной судебной реформы. Действующая модель, включая механизм судебного контроля за избранием мер пресечения на досудебных стадиях, во многом сохраняет черты модернизированной советской системы. Хотя введение судебного контроля на этапе предварительного расследования стало важным шагом вперед, но оно само по себе не обеспечило полноценной состязательности при решении вопросов о применении мер пресечения.

Кроме институциональных факторов, следует учитывать и более широкий контекст — влияние современных технологических и цифровых изменений. Российская правовая система, по-прежнему, во многом опирается на инструменты регулирования, сформированные в иной исторический период и не полностью соответствующие актуальным социальным условиям.

В этой связи возникает объективная необходимость разработки новой концепции реформирования института мер пресечения, которая должна быть взаимосвязана с преобразованием системы предварительного расследования и глубокой модернизацией уголовного судопроизводства на основе принципов состязательности. Однако реализация подобных преобразований осложняется преобладанием следственной доктрины, ориентированной на сохранение сложившейся практики и воспроизводство традиционных подходов.

Юридическая определенность в применении мер пресечения проявляется в двух взаимосвязанных плоскостях. Первая — нормативная: закон должен четко и однозначно определять цель, основания, условия, субъектов, сроки и процессуальные гарантии применения мер, в том числе содержания под стражей. Именно поэтому УПК РФ устанавливает рамочные критерии: двуединое основание (обоснованное подозрение + риски), порядок обращения с ходатайством, процедуру судебного разбирательства, требования к срокам и механизмы пересмотра ограничения свободы. Вторая плоскость — правоприменительная: даже при наличии детально описанной процедуры юридическая определенность может быть разрушена практикой «шаблонных» решений, когда закон применяют формально, без надлежащей конкретизации фактических оснований и без демонстрации причинно-следственной связи между обстоятельствами дела и необходимостью именно такой степени ограничения свободы. В таком случае норма перестает выполнять

гарантийную функцию и превращается в инструмент легализации неконтролируемого усмотрения.

Особое внимание требует проблема юридической определенности в части аргументации судебного решения. В сфере мер пресечения закон требует, чтобы ограничение свободы основывалось на обоснованном подозрении и доказанных рисках, однако сами эти категории не могут функционировать как «словесные маркеры» без наполнения конкретным содержанием. Если суд ограничивается ссылкой на тяжесть подозрения или формально повторяет список рисков без индивидуализации, возникает дефицит юридической определенности: человек не может предусмотреть логику судебного вмешательства, а апелляционный пересмотр не способен эффективно проверить правильность применения закона.

В этом контексте юридическая определенность тесно связана с динамическим характером контроля за ограничением свободы. Временное измерение критически важно: то, что могло быть достаточным в начале, не гарантирует законности продления содержания под стражей в дальнейшем, если суд не демонстрирует обновление фактической основы оснований и не объясняет, почему риски не уменьшились. Именно поэтому стандарт юридической определенности должен включать требование к обновленному обоснованию при каждом продлении срока: суд должен показать, что решение является следствием актуальной оценки фактов, а не инерционного продолжения прежней позиции.

Следовательно, «качество закона» и юридическая определенность в применении мер пресечения служат фундаментальными предохранителями от произвола и одновременно критериями легитимности ограничения свободы. Их обеспечение требует не только надлежащего нормативного регулирования, но и практики индивидуализированного, доказательственно подкрепленного и структурированно мотивированного судебного контроля. Только при таких условиях меры пресечения выполняют свою процессуальную функцию обеспечения действенности судопроизводства, не превращаясь в инструмент косвенного наказания или формального административного управления свободой человека.

Обоснованное подозрение является первичной и базовой предпосылкой правомерности ограничения свободы в уголовном судопроизводстве, поскольку именно оно ограничивает допустимое применение мер пресечения от произвольного лишения свободы. Его значение состоит в том, что любое решение о задержании или содержании под стражей не может основываться на предположениях, общих характеристиках лица или абстрактном «интересе правосудия», а должно опираться на фактические данные, достаточные для вывода о вероятной причастности лица к инкриминируемому деянию. Именно поэтому обоснованное подозрение выступает первым фильтром, который обеспечивает произвольность вмешательства в свободу и задает

нижнюю границу доказательной определенности, без которой любые дальнейшие рассуждения о рисках, пропорциональности или альтернативности становятся юридически несостоятельными.

Для обеспечения юридической определенности в применении мер пресечения ключевым является то, как суд операционализирует стандарт обоснованного подозрения в своей аргументации. Речь идет не об установлении виновности, а о проверке того, является ли подозрение фактическим, конкретным и связанным с диспозицией уголовно-правовой нормы, а не декларативным. Именно поэтому судебное решение должно фиксировать, какие именно факты или источники информации положены в основу заключения об обоснованности подозрения, какова их совокупность и почему она соответствует порогу «объективного наблюдателя». При отсутствии такого анализа подозрение превращается в процессуальную фикцию, а лишение свободы - в произвольное вмешательство, что противоречит логике верховенства права.

Следовательно, обоснованное подозрение как первый (базовый) фильтр правомерности ограничения свободы имеет две взаимосвязанные характеристики: оно устанавливает минимальный доказательный порог, необходимый для любого лишения свободы, и одновременно определяет границы судебной дискреции, запрещая «компенсировать» дефицит фактов предположениями или общими соображениями. Реализация этого стандарта требует от суда структурированной оценки фактической основы подозрения и ее соответствия конвенционному порогу «объективного наблюдателя», что является необходимым условием для дальнейшей оценки рисков, пропорциональности и альтернативности мер пресечения.

Следовательно, риски как прогностическое основание применения мер должны быть как реальная, фактически подкрепленная вероятность конкретного поведения, способная воспрепятствовать уголовному судопроизводству. Их правомерное использование требует от стороны обвинения доказательной конкретизации, а от суда — структурированной проверки и мотивированного заключения, отражающего причинно-следственную связь между установленными обстоятельствами и необходимостью именно такой степени ограничения свободы, включая оценку альтернатив. Запрещение шаблонов в этой сфере является не стилистическим требованием, а ключевым инструментом верховенства права, что предотвращает произвол и обеспечивает контролируемость дискреции при лишении свободы.

Заключение

Применение мер пресечения как вида обеспечения уголовного судопроизводства является одним из основных вопросов, возникающих в процессе досудебного расследования и судебного судопроизводства. Проведя анализ оснований избрания мер пресечения, можно сделать вывод, что указанные вопросы в связи с многочисленными изменениями уголовно-процессуального законодательства и совершенствованием

следственно-судебной практики требуют дальнейшего научного обоснования и доработки. Поэтому только комплексное применение предусмотренных УПК РФ оснований применения мер пресечения способно объективно содействовать в принятии процессуального решения и обеспечить гарантии прав и свобод личности.

Формирование современного взгляда на развитие уголовной юстиции и роль мер пресечения требует отказа от устаревших положений советской правовой теории, а также переосмысления подходов, сформировавшихся в переходный период. Современные реалии объективно диктуют необходимость критического пересмотра традиционных концепций, лежащих в основе правового регулирования применения мер пресечения.

Реализация верховенства права в практике применения мер пресечения должна рассматриваться как операционный стандарт судебного контроля за ограничением свободы, а не как декларативная основная формула. В этой сфере верховенство права проявляется, прежде всего, в требованиях произвольности, юридической определенности, пропорциональности и эффективной контролируемости решений, поскольку именно они обеспечивают баланс между задачами уголовного преследования и гарантиями права на свободу и личную неприкосновенность. Решающим является то, что судебный контроль должен быть содержательным: он должен превращать утверждение стороны обвинения в проверяемую систему фактических и правовых аргументов, исключая возможность замены доказывания предположениями или шаблонными конструкциями.

Практические рекомендации по унификации и повышению качества судебной практики целесообразно сформулировать как алгоритм минимальных стандартов для решений о применении и продлении мер пресечения. Во-первых, в мотивировочной части определения судьи должен быть выделен отдельный блок оценки обоснованного подозрения с указанием совокупности фактических данных, подтверждающих ее пороговую обоснованность, с четкой оговоркой о недопустимости подмены этого стандарта доказанностью вины. Во-вторых, по каждому риску должны быть приведены конкретные индикаторы, подтверждающие его реальность, а не гипотетичность; общие формулы или ссылки на тяжесть подозрения как универсальный аргумент должны рассматриваться как недостаточные. В-третьих, суд должен обязательно осуществлять тест пропорциональности и альтернативности: указывать, какие менее инвазивные меры рассматривались, почему они не способны нейтрализовать доказанные риски, и почему выбранное мероприятие минимально необходимо. В-четвертых, при продлении сроков содержания под стражей должен применяться «тест обновления»: сторона обвинения должна представить обновленные фактические основания подозрения и рисков, а суд - отразить в решении актуальную оценку, а не повторение

предыдущих доводов; отдельно должен быть обоснован временной параметр продления с привязкой к конкретным процессуальным действиям. В-пятых, для минимизации злоупотреблений и формализма целесообразно использование стандартизированной структуры мотивирующей части определения (подозрение → риски → альтернативы → пропорциональность → сроки/обновление), что повышает проверяемость судебного решения и эффективность апелляционного контроля.

Учитывая приведенное, усовершенствование практики применения мер пресечения должно происходить не путем расширения репрессивных инструментов, а путем повышения качества судебного контроля и доказательной дисциплины, что обеспечивает реальное, а не формальное воплощение верховенства права в сфере ограничения свободы личности и способствует формированию единой и конвенционно совместной национальной практики.

Использованные источники:

1. Борков В. Н., Булатов Б. Б., Павлов А. В. Новеллы в законодательстве об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т.31. – № 2(97). – С. 165–170.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 10 декабря 1998 г.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2020. – № 1. – Ст. 1416.
4. Соколов Е.С., В.С. Им Понятие, виды и классификации мер пресечения в уголовном судопроизводстве России //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. - № 10-2 (37). – С. 158-160
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29. – Ст. 5227

*Архипов И. В.
студент магистратуры
ИМПЭ им. Грибоедова*

ОЦЕНКА КОММЕРЧЕСКИХ РИСКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ТОВАРНЫХ РЫНКОВ

***Аннотация:** В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты оценки коммерческих рисков промышленных предприятий. Обоснована необходимость перехода от реактивного управления рисками к проактивному моделированию. Предложен усовершенствованный методический подход, сочетающий количественные (VaR, сценарный анализ) и качественные методы (метод Дельфи, карты рисков). Разработана авторская классификация коммерческих рисков с учетом цифровой трансформации B2B-сегментов и санкционных ограничений. Практическая значимость работы заключается в создании алгоритма интегральной оценки, апробированного на данных машиностроительного предприятия.*

***Ключевые слова:** коммерческие риски, промышленное предприятие, риск-менеджмент, оценка рисков, VaR, сценарное моделирование, эластичность спроса.*

*Arkhipov I.V.
master's student*

Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE)

ASSESSMENT OF COMMERCIAL RISKS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN CONDITIONS OF COMMODITY MARKET TURBULENCE

***Annotation:** The article examines the theoretical and practical aspects of assessing commercial risks of industrial enterprises. The necessity of transitioning from reactive risk management to proactive modeling is substantiated. An improved methodological approach is proposed, combining quantitative (VaR, scenario analysis) and qualitative methods (Delphi method, risk maps). An author's classification of commercial risks is developed, taking into account the digital transformation of B2B segments and sanctions constraints. The practical significance of the work lies in the creation of an integral assessment algorithm, tested on the data of a machine-building enterprise.*

***Key words:** commercial risks, industrial enterprise, risk management, risk assessment, VaR, scenario modeling, elasticity of demand.*

Введение

Актуальность. В условиях глобальной реконфигурации цепочек поставок, ужесточения денежно-кредитной политики и смены модели потребления промышленных товаров, российские промышленные предприятия столкнулись с ростом неопределенности в коммерческой сфере. По данным Росстата, в 2022–2024 гг. доля убыточных промышленных предприятий увеличилась на 5,7 п.п., причем в 62% случаев причиной убытков стали именно коммерческие риски (падение спроса, дебиторская задолженность, ценовые шоки).

Проблема. Существующие методики оценки коммерческих рисков (стандарты COSO ERM, ISO 31000) адаптированы под стабильные рынки и не учитывают:

- Нелинейную реакцию B2B-потребителей на изменение цен;
- Эффект «риск-заражения» в промышленных кластерах;
- Роль цифровых платформ в трансформации спроса.

Цель исследования — разработка комплексного подхода к оценке коммерческих рисков промышленного предприятия, позволяющего количественно измерить вероятность и масштаб потерь в кратко- и среднесрочном горизонте.

Задачи:

1. систематизировать факторы коммерческих рисков для промышленности;
2. предложить модифицированный показатель VaR для промышленного маркетинга;
3. апробировать методику на реальных данных.

Гипотеза: Коммерческие риски промышленного предприятия не являются аддитивными, а их интегральная оценка должна учитывать корреляцию между риском снижения спроса и риском неплатежей.

1. Теоретическая база и классификация

В зарубежной литературе (J. Kallberg, A. Saunders, 2019) коммерческие риски трактуются как подмножество рыночных рисков, связанных с контрагентами и каналами сбыта. Российская школа (В.Н. Вяткин, И.А. Бланк) выделяет: риск сбыта (объемный), ценовой риск, риск дебиторской задолженности, риск изменения условий конкуренции.

Авторская классификация для цифровой промышленности:

Тип риска	Характеристика	Ключевой индикатор
Спросовый риск (Demand risk)	Волатильность объема продаж при фиксированной цене	Коэффициент вариации месячных отгрузок
Ценовой риск (Price risk)	Неблагоприятное изменение цен на готовую продукцию	Индекс ценовой эластичности в отрасли
Дебиторский риск (Credit risk B2B)	Просрочка оплаты или банкротство покупателя	Средневзвешенный срок просрочки > 90 дней
Риск ликвидности коммерческих контрактов	Досрочное расторжение или рестрикции	Доля форс-мажорных расторжений

Особенность промышленности — высокая концентрация покупателей (индекс Херфиндаля-Хиршмана по клиентам часто > 0,3), что генерирует специфический риск потери ключевого клиента.

2. Методология исследования

Базой исследования выступило АО «Тяжмашприбор» (производство насосного оборудования) — типичное middle-market промышленное предприятие с выручкой 4,2 млрд руб. (2023 г.). Использованы данные за 2020–2023 гг. по 12 продуктовым линейкам и 68 контрагентам.

Этапы оценки:

1. *Идентификация* — форсайт-сессии с коммерческим отделом (метод номинальных групп).

2. *Количественное измерение индивидуальных рисков*:

○ для спросового риска: расчет VaR по историческому методу (доверительный интервал 95%);

○ для дебиторского риска: модель CreditMetrics с поправкой на отрасль.

3. *Интеграция* через построение функции потерь:

$$L = a_1 \cdot \sigma(Q) + a_2 \cdot VaR_{price} + a_3 \cdot PD_{max} \cdot E_{receiv}$$

где $\sigma(Q)$ — волатильность объема продаж, PD_{max} — максимальная вероятность дефолта среди топ-5 клиентов, E_{receiv} — объем дебиторской задолженности.

4. *Сценарный анализ*: стресс-тесты для трех сценариев (оптимистичный, базовый, пессимистичный) с шагом изменения спроса $\pm 20\%$ и цен $\pm 15\%$.

3. Результаты и обсуждение

Основные количественные результаты:

Показатель	Значение	Интерпретация
VaR (объем продаж, 1 мес)	17,2 млн руб.	С вероятностью 5% потери от падения спроса превысят 17 млн руб. в месяц
Коэффициент концентрации клиентов CR3	0,62	Высокий риск — потеря одного из топ-3 обрушит выручку на 28%
Вероятность дефолта среднего дебитора (PD)	3,8%	Просрочка > 180 дней — 1 случай на 25 контрагентов
Интегральный коммерческий риск (L)	0,37	Умеренно высокий (шкала 0–1, критический >0,6)

Сценарный анализ (горизонт 6 мес):

- Пессимистичный сценарий (спад промпроизводства на 8% + рост цены металла на 30%): убыток 89 млн руб., запас финансовой прочности снижается до 11 дней.

- В оптимистичном сценарии убытки отсутствуют, но рентабельность продаж падает на 2,1 п.п. из-за необходимости предоставлять отсрочки.

Ключевое открытие: выявлена значимая отрицательная корреляция между спросовым и дебиторским рисками ($r = -0,43$). В периоды падения спроса предприятие вынуждено либерализовать условия оплаты, что резко повышает дебиторский риск. Игнорирование этой связи в традиционных моделях ведет к недооценке совокупного риска на 35–40%.

4. Выводы и рекомендации

1. Научный результат: Доказано, что коммерческие риски промышленного предприятия образуют неаддитивную структуру с отрицательной корреляцией между подмножествами. Предложенная функция потерь LL адекватнее отражает реальную уязвимость, чем сумма индивидуальных VaR.

2. Практические рекомендации:

- Внедрить ежемесячный мониторинг коэффициента вариации отгрузок и индекса CR3 (концентрации клиентов).

- Создать резерв под коммерческие риски в размере 2,5% от выручки (рассчитано как $1,2 \times$ среднеквадратическое отклонение денежного потока от коммерческой деятельности).

- Использовать динамическое ценообразование для снижения ценового риска в сегменте стандартной продукции.

- Для снижения корреляции «спрос ↔ дебиторка» — ввести комбинированные условия: фиксированная скидка 3% при предоплате против плавающей шкалы отсрочки.

3. Ограничения исследования: Результаты валидны для машиностроения и металлообработки с прямыми B2B-продажами; для сырьевых и оборонных предприятий требуется калибровка.

Дальнейшие исследования — построение динамической байесовской сети для прогноза коммерческих рисков с использованием данных ERP-

систем и внешних индикаторов (индекс деловой активности PMI, просроченная задолженность по отраслям).

Использованные источники:

1. Бланк И.А. Управление финансовыми рисками. — К.: Ника-Центр, 2019. — 448 с.
2. Вяткин В.Н. Риск-менеджмент промышленного предприятия. — М.: Юрайт, 2022. — 312 с.
3. Jorion P. Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk. — McGraw-Hill, 2017. — 768 p.
4. ISO 31000:2018. Risk management — Guidelines.

*Архипов И. В.
студент магистратуры
ИМПЭ им. Грибоедова*

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретико-методологические основы управления устойчивым развитием предприятий реального сектора экономики. Обоснована необходимость перехода от фрагментарных мер к интегрированной системе управления, учитывающей экономическую, социальную и экологическую компоненты. Предложена структурно-функциональная модель управления устойчивым развитием, выделены ключевые индикаторы и организационные механизмы. Особое внимание уделено проблемам адаптации принципов ESG (Environmental, Social, Governance) в условиях отечественных промышленных предприятий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, реальный сектор, ESG-принципы, корпоративное управление, промышленное предприятие, жизненный цикл, стейкхолдеры.

*Arkhipov I.V.
master's student
Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE)*

MANAGING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REAL SECTOR ENTERPRISES: A SYSTEMIC APPROACH AND TOOLKIT

Annotation: The article examines the theoretical and methodological foundations of managing sustainable development of enterprises in the real sector of the economy. The necessity of transitioning from fragmented measures to an integrated management system that considers economic, social, and environmental components is substantiated. A structural-functional model for managing sustainable development is proposed, along with key indicators and organizational mechanisms. Particular attention is paid to the challenges of adapting ESG (Environmental, Social, Governance) principles to the context of domestic industrial enterprises.

Keywords: sustainable development, real sector, ESG principles, corporate governance, industrial enterprise, life cycle, stakeholders.

Введение

Реальный сектор экономики (промышленность, строительство, сельское хозяйство, транспорт) является материальной основой национального воспроизводства. Именно предприятия этого сектора создают добавленную

стоимость, формируют рабочие места и определяют технологический суверенитет страны. Однако в условиях глобальных вызовов (климатические изменения, ресурсные ограничения, социальное неравенство) традиционная парадигма максимизации краткосрочной прибыли вступает в противоречие с долгосрочными интересами бизнеса и общества.

Понятие «устойчивое развитие» применительно к уровню предприятия не сводится к простой выживаемости. Согласно наиболее распространённому определению (развитие концепции Брундтланд), устойчивое развитие предприятия — это способность долгосрочно создавать экономическую ценность, не истощая социальный и природный капитал, при сохранении эффективной системы управления рисками.

Проблема заключается в отсутствии унифицированного методического аппарата, позволяющего интегрировать принципы устойчивости в операционную и стратегическую деятельность предприятий реального сектора с учётом отраслевой специфики.

1. Теоретические рамки: от триединого итога к ESG

Классическая модель устойчивого развития предполагает баланс трех компонент (Triple Bottom Line):

- Экономическая – рентабельность, производительность, инновационная активность, финансовая стабильность.
- Социальная – качество труда, безопасность, развитие персонала, взаимодействие с местными сообществами.
- Экологическая – ресурсоэффективность, сокращение выбросов, обращение с отходами, сохранение биоразнообразия.

Сегодня данный подход операционализируется через ESG-критерии, адаптируемые к масштабам и профилю предприятия. Однако для предприятий реального сектора характерен ряд особенностей:

1. Высокая фондоёмкость и длительный инвестиционный цикл;
2. Технологическая связанность с природопользованием (добыча, металлургия, химия, энергетика);
3. Значительная социальная нагрузка (градообразующие предприятия, моногорода);
4. Жёсткое регуляторное давление (экологические нормы, углеродная отчётность).

Следовательно, управление устойчивым развитием здесь требует синтеза проектного, процессного и риск-ориентированного подходов.

2. Системные противоречия и ограничения

Эмпирические исследования (включая наблюдения за российскими промышленными предприятиями 2010–2025 гг.) выявляют следующие барьеры:

- Конфликт горизонтов управления: для поддержания высокой операционной эффективности менеджмент нередко сокращает природоохранные и социальные расходы.

- Неполнота информации: отсутствие стандартизированных нефинансовых показателей, особенно для средних и малых предприятий.

- Отраслевая асимметрия: для металлургии экологический аспект доминирует, для машиностроения – социальный и технологический, для АПК – связанность с земельными ресурсами.

- Институциональные ловушки: субсидии на ресурсы могут тормозить энергоэффективность; мягкие требования к отчётности снижают стимулы к прозрачности.

3. Модель управления устойчивым развитием предприятия

На основе системного анализа предложена трёхуровневая модель (рис. 1 – описательно).

Уровень 1 – Стратегический (Why):
Формирование политики устойчивого развития, увязка с миссией и долгосрочными целями, определение ключевых стейкхолдеров (собственники, регуляторы, персонал, местные сообщества, кредиторы). Утверждение KPI: углеродоёмкость продукции, частота травматизма, доля реинвестируемой экологической прибыли.

Уровень 2 – Тактический (What):
Разработка дорожной карты: программы ресурсосбережения, модернизация очистных сооружений, внедрение системы «зелёных» закупок, создание совета по устойчивому развитию с участием топ-менеджмента. Механизм: интеграция ESG-рисков в корпоративную систему управления рисками (COSO ERM, ISO 31000).

Уровень 3 – Операционный (How):
Ежедневные процедуры: мониторинг выбросов, рециклинг воды, обучение персонала, учёт социальных эффектов при планировании производства. Инструментарий: система сбалансированных показателей (BSC) с расширением нефинансовых перспектив, цифровые двойники для экологического моделирования.

Ключевой механизм – обратная связь: результаты операционного учёта корректируют тактические планы, а стратегические цели пересматриваются не чаще одного раза в 2–3 года, за исключением шоковых внешних изменений.

4. Методический инструментарий: от индикаторов к управленческим решениям

В таблице 1 приведены группы показателей, пригодных для мониторинга на предприятиях реального сектора.

Компонента	Пример индикатора	Частота сбора	Ответственное подразделение
Экономическая	EBITDA с поправкой на экологические обязательства	Квартал	Финансовый департамент
Социальная	Индекс лояльности персонала / уровень текучести кадров	Полугодие	HR-департамент
Экологическая	Удельное водопотребление на единицу продукции	Месяц	Департамент главного инженера

Интегральная	«Цена устойчивости» (доля затрат на ESG в выручке)	Год	Стратегический комитет

Для принятия решений рекомендуется использовать многокритериальный анализ (например, метод анализа иерархий Саати), позволяющий ранжировать инициативы по устойчивому развитию при ограниченных инвестициях.

5. Практическая апробация и рекомендации

Пилотное внедрение элементов предложенной модели на машиностроительном предприятии (среднесерийное производство, 1200 чел.) показало:

- Сокращение удельных выбросов на 12% за счет рециркуляции смазочно-охлаждающих жидкостей;
- Рост производительности труда на 8% после внедрения социального пакета, увязанного с «зелёными» предложениями работников;
- Снижение операционных рисков: отказ от поставщиков с низким ESG-рейтингом уменьшил вероятность регуляторных штрафов.

Рекомендации для предприятий реального сектора:

1. Не копировать ESG-стандарты финансового сектора напрямую. Необходима отраслевая адаптация через бенчмаркинг в рамках технологических цепочек.
2. Внедрять принцип *двойной существенности* (impact of company on environment & society AND impact of ESG factors on company's performance).
3. Использовать гибридное финансирование (зелёные облигации, ESG-кредиты с плавающей ставкой) для модернизации, но с чёткими целевыми индикаторами.
4. Развивать компетенции управленческого персонала в области нефинансовой отчётности и климатических рисков.

Заключение

Управление устойчивым развитием предприятий реального сектора перестаёт быть факультативной функцией и становится фактором конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и регуляторной устойчивости. Предложенная в статье трёхуровневая модель и набор индикаторов позволяют системно интегрировать принципы ESG в корпоративную архитектуру. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку отраслевых нормативов (бенчмарков) и создание открытых баз данных по лучшим практикам для малых и средних промышленных предприятий, где ресурсные ограничения наиболее остры.

Использованные источники:

1. Бакеева Й. Р., Бакеев Б. В., 2016. Тенденции изменения производительности труда в Российской Федерации и возможные пути их перспективной корректировки // Экономика и предпринимательство. № 11-2 (76). С. 162–167
2. Прангишвили И. В., 2000. Системный подход и общесистемные закономерности. М. : СИНТЕГ. 528 с.

3. Менеджмент знаний и устойчивость инновационного развития предприятий и организаций региона / П.В. Антипина, Е.А. Арбатская, О.Н. Баева. С.В. Чупров и др.; науч. ред. д-р экон. наук, проф. С.В. Чупров; отв. ред. канд. экон. наук, доц. Т.А. Кондрацкая. Иркутск: Изд. дом Байкал. гос. ун-та, 2022. 186 с.
4. Авдеева, И. Л. Концепция экологических кластеров для развития циркулярной экономики / И. Л. Авдеева // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Самара, 28–29 октября 2024 года. – Самара: Самарский государственный технический университет, 2024. – С. 4-11.

УДК 373.5:371.26
ББК 74.202.8

*Багдасарян А. А.
магистрант
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова, г. Москва
Лях Ю.А., д.пед.н.
профессор
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова, г. Москва*

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМАНДА КАК СУБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация:** В статье рассматривается проблема организации педагогического мониторинга качества профильного обучения в образовательной организации. Обосновывается, что в условиях вариативности образовательных программ, индивидуализации образовательных маршрутов и усложнения требований к результатам обучения особую значимость приобретает управленческая команда образовательной организации. Показано, что именно управленческая команда обеспечивает проектирование системы мониторинга, организацию сбора и анализа данных, а также использование результатов мониторинга для принятия управленческих решений. Выявлены основные функции управленческой команды как субъекта педагогического мониторинга: проектировочная, организационная, аналитическая и управленческая. Сделан вывод о том, что включение мониторинга в деятельность управленческой команды позволяет перейти от интуитивного управления к аналитически обоснованному управлению качеством профильного обучения.*

***Ключевые слова:** профильное обучение, качество образования, педагогический мониторинг, управленческая команда, ВСОКО, управление образовательной организацией.*

*Baghdasaryan A. A.
master's student
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Lyakh Yu.A., Doctor of Pedagogical Sciences
professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

MANAGEMENT TEAM AS A SUBJECT OF PEDAGOGICAL MONITORING OF THE QUALITY OF SPECIALIZED EDUCATION WITHIN THE INTERNAL QUALITY ASSESSMENT SYSTEM

Abstract: *The article examines the problem of organizing pedagogical monitoring of the quality of specialized education in an educational institution. It is substantiated that under the conditions of variability of educational programs, individualization of students' educational pathways and increasing requirements for learning outcomes, the management team of an educational institution acquires special significance. It is shown that the management team ensures the design of the monitoring system, the organization of data collection and analysis, as well as the use of monitoring results for managerial decision-making. The main functions of the management team as a subject of pedagogical monitoring are identified: design, organizational, analytical and managerial. It is concluded that the integration of monitoring into the activities of the management team makes it possible to move from intuitive management to analytically grounded management of the quality of specialized education.*

Keywords: *specialized education, quality of education, pedagogical monitoring, management team, internal quality assessment system, management of an educational institution.*

Современное развитие общего образования сопровождается усилением требований к качеству образовательных результатов, их объективности и сопоставимости. Особую актуальность эта проблема приобретает в условиях профильного обучения, ориентированного на индивидуализацию образовательных маршрутов обучающихся, углублённое изучение отдельных предметных областей и подготовку к профессиональному самоопределению. В связи с этим качество профильного обучения не может рассматриваться исключительно как совокупность итоговых образовательных результатов. Оно включает также характеристики образовательного процесса и условий его реализации [1; 2].

Развитие профильного обучения приводит к усложнению процедур оценки качества образования. Традиционные формы контроля и итоговой аттестации фиксируют преимущественно конечный результат обучения и не позволяют выявить динамику образовательных достижений, а также влияние различных факторов на их формирование [3]. В этих условиях возрастает значение педагогического мониторинга как инструмента систематического получения и анализа информации о состоянии образовательного процесса.

Несмотря на достаточную разработанность теоретических основ мониторинга качества образования, недостаточно исследованным остаётся вопрос о субъекте его реализации в образовательной организации. На практике результаты мониторинга нередко используются фрагментарно и не становятся основой для принятия управленческих решений. В связи с этим возникает необходимость теоретического осмысления роли управленческой

команды как субъекта педагогического мониторинга качества профильного обучения.

Качество образования в современной педагогической науке рассматривается как интегративная характеристика, отражающая степень соответствия результатов, процесса и условий обучения установленным требованиям и ожиданиям участников образовательных отношений [4]. Следовательно, оценка качества образования не может ограничиваться только проверкой уровня знаний обучающихся.

Структурно качество образования включает три взаимосвязанных компонента:

- результативный;
- процессуальный;
- ресурсно-условный.

Результативный компонент отражает уровень освоения обучающимися образовательных программ, сформированность предметных, метапредметных и личностных результатов. Процессуальный компонент характеризует особенности организации обучения, используемые педагогические технологии, формы и методы работы. Ресурсно-условный компонент включает кадровое, материально-техническое и информационное обеспечение образовательного процесса [5].

В условиях профильного обучения содержание понятия «качество образования» приобретает дополнительную специфику. Профильное обучение ориентировано на углублённое изучение отдельных дисциплин и предполагает вариативность образовательных программ, что требует дифференцированной оценки результатов. Важными критериями качества профильного обучения становятся:

- уровень освоения профильных дисциплин;
- соответствие образовательных результатов выбранному профилю;
- сформированность индивидуальной образовательной траектории;
- устойчивость учебной мотивации;
- готовность обучающихся к дальнейшему профессиональному и образовательному самоопределению [6].

Таким образом, качество профильного обучения представляет собой сложную многокомпонентную систему, требующую использования специальных инструментов оценки.

Одним из наиболее эффективных инструментов оценки качества образования выступает педагогический мониторинг. В научной литературе он определяется как систематический процесс сбора, обработки, анализа и интерпретации информации о состоянии и результатах образовательной деятельности с целью последующего принятия управленческих решений [3; 7].

В отличие от традиционного контроля, педагогический мониторинг имеет непрерывный и динамический характер. Он ориентирован не только на

фиксацию текущего состояния образовательного процесса, но и на выявление тенденций его развития, факторов, влияющих на образовательные результаты, а также на прогнозирование дальнейших изменений [8].

Функциональная структура педагогического мониторинга включает несколько взаимосвязанных компонентов:

1. Диагностическую функцию, направленную на выявление текущего состояния образовательного процесса.

2. Аналитическую функцию, обеспечивающую обработку и интерпретацию полученной информации.

3. Прогностическую функцию, связанную с определением перспектив развития образовательной ситуации.

4. Управленческую функцию, предполагающую использование результатов мониторинга при принятии решений [7].

Технологически педагогический мониторинг реализуется как последовательность взаимосвязанных этапов:

- определение целей и показателей мониторинга;
- сбор информации;
- обработка и анализ данных;
- интерпретация результатов;
- принятие и реализация управленческих решений.

Особое значение педагогический мониторинг приобретает в рамках внутренней системы оценки качества образования (ВСОКО). В данной системе он выступает основным механизмом получения информации о состоянии образовательного процесса и позволяет обеспечить регулярность, объективность и сопоставимость данных [9].

Использование педагогического мониторинга в образовательной организации обеспечивает переход от интуитивного управления к управлению, основанному на анализе данных. Это позволяет своевременно выявлять проблемные зоны, корректировать образовательные программы и повышать качество профильного обучения.

В современных условиях управление качеством образования не может осуществляться исключительно усилиями руководителя образовательной организации. Возрастающая сложность образовательного процесса, необходимость анализа большого объёма информации и координации различных направлений деятельности обуславливают переход к командной модели управления [10].

Под управленческой командой образовательной организации понимается совокупность руководящих и педагогических работников, принимающих участие в разработке и реализации управленческих решений. Как правило, в её состав входят директор, заместители директора, руководители методических объединений, педагоги-организаторы, специалисты службы сопровождения [11].

В контексте педагогического мониторинга управленческая команда

выступает его основным субъектом, поскольку именно она обеспечивает интеграцию процедур оценки и управления качеством образования. Деятельность управленческой команды включает несколько взаимосвязанных функций.

Проектировочная функция связана с разработкой системы педагогического мониторинга. Управленческая команда определяет цели, задачи, критерии и показатели мониторинга, формирует диагностический инструментарий, устанавливает сроки и порядок проведения мониторинговых процедур [12].

Особое значение данная функция имеет в условиях профильного обучения, где необходимо учитывать специфику различных образовательных профилей и разнообразие образовательных траекторий обучающихся.

Организационная функция предполагает координацию деятельности педагогического коллектива в процессе проведения мониторинга. Управленческая команда обеспечивает сбор информации о результатах обучения, характеристиках образовательного процесса и условиях его реализации. Кроме того, она отвечает за соблюдение принципов объективности, системности и достоверности получаемых данных [13].

Ключевое значение имеет аналитическая функция управленческой команды. На данном этапе осуществляется обработка и интерпретация результатов мониторинга, выявляются тенденции и проблемные зоны, устанавливаются причины отклонений от планируемых результатов [14].

Анализ мониторинговых данных позволяет определить:

- эффективность реализуемых образовательных программ;
- уровень достижения планируемых результатов;
- влияние используемых педагогических технологий;
- степень соответствия условий обучения требованиям профильного образования.

Завершающим этапом деятельности управленческой команды становится принятие управленческих решений. На основе результатов мониторинга осуществляется корректировка образовательных программ, перераспределение ресурсов, организация дополнительной подготовки обучающихся, а также повышение квалификации педагогических работников [15].

Следовательно, управленческая команда обеспечивает переход от получения информации к её практическому использованию в целях повышения качества профильного обучения.

Роль управленческой команды особенно возрастает в условиях профильного обучения, характеризующегося вариативностью образовательных программ и высокой степенью индивидуализации. Для достижения запланированных результатов требуется согласованность действий всех участников образовательного процесса.

Использование данных педагогического мониторинга позволяет

управленческой команде:

- выявлять несоответствие между содержанием обучения и требованиями выбранного профиля;
- определять уровень готовности обучающихся к профессиональному самоопределению;
- корректировать индивидуальные образовательные маршруты;
- обеспечивать адресную поддержку педагогов и обучающихся;
- повышать эффективность реализации программ профильного обучения.

Тем самым управленческая команда выступает не только субъектом управления образовательной организацией, но и субъектом педагогического мониторинга, обеспечивающим его целостность и результативность.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что качество профильного обучения представляет собой многокомпонентную характеристику, включающую образовательные результаты, особенности организации образовательного процесса и условия его реализации.

Важнейшим инструментом оценки качества профильного обучения выступает педагогический мониторинг, обеспечивающий регулярное получение, анализ и интерпретацию информации о состоянии образовательного процесса. Его использование создаёт основу для принятия обоснованных управленческих решений.

Установлено, что ключевым субъектом педагогического мониторинга является управленческая команда образовательной организации. Именно она осуществляет проектирование системы мониторинга, организацию сбора и анализа данных, а также использование результатов мониторинга для совершенствования образовательного процесса.

Следовательно, эффективное функционирование управленческой команды является необходимым условием повышения качества профильного обучения и развития внутренней системы оценки качества образования.

Использованные источники:

1. Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14.
2. Субетто А. И. Качество образования: проблемы оценки и мониторинга. СПб.: Астерион, 2000. 384 с.
3. Майоров А. Н. Мониторинг в образовании. М.: Интеллект-Центр, 2005. 424 с.
4. Новиков А. М. Методология образования. М.: Эгвес, 2006. 488 с.
5. Поташник М. М. Управление качеством образования. М.: Педагогическое общество России, 2001. 448 с.
6. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования: утв. приказом Минобразования РФ от 18.07.2002 № 2783.
7. Шишов С. Е., Кальней В. А. Мониторинг качества образования в школе. М.: Российское педагогическое агентство, 1999. 354 с.

8. Третьяков П. И., Митин С. Н. Адаптивное управление педагогическими системами. М.: Академия, 2003. 368 с.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
10. Афанасьев В. Г. Социальное управление. М.: Политиздат, 1990. 384 с.
11. Лазарев В. С. Управление школой: теоретические основы и методы. М.: Центр социальных и экономических исследований, 1997. 336 с.
12. Белкин А. С. Педагогический мониторинг: состояние, проблемы, перспективы // Образование и наука. 2007. № 5. С. 21–29.
13. Симонов В. П. Педагогический менеджмент. М.: Педагогическое общество России, 2007. 512 с.
14. Лях Ю. А. Стратегическое управление в системе образования: теории, модели, инструменты // учебно-методическое пособие/ Ульяновск, 2025. 102 с.
15. Поташник М. М., Левит М. В. Как подготовить и провести педагогический совет. М.: Педагогическое общество России, 2007. 176 с.

УДК
658.1.012.12

*Батыгова Г.Д.
студент
Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону
Рыбекина Е.Ю.
студент
Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону
Науч. руководитель: Скидан А.В., - к.э.н.
доцент
Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических вопросов, связанных с комплексным экономическим анализом и оценкой финансового состояния организации, при помощи которого состояние хозяйствующих субъектов подвергается объективному мониторингу платежеспособности, ликвидности, финансовой устойчивости, характера использования финансовых ресурсов, деловой активности и т.д.

Ключевые слова: комплексный анализ, экономический анализ, бухгалтерский учет, баланс, показатели, принципы анализа финансовой деятельности, социально-экономическое развитие.

*Batygova G.D.
student
South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don
Rybekina E.Yu.
student
South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don
Scientific supervisor: Skidan A.V., PhD
associate professor
South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF COMPLEX ECONOMIC ANALYSIS IN AN ORGANIZATION

Abstract: *the article is devoted to the consideration of theoretical and methodological issues related to complex economic analysis and assessment of the financial condition of an organization, with the help of which the state of economic entities is subjected to objective monitoring of solvency, liquidity, financial stability, the nature of the use of financial resources, business activity, etc.*

Keywords: *complex analysis, economic analysis, accounting, balance sheet, indicators, principles of financial analysis, socio-economic development.*

Современное глобальное социально-экономическое развитие, сложная общемировая геополитическая ситуация, последствия пандемии, закрытие границ в рамках международного сообщества, сильнейшее санкционное давление, интенсивное использование информационно-коммуникационных технологий, внедрение инновационных инструментов и средств во все сферы жизнедеятельности человека и многое другое приводит к тому, что организации начинают понимать, насколько важен комплексный экономический анализ деятельности организации для обеспечения ее экономической безопасности, эффективности принятия управленческих решений, посредством оценки текущего состояния дел и определения перспективных направлений развития и разработки стратегии организации.

Комплексный экономический анализ деятельности организации основывается на глубоком знании экономики, управлении финансами, базой финансового планирования, основными методами которого является планирование бюджета, применении техники и организации производства, изучение деятельности организации с целью повышения ее эффективности.

Экономический анализ представляет собой процесс, основанный на изучении данных об экономическом состоянии и результатах деятельности организации в прошлом с целью оценки перспективы его развития¹⁷. Главной задачей экономического анализа является снижение неизбежной неопределенности, связанной с принятием экономических решений, ориентированных в будущее.

Анализ экономического состояния дает возможность оценить:

- имущественное состояние организации;
- степень предпринимательского риска, в частности, возможность погашения обязательств перед третьими лицами;
- достаточность капитала для текущей деятельности и долгосрочных инвестиций;
- потребность в дополнительных источниках финансирования;
- способность к наращиванию капитала;

¹⁷ Жилкина А. Н. Финансовый анализ: учебник и практикум для вузов / А. Н. Жилкина. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 285 с.

- рациональность привлечения заемных средств;
- обоснованность политики распределения и использования прибыли;
- целесообразность выбора инвестиций и др.¹⁸.

Комплексный экономический анализ является основной частью общего, полного анализа хозяйственной деятельности, который состоит из двух тесно взаимосвязанных разделов: финансового анализа и производственного управленческого анализа (Рис.1).

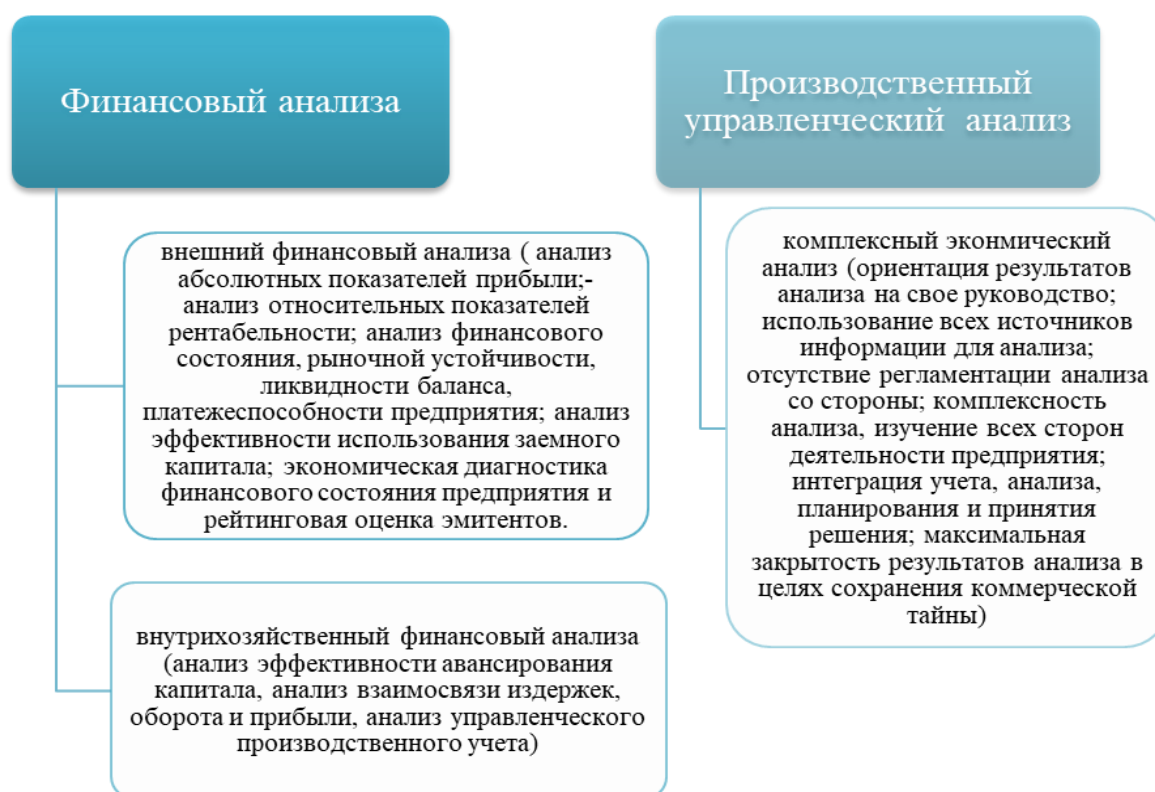

Рис. 1 Структура анализа хозяйственной деятельности организации¹⁹

Проводя комплексный экономический анализ, необходимо руководствоваться определенными принципами, выработанными наукой и практикой, на рисунке 2 мы систематизировали их в единую схему, прежде всего это принципы: государственный подход, научный характер, комплексность, системность, объективность, действенность, плановость, оперативность, эффективность.

¹⁸ Алексеева А.И., Васильев Ю.В., Малеева А.В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. М.: КНОРУС, 2018 – 706 с.

¹⁹ Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности: учебник / Савицкая Г.В.. — Минск : Республиканский институт профессионального образования (РИПО), 2019. — 373 с // Электронно-библиотечная система. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/93422.html>

Рис. 2 Принципы комплексного экономического анализа²⁰

В соответствии со статьей 13 III главы Федерального закона РФ «О бухгалтерском учёте»²¹ от 21 ноября 1996г. №129-ФЗ все организации «...обязаны составлять на основе данных синтетического и аналитического учёта бухгалтерскую отчётность»²². Бухгалтерская отчётность организаций, за исключением отчётности бюджетных организаций, состоит из:

- бухгалтерский баланс (форма №1);
- отчет о прибылях и убытках (форма №2);
- пояснение к бухгалтерскому балансу и отчету о прибылях и убытках;
- отчет об изменениях капитала (форма №3);
- отчет о движении денежных средств (форма №4);
- приложение к бухгалтерскому балансу (форма №5);
- пояснительная записка.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, о том, что, богатый опыт теоретических исследований обусловлен практическими навыками, по сути оптимизируя учет и отчетность финансовых средств организации, т.е. анализ финансовой отчетности в свою очередь представляет, по сути, предварительный анализ финансового состояния организации, позволяющий судить о его финансовой устойчивости и характере использовании финансовых ресурсов.

²⁰ Составлено автором по материалам Лысенко, Д.В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учебник для вузов / Д.В. Лысенко. - М.: ИНФРА-М, 2018. - 320 с.

²¹ Федеральный закон РФ от 6 декабря 2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

²² Там же

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 06.12.2011 N 402-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru>
2. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учебник и практикум для вузов/под редакцией В. И. Бариленко. — Москва: Издательство Юрайт, 2022.— 455 с.
3. Лысенко, Д.В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учебник для вузов - М.: ИНФРА-М, 2018. - 320 с.
4. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности: учебник / Савицкая Г.В.. — Минск: Республиканский институт профессионального образования (РИПО), 2019. — 373 с. // Электронно-библиотечная система. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/93422.html>
5. Тархова А.В., Волошина О.В. Конгруэнтность эффективной системы налогообложения корпоративного сектора и устойчивого роста экономики государства // Горизонты экономики. 2013. № 6-2 (12). С. 57-60.
6. Жилкина А. Н. Финансовый анализ: учебник и практикум для вузов — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 285 с.
7. Алексеева А.И., Васильев Ю.В., Малеева А.В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности. М.: КНОРУС, 2018.

*Белякова С. А.
специалист
ВСФ ФГБОУВО Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия*

*Джура В. В., кандидат юридических наук
заведующий кафедрой гражданского, административного и
уголовного судопроизводства ВСФ ФГБОУВО Российского
государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия*

ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В данной работе рассмотрены актуальные проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве с целью защиты прав и законных интересов граждан. Исследуется проблема отсутствия в законодательстве четких критериев «уважительности причин», по которым гражданин не может самостоятельно обратиться в суд. Рассмотрена специфика обязательного участия прокурора для дачи заключения по социально значимым категориям дел. Целью данной работы стало выявление пробелов в действующем механизме реализации статьи 45 ГПК РФ и обоснование гипотезы о необходимости расширения процессуальных полномочий прокурора. По итогам проведенного анализа судебной практики и доктринальных источников предложены пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: гражданский процесс, прокурор, защита прав граждан, гражданское судопроизводство, законные интересы, статья 45 ГПК РФ, судебная защита.

*Belyakova S. A.
specialist
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk, Russia*

*Dzhura V. V., Candidate of Law
Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice of
the All-Russian
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk, Russia*

PROTECTION BY THE PROSECUTOR OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CITIZENS IN RUSSIAN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. *This paper examines the current problems of the prosecutor's participation in civil proceedings to protect the rights and legitimate interests of citizens. The problem of the lack of clear criteria in the legislation for "valid reasons" why a citizen cannot independently appeal to the court is investigated. The specifics of the mandatory participation of the prosecutor to give an opinion on socially significant categories of cases are considered. The purpose of this work was to identify gaps in the current mechanism for the implementation of Article 45 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation and to substantiate the hypothesis of the need to expand the procedural powers of the prosecutor. Based on the results of the analysis of judicial practice and doctrinal sources, ways to improve the legislation are proposed.*

Keywords: *civil process, prosecutor, protection of citizens' rights, civil proceedings, legitimate interests, Article 45 of the Civil Procedural Code of the Russian Federation, judicial protection.*

Вопрос о процессуальной роли прокурора в защите прав и законных интересов граждан в гражданском судопроизводстве является предметом устойчивого научного интереса. В различные периоды развития отечественной правовой системы представители науки гражданского процессуального, прокурорского и конституционного права по-разному обосновывали сущность участия прокурора в гражданском процессе: как формы надзора, как элемента публично-правового механизма охраны законности, как самостоятельного направления государственной защиты прав личности, а также как особого процессуального средства обеспечения баланса частных и публичных интересов [1, с. 54].

Являясь одним из ключевых субъектов, участвующих в охране законности, прокурор в гражданском судопроизводстве не выступает стороной спора в материально-правовом смысле, однако наделен полномочиями, позволяющими ему содействовать защите прав, свобод и законных интересов граждан. Тем самым его деятельность приобретает особый процессуальный характер и отличается от обычного участия представителя или иного заинтересованного лица. Прокурор, обращаясь в суд, вступает в процесс не ради защиты собственного субъективного права, а в целях охраны правопорядка, восстановления нарушенных прав социально уязвимых категорий граждан и обеспечения законности [2, с. 118].

Институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве традиционно рассматривается как один из публично-правовых механизмов защиты прав граждан. Его назначение состоит не только в инициировании судебной защиты, но и в содействии суду в правильном применении

закона, предупреждении нарушений прав лиц, которые по возрасту, состоянию здоровья, имущественному положению либо иным обстоятельствам не способны самостоятельно и эффективно отстаивать свои интересы. Именно поэтому участие прокурора в гражданском процессе следует рассматривать не как формальную процессуальную функцию, а как важнейший элемент системы государственной защиты прав личности.

Согласно действующему гражданскому процессуальному законодательству, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в случаях, когда это прямо предусмотрено законом, а также участвовать в рассмотрении дел, если этого требует защита интересов гражданина, неопределенного круга лиц или публичных интересов. Такое нормативное закрепление свидетельствует о том, что прокурорская форма защиты имеет комплексную природу и соединяет в себе материально-правовые и процессуальные начала [3, с. 201].

Для более глубокого понимания правовой природы участия прокурора в гражданском судопроизводстве необходимо обратиться к общему понятию защиты права. В юридической науке защита прав граждан рассматривается как система предусмотренных законом мер, направленных на восстановление нарушенного права, пресечение противоправного поведения, устранение препятствий в реализации субъективных прав и предупреждение новых нарушений. В этом смысле деятельность прокурора является не самостоятельной заменой судебной защиты, а важным механизмом ее обеспечения, поскольку прокурор способствует возбуждению дела, поддерживает законность рассмотрения спора и в необходимых случаях участвует в исследовании доказательств и даче заключения по делу.

Правовая природа участия прокурора в гражданском процессе носит межотраслевой характер. С одной стороны, она опирается на нормы Конституции Российской Федерации, закрепляющие право каждого на судебную защиту, а также на положения о государственной обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. С другой стороны, она регулируется нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» и рядом иных нормативных актов, определяющих пределы и формы прокурорского реагирования [4, с. 67].

Нельзя не отметить, что в научной литературе существуют различные подходы к оценке природы участия прокурора в гражданском судопроизводстве. Одни авторы рассматривают его исключительно как форму процессуального представительства публичного интереса. Другие подчеркивают особую правозащитную функцию прокуратуры, полагая, что прокурор в гражданском процессе осуществляет не только надзор за

законностью, но и непосредственную защиту прав конкретного гражданина. Третьи исходят из того, что прокурорское участие представляет собой самостоятельный институт, сочетающий в себе черты процессуального содействия правосудию и государственной охраны прав личности [5, с. 93].

Представляется, что наиболее обоснованным является подход, согласно которому участие прокурора в гражданском судопроизводстве следует рассматривать как самостоятельную публично-правовую форму защиты прав и законных интересов граждан. Это объясняется тем, что прокурор не просто поддерживает позицию одной из сторон, а действует в пределах полномочий, определенных государством, исходя из задач охраны правопорядка, социальной справедливости и недопущения нарушения прав лиц, находящихся в уязвимом положении.

Особое значение имеет участие прокурора по делам, затрагивающим права несовершеннолетних, недееспособных, ограниченно дееспособных граждан, лиц, не способных самостоятельно обратиться в суд, а также по спорам, имеющим повышенную социальную значимость. В таких случаях прокурорская активность служит дополнительной гарантией реализации права на судебную защиту и способствует более полному установлению обстоятельств дела. Это особенно важно в условиях, когда одна из сторон по объективным причинам не может эффективно реализовать свои процессуальные права.

Следует подчеркнуть, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, правозащитную, выражающуюся в инициировании и поддержании судебной защиты нарушенных прав граждан. Во-вторых, предупредительную, направленную на недопущение новых нарушений законности. В-третьих, обеспечительную, поскольку прокурор способствует правильному и своевременному рассмотрению дела судом. В-четвертых, публично-правовую, поскольку его деятельность отражает интересы государства в обеспечении законности и социальной справедливости.

Таким образом, защита прокурором прав и законных интересов граждан в российском гражданском судопроизводстве представляет собой особый правовой институт, обладающий комплексной природой и направленный на реализацию конституционного права на судебную защиту. Его сущность заключается в том, что прокурор, действуя от имени государства, содействует восстановлению нарушенных прав, охраняет интересы граждан, особенно нуждающихся в дополнительной правовой защите, и способствует укреплению законности в гражданском процессе.

С учетом изложенного можно прийти к выводу, что прокурорская защита в гражданском судопроизводстве не ограничивается формальным участием в деле. Она выступает важнейшей гарантией реального доступа граждан к правосудию, средством обеспечения баланса частных и

публичных интересов и необходимым элементом эффективной судебной защиты прав личности.

Использованные источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2021. № 3.
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 08.02.2022 № 72 «Об утверждении и введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по участию в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве» по форме ГАС» // СПС «Гарант».
6. Ахметзянов С. И., Лошкарёв А. В. Особенности участия прокурора в гражданском судопроизводстве по отдельным категориям дел // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-po-otdelnym-kategoriyam-del> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Бердникова К.Э., Чегулова А.А., Красильникова Г.А., Илюшина Е.С., Федосеева Л.А. Участие прокурора в гражданском процессе // Гуманитарные научные исследования. 2022. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2022/01/47780> (дата обращения: 13.03.2026).
8. Бжицкая, Н. Ф. Участие в гражданском деле прокурора в соответствии со статьей 45 ГПК РФ / Н. Ф. Бжицкая. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 39 (590). — С. 143-146.
9. Ергашев, Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник для вузов / Е. Р. Ергашев. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 413 с.
10. Кочергин А.В. Полномочия прокурора в надзорной стадии гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 11. С. 32-37.
11. Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М. Ю. Лебедев. — 15-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 421 с.
12. Тухфетуллова А.Э. Роль прокурора в современном гражданском процессе // Молодой ученый. 2025. № 41 (592). С. 195-196.

*Вайнер Е.Е.
студент*

*Дальневосточный институт управления-филиал федерального
бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального
образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Россия, Хабаровск*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ГОРОДЕ ХАБАРОВСКЕ

***Аннотация.** В статье проведен анализ реализации государственной политики по развитию физической культуры и спорта в городе Хабаровске на основе федеральных стратегических документов, региональной нормативной базы и статистических данных за 2021–2024 годы. Оценены показатели охвата населения, кадрового обеспечения, инфраструктурного развития и финансовых параметров отрасли. Выявлены структурные ограничения, влияющие на достижение целевых ориентиров. Сформулированы направления совершенствования муниципальной политики, включая меры кадрового и инфраструктурного характера.*

***Ключевые слова:** реализация государственной политики, развитие физической культуры и спорта, физкультурно-оздоровительная работа, аудит кадровой потребности, анализ кадрового обеспечения.*

*Vainer E.
student*

*Far Eastern Institute of Management – a branch of the Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration»
Russia, Khabarovsk*

IMPLEMENTATION OF STATE POLICY ON THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE CITY OF Khabarovsk

***Abstract.** The article analyzes the implementation of state policy on the development of physical culture and sports in the city of Khabarovsk based on federal strategic documents, regional regulatory framework, and statistical data for 2021–2024. Indicators of population coverage, staffing, infrastructure development, and financial parameters of the sector were assessed. Structural*

limitations affecting the achievement of target benchmarks were identified. Directions for improving municipal policy were formulated, including staffing and infrastructure measures.

Keywords: *implementation of state policy, development of physical culture and sports, physical education and health work, audit of staffing needs, analysis of staffing provision.*

Развитие физической культуры и спорта закреплено в системе стратегического планирования Российской Федерации. В Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [4] в числе приоритетов обозначено повышение ожидаемой продолжительности жизни и формирование условий для ведения гражданами здорового образа жизни. Федеральный проект «Спорт – норма жизни» (до 2024 г.), а также государственная программа Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» определяют количественные ориентиры по вовлеченности граждан в регулярные занятия. Реализация указанных документов осуществляется преимущественно на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Цель статьи – анализ реализации государственной политики по развитию физической культуры и спорта в городе Хабаровске на основе нормативной базы и статистических данных за 2021-2024 годы с выявлением проблем и разработкой предложений по их решению.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализировать нормативно-правовые и организационные основы деятельности управления по физической культуре и спорту администрации города; оценить динамику ключевых показателей физкультурно-спортивной деятельности; выявить проблемные зоны и определить практические направления совершенствования муниципальной политики.

Правовые и региональные аспекты государственной политики по развитию физической культуры и спорта отражены в работах А. М. Алиева [6], А. И. Беяковой [7], Д. Э. Галева [8], В. А. Занозиной [9], А. В. Заречнева [10], Б. С. Махмадрасулова [11], Н. И. Муллагалиева [12], А. В. Парушева [13], Е. С. Перминовой [14], Е. А. Пышкиной [15] и других.

Проведенный анализ показал, что правовая база муниципальной деятельности формируется Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], Федеральным законом № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1], Федеральным законом № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [2], Законом Хабаровского края № 240 «О развитии физической культуры и спорта в Хабаровском крае» [5], а также муниципальными правовыми актами.

Анализ реализации государственной политики по развитию физической культуры и спорта в городе Хабаровске за 2021-2024 годы показывает, что муниципальная система в рассматриваемой сфере демонстрирует положительную динамику по ряду базовых показателей, однако достигнутые результаты сопровождаются внутренними ограничениями, затрагивающими кадровое обеспечение, доступность инфраструктуры, финансовую структуру и качество статистического сопровождения управленческих решений.

Прежде всего, положительная динамика прослеживается по показателям массовой физкультурно-оздоровительной работы (табл. 1).

Таблица 1

Физкультурно-оздоровительная работа за 2021-2024 гг.

Год	Организации (ед.)	Занимающиеся всего (чел.)	Женщины (чел.)	Работающие (чел.)	На платной основе (чел.)
2021	762	270 185	119 752	73 199	99 168
2022	756	296 690	133 604	85 755	110 066
2023	758	314 827	143 583	92 486	113 162
2024	772	332 591	151 530	96 418	127 816

Источник: составлено автором на основе форм 1-ФК за 2021-2024 гг.

Численность граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, увеличилась с 270 185 человек в 2021 году до 332 591 человека в 2024 году, то есть на 62 406 человек, или примерно на 23,1 %. Одновременно выросло число организаций, предоставляющих условия для занятий: с 762 до 772 единиц. Следовательно, рост охвата населения сопровождался определенным увеличением организационной базы. Отдельного внимания заслуживает рост числа работающих граждан среди занимающихся: с 73 199 человек в 2021 году до 96 418 человек в 2024 году. Прирост составил 23 219 человек, или около 31,7 %, что свидетельствует о вовлечении экономически активной части населения. Сохраняется и стабильное участие женщин: показатель увеличился с 119 752 до 151 530 человек, что отражает более широкое включение различных социальных групп в физкультурно-спортивную деятельность.

При этом внутри положительной динамики уже фиксируется первое противоречие. Рост охвата сопровождался увеличением числа граждан, занимающихся на платной основе: с 99 168 человек в 2021 году до 127 816 человек в 2024 году. Прирост составил 28 648 человек, или около 28,9 %. Если в 2021 году доля занимающихся на платной основе составляла примерно 36,7 % от общего числа занимающихся, то в 2024 году – уже около 38,4 %. Подобное изменение показывает не только развитие коммерческого сегмента спортивных услуг, но и постепенное смещение части спроса в платные форматы. Следовательно, при общем росте вовлеченности возникает вопрос о сохранении социальной доступности занятий для граждан с различным уровнем доходов.

Инфраструктурные показатели также демонстрируют неоднозначную картину (табл. 2).

Таблица 2

Показатели инфраструктуры и доступности спортивных сооружений за 2021-2024 гг.

Год	Спортивные сооружения всего (ед.)	Муниципальные сооружения (ед.)	Сооружения для спорт. подготовки (ед.)	ЕПС всего (чел./смену)	Объекты городской /рекреац. инфраструктуры (ед.)
2021	1 319	336	650	67 000	5
2022	1 319	336	650	67 000	5
2023	1 332	341	650	67 400	5
2024	1 357	333	650	68 056	5

Источник: составлено автором на основе форм 1-ФК за 2021-2024 гг.

Общее количество спортивных сооружений увеличилось с 1319 единиц в 2021 году до 1357 единиц в 2024 году. Прирост составил 38 объектов, или около 2,9 %. Единовременная пропускная способность выросла с 67 000 до 68 056 человек в смену, то есть на 1056 человек, или примерно на 1,6 %. Следовательно, инфраструктурное развитие присутствует, однако темп роста заметно уступает темпу увеличения числа занимающихся. При этом число сооружений, используемых для спортивной подготовки, на протяжении всего периода оставалось неизменным – 650 единиц ежегодно. Это означает отсутствие существенного обновления профильной базы, ориентированной на организованную тренировочную деятельность и подготовку спортивного резерва.

Особенно показателен сегмент объектов городской и рекреационной инфраструктуры, предназначенных для самостоятельных и свободных форм физической активности. В 2021, 2022, 2023 и 2024 годах показатель оставался одинаковым – 5 объектов. Следовательно, при увеличении числа занимающихся на 62 406 человек инфраструктура шаговой доступности фактически не получила количественного развития. Именно данный факт позволяет говорить о наличии инфраструктурного ограничения: общая сеть спортивных сооружений растет, однако пространство для повседневной физической активности населения, не связанной с организованными секциями и спортивной подготовкой, остается почти неизменным.

Финансовые показатели подтверждают, что развитие отрасли сопровождалось существенным увеличением расходов. Общий объем израсходованных средств вырос с 5698,5 млн. руб. в 2021 году до 9457,7 млн. руб. в 2024 году. Рост составил 3759,2 млн. руб., или примерно 66 %. Расходы на одного занимающегося также увеличились: если разделить общий объем расходов на число занимающихся, в 2021 году показатель составит около 21,1 тыс. руб., а в 2024 году – около 28,4 тыс. руб.

Следовательно, затраты на обеспечение одного занимающегося выросли примерно на 7,3 тыс. руб., или на 34,6 % (табл. 3).

Таблица 3

Финансовое обеспечение и структура расходов за 2021-2024 гг.

Год	Бюджетные средства всего (тыс. руб.)	Муниципальный бюджет (тыс. руб.)	Внебюджетные источники (тыс. руб.)	Всего израсходовано (тыс. руб.)
2021	4 632,30	631,1	1 066,10	5 698,50
2022	5 538,40	734,5	940,2	6 478,60
2023	6 346,90	649,7	1 187,60	7 534,50
2024	7 647,80	652	1 809,90	9 457,70

Источник: составлено автором на основе форм 1-ФК за 2021-2024 гг.

Однако структура финансирования менялась неравномерно. Объем бюджетных средств вырос с 4632,3 млн. руб. до 7647,8 млн. руб., а внебюджетные источники – с 1066,1 млн. руб. до 1809,9 млн. руб. При этом муниципальный бюджет в составе бюджетных средств показал иную динамику: 631,1 млн. руб. в 2021 году, 734,5 млн. руб. в 2022 году, 649,7 млн. руб. в 2023 году и 652 млн. руб. в 2024 году. В относительном выражении доля муниципального бюджета в бюджетных средствах снизилась с примерно 13,6 % в 2021 году до 8,5 % в 2024 году. Такая динамика свидетельствует о повышении зависимости отрасли от иных источников финансирования, прежде всего межбюджетных и внешних по отношению к муниципальному уровню.

Структура расходов позволяет уточнить направления роста затрат. Наиболее заметно увеличились расходы на заработную плату: с 3128,4 млн. руб. в 2021 году до 4607,0 млн. руб. в 2024 году, то есть на 1478,6 млн. руб., или примерно на 47,3 %. Существенно выросли расходы на инвентарь и оборудование: с 157,1 млн. руб. до 880,2 млн. руб., что означает рост более чем в 5,6 раза. Расходы на капитальный ремонт увеличились с 48,0 млн. руб. до 261,0 млн. руб., то есть более чем в 5,4 раза. При этом расходы на содержание сооружений, напротив, сократились с 946,6 млн. руб. в 2021 году до 754,1 млн. руб. в 2024 году. Такое перераспределение может свидетельствовать о смене приоритетов от текущего содержания к обновлению материально-технической базы, но одновременно ставит вопрос о долгосрочной устойчивости эксплуатации действующих объектов.

Анализ кадрового обеспечения позволяет выявить более проблемную динамику. Общая численность работников отрасли за четыре года изменилась незначительно: 2005 человек в 2021 году, 1966 – в 2022 году, 2001 – в 2023 году и 2023 человека в 2024 году. Формально кадровый масштаб системы остается стабильным. Однако количество вакансий изменилось существенно: с 84 единиц в 2021 году до 158 единиц в 2024 году. Рост составил 74 вакансии, или примерно 88,1 %. Такая динамика означает, что при внешне стабильной численности работников дефицит

кадров не снижается, а, напротив, нарастает. Параллельно увеличивается нагрузка на действующий персонал, поскольку система обслуживает растущее число занимающихся (табл. 4).

Таблица 4

Кадровое обеспечение муниципальной сферы физической культуры и спорта за 2021-2024 гг.

Год	Работник и всего (чел.)	Штатные (чел.)	Высшее образование (чел.)	Среднее проф. (чел.)	До 30 лет (чел.)	Женщины (чел.)	Вакансии (ед.)
2021	2 005	2 005	1 510	212	649	1 154	84
2022	1 966	1 966	1 467	318	611	1 146	62
2023	2 001	1 283	1 541	226	604	832	91
2024	2 023	1 432	1 552	247	649	919	158

Источник: составлено автором на основе форм 1-ФК за 2021-2024 гг.

Для более точного понимания кадровой ситуации необходимо сопоставить кадровые и массовые показатели. В 2021 году на 2005 работников приходилось 270 185 занимающихся, а в 2024 году на 2023 работников – уже 332 591 занимающийся. Иными словами, рост числа занимающихся на 23,1 % сопровождался ростом общей численности работников менее чем на 1 %. Такое соотношение свидетельствует о явном расхождении между масштабом предоставляемых услуг и кадровым ресурсом, обеспечивающим их реализацию. При этом положительным фактором остается высокий образовательный уровень работников: число специалистов с высшим образованием составляло 1510 человек в 2021 году и 1552 человека в 2024 году. Численность работников со средним профессиональным образованием увеличилась с 212 до 247 человек. Возрастная группа до 30 лет сохранилась на уровне 649 человек к концу периода, что показывает наличие молодых кадров, но не свидетельствует о достаточности механизмов их закрепления.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить несколько конкретных проблем реализации государственной политики по развитию физической культуры и спорта в городе Хабаровске.

Первая проблема связана с кадровым дефицитом. Она подтверждается ростом вакансий с 84 до 158 единиц при почти неизменной общей численности работников и одновременном увеличении числа занимающихся на 62 406 человек. Налицо несоответствие между увеличением объема деятельности и кадровыми возможностями учреждений.

Вторая проблема касается ограниченного развития инфраструктуры шаговой доступности. При росте общего количества спортивных сооружений на 38 объектов и увеличении числа занимающихся более чем на 23 %, число объектов городской и рекреационной инфраструктуры на протяжении четырех лет оставалось неизменным — 5 единиц. Следовательно, рост инфраструктуры не затронул в достаточной степени наиболее доступный для населения сегмент.

Третья проблема выражается в изменении структуры финансирования. Несмотря на рост общих расходов на 66 %, доля муниципального бюджета в бюджетных средствах сократилась с 13,6 % до 8,5 %. Это означает, что при увеличении расходных обязательств муниципальный уровень в относительном выражении стал в меньшей степени определять финансовую устойчивость отрасли.

Четвертая проблема связана с увеличением доли платных форм занятий. Число занимающихся на платной основе выросло с 99 168 до 127 816 человек, а доля таких граждан – с 36,7 % до 38,4 %. Следовательно, рост вовлеченности сопровождается постепенным смещением нагрузки на платный сектор, что может осложнить доступ к занятиям для части населения.

Пятая проблема касается достоверности и сопоставимости статистического учета. Наиболее наглядно она проявляется в резком снижении числа спортивных разрядов с более чем 13 тыс. до 1237 при отсутствии сопоставимых изменений по смежным позициям. Подобная ситуация затрудняет корректную оценку результатов спортивной подготовки и снижает точность управленческих выводов.

Выявленные проблемы позволяют сформулировать предложения по совершенствованию муниципальной политики в сфере физической культуры и спорта в городе Хабаровске.

Во-первых, требуется разработка муниципальной программы кадрового развития, включающей формирование кадрового резерва, целевое обучение и систему наставничества. Необходимость такого решения подтверждается почти двукратным ростом вакансий за анализируемый период.

Во-вторых, целесообразно развитие сети объектов шаговой доступности – открытых спортивных площадок, дворовых пространств и иных форм инфраструктуры, ориентированных на самостоятельную физическую активность. Подобная мера необходима, поскольку рекреационный сегмент не показал количественного роста.

В-третьих, требуется введение дополнительных индикаторов оценки эффективности муниципальных программ, отражающих кадровую обеспеченность, нагрузку на инфраструктуру и территориальную доступность занятий. Существующая система показателей концентрируется, прежде всего, на мотивационных и охватных параметрах, тогда как ресурсный аспект представлен недостаточно полно.

В-четвертых, представляется обоснованным развитие партнерских механизмов с бизнесом при сохранении бесплатных и льготных форм занятий для детей, подростков и социально уязвимых групп. Необходимость такого подхода подтверждается ростом платного сегмента и снижением доли муниципального бюджета в общей структуре финансирования.

В-пятых, требуется совершенствование статистического учета для обеспечения сопоставимости данных. Без единых подходов к фиксации результатов становится затруднительным как текущее управление, так и оценка итоговой результативности муниципальной политики.

В качестве адресного проектного решения кадровой проблемы предлагается муниципальный проект «Кадровый резерв спорта – 2027-2029 гг.», ориентированный на формирование устойчивого механизма привлечения, подготовки и закрепления тренеров и инструкторов в муниципальной системе физической культуры и спорта города Хабаровска. Основанием для разработки проекта выступает именно кадровое расхождение, зафиксированное в 2021-2024 годах: при росте числа занимающихся на 23,1 % число вакансий увеличилось на 88,1 %.

Цель проекта состоит в снижении уровня кадрового дефицита и создании муниципального кадрового резерва в 2027-2029 годах. Проект предусматривает сокращение числа вакантных ставок не менее чем на 40 % к концу 2029 года по отношению к уровню 2024 года, формирование резерва с ежегодным пополнением не менее 20 специалистов, заключение не менее 10 целевых договоров ежегодно, внедрение программы наставничества сроком не менее одного года и обеспечение ежегодного повышения квалификации не менее 30 % тренерского состава с ростом до 40 % к завершению проектного цикла.

Продукт проекта выражается в создании кадровой модели муниципального уровня, включающей порядок формирования и ведения кадрового резерва, систему целевого обучения и практической подготовки студентов профильных направлений, регламент наставничества и адаптации молодых специалистов, а также электронный реестр кадровых потребностей и вакансий. Реализация запланирована поэтапно: в 2027 году – аудит кадровой потребности, утверждение документов и запуск реестра; в 2027-2028 годах – формирование резерва, заключение целевых договоров, организация стажировок и внедрение наставничества; в 2029 году – оценка результатов и подготовка предложений по закреплению модели в постоянной практике управления.

Ожидаемые результаты проекта включают снижение количества вакансий до уровня не более 95 единиц, формирование резерва не менее 60 специалистов, рост доли молодых работников, снижение средней нагрузки на одного тренера и увеличение охвата программами повышения квалификации. За счет измеримости показателей проект может быть встроен в систему муниципального мониторинга и использоваться как практический инструмент кадрового обновления отрасли.

Полученные выводы могут быть использованы при корректировке муниципальных программ и разработке управленческих решений в сфере физической культуры и спорта.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом влияния физкультурно-спортивной политики на

демографические и социально-экономические показатели города, а также с разработкой моделей оценки эффективности муниципального управления в сфере физической культуры и спорта.

Использованные источники

1. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.
5. Закон Хабаровского края от 28 ноября 2012 г. № 240 (ред. от 07.11.2024) «О развитии физической культуры и спорта в Хабаровском крае» // СПС Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/25508802/> (дата обращения: 18.02.2026).
6. Алиев, А. М. Аналитический обзор государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» / А. М. Алиев // Экономика и управление в спорте. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 201-210.
7. Белякова, А. И. Правовые основы развития сферы физической культуры / А. И. Белякова, И. А. Смолина // Студенческая научная весна. – Волгодонск: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2025. – С. 419-422.
8. Галеев, Д. Э. Государственное регулирование развития спорта и туризма / Д. Э. Галеев, Ф. Ф. Гатина // Актуальные проблемы государственного и муниципального управления в условиях цифровой трансформации экономики. – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2025. – С. 172-178.
9. Занозина, В. А. Российское законодательство, регулирующие вопросы реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта / В. А. Занозина // Форум молодых ученых. – 2022. – № 6(70). – С. 134-137.
10. Заречнев, А. В. Реализация государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации: стратегические ориентиры и практические результаты / А. В. Заречнев, В. Н. Ильин // Архонт. – 2025. – № 16(67). – С. 124-128.
11. Махмадрасулов, Б. С. Государственная политика в сфере физической культуры и спорта: правовые основы, принципы и механизмы реализации / Б.

С. Махмадрасулов, Т. И. Ризакулов // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2025. – Т. 2, № 4(52). – С. 365-377.

12. Муллағалиев, Н. И. К вопросу реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации / Н. И. Муллағалиев // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6(205). – С. 536-538.

13. Парушев, А. В. Повышение эффективности реализации государственной политики в области физической культуры и спорта (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации) / А. В. Парушев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2024. – № 3(67). – С. 71-83.

14. Перминова, Е. С. Анализ реализации организационно-правовых основ государственной политики физической культуры и спорта в Российской Федерации / Е. С. Перминова, А. Г. Скалзуб // Спортивная медицина и реабилитация: традиции, опыт и инновации. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2025. – С. 75-78.

15. Пышкина, Е. А. Физическая культура и спорт как объект государственного управления и регулирования / Е. А. Пышкина // Актуальные проблемы современного конституционализма. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2025. – С. 174-177.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

***Аннотация:** Суд с участием присяжных заседателей выступает в качестве предмета исследования отечественных правоведов ввиду неоднозначности вопросов, связанных с проведением такого судебного заседания. Начиная с правовой природы, сущности института присяжных заседателей, до узконаправленных аспектов, вопросы суда с участием присяжных заседателей сохраняют актуальность. В статье автор рассматривает особенности судебного следствия с участием присяжных заседателей, акцентируя внимание на сущности таких особенностей и подхода к ним в научной среде.*

***Ключевые слова:** суд с участием присяжных заседателей, присяжные заседатели, судебное следствие, особенности, исследование доказательств.*

Vorobyova A.A.
student
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

SOME FEATURES OF THE JURY INVESTIGATION IN A JURY COURT

***Abstract:** The jury trial is a subject of research by Russian legal scholars due to the ambiguity of issues related to such a trial. Starting from the legal nature and essence of the institution of jurors, to more specific aspects, the issues of trial by jury remain relevant. In this article, the author examines the features of trial by jury, focusing on the essence of these features and the approach to them in the scientific community.*

***Keywords:** trial by jury, jurors, trial, features, examination of evidence.*

Введение:

Суд с участием присяжных заседателей представляет собой обособленный вид уголовного судопроизводства, в котором реализуется принцип осуществления власти в Российской Федерации гражданами. Согласно ст. 2 Федерального закона от 20.08.2004 N 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» граждане Российской Федерации имеют право участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжных заседателей при рассмотрении судами первой инстанции подсудных им уголовных дел с

участием присяжных заседателей [1]. В суде с участием присяжных заседателей присяжные решают вопрос о виновности подсудимого, а также о доказанности факта деяния и причастности к деянию подсудимого. При этом, решение по уголовному делу принимает председательствующий судья, который осуществляет контроль над процессом.

Методы и исследования. В статье использован метод анализа – исследование нормативных положений об участии присяжных заседателей в судебном следствии, а также метод сравнения – сравниваются научные подходы к сущности участия присяжных заседателей в судебном следствии.

Присяжные заседатели не только высказывают мнение относительно виновности подсудимого. Все стадии судебного заседания с участием присяжных имеют свои особенности. Судебное следствие по своей сущности является ядром отправления правосудия, поскольку на этой стадии осуществляется исследование доказательств состязательного характера.

С.П. Сапрыкина определяет судебное следствие как «самостоятельное, глубокое, полное, объективное, всестороннее исследование обстоятельств дела и доказательств, производимое судом с участием сторон в совершенно новых, по сравнению с предварительным расследованием, условиях и обставленное рядом гарантий, которыми не обладает предварительное расследование» [3].

Особенности судебного следствия с участием присяжных изложены в ст. 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2]. На основании данной статьи можно сделать вывод, что основная особенность судебного следствия в судебном заседании с участием присяжных – это разграничение данной стадии на два этапа – все действия до вынесения вердикта и действия после вынесения вердикта присяжными заседателями.

Начало судебного следствия в рассматриваемом процессе связано со вступительными заявлениями со стороны обвинения и защиты, далее государственный обвинитель и защитник представляют доказательства.

Первый этап проходит при участии присяжных заседателей до вынесения ими вердикта. В этот период исследуются фактические обстоятельства дела, которые присяжные должны оценить при вынесении решения. Роль присяжных в этом процессе не сводится к позиции слушателей, присяжные заседатели также вправе задавать вопросы подсудимому, но не напрямую, а посредством формулирования таких вопросов, которые старшина присяжных передает председательствующему. Однако вопросы от присяжных не обязательно должны прозвучать в той формулировке, в которой они представлены.

Поскольку отбор кандидатов в присяжные заседатели осуществляется случайным способом из числа подходящих по определенным условиям граждан, то очевидно, что присяжными могут

быть лица, не обладающие познаниями в области юриспруденции. Поэтому качество сформулированных вопросов присяжными спорно. Задача председательствующего – передать сущность вопроса, не выходя за рамки процессуального закона. В этом и заключается контролирующая функция судьи в заседании с участием присяжных. Письменные вопросы приобщаются к материалам дела и заносятся в протокол судебного заседания.

Здесь важно отметить, что судебное следствие с участием присяжных ограничено исследованием только тех фактических обстоятельств, исследовать которые полномочны присяжные заседатели. Это те обстоятельства, установление которых необходимо для вынесения вердикта присяжными. Формально, исследуются с участием присяжных обстоятельства, необходимые для ответа на вопросы, изложенные в ч. 1 ст. 339 УПК РФ. Не исследуются с участием присяжных заседателей вопросы, связанные с личностью подсудимого, чтобы не формировать у присяжных определенное мнение о подсудимом наравне с судьей, который учитывает факты о личности при постановлении приговора.

По поводу данного обстоятельства в науке сложилось критическое мнение. В частности, ввиду таких ограничение участие присяжных заседателей называется в науке «опосредованным», поскольку формулировка вопросов присяжных к подсудимому может быть изменена или вопросы могут быть отведены как не относящиеся к предъявленному обвинению.

Фактически при таких обстоятельствах статус судьи, которым наделяются присяжные заседатели, действительно ограничивается. Причем, имея судейский статус, присяжные выносят вердикт, определяющий дальнейшую судьбу подсудимого, но при этом, ограничены в исследовании личностных характеристик подсудимого.

П.А. Луценко и И.Л. Махоркин находят «существенное противоречие в правах присяжных: с одной стороны, они решают ключевой вопрос всего процесса – вопрос о виновности лица, с другой – не имеют права самостоятельно сформулировать вопросы к допрашиваемым лицам» [4, с. 105]. Полагаю, что противоречие здесь отсутствует: несмотря на то, что во время судебного процесса присяжные обладают статусом судьи, они не являются судьями в той мере, в которой действуют профессиональные судьи.

Результаты оригинального авторского исследования:

Судья – это статус, действие которого не ограничивается временем. Иными словами, даже вне судебного процесса судья остается судьей, на него распространяются все гарантии, запреты и ограничения – это особенности судейского статуса. Здесь также стоит отметить, что само понятие «присяжные заседатели» четко отграничивает судейский статус и роль судей-присяжных. Поэтому те обстоятельства судебного заседания, в которых присяжные ограничены, обусловлены необходимостью

профессиональных судейских навыков для анализа, которыми не обладают присяжные заседатели, поэтому наличие ограничений для них вполне логично и обосновано. Судья при осуществлении своих полномочий остается беспристрастным – это его профессиональная обязанность, присяжные же, не обладающие таким предписанием и соответствующими навыками, могут не сохранять беспристрастную позицию. Именно во избежание обвинительного или оправдательного уклона со стороны присяжных заседателей законодатель и устанавливает запрет на исследование данных, способных вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Стоит также отметить, что, если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. Выслушав мнение сторон, судья принимает решение об исключении доказательства, признанного им недопустимым.

Заключение:

Таким образом, судебное следствие с участием присяжных заседателей обособлено ограничениями исследования доказательств в той части, в которой возникает угроза беспристрастного рассмотрения доказательств. В науке сформирован критический подход к процедуре судебного следствия с присяжными: ограничение полномочий присяжных идентифицируется как сведение к фиктивному характеру роль судьи в лице присяжных заседателей. Такой подход представляется неверным, поскольку законодатель справедливо ограничивает исследование ряда вопросов в отсутствие присяжных заседателей в целях поддержания беспристрастности и справедливости судебного разбирательства. Несмотря на то, что присяжные заседатели занимают роль судей в уголовном процессе, ведущая роль в отправлении правосудия отведена председательствующему, профессиональные навыки которого не могут быть в полной мере реализованы присяжными.

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3528.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
3. Сапрыкина С.П. Тактика обвинения в ходе судебного следствия / С.П. Сапрыкина // Вестник науки. – 2025. – № 1. – С. 521-526.
4. Луценко П.А., Махоркин И.Л. Некоторые особенности процедуры судебного следствия с участием присяжных заседателей / П.А. Луценко, И.Л. Махоркин // Закон и право. – № 3. – С. 103-106.

*Воронов Н.А., к.б.н.
старший преподаватель
кафедра физической подготовки
Нгодобо Френсис
курсант*

*Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова*

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

***Аннотация:** В статье рассматривается комплексный подход к развитию физических качеств у курсантов военных вузов. Подчеркивается значимость физической подготовки как неотъемлемого компонента формирования профессионально компетентного и физически развитого офицера, способного с честью выполнять возложенные на него задачи в условиях современного боя. Анализируются основные физические качества, подлежащие развитию, методы и средства их совершенствования, а также роль педагогического контроля и мотивации в процессе физического воспитания.*

***Ключевые слова:** физическая подготовка, военный вуз, курсанты, физические качества, выносливость, сила, быстрота, ловкость, гибкость, боевая готовность, офицер.*

*Voronov N.A., PhD
senior lecturer
Department of Physical Training
Ngodobo Francis
The cadet
Yaroslavl Higher Military School of Air Defense named after
Marshal of the Soviet Union L.A. Govorov*

DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES IN CADETS OF A MILITARY UNIVERSITY

***Abstract:** The article discusses a comprehensive approach to the development of physical qualities in cadets of military universities. The importance of physical training as an integral component of the formation of a professionally competent and physically developed officer, capable of carrying out the tasks assigned to him in the conditions of modern combat, is emphasized. The main physical qualities to be developed, methods and means of their improvement, as well as the role of pedagogical control and motivation in the process of physical education, are analyzed.*

Keywords: *physical training, military university, cadets, physical qualities, endurance, strength, speed, agility, flexibility, combat readiness, officer.*

Становление офицера – путь физического совершенства

Современное военное дело предъявляет высочайшие требования к физической подготовленности военнослужащих. Динамично меняющиеся условия боевых действий, необходимость действовать в различных климатических зонах, выполнять сложные тактические задачи, а также высокая психоэмоциональная нагрузка – все это требует от офицера исключительной выносливости, силы, скорости реакции и общей физической работоспособности. В этом контексте военный вуз играет ключевую роль в формировании не только интеллектуальных, но и мощных физических основ будущего офицера.

Физическое развитие курсантов – это не просто одна из дисциплин учебного плана, а фундаментальный элемент подготовки, закладывающий основы для успешного освоения военно-профессиональных навыков и обеспечения долговременной боевой готовности [1]. Курсант, обладающий высоким уровнем физических качеств, более устойчив к стрессовым факторам, быстрее адаптируется к сложным условиям службы, менее подвержен травматизму и способен эффективно проявлять свои профессиональные знания и умения в экстремальных ситуациях.

Среди множества физических качеств, развитие которых приоритетно для курсантов военных вузов, можно выделить следующие:

Выносливость: Способность организма длительное время поддерживать мышечную активность и противостоять утомлению. Для военнослужащего это критически важно при выполнении маршей, длительных полевых выходов, дежурств и боевых операций.

Сила: Способность преодолевать внешнее сопротивление или противодействовать ему за счет мышечных усилий. Сила необходима для переноски тяжелого снаряжения, преодоления препятствий, рукопашного боя.

Быстрота: Способность совершать движения в кратчайшие промежутки времени. Быстрота реакции, скорость бега, быстрота выполнения приемов – все это напрямую влияет на эффективность действий в бою.

Ловкость: Способность быстро и точно выполнять сложные двигательные действия, координировать движения, приспосабливаться к меняющимся условиям. Умение маневрировать, преодолевать препятствия, вести бой в ограниченном пространстве требует высокой ловкости.

Гибкость: Способность совершать движения в суставах с большой амплитудой. Гибкость снижает риск травм, улучшает координацию движений и способствует более эффективному проявлению силы и быстроты.

Целью данной статьи является комплексный анализ подходов к развитию вышеперечисленных физических качеств у курсантов военных вузов, выявление наиболее эффективных методов и средств, а также

определение роли систематического контроля и педагогического стимулирования в процессе физического становления будущих офицеров.

Основные физические качества и методы их развития

Развитие каждого физического качества требует применения специфических методов и средств, направленных на мобилизацию соответствующих физиологических систем организма [2].

1. Развитие Выносливости:

Выносливость, как одно из ключевых качеств, подразделяется на общую и специальную. Общая выносливость обеспечивается за счет аэробных возможностей организма, тогда как специальная выносливость связана с выполнением конкретных двигательных действий, характерных для военной службы.

Методы:

Непрерывный метод: Длительное выполнение упражнений умеренной интенсивности (бег, плавание, лыжные гонки). Этот метод наиболее эффективен для развития общей выносливости.

Интервальный метод: Чередование периодов работы высокой интенсивности с периодами отдыха или активного восстановления. Такой подход позволяет повысить как аэробные, так и анаэробные возможности, что важно для специальных видов выносливости.

Круговая тренировка: Последовательное выполнение серии упражнений на разные группы мышц с минимальным отдыхом между ними.

Средства:

Бег на различные дистанции (включая кроссовый бег).

Комплексы общеразвивающих упражнений (ОРУ) с акцентом на длительное выполнение.

Марш-броски с преодолением естественных препятствий.

Плавание, спортивные игры (баскетбол, волейбол, футбол) на выносливость.

Преодоление полосы препятствий.

2. Развитие Силы:

Сила проявляется в виде статической (изометрической) и динамической (изотонической) мышечной работы. Военная служба требует развития как общей, так и взрывной силы.

Методы:

Метод повторных усилий: Выполнение упражнений с умеренным весом до наступления утомления.

Метод максимальных усилий: Выполнение упражнений с максимальным весом, но с небольшим числом повторений.

Метод динамических, взрывных усилий (плиометрика): Акцент на быстром, скоростном выполнении движений, часто с использованием собственного веса тела (прыжки, метания).

Средства:

Поднятие тяжестей (штанги, гантели, гири) с вариативной нагрузкой.

Упражнения с собственным весом (подтягивания, отжимания, приседания, выпады).

Преодоление сопротивления (резиновые амортизаторы, эспандеры).

Работа на специальных тренажерах.

Метание гранат (учебных).

3. Развитие Быстроты:

Адекватное проявление быстроты требует не только скоростных двигательных навыков, но и высокой скорости нервно-мышечных реакций.

Методы:

Метод максимальных скоростей: Выполнение упражнений с максимально возможной скоростью.

Метод повторных ускорений: Серийное выполнение коротких ускорений с полным восстановлением.

Метод стартов: Использование различных стартовых положений и сигналов для развития стартовой скорости.

Средства:

Спринтерский бег на короткие дистанции (10, 30, 60, 100 метров).

Бег с изменением направления и сопротивления.

Прыжковые упражнения (прыжки в длину, высоту, многоскоки).

Упражнения на реакцию (старт по зрительному или слуховому сигналу).

Раскидка и метание (на скорость).

4. Развитие Ловкости:

Ловкость тесно связана с координационными способностями, которые обеспечивают точное и гармоничное выполнение движений.

Методы:

Игровой метод: Способствует естественному развитию ловкости в условиях соревновательной деятельности.

Метод обучения сложным двигательным действиям: Освоение новых, непривычных движений (акробатические элементы, преодоление препятствий).

Метод вариативности: Изменение условий выполнения упражнений, включение неожиданных факторов.

Средства:

Упражнения на координацию (жонглирование, ходьба по гимнастической скамейке, упражнения с мячом).

Преодоление полосы препятствий (различных типов).

Акробатические элементы (кувырки, перекаты, стойки).

Спортивные игры.

Прикладные приемы рукопашного боя.

5. Развитие Гибкости:

Гибкость достигается за счет специальных упражнений, направленных на увеличение подвижности в суставах.

Методы:

Статический метод: Длительное удержание в положении максимального растяжения.

Динамический метод: Выполнение движений с большой амплитудой, постепенно увеличивая ее.

Активный метод: Использование мышечных усилий для достижения максимальной амплитуды.

Средства:

Статические и динамические растяжки для всех основных групп мышц.

Наклоны, повороты, махи.

Упражнения на гибкость в парах.

Занятия йогой и пилатес (адаптированные).

Индивидуализация Подхода:

Важно отметить, что программы физического развития должны быть индивидуализированы. У каждого курсанта свой начальный уровень подготовленности, особенности телосложения, а также предрасположенность к развитию тех или иных качеств. Педагогический состав военного вуза должен проводить тестирование, выявлять сильные и слабые стороны каждого курсанта и корректировать тренировочные нагрузки соответственно. Комплексный, многогранный подход, учитывающий все физические качества и индивидуальные особенности, является залогом успешного физического становления курсантов.

Педагогический контроль, мотивация

Педагогический Контроль – Ключ к Системности и Эффективности.

Регулярный и объективный педагогический контроль является неотъемлемым элементом процесса развития физических качеств [3]. Он позволяет:

Оценивать текущий уровень физической подготовленности: Проведение тестирований по нормативам, фиксация результатов, анализ динамики.

Корректировать тренировочный процесс: На основе данных контроля своевременно вносить изменения в объемы, интенсивность и направленность нагрузок.

Выявлять пробелы в развитии: Определять, какие физические качества требуют особого внимания.

Прогнозировать результаты: Оценивать эффективность применяемых методик.

Профилактика травматизма: Следить за состоянием курсантов, избегать перегрузок.

Формы педагогического контроля могут включать:

Оперативный контроль: Непосредственно во время занятий, наблюдения за техникой выполнения упражнений, оценкой самочувствия.

Текущий контроль: Регулярные тестирования (например, раз в месяц или квартал) по установленным нормативам.

Итоговый контроль: Проведение экзаменов и зачетов по физической подготовке в конце семестра или учебного года.

Мотивация – Двигатель Прогресса

Физическое развитие курсантов невозможно без должного уровня их мотивации. Чтобы мотивировать курсантов к систематическим занятиям и стремлению к совершенству, необходим весь комплекс педагогических мер:

Формирование осознанной необходимости: Объяснение значения физической подготовки для будущей службы, демонстрация примеров успешных офицеров, личным примером преподавателей.

Интерес к занятиям: Использование разнообразных и увлекательных форм тренировок, включение соревновательных элементов, современных методик.

Постановка реалистичных целей: Совместно с курсантами определять достижимые задачи, декомпозировать большие цели на более мелкие.

Поощрение и стимулирование: Оценка достижений, похвала, грамоты, спортивные разряд.

Создание благоприятной атмосферы: Поддержание духа товарищества, взаимопомощи, позитивного отношения к физической активности.

Обратная связь: Регулярное обсуждение результатов, достижений и трудностей с курсантами.

Заключение

Развитие физических качеств у курсантов военного вуза – это сложный, но чрезвычайно важный процесс, требующий системного подхода. Исключительная выносливость, сила, быстрота, ловкость и гибкость являются не просто желательными характеристиками, а необходимыми условиями для успешного выполнения воинского долга и обеспечения национальной безопасности [4].

Комплексное применение научно обоснованных методов и средств физической подготовки, индивидуализированный подход, строгий педагогический контроль и целенаправленная работа по мотивации курсантов – все это составляет основу эффективной системы физического воспитания в военных образовательных учреждениях. Именно это позволяет формировать офицеров нового поколения – физически крепких, психологически устойчивых, готовых к любым вызовам современного мира и способных с честью выполнять задачи по защите Отечества. Инвестиции в физическое развитие курсантов – это прямые инвестиции в боевую готовность Вооруженных Сил.

Использованные источники:

1. Воронов Н.А. Развитие форм физической активности для поддержания умственной деятельности // Развитие образования. 2018. № 1(1). С. 29-31.
2. Милёхин И.А. Современные оздоровительные методики и системы // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 2(13). – URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/2\(13\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/2(13).pdf)
3. Костенко И.Н. Формы, методы и средства оздоровительной физической культуры // Студенческая наука XXI века. – 2017. – № 1 (12). – С. 224-229

4. Физическая культура и физическая подготовка: учебник / Под ред. В.Я. Кикотя, И.С. Барчукова. – М.: ЮНИТИ. – 2016. – 431 с.

*Ву Хюй Ань
магистрант
Институт права и управления,
Тульский государственный университет,
РФ, г. Тула*

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

***Аннотация:** Допрос несовершеннолетнего, совершившего преступление, является особым процессуальным действием, требующим органичного сочетания навыков уголовно-процессуального расследования и знаний возрастной психологии. В настоящей ст. проводится анализ и сравнение правовых норм, регулирующих допрос несовершеннолетних, совершивших преступление, по законодательству РФ (УПК РФ - УПК РФ) и по законодательству Социалистической Республики Вьетнам (УПК СРВ 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г.; Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. с изменениями и дополнениями 2025 г. - Закон № 59/2024/QH15, изменённый Законом № 85/2025/QH15). На основании выявленных сходств, различий и имеющихся недостатков в ст. предлагается ряд рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства Вьетнама в сфере допроса несовершеннолетних, что призвано способствовать обеспечению прав человека в уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** допрос; несовершеннолетний, совершивший преступление; уголовное судопроизводство; законодательство РФ; законодательство Вьетнама; Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г..*

*Vu Huy An
Master's Student
Institute of Law and Management,
Tula State University,
Russian Federation, Tula*

INTERROGATION OF A MINOR ACCUSED IN ACCORDANCE WITH THE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Abstract: *The interrogation of a minor who has committed a crime is a special procedural action that requires an organic combination of skills in criminal procedural investigation and knowledge of age psychology. This article analyzes and compares the legal norms governing the interrogation of minors who have committed crimes under the legislation of the Russian Federation (Code of Criminal Procedure of the Russian Federation - CPC RF) and the legislation of the Socialist Republic of Vietnam (Code of Criminal Procedure of VIETNAM 2015 with amendments and additions 2025; The Juvenile Justice Act of 2024, as amended and supplemented in 2025 - Law No. 59/2024/QH15, as amended by Law No. 85/2025/QH15). Based on the identified similarities, differences and shortcomings, the article offers a number of recommendations aimed at improving Vietnamese legislation in the field of juvenile interrogation, which is designed to promote human rights in criminal proceedings.*

Keywords: *interrogation; minor who committed a crime; criminal proceedings; legislation of the Russian Federation; legislation of Vietnam; the Juvenile Justice Act of 2024.*

Введение

Несовершеннолетний, совершивший преступление, то есть лицо в возрасте от 14 до 18 лет, совершившее деяние, признаваемое преступлением в соответствии с уголовным законодательством, всегда рассматривается как особая категория субъектов уголовного судопроизводства, в отношении которой необходимо применять меры, соответствующие психофизиологическим особенностям и ограниченному уровню зрелости личности²³. На протяжении всего уголовного процесса проведение допроса данной категории лиц предъявляет значительно более строгие требования по сравнению с допросом совершеннолетних обвиняемых, поскольку угроза нарушения прав и законных интересов лиц, не достигших 18 лет, в ходе получения показаний вполне реальна и с трудом поддаётся контролю при отсутствии надлежащего механизма защиты.

Как Вьетнам, так и РФ являются государствами участниками Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 г. При этом следует особо отметить, что Вьетнам стал первым государством в Азии и вторым в мире, ратифицировавшим данную Конвенцию в 20 февраля 1990 г. РФ является правопреемником СССР, ратифицировавшего Конвенцию 16 августа 1990 г., оба государства располагают специальными системами норм, регулирующих порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем между двумя правовыми системами существуют как значительные сходства, так и существенные различия,

²³ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.; "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

обусловленные особенностями исторического развития, правовой культуры и уровня законодательной техники каждого государства. В особенности принятие Закона²⁴ о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. (Закон № 59/2024/QH15, принятый 30 ноября 2024 г. и вступивший в силу с 01 января 2026 г., с изменениями и дополнениями, внесёнными Законом № 85/2025/QH15 от 25 июня 2025 г., которым одновременно был внесён ряд изменений в Гражданский процессуальный кодекс, Закон об административном судопроизводстве, Закон о банкротстве и Закон о медиации и диалоге в судах) ознаменовало коренной перелом в системе уголовного правосудия Вьетнама применительно к несовершеннолетним. В этой связи сравнительное исследование правовых норм о допросе несовершеннолетних, совершивших преступление, применительно к праву РФ и Вьетнама имеет не только сугубо научное значение, но и несомненную практическую ценность в контексте активно осуществляемой в настоящее время судебной правовой реформы во Вьетнаме.

Содержание

Допрос обвиняемого — это следственное действие, направленное непосредственно на получение показаний обвиняемого об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Данное следственное действие является очным и преследует двоякую цель: с одной стороны - сбор доказательств для разрешения уголовного дела, с другой - обеспечение права обвиняемого на самостоятельную защиту. Когда в качестве допрашиваемого выступает несовершеннолетний, степень сложности указанного следственного действия существенно возрастает, поскольку помимо задачи сбора доказательств следователь обязан принимать во внимание психологические особенности, уровень когнитивного развития, а также семейную и социальную среду допрашиваемого²⁵.

По мнению автора, допрос несовершеннолетнего, совершившего преступление, следует понимать в более широком смысле: не просто как меру сбора информации, но и как охранительный коммуникативный процесс, в котором следователь выступает нейтральным субъектом, несущим ответственность за обеспечение объективности, добровольности и полноты показаний несовершеннолетнего обвиняемого. Любое принуждение, навязывание либо использование психологической уязвимости несовершеннолетнего образует грубое нарушение прав человека в уголовном судопроизводстве.

В криминалистической науке РФ допрос несовершеннолетнего признаётся наиболее сложным следственным действием из всех, требующим от следователя психологической компетентности, навыков

²⁴ Quốc hội. Luật Tư pháp người chưa thành niên: Luật số 59/2024/QH15 ngày 30 tháng 11 năm 2024. Hà Nội, 2024.

²⁵ Пятибратова Н.Д. Понятие и сущность допроса несовершеннолетних // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2026. № 1. С. 77–85.

общения и глубокого понимания особенностей формирования личности в несовершеннолетнем возрасте²⁶. Данный подход во многом совпадает с концепцией вьетнамского права, однако механизм обеспечения его практического применения в двух государствах имеет существенные расхождения.

УПК РФ посвящает главу 50 (ст. 420–432) специальному порядку производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. Непосредственно допросу посвящена ст. 425 УПК РФ, которая устанавливает предельное время допроса, состав его участников и основные процессуальные гарантии.

В части продолжительности допроса часть 1 ст. 425 УПК РФ прямо предусматривает, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а его общая продолжительность в течение дня не должна превышать 4 часов. Данное положение носит явно охранительный характер и основано на том, что у несовершеннолетних психологический порог выносливости значительно ниже, чем у взрослых, и они значительно сильнее подвержены влиянию усталости и стресса в ходе длительного допроса.

В части состава участников допроса часть 2 ст. 425 УПК РФ закрепляет обязательное участие защитника, который вправе задавать вопросы допрашиваемому и вправе знакомиться с протоколом допроса по его окончании с целью внесения замечаний о правильности и полноте сделанных в нём записей. Особую значимость имеет часть 3 ст. 425 УПК РФ, согласно которой в допросе несовершеннолетнего, не достигшего 16-летнего возраста, а также достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, обязательно участие педагога или психолога. Следователь или дознаватель вправе обеспечить их участие как по ходатайству защитника, так и по собственной инициативе.

Необходимо особо отметить, что 14 декабря 2023 года Конституционный Суд РФ вынес определение № 3296-О²⁷, в котором, отказав в принятии запроса к рассмотрению по существу и в вынесении полноценного постановления, тем не менее подробно разъяснил содержание оспариваемых норм УПК РФ. В частности, КС подтвердил, что участие педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего является важной гарантией защиты его прав, направленной на предотвращение чрезмерного неблагоприятного воздействия на психику

²⁶ Петрова Е. Г., Иванова Н. Ю. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-doprosa-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 15.03.2026).

²⁷ Конституционный Суд Российской Федерации. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение от 14 декабря 2023 г. № 3296-О.

несовершеннолетнего, а не на оказание правовой помощи. КС также подчеркнул, что несоблюдение требования об обязательном участии педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого влечёт в силу ч. 2 ст. 75 УПК РФ признание его показаний недопустимым доказательством. Данное определение, несмотря на его процессуальную природу как отказного, содержит развёрнутые правовые позиции, существенно укрепляющие тенденцию к усилению защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве России.

Помимо этого, ст. 424 УПК РФ закрепляет специальный порядок вызова не содержащегося под стражей несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого: вызов производится через законного представителя и не может быть направлен непосредственно несовершеннолетнему. Данное положение воплощает принцип уважения и обеспечения опеки в уголовном судопроизводстве. Ст. 426 УПК РФ закрепляет право законного представителя участвовать во всём ходе предварительного расследования, включая присутствие при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, с разрешения следователя задавать ему вопросы, а также делать письменные замечания о правильности и полноте произведённых следственных действий.

Автор полагает, что принципиально важной особенностью законодательства РФ является дифференциация по возрастному критерию (до 16 лет и от 16 до 18 лет) при определении уровня защиты в ходе допроса, что отражает научное понимание того, что способность выдерживать процессуальное давление и степень зрелости лиц, не достигших 16 лет, существенно ниже, чем у лиц в возрасте от 16 до 18 лет. Именно в этом аспекте законодательство Вьетнама нуждается в избирательном заимствовании российского опыта.

УПК²⁸ СРВ 2015 г., изменённый и дополненный Законом № 99/2025/QН15 от 27 июня 2025 г., является основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим порядок производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Глава XXVIII УПК СРВ 2015 г. полностью посвящена уголовному судопроизводству в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, и основополагающие принципы его осуществления закреплены в ст. 414.

Согласно ст. 414 УПК СРВ 2015 г., при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних необходимо соблюдать следующие принципы: обеспечение дружественного порядка судопроизводства, соответствующего психологическим особенностям, возрасту, уровню зрелости и познавательным способностям лиц, не достигших 18 лет; обеспечение конфиденциальности персональных данных; обеспечение права законного представителя, школы, организации молодёжи, лиц,

²⁸ Quốc hội. Bộ luật Tố tụng hình sự: Luật số 101/2015/QH13 ngày 27 tháng 11 năm 2015. Hà Nội, 2015.

обладающих опытом и знаниями в области психологии и социальных наук, на участие в судопроизводстве; уважение права несовершеннолетнего на участие в процессе и выражение своего мнения; обеспечение права на защиту и права на юридическую помощь.

Ст. 415 УПК СРВ 2015 г. предусматривает, что лицо, осуществляющее судопроизводство по уголовному делу с участием лиц, не достигших 18 лет, должно обладать специальной подготовкой или опытом расследования, поддержания обвинения либо рассмотрения дел указанной категории, а также иметь необходимые знания в области психологии и педагогики применительно к несовершеннолетним. Данное требование является обязательным, однако на практике проверка уровня психологической компетентности следователей применительно к возрастным особенностям несовершеннолетних по-прежнему имеет существенные пробелы, требует дополнительной конкретизации в части механизмов проверки и контроля.

При проведении допроса обвиняемого, являющегося лицом, не достигшим 18 лет, следователь обязан заблаговременно уведомить законного представителя, защитника или лицо, защищающее права и законные интересы обвиняемого, о времени и месте проведения допроса²⁹. Участие законного представителя в допросе рассматривается не только как право, но и как важная правовая гарантия объективности и достоверности полученных показаний³⁰. Судебная практика свидетельствует о том, что показания, полученные без участия законного представителя или защитника, как правило, активно оспариваются в ходе судебного заседания и рискуют быть признаны недопустимыми доказательствами.

В отношении ситуации, когда обвиняемый совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте, однако к моменту проведения допроса достиг 18-летнего возраста, законодательство Вьетнама устанавливает применение общего порядка судопроизводства. Данный принцип представляется обоснованным, однако с криминологической точки зрения необходимо учитывать, что зрелость личности на момент совершения преступления по-прежнему является определяющим фактором при оценке степени вины и уголовной ответственности.

Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних № 59/2024/QH15, принятый Национальным собранием Вьетнама XV созыва 30 ноября 2024 г. и вступивший в силу 01 января 2026 г., с изменениями и дополнениями, внесёнными Законом № 85/2025/QH15 от 25 июня 2025 г., является первым специализированным законом Вьетнама, посвящённым

²⁹ Рухтина В. С. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в рамках уголовного процесса // *Вопросы российской юстиции*. 2021. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopros-nesovershennoletnego-podozrevaemogo-i-obvinyаемого-v-ramkah-ugolovnogo-protssessa> (дата обращения: 20.03.2026).

³⁰ Ngô Văn Lượng. Người đại diện của người dưới 18 tuổi bị buộc tội trong tố tụng hình sự // *Tạp chí Tòa án nhân dân điện tử*. 2021. URL: <https://tapchitoaan.vn/nguoi-dai-dien-cua-nguoi-duoi-18-tuoi-bi-buoc-toi-trong-to-tung-hinh-su> (truy cập ngày 20.03.2026).

исключительно несовершеннолетним в сфере уголовного правосудия. Закон состоит из 5 частей и 179 статей (число глав в различных официальных источниках указывается по-разному 10 либо 11, поэтому во избежание неточности данный показатель целесообразно уточнить по тексту закона).

В части допроса ст. 144 Закона о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. (с изменениями и дополнениями 2025 г.) вводит ряд принципиально важных новелл. Во-первых, при получении объяснений или проведении допроса уполномоченное процессуальное лицо обязано принимать необходимые меры для сведения к минимуму продолжительности и количества допросов и обязано немедленно приостановить допрос, если несовершеннолетний проявляет признаки усталости, влияющей на его способность давать точные и полные показания. Во-вторых, получение объяснений и допрос несовершеннолетнего не должны проводиться более 2 раз в течение одного дня, причём каждый раз не более 2 часов, за исключением ряда прямо предусмотренных законом случаев (в частности, при организованном преступлении, преследовании скрывшегося соучастника, предотвращении нового преступления или при наличии сложных обстоятельств дела). Это первое чёткое законодательное закрепление жёстких временных пределов во Вьетнаме, аналогичное подходу, используемому в законодательстве РФ.

Особо следует выделить новеллу о том, что впервые в практике вьетнамского законодательства роль специалиста по социальной работе признана неотъемлемым элементом участия в судопроизводстве, в том числе при проведении допроса³¹. Это отражает прогрессивное понимание того, что защита несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве не может опираться исключительно на сугубо юридические субъекты, но нуждается в поддержке специалистов в области социального благополучия и психологии детей. Закон также требует организации специальных комнат для проведения допросов и получения объяснений, дружественных по отношению к несовершеннолетним, обеспечивающих безопасность, конфиденциальность и создающих условия для свободного выражения мнений ребёнком.

Наряду с этим Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. вводит нормы о применении к несовершеннолетним наказания в виде предупреждения в случаях совершения ими преступлений небольшой тяжести, а также тяжких преступлений по неосторожности при наличии смягчающих обстоятельств, если при этом основания для освобождения от наказания отсутствуют; одновременно расширяется круг случаев, когда несовершеннолетний, приговорённый к лишению свободы, может быть

³¹ Hoài Ngân. Tòa án nhân dân tối cao ban hành văn bản hướng dẫn áp dụng thống nhất một số quy định của Luật Tư pháp người chưa thành niên // *Tạp chí Tòa án nhân dân điện tử*. 2026. URL: <https://tapchitoaan.vn/toa-an-nhan-dan-toi-cao-ban-hanh-van-ban-huong-dan-ap-dung-thong-nhat-mot-so-quy-dinh-cua-luat-tu-phap-nguoi-chua-thanh-nien15041.html>

условно осуждён. Указанные нормы, непосредственно не относящиеся к допросу, тем не менее формируют гуманистическую восстановительную концепцию правосудия, оказывающую косвенное влияние на всю совокупность процессуальных подходов к несовершеннолетним, в том числе в ходе допроса.

В целом уголовно-процессуальное законодательство как РФ, так и Вьетнама разделяет ключевые принципы в сфере допроса несовершеннолетних: обязательное участие защитника и законного представителя; ограничение продолжительности допроса; требования к профессиональной компетентности следователя; запрет принуждения к даче показаний и применения насилия; обеспечение права на молчание³². Вместе с тем между двумя правовыми системами существуют принципиальные различия, которые требуют объективного анализа.

В части продолжительности допроса: ст. 425 УПК РФ предусматривает максимальную непрерывную продолжительность в 2 часа и максимальную суммарную продолжительность в 4 часа за день. В свою очередь, согласно ст. 144 Закона о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. (с изменениями и дополнениями 2025 г.), допрос не должен проводиться более 2 раз в день при максимальной продолжительности каждого раза в 2 часа, то есть не более 4 часов суммарно в день. По общей суммарной продолжительности оба законодательства совпадают, однако различие в единице измерения времени (непрерывные часы против числа сеансов) отражает технически различающиеся подходы к охране прав несовершеннолетних.

В части участия психолога или педагога: в РФ участие педагога или психолога при допросе обязательно для лиц, не достигших 16 лет, а также лиц с психическими расстройствами, и возможно по ходатайству защитника в отношении обвиняемых в возрасте от 16 до 18 лет. Законодательство Вьетнама в лице Закона о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. включает специалиста по социальной работе в качестве участника судопроизводства, однако не предусматривает чётко выраженного обязательного участия психолога или педагога применительно к конкретным случаям допроса. Это является ощутимым разрывом в уровне защиты несовершеннолетних при допросе между двумя государствами.

В части законного представителя: согласно ст.м 424–426 УПК РФ, законный представитель несовершеннолетнего вызывается в особом порядке и вправе с разрешения следователя задавать вопросы, а также делать замечания о производимых следственных действиях. УПК СРВ 2015 г. и Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. также закрепляют обязательное присутствие законного представителя, однако

³² Гаврилова, А. А. Процессуальные и тактические особенности допроса несовершеннолетних / А. А. Гаврилова. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2025. - № 18 (569). - С. 262-264.

объём его процессуальных прав при допросе не определён столь же конкретно, как в законодательстве России.

В части дружественной обстановки при допросе: именно в данном аспекте Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. представляет очевидный прогресс законодательства Вьетнама по сравнению с действующим законодательством России. Требование об организации отдельной дружественной комнаты допроса с мебелью, соответствующей возрасту несовершеннолетнего, и обеспечением конфиденциальности является нормой, в которой законодательство Вьетнама сделало шаг вперёд по сравнению с положениями УПК РФ. Автор согласен с тем, что данная норма заслуживает высокой оценки и воплощает гуманистические начала восстановительного правосудия.

В части принципа презумпции невиновности³³ и права на молчание при допросе³⁴: обе правовые системы признают данный принцип, однако его практическое воплощение по-прежнему сопряжено с рядом проблем. УПК СРВ 2015 г. закрепил в качестве нового права обвиняемого - в сравнении с УПК 2003 г. - право не давать показания против себя и не признавать свою вину. Однако применительно к допросу несовершеннолетних это право нуждается в особо тщательном разъяснении и гарантировании, поскольку несовершеннолетний, как правило, не способен самостоятельно осознать и реализовать его без помощи законного представителя, адвоката или психолога.

Несмотря на значительное улучшение нормативно-правовой базы, практика проведения допросов несовершеннолетних во Вьетнаме обнаруживает ряд недостатков, которые требуют объективного признания. Согласно результатам недавнего исследования, проведённого Народной прокуратурой провинции Куангнинь, в действительности нередки случаи, когда допрос обвиняемых в возрасте до 18 лет проводится без надлежащего присутствия законного представителя или защитника - вследствие трудностей с их своевременным уведомлением и вызовом.

По мнению автора, наиболее очевидным недостатком является отсутствие независимого механизма контроля качества допроса несовершеннолетних. В то время как в России предусмотрен прокурорский надзор за каждым процессуальным действием и существует механизм конституционного судопроизводства по вопросам обеспечения прав в ходе допроса, во Вьетнаме механизм проверки допустимости показаний в

³³ Аида Изамидиновна Алибекова Понятие и значение принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-printsipa-prezumpitsii-nevinovnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 23.03.2026).

³⁴ Пивень А.В., Окунева АН. Молчание как стратегия защиты: обеспечение реальной, а не формальной реализации права не свидетельствовать против себя на стадии первого допроса // Epomen.Global. 2026. №69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-kak-strategiya-zaschity-obespechenie-realnoy-a-ne-formalnoy-realizatsii-prava-ne-svidetelstvovat-protiv-sebya-na-stadii> (дата обращения: 25.03.2026).

данной сфере нуждается в дальнейшем совершенствовании и конкретизации.

Помимо этого, автор считает, что закрепление в ст. 415 УПК РФ 2015 г. требования о наличии у следователя «опыта» или «подготовки» в области возрастной психологии является недостаточно конкретным для обеспечения качества практической деятельности. Не установлены чёткие критерии оценки минимального уровня компетентности, не предусмотрены обязательные сертификаты об образовании, отсутствует механизм последующего контроля соблюдения указанного требования. Следствием этого является то, что многие следователи проводят допрос несовершеннолетних, применяя методику, ничем не отличающуюся от допроса взрослых, игнорируя специфические психологические особенности данной категории допрашиваемых.

Кроме того, многократные, затяжные допросы без организации дружественной обстановки и без привлечения психолога по-прежнему отмечается риск сохранения подобных практик в переходный период остаётся реальным, что требует особого внимания надзорных органов, невзирая на то, что новые положения Закона о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. вступили в силу с 01.01.2026. Это ставит под вопрос эффективность механизма правоприменения - а не только качество нормативных положений.

Рекомендации

На основании сравнительного анализа законодательства РФ и Вьетнама, с учётом практики применения норм о допросе несовершеннолетних, совершивших преступление, автор рекомендует осуществить ряд корректив и дополнений.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить обязательное участие психолога или специалиста по психологическому консультированию при любом допросе несовершеннолетних, не достигших 16-летнего возраста, а также по ходатайству законного представителя или защитника - при допросе лиц в возрасте от 16 до 18 лет. Данная модель доказала свою эффективность в законодательстве РФ и нуждается в избирательном заимствовании с поправкой на условия Вьетнама. Участие психолога служит не только защите прав несовершеннолетнего, но и повышению качества и доказательственного значения полученных показаний.

Во-вторых, необходимо принять конкретные и детальные нормы о стандартах компетентности следователей, проводящих допрос несовершеннолетних, включая обязательные свидетельства о прохождении подготовки по возрастной психологии, криминологии несовершеннолетних и навыкам доброжелательного общения с детьми. Это должно быть закреплено в подзаконных нормативных актах - в частности, в совместном циркуляре о порядке применения Закона о

правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. и УПК СРВ 2015 г. с изменениями и дополнениями 2025 г..

В-третьих, необходимо более чётко разграничить в Законе о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. (с изменениями и дополнениями 2025 г.) различные меры защиты применительно к лицам, не достигшим 14 лет (не несущим уголовной ответственности, но способным выступать в качестве свидетелей), лицам в возрасте от 14 до 16 лет и лицам в возрасте от 16 до 18 лет - по аналогии с классификацией, принятой в законодательстве РФ. Указанная дифференциация не является формальной - она отражает научно обоснованное понимание различных этапов психологического развития личности.

В-четвёртых, автор рекомендует создать независимый механизм надзора за производством допроса несовершеннолетних, в рамках которого Народная прокуратура должна обладать правом реального (а не только документального) надзора за каждым допросом несовершеннолетнего обвиняемого, а протоколы допроса должны храниться в форме, позволяющей осуществлять последующую проверку соблюдения процессуального порядка. По убеждению автора, именно это является одним из наиболее уязвимых мест в практике уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних во Вьетнаме и нуждается в приоритетном устранении.

В-пятых, необходимо обеспечить создание дружественных по отношению к детям комнат для допроса во всех органах предварительного расследования на уровне районного звена и выше - с соблюдением стандартов по планировке, пространству и оснащению, соответствующих возрасту несовершеннолетних. Закон о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. уже содержит соответствующие нормы, однако необходимо разработать конкретный финансовый механизм и механизм надзора за их исполнением, чтобы исключить ситуацию, когда «закон есть, но условий для его выполнения нет».

Заключение

Допрос несовершеннолетнего, совершившего преступление, является особым процессуальным действием, отражающим не только уровень законодательной техники, но и гуманистическую философию системы уголовного правосудия. Сравнительное исследование законодательства РФ и Вьетнама свидетельствует о том, что оба государства разделяют основополагающие принципы защиты, признанные международным правом, - в частности, закреплённые в Конвенции о правах ребёнка и Пекинских правилах ООН, - однако степень конкретизации этих принципов и пути их воплощения в практике по-прежнему разнятся.

Вьетнам с принятием Закона о правосудии в отношении несовершеннолетних 2024 г. (Закон № 59/2024/QН15, с изменениями и дополнениями, внесёнными Законом № 85/2025/QН15) и УПК СРВ 2015 г.

с изменениями и дополнениями 2025 г. (Закон № 99/2025/QH15) делает важные шаги в направлении защиты прав человека несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Это является позитивным сигналом, свидетельствующим о решительном переходе от карательной модели правосудия к модели восстановительного правосудия в сфере уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних во Вьетнаме.

Вместе с тем разрыв между нормой и практикой по-прежнему остаётся нерешённой проблемой. Для того чтобы правовая система функционировала по-настоящему эффективно, недостаточно ограничиться совершенствованием нормативных положений на бумаге - необходимо параллельно вкладывать средства в развитие кадрового потенциала, материально-технической базы и механизмов надзора за правоприменением. По убеждению автора, наиболее ценный урок из опыта РФ состоит не в тексте конкретных статей закона, а в согласованности правовых норм и практики их применения, обеспечиваемой действенной системой надзора и специально подготовленным следственным аппаратом. Именно этим путём Вьетнам должен неуклонно следовать в ходе реформирования уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних в предстоящие годы.

Использованные источники:

1. Quốc hội. Luật Tư pháp người chưa thành niên: Luật số 59/2024/QH15 ngày 30 tháng 11 năm 2024. Hà Nội, 2024.
2. Пятибратова Н.Д. Понятие и сущность допроса несовершеннолетних // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2026. № 1. С. 77–85.
3. Петрова Е. Г., Иванова Н. Ю. Психологические особенности допроса несовершеннолетних // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-doprosa-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 15.03.2026).
4. Конституционный Суд Российской Федерации. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Димитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение от 14 декабря 2023 г. № 3296-О.
5. Quốc hội. Bộ luật Tố tụng hình sự: Luật số 101/2015/QH13 ngày 27 tháng 11 năm 2015. Hà Nội, 2015.
6. Рухтина В. С. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в рамках уголовного процесса // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopros-nesovershennoletnego-podozrevaemogo-i-obvinyaemogo-v-ramkah-ugolovno-go-protsessa> (дата обращения: 20.03.2026).
7. Ngô Văn Lượng. Người đại diện của người dưới 18 tuổi bị buộc tội trong tố tụng hình sự // Tạp chí Tòa án nhân dân điện tử. 2021. URL: <https://tapchitoaan.vn/nguoi->

dai-dien-cua-nguoi-duoi-18-tuoi-bi-buoc-toi-trong-to-tung-hinh-su (truy cập ngày 20.03.2026).

8. Hoài Ngân. Tòa án nhân dân tối cao ban hành văn bản hướng dẫn áp dụng thống nhất một số quy định của Luật Tư pháp người chưa thành niên // Tạp chí Tòa án nhân dân điện tử. 2026. URL: <https://tapchitoaan.vn/toa-an-nhan-dan-toi-cao-ban-hanh-van-ban-huong-dan-ap-dung-thong-nhat-mot-so-quy-dinh-cua-luat-tu-phap-nguoi-chua-thanh-nien15041.html>

9. Гаврилова, А. А. Процессуальные и тактические особенности допроса несовершеннолетних / А. А. Гаврилова. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2025. - № 18 (569). - С. 262-264.

10. Аида Изамидиновна Алибекова Понятие и значение принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-printsipa-prezumptsii-nevinovnosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 23.03.2026).

11. Пивень А.В., Окунева АН. Молчание как стратегия защиты: обеспечение реальной, а не формальной реализации права не свидетельствовать против себя на стадии первого допроса // Epomen.Global. 2026. №69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-kak-strategiya-zaschity-obespechenie-realnoy-a-ne-formalnoy-realizatsii-prava-ne-svidetelstvovat-protiv-sebya-na-stadii> (дата обращения: 25.03.2026).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.

*Дедюрина В.В.
студент*

*РГПУ им. А.И. Герцена
г. Санкт-Петербург*

*Научный руководитель: Ден А., к.п.н.
заведующий кафедрой восточных языков и лингводидактики
Институт востоковедения
РГПУ им. А.И. Герцена
г. Санкт-Петербург*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ ОБУЧЕНИЯ ИЕРОГЛИФАМ ХАНЧА

***Аннотация:** Данное исследование посвящено рассмотрению иероглифов ханча в корейском языке. Целью исследования является выявление роли ханча в формировании лексической компетенции корейского языка. В ходе научной работы были использованы теоретические методы исследования, главными из которых стали методы анализа и синтеза. В ходе исследования был сделан вывод о значительной роли ханча в эффективизации изучения корейской лексики, в том числе на начальном уровне обучения языку. Оценка места ханча в лексике корейского языка важна как для актуализации методов и способов формирования лексической компетенции корейского языка, так и для их применения на практике.*

***Ключевые слова:** лингводидактика, формирования лексической компетенции, корейский язык, ханча.*

*Dediurina V.
student*

*A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg*

*Scientific advisor: Den A., Cand.Sci. (Pedagogy)
Head of the Department of Oriental Languages and Linguodidactics,
Institute of Oriental Studies
A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg*

FEATURES OF DEVELOPMENT LEXICAL COMPETENCE IN THE KOREAN LANGUAGE THROUGH TEACHING HANJA CHARACTERS

***Abstract:** This study examines Hanja characters in the Korean language. The aim of the study is to identify the role of Hanja in the development of lexical*

competence in Korean. The research employed theoretical research methods, primarily analysis and synthesis. The study concluded that Hanja plays a significant role in enhancing the effectiveness of Korean vocabulary learning, including the beginner level of language studying. Assessing the role of Hanja in Korean vocabulary is important both for updating methods and approaches to developing Korean lexical competence and for their practical application.

Keywords: *language education, formation of lexical competence, Korean language, Hanja.*

Введение.

Лексика является основополагающим компонентом изучения иностранного языка, направленного на решение коммуникативной задачи. Исследованию лексического компонента языковой компетенции посвящены работы многих ученых-основоположников отечественной методики обучения иностранным языкам, таких как И.Л. Бим, Г.Д. Гальскова, Н.И. Гез, С.Ф. Шатилов, Г.В. Рогова, П.Б. Гурвич, Е.И. Пассов, А.Н. Шамо́в, что свидетельствует о значительной роли методологии обучения лексике. Приобретение знаний, развитие лексических умений и навыков в процессе обучения направлены на формирование лексической компетенции иностранного языка, под которой принято понимать знание словарного состава языка и способность пользоваться им в процессе осуществления общения [1]. Коммуникация на иностранном языке, независимо от вида речевой деятельности, требует владение продуктивными навыками правильного и целесообразного выбора слов и словосочетания, а также рецептивные навыки соотношения звукового и зрительного образов с семантикой, узнавания морфем в контексте, социокультурные знания лексических единиц-реалий, речевых и этикетных формул [2].

Обучение лексике восточных языков имеет свои особенности, характеризующиеся тесной взаимосвязью языка и культуры. Восточные языки главным образом являются элементом высококонтекстной культуры, которая отличается неявной коммуникацией, основанной на социальных нормах и невербальных сигналах [3]. Данный факт оказывает влияние на наличие большого количества лексических единиц, имеющих косвенный, непрямой смысл. Кроме того, восточные языки часто имеют в основе иероглифическую письменность или бывают тесно связаны с ней. Поскольку лексический состав каждого языка имеет свои особенности, методика обучения лексической стороне речи восточных языков также будет отличаться. Так, одной из особенностей изучения лексики корейского языка являются ханджао (한자어), также известные как слова китайского происхождения (или сино-корейские слова), иероглифическая, ханмунная лексика, основанная на ханча (한자) - непосредственно на иероглифах.

Методы исследования.

В данном исследовании были применены теоретические методы анализа и синтеза, а также классификационный метод. Для обобщения результатов использовался описательный метод.

Результаты.

Исторически лексические единицы китайского классического письменного языка вэньяна заимствовались в корейский язык в качестве официального, когда собственной письменности еще не сформировалось. Заимствованный письменный язык, названный в Корее ханмуном, был подстроен под корейскую фонетическую систему, что повлияло на зачастую отличное от китайского языка произношение. С изобретением корейской азбуки хангыль в 15 в. на основе рукописи Хунмин Чоным (訓民正音 / «Наставление народу о правильном произношении») и ханмунная лексика была записана буквами, входящими в слог, содержащий от 2 до 4 букв [4]. На данный момент эта группа лексики по оценкам исследователей-корееведов составляет около 60-80% всего лексического состава языка [5]. Знание корейской иероглифики представляется необходимым для специалистов-лингвистов и переводчиков, востоковедов, изучающих корейский язык, в особенности на среднем и продвинутом уровнях, поскольку она повсеместно встречается в официальных документах, специализированной художественной, медицинской, юридической литературе, географических названиях и научной литературе, часто выполненной в смешанном письме (сочетании иероглифов и хангыля) с целью разграничения ключевых терминов и основного текста. Знание иероглифики необходимо и для специалистов, изучающих классические литературные произведения, записанные на ханмуне. Также отмечается высокая образовательная ценность ханча в контексте понимания этимологии слов и традиционной культуры, что позволяет не только обнаружить культурные связи с другими языками (главным образом китайским, японским), но и приблизиться к пониманию корейского способа мышления. Достигается это за счет, например, изучения национальных иероглифов кукджа (국자), таких как 畚 (답 [тап], «рисовое поле») [6], не использующихся в китайском языке.

Однако, есть большое преимущество в изучении иероглифов уже на начальном этапе обучения корейскому языку. Воронина Л.А. объясняет необходимость изучения иероглифов формированием общего с другими странами Восточной Азии культурного фона, а также упрощением изучения лексики, основанном на совпадении слога с определенным иероглифом, имеющим свое значение, отмечая высокую целесообразность использования иероглифического способа семантизации корейской лексики ханмунного происхождения [7]. Иероглифы корейского языка принято делить на иероглифы-пиктограммы, простые и сложные иероглифы-идеограммы (имеющие абстрактный символический смысл), а

также иероглифы-фоноидеограммы, сочетающие несущий смысловую нагрузку детерминатив и указывающий на звучание фонетик. Как отмечает К.А. Чихрамов, владение иероглификой способствует пониманию структуры корейских слов ханмунного происхождения, а также позволяет самостоятельно устанавливать их значение по входящим в состав морфемам путем осуществления словообразовательного анализа [8]. Так, изучение корейских иероглифов должно обеспечить более эффективное запоминание лексических единиц по сравнению с использованием переводного метода и заучивания наизусть.

Еще одной важной особенностью, доказывающей целесообразность изучения иероглифов, является наличие в лексическом составе корейского языка омонимов и омофонов. Как отмечает Е.А. Похолкова, несмотря на синонимичность понятия омонимии в российской и южнокорейской лингвистике, проблематика вопроса у корейских исследователей отличается, что обусловлено иероглифическим происхождением слов, определяющим их смысл [9]. Самой многочисленной группой омонимов китайского происхождения являются двуслоговые лексемы, которые характеризуются большим количеством значений. Корейская ханмунная лексика, записанная алфавитом хангыль, имеет в основе разные иероглифы, что обуславливает необходимость их изучения для понимания конкретного значения слов.

В современное время иероглифика корейского языка преподается в языковых институтах высших учебных заведений в рамках дисциплин, непосредственно связанных с лексикологией корейского языка, и реже в качестве отдельных дисциплин. В целом, как отмечает Ден А., формирование графического навыка у обучающихся корейскому языку является важной задачей, поскольку его игнорирование приводит к снижению внимания к изучению каллиграфии, орфографическим ошибкам [10]. В рамках изучения иероглифики упор, как правило, делается на формирование навыков иероглифического письма, а именно каллиграфического навыка. Развитие данного навыка, безусловно, важно и при изучении корейского языка, однако обладает своими особенностями и сложностями, вызванными редким использованием иероглифов в корейском языке в целом. Данное обстоятельство обуславливает необходимость тщательного отбора иероглифических единиц, изучаемых в рамках курса корейского языка. А.В. Геворкян отмечает, что в качестве основного критерия целесообразно обратить внимание на частоту использования единиц в повседневной жизни, учебных и методических пособиях, научных и художественных произведениях [11]. На примере некоторых учебных пособий по иероглифике корейского языка как российских [12], так и корейских [13] авторов, можно сделать вывод, что знакомство с иероглификой принято начинать с таких тем, как «Даты и дни недели», «Повседневная жизнь», «Школа», отличающихся не только простотой иероглифов, но и большим количеством лексических единиц

начального уровня, основу которых они составляют. Например, запоминание иероглифа 𐏪 ([кё], «просвещение, учение») позволит в будущем развить языковую догадку и упростить запоминание слов 𐏪육 ([кёюк], «образование») и 𐏪실 ([кёщиль], «класс»). На основании этого можно предположить, что изучение часто-употребимых иероглифов, лежащих в основе лексики начального уровня, может сыграть большую роль в эффективизации развития лексических навыков и последующего формирования лексической компетенции корейского языка.

Анализ учебных пособий по иероглифике позволяет сделать вывод, что при обучении иероглифике корейского языка на ознакомительном этапе, как правило, внимание уделяется формированию первичных знаний об основных и производных чертах иероглифов, правилах каллиграфии, композиционной структуре и компонентах иероглифической системы, порядке начертания. Тренировочно-закрепительный этап, в свою очередь, посвящен воспроизведению иероглифических знаков, формированию графических, каллиграфических и орфографических навыков. В результате обучающиеся способны интегрировать полученные знания и установленные ассоциативные связи между чертами и иероглифами [14].

Заключение.

Таким образом, знание иероглифов, лежащих в основе морфем корейской лексики, имеет потенциал к значительному упрощению семантизации лексических единиц, позволяя за более короткий срок получить всеобъемлющее представление о их значении и контексте использования, что обосновывает необходимость изучения не только перевода конкретного слога-иероглифа, но и радикалов, входящих в его состав и имеющих словообразовательную функцию и определенное значение. В связи с этим целесообразно предположить, что изучение иероглифики может быть не только самоцелью, направленной на понимание ханмунного письма при углубленном изучении языка, но и средством к повышению эффективности развития лексического навыка даже на начальном уровне обучения.

Использованные источники

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
3. Hall E.T. Beyond culture. Anchor, 1976. 320 p.
4. Ден А. Учет особенностей буквенно-слогового корейского письма в процессе обучения в языковом вузе (на материале письменного источника Хунмин чоным Херебон) [Электронный ресурс] // Письма в

- Эмиссия.Оффлайн = The Emissia.Offline Letters. 2025. №6. Article 3534. URL: <http://emissia.org/offline/2025/3534.htm> (дата обращения: 23.03.2026).
5. Пакулова Я.Е. Учебник по иероглифике для изучающих корейский язык / М.: Восток - Запад, 2005. 208 с.
6. Naver hanja dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://hanja.dict.naver.com/> (дата обращения: 02.03.2026).
7. Воронина Л.А. Иероглифический способ семантизации в обучении лексике корейского языка китайского происхождения // Проблемы современной филологии и лингводидактики: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 2009. №3. С. 218-222.
8. Чихрамов К.А. Роль китайской иероглифики в изучении корейского языка // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2. №1. С. 114–120.
9. Похолкова Е.А. Описание и систематизация знаний об омонимии в современном корейском языке // Корееведение Казахстана. 2013. №1. С. 172-197.
10. Ден А. Специфика формирования навыка письма на корейском языке у обучающихся педагогического вуза [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия.Оффлайн = The Emissia.Offline Letters. 2025. №5. Art. 3517. URL: <http://emissia.org/offline/2025/3517.htm> (дата обращения: 23.03.2026).
11. Геворкян А.В. Трудности обучения иероглифическим средствам для обучающихся первого года обучения (на материалах учебных пособий для обучающихся, изучающих корейский язык) // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 13–14 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2023. С. 300-306.
12. Ден А., Геворкян А.В., Романова И.С. Иероглифика. Корейский язык: Тренажер для начинающих. Санкт-Петербург: КАРО, 2025. 208 с.
13. 정보영, 선은히. 마인드맵으로 배우는 한자어 2300. 한글파크. 2022. 496 p.
14. Ден А. Обучение иероглифике студентов педагогического вуза: опыт разработки учебного пособия по иероглифике корейского языка // Научное мнение. 2025. №4. С. 108-114.

Дергунова Е.С.
директор
МБОУ ДО «Гатчинский ДДТ»

УПРАВЛЯЮЩИЙ СОВЕТ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФЛАГМАН УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ

***Аннотация:** Статья посвящена актуальной теме создания Управляющего совета организации дополнительного образования, как ключевого фактора в развитии имиджа и качественного управления учреждением. В статье подробно описывается в каких именно видах деятельности организации Управляющий совет может стать движущей силой в развитии, а также рассмотрены условия для качественного развития Управляющего совета в учреждении.*

***Ключевые слова:** Управляющий совет, организация дополнительного образования, компетенции, инновации, эффективность, направления деятельности, социальные партнеры.*

Dergunova E.S.
Director
***Municipal Educational Institution of Additional Education "Gatchina
Children's Creativity Center"***

THE GOVERNING BOARD OF THE ORGANIZATION OF ADDITIONAL EDUCATION AS THE FLAGSHIP OF THE SUCCESSFUL DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION

***Abstract:** This article addresses the pressing issue of establishing a Governing Council for an additional education organization, as a key factor in developing the institution's image and quality management. The article describes in detail the specific areas of the organization's activities where the Governing Council can become a driving force for development, and examines the conditions for the quality development of the Governing Council within the institution.*

***Keywords:** Governing Council, additional education organization, competencies, innovation, efficiency, areas of activity, social partners.*

В современном мире, где изменения происходят с невероятной скоростью, успешность любой образовательной организации напрямую зависит от ее способности к адаптации, инновациям и эффективному управлению. В этом контексте Управляющий совет (УС) организации дополнительного образования перестает быть формальным органом и превращается в мощный стратегический инструмент, способный стать настоящим вектором успешного развития учреждения.

Управляющий совет – это коллегиальный орган государственно-общественного управления, который объединяет представителей различных заинтересованных сторон: педагогов, родителей, обучающихся, представителей учредителя, общественности и бизнеса. Его основная задача – не подменять администрацию, а дополнять ее, обеспечивая прозрачность, коллегиальность и стратегическое видение в принятии ключевых решений.

Для учреждений дополнительного образования, специфика которой заключается в гибкости, вариативности программ и тесной связи с потребностями общества, управляющий совет имеет особое значение:

- **Расширение кругозора и экспертизы:** УС объединяет людей с разным опытом и компетенциями, что позволяет принимать более взвешенные и обоснованные решения, учитывающие широкий спектр мнений и интересов.

- **Повышение доверия и открытости:** Вовлечение родителей, обучающихся и общественности в управление способствует формированию атмосферы доверия, прозрачности и открытости, что крайне важно для привлечения и удержания контингента.

- **Усиление связи с социумом:** Представители общественности в УС помогают лучше понимать актуальные запросы рынка труда, социальные тренды и потребности местного сообщества, что позволяет формировать востребованные и конкурентоспособные программы.

- **Стимулирование инноваций:** Разнообразие взглядов и идей, генерируемых в УС, способствует поиску новых подходов, внедрению инновационных методик и технологий в образовательный процесс.

- **Повышение эффективности использования ресурсов:** УС может участвовать в разработке и контроле за исполнением бюджета, привлечении внебюджетных средств, оптимизации использования материально-технической базы.

- **Развитие гражданской активности и ответственности:** Участие в работе УС формирует у обучающихся и родителей чувство сопричастности, ответственности за будущее учреждения, развивает навыки конструктивного диалога и принятия решений.

Рассмотрим, как УС может стать движущей силой в различных аспектах развития учреждения:

1. Стратегическое планирование и развитие:

- **Разработка и корректировка программы развития учреждения:** УС активно участвует в определении миссии, видения, стратегических целей и задач, исходя из анализа внешней среды, потребностей целевой аудитории и ресурсов учреждения.

- **Определение приоритетных направлений деятельности:** Совместно с администрацией УС выявляет наиболее перспективные области для развития, например, внедрение новых образовательных программ, расширение партнерских связей, развитие цифровых технологий.

• **Мониторинг и оценка эффективности реализации стратегии:** УС контролирует ход выполнения стратегических планов, анализирует достигнутые результаты и при необходимости вносит коррективы.

2. Качество образовательного процесса:

• **Участие в разработке и экспертизе образовательных программ:** Представители УС, особенно родители и обучающиеся, могут давать ценную обратную связь по содержанию, актуальности и методикам преподавания программ.

• **Контроль за соблюдением прав и интересов обучающихся:** УС выступает гарантом защиты прав детей, обеспечивает комфортную и безопасную образовательную среду.

• **Содействие повышению квалификации педагогических кадров:** УС может инициировать проведение обучающих семинаров, тренингов, способствовать обмену опытом между педагогами.

• **Оценка удовлетворенности качеством образования:** Проведение опросов, анкетирования среди обучающихся и родителей, анализ результатов для выявления проблемных зон и улучшения качества услуг.

3. Финансово-экономическая деятельность:

• **Участие в формировании и утверждении бюджета учреждения:** УС может вносить предложения по распределению средств, контролировать их целевое использование, а также привлекать средства в организацию.

• **Контроль за эффективностью использования ресурсов:** УС может анализировать отчеты о расходовании средств, предлагать меры по оптимизации затрат и повышению экономической эффективности.

4. Развитие партнерских отношений и имиджа учреждения:

• **Установление и укрепление связей с социальными партнерами:** УС может инициировать сотрудничество с другими образовательными учреждениями, предприятиями, общественными организациями, культурными центрами для реализации совместных проектов, обмена опытом, организации стажировок и практик.

• **Формирование позитивного имиджа:** Члены УС, являясь представителями различных слоев общества, могут активно распространять информацию о достижениях учреждения, его уникальных программах и возможностях, привлекая новых обучающихся и партнеров.

• **Организация и проведение публичных мероприятий:** УС может участвовать в планировании и проведении открытых уроков, фестивалей, конкурсов, выставок, конференций, что способствует повышению узнаваемости и престижа учреждения.

5. Развитие кадрового потенциала:

• **Участие в разработке системы стимулирования педагогов:** УС может вносить предложения по критериям премирования, надбавок, поощрений, что способствует мотивации и удержанию высококвалифицированных специалистов.

• **Содействие созданию благоприятного психологического климата в коллективе:** УС может выступать медиатором в разрешении конфликтных ситуаций, способствовать формированию командного духа и взаимоуважения.

• **Поддержка молодых специалистов:** УС может инициировать программы наставничества, адаптации для начинающих педагогов, помогая им интегрироваться в коллектив и развивать профессиональные навыки.

Ключевые условия для эффективной работы Управляющего совета:

Чтобы УС действительно стал флагманом успешного развития, необходимо соблюдение ряда условий:

1. **Четкое определение полномочий и ответственности:** Устав учреждения и положение об УС должны ясно регламентировать его функции, права и обязанности, исключая дублирование или конфликт полномочий с администрацией.

2. **Профессионализм и активность членов УС:** важно привлекать в состав УС людей, обладающих необходимыми компетенциями, заинтересованных в развитии учреждения и готовых активно участвовать в его работе.

3. **Регулярность и продуктивность заседаний:** Заседания УС должны проводиться систематически, иметь четкую повестку дня, а принимаемые решения – быть конкретными, реализуемыми и контролируемыми.

4. **Открытость и прозрачность деятельности:** Информация о работе УС, принятых решениях и их реализации должна быть доступна для всех заинтересованных сторон (через сайт учреждения, информационные стенды и т.д.).

5. **Конструктивное взаимодействие с администрацией:** Успех УС во многом зависит от готовности администрации к сотрудничеству, делегированию полномочий и учету мнения совета.

6. **Обучение и поддержка членов УС:** для повышения эффективности работы УС целесообразно проводить обучающие семинары, тренинги для его членов по вопросам управления, стратегического планирования, проектной деятельности.

Заключение:

Управляющий совет в организации дополнительного образования – это не просто дань моде или формальное требование. Это мощный инструмент государственно-общественного управления, способный стать настоящим флагманом успешного развития учреждения. Вовлекая в процесс принятия решений широкий круг заинтересованных сторон, УС обеспечивает прозрачность, коллегиальность, стратегическое видение и инновационный подход, что в конечном итоге приводит к повышению качества образовательных услуг, укреплению имиджа учреждения и его устойчивому развитию в динамично меняющемся мире. Инвестиции в развитие и поддержку Управляющего совета – это инвестиции в будущее дополнительного образования.

Использованные источники:

1. Дагаева, И. А. Концептуальные основы модели дополнительного профессионального образования управленческих команд общеобразовательных организаций в условиях изменений (на примере Псковской области) / И. А. Дагаева, Н. П. Дерзкова // *Beneficium*. — 2021. — № 4 (41). — С. 65-77.
2. Патутина, Н. А. Инновационный менеджмент в образовании: учебник / Н. А. Патутина, Ю. В. Гуськов, О. О. Киселева. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 263 с.
3. Симонова, А. А. Готовность управляющей системы к осуществлению инновационных процессов в образовательном учреждении: монография / А. А. Симонова. — 2-е изд., стер. — Москва: ИНФРА-М, 2015. — 144 с.
4. Тимошкин, С. П. Компетенции государственно-общественных органов управления общеобразовательной организацией / С. П. Тимошкин // *Вестник МГПУ. Серия «Экономика»*. — 2024. — № 2 (40). — С. 134.

Деретич В. В.
студент магистратуры
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия
Лях Ю. А., доктор педагогических наук
профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ИГР В ОБУЧЕНИИ

Аннотация: В статье анализируются возможности повышения качества образования через внедрение традиционных китайских игр в образовательный процесс. Рассматривается их влияние на формирование коммуникативных и метапредметных результатов обучения. Особое внимание уделяется проблеме оценки качества образования в условиях применения игровых технологий. Обосновывается, что традиционные китайские игры позволяют повысить мотивацию обучающихся и обеспечить переход от репродуктивного к деятельностному типу обучения

Ключевые слова: качество образования, игровые технологии, китайский язык, традиционные игры, оценка результатов обучения

Deretich V. V.
master's student
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Lyakh Y. A., Doctor of Pedagogical Sciences
professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

QUALITY OF EDUCATION ASSESSMENT THROUGH THE USE OF TRADITIONAL CHINESE GAMES IN EDUCATION

Abstract: The article analyzes the potential of improving the quality of education through the integration of traditional Chinese games into the educational process. Their impact on communicative and meta-subject learning outcomes is examined. Special attention is paid to the assessment of educational quality in game-based learning environments. It is argued that traditional Chinese games facilitate the transition from reproductive to activity-based learning

Keywords: *quality of education, game-based learning, Chinese language, traditional games, assessment*

Современные подходы к оценке качества образования ориентированы на отказ от модели, в рамках которой основное внимание уделяется исключительно контролю усвоения предметных знаний. В соответствии с положениями Федеральных государственных образовательных стандартов качество образования рассматривается как комплексная характеристика, включающая не только результаты обучения, но и условия их достижения, а также особенности организации образовательного процесса [1]. В этой связи значимость приобретает оценка не только уровня освоения учебного материала, но и способности обучающихся применять знания в различных учебных и практических ситуациях, что требует пересмотра традиционных подходов к организации контроля и оценивания.

Объектом исследования является образовательный процесс при обучении иностранному языку, а **предметом** — использование традиционных китайских игр как средства повышения качества образовательных результатов обучающихся.

Целью исследования является обоснование педагогического потенциала традиционных китайских игр как средства повышения качества образования и формирования коммуникативных, метапредметных и межкультурных результатов обучающихся.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- 1) Выявить современные подходы к оценке качества образования;
- 2) Определить возможности использования традиционных китайских игр в обучении;
- 3) Определить роль традиционных китайских игр в формировании коммуникативных, предметных, метапредметных и межкультурных результатов обучения;
- 4) Сформулировать подходы к оценке образовательных результатов в условиях применения игровых технологий.

образовательных результатов в условиях применения игровых технологий

Методологическую основу исследования составили анализ научной и методической литературы, а также обобщение педагогического опыта. В работе использовались элементы теоретического моделирования образовательного процесса с применением игровых технологий.

В рамках обозначенной проблемы возрастает значение педагогических средств, способных обеспечить более активное участие обучающихся в учебной деятельности. Одним из таких средств выступают игровые технологии, которые в современной педагогике рассматриваются как инструмент повышения учебной мотивации обучающихся. Так, по мнению Г.К. Селевко, игровые формы обучения способствуют более глубокому

усвоению учебного материала за счёт вовлечения обучающихся в деятельность, требующую самостоятельного принятия решений [2]. При этом немаловажно то, что игровые технологии меняют характер учебного взаимодействия и преобразуют окружающую обстановку, позволяя учащимся быть активными и вовлеченными в процесс обучения.

Использование традиционных китайских игр (маджонг, сянци, го и др.) в обучении китайскому языку приобретает особое значение. Их педагогический потенциал связан с тем, что они позволяют сочетать освоение языкового материала с деятельностью, имеющей коммуникативный и познавательный характер. В процессе игры учащиеся используют языковые средства в условиях, приближенных к реальному общению, что способствует формированию навыков их практического применения. В отличие от традиционных упражнений, направленных на отработку отдельных языковых единиц, игровые формы создают ситуацию целенаправленного и функционального использования языка.

Обращение к культурно-исторической теории Л.С. Выготского позволяет рассматривать игровую деятельность как одну из форм организации совместной деятельности обучающихся, в рамках которой создаются условия для развития более сложных форм мышления и речи [3, с. 85]. Игровые практики предполагают взаимодействие, координацию действий и решение коммуникативных задач, что делает их значимым инструментом организации учебного процесса. В этом смысле использование традиционных игр направлено на развитие коммуникативной компетенции.

Применение традиционных китайских игр в обучении позволяет выделить ряд эффектов, потенциально связанных с повышением качества образования. Прежде всего, можно предположить повышение учебной мотивации, обусловленное изменением характера учебной деятельности, что в целом соответствует выводам исследований в области игровых образовательных технологий [2]. Кроме того, игровые формы могут способствовать развитию коммуникативной компетенции, поскольку учащиеся используют язык в процессе взаимодействия, а не в условиях изолированных упражнений [4]. Наряду с этим в игровой деятельности могут развиваться когнитивные умения, включая анализ ситуации, выбор стратегии, умение принимать решения, что соотносится с деятельностным характером обучения [1].

Так, использование элементов игры маджонг в обучении китайскому языку может быть связано с выполнением заданий, предполагающих формирование комбинаций с одновременным речевым сопровождением действий. Подобная организация учебной деятельности позволит активизировать использование лексики и грамматических конструкций, а также способствует развитию навыков объяснения и аргументации. Важным является и то, что подобные задания предполагают взаимодействие обучающихся, что усиливает коммуникативную направленность обучения.

Вместе с тем использование игровых технологий актуализирует проблему оценки качества образования, поскольку традиционные формы контроля, такие как тестирование и письменные работы, не всегда позволяют в полной мере оценить сформированность коммуникативных и метапредметных результатов. В этой связи представляется целесообразным дополнение существующих подходов к оцениванию рядом критериев, учитывающих специфику игровой деятельности.

К числу таких критериев могут быть отнесены:

- коммуникативная инициатива обучающихся, выражающаяся в частоте и уместности речевых высказываний;
- степень вовлечённости в совместную деятельность;
- способность к стратегическому планированию действий в игровой ситуации;
- качество речевого взаимодействия, включая адекватность использования языковых средств;
- способность к рефлексии и оценке собственных действий (структурирование текста, улучшение читаемости, соответствие научному стилю).

Дополнительно представляется возможным использовать такие формы оценивания, как наблюдение с фиксацией поведенческих и речевых показателей, экспертная оценка деятельности в группе, самооценка и взаимооценка, а также задания рефлексивного характера. Подобный подход может рассматриваться как расширение традиционных моделей оценивания и как попытка адаптации критериев качества образования к условиям деятельностного и коммуникативно ориентированного обучения.

Современные подходы к оценке образовательных результатов ориентированы на оценивание, предполагающее учет динамики развития обучающихся и их индивидуальных особенностей [4]. В условиях использования игровых технологий это приобретает особую значимость, поскольку позволяет фиксировать не только результат, но и процесс деятельности. Подобный подход не только делает оценивание более гибким, но и позволяет учитывать разнообразие образовательных результатов.

В частности, анализ процесса деятельности участников игры помогает понять то, как именно ученик приходит к решению поставленной учителем учебной задачи. В области преподавания иностранных языков это позволяет сфокусироваться на логике выбора языковых средств и их уместности в конкретном контексте. Учителю представляется возможным оценить не только грамотность, но и гибкость речи, коммуникативную находчивость, умение адаптироваться в непредсказуемых ситуациях, а также навыки работы в команде. В результате оценивание приобретает более комплексный характер, отражая как уровень сформированности языковых навыков, так и развитие метапредметных и коммуникативных умений.

Дополнительным аспектом использования традиционных китайских игр в образовательном процессе является их выраженный культурный потенциал, который может рассматриваться как значимый ресурс формирования межкультурной компетенции обучающихся. Включение элементов традиционной игровой культуры в обучение способствует не только усвоению языковых единиц, но и освоению социокультурных норм, моделей поведения и коммуникативных стратегий, характерных для носителей языка [5]. В процессе игровой деятельности обучающиеся, как правило, сталкиваются с культурно обусловленными правилами взаимодействия, символикой и логикой действий, что позволяет им формировать более целостное представление о китайской культуре как контексте функционирования языка.

В контексте оценки качества образования данный аспект может быть соотнесён с формированием межкультурной и коммуникативной компетенций, которые в современных образовательных стандартах рассматриваются как значимые результаты обучения [1]. При этом уровень их сформированности может оцениваться через способность обучающихся интерпретировать культурно обусловленные элементы коммуникации, адекватно использовать языковые средства в различных социокультурных ситуациях, а также демонстрировать понимание норм взаимодействия, характерных для носителей языка. Итак, культурный компонент игровой деятельности приобретает не только содержательное, но и оценочное значение, позволяя расширить представление о качестве образовательных результатов.

Таким образом, включение традиционных китайских игр в образовательный процесс можно обоснованно считать одним из перспективных путей повышения качества обучения. Во-первых, подобный подход позволяет органично соединить коммуникативную направленность занятий с активными формами организации деятельности и глубоким культурным компонентом. Во-вторых, использование игровых технологий создает основу для формирования различного рода компетенций: предметных, метапредметных, коммуникативных и межкультурных. Это, в свою очередь, полностью отвечает требованиям к современному образованию. При этом, необходимо создать грамотную систему оценивания, которая бы не только учитывала специфику традиционных китайских игр, но и была направлена на комплексный контроль умений учащихся в динамике. В целом, можно сделать вывод, что внедрение народных игровых практик в систему преподавания иностранных языков обладает серьезным педагогическим потенциалом и может значительно обогатить современную методику.

Использованные источники:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287. М., 2021.

2. Селевко, Г.К. Современные образовательные технологии: учебное пособие. М.: Народное образование, 2005. 256 с.
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. 512 с.
4. Black P., Wiliam D. Assessment and Classroom Learning // Assessment in Education: Principles, Policy & Practice. 1998. Vol. 5. № 1. P. 7–74.
5. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

*Джинибалаева В.А.
студент*

*Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

*Тукачев Д.Т.
студент*

*Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

*Науч. руководитель: Скидан А.В., к.э.н.
доцент*

*Южно-Российский институт управления филиал РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация:** статья посвящена рассмотрению теоретическим вопросам развития национальной экономической безопасности, определению принципов формирования современной экономической безопасности государства, выявлению угроз национальной экономической безопасности государства и предопределению перспектив развития, влияющих на социально-экономическую стабильность страны.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность, государственное развитие, угрозы национальной безопасности, диверсификация экономики, государственная политика, санкции*

*Dzhinibalaeva V.A.
student*

*South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

*Tukachev D.T.
student*

*South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

*Scientific supervisor Skidan A.V., PhD
associate professor*

*South-Russian Institute of Management branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don*

ECONOMIC SECURITY OF AN ORGANIZATION: FEATURES OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS

Abstract: the article is devoted to the consideration of theoretical issues of the development of national economic security, the definition of the principles of the formation of modern economic security of the state, the identification of threats to the national economic security of the state and predetermination of the development prospects affecting the socio-economic stability of the country.

Keywords: economic security, state development, threats to national security, economic diversification, state policy, sanctions

Экономическая безопасность является одним из основных компонентов безопасности государства. Она связана с обеспечением финансовой устойчивости, защитой национальных экономических интересов, противодействием экономической угрозе и исключением экономической зависимости от других стран.

Экономическая безопасность России является одним из наиболее важных вопросов национальной безопасности страны. В целях обеспечения экономической безопасности в России принимаются меры по стимулированию экономического развития и государственной поддержки отечественных производителей. Кроме того, проводятся меры по диверсификации экономики, снижению зависимости от импорта и укреплению финансовой устойчивости.

В рамках экономической безопасности решаются такие задачи, как обеспечение стабильности финансовой системы, защита интеллектуальной и промышленной собственности, предотвращение контрабанды и нелегального оборота товаров, защита от киберпреступлений и других угроз, связанных с развитием информационных технологий.³⁵

Для обеспечения экономической безопасности необходимо проводить анализ и оценку угроз, разрабатывать и принимать эффективные меры по их предотвращению и устранению, а также повышать уровень образования и информирования населения в сфере экономической безопасности.

Экономическая безопасность строится по следующим принципам:³⁶

1. Развитие рыночных отношений: свобода конкуренции и выбора, честность и прозрачность деятельности, защита прав собственности.
2. Диверсификация экономики: разнообразие отраслей и секторов, развитие инноваций и новых технологий, уменьшение зависимости от отдельных видов товаров или услуг.
3. Развитие социальной инфраструктуры: образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, социальная защита населения.

³⁵ Василенко О.А. Основные цели и задачи государственной политики России в сфере экономической безопасности//Экономические науки. 2022. №8. С. 17-22

³⁶ Прилуцкая А.М. Принципы и элементы экономической безопасности организации//Форум молодых учёных. 2021. №4(56). С.322-3329

4. Сбалансированный бюджет: установление целей и приоритетов расходов, контроль за исполнением бюджета, минимизация долговой нагрузки.

5. Защита финансовой системы: укрепление банковской системы, контроль за финансовыми потоками, защита от экономической мошенничества и коррупции.

6. Защита экономики от внешних угроз: защита рынка от недобросовестной конкуренции, укрепление экономической безопасности страны, защита от внешних давлений и экономической агрессии.

7. Развитие международной экономической интеграции: участие в международных экономических организациях, установление тесных экономических связей с другими странами, поиск новых рынков сбыта и источников сырья.

Исходя из представленных выше принципов, можем сделать вывод, что экономическая безопасность – это надёжная и стабильная система защиты общественных интересов на национально-международном уровне. То есть, экономическая безопасность создаёт благоприятные эффективные условия, обеспечивающие национально-экономический рост, для удовлетворения потребностей населения, личности и государства. Помимо этого, национально-экономическая безопасность должна стабильно поддерживаться системой экономики и государственными органами.

Экономическая безопасность может быть отражена в различных аспектах, таких как:

- Государственная политика, направленная на создание благоприятных условий для развития экономики;
- Защита национальных экономических интересов;
- Гарантии прав и свобод экономических субъектов;
- Ресурсное обеспечение экономики;
- Развитие инфраструктуры;
- Социальная политика и другие аспекты, связанные с экономической сферой жизни государства.

В современных условиях социально-экономического развития государства к основным угрозам (Рис. 1) экономической безопасности относят.³⁷

³⁷ Никулин Р.Ю. Классификация угроз экономической безопасности предприятия//Научно-экономический журнал. 2022. № 7. С.167-172

Рис. 1 – Угрозы экономической безопасности государства

1. Экономическая шпионаж - получение конфиденциальной информации о бизнес-планах, технологиях, инновациях, финансовых операциях и т.д. у конкурентов, сотрудников, партнеров или правительственных органов.

2. Киберпреступность - использование компьютерных технологий для нарушения безопасности информации, финансовых операций и транзакций, вымогательства, мошенничества и т.д.

3. Терроризм - использование насилия и угроз насилия для дестабилизации экономической среды и разрушения бизнес-инфраструктуры.

4. Экономические санкции - ограничения, налагаемые правительством или международными организациями на торговлю, финансы, инвестиции и другие виды экономической деятельности для достижения политических или экономических целей.

5. Природные катастрофы - бедствия, такие как землетрясения, наводнения, пожары, оказывают серьезное влияние на экономику путем разрушения экономических объектов, снижения производительности и т.д.

6. Войны и конфликты - военные конфликты, раздоры, противоречия и другие формы насилия могут привести к разрушению бизнес-инфраструктуры, нарушению экономических связей и транспортных маршрутов, а также к снижению уровня жизни населения.

7. Пандемии и эпидемии - распространение инфекционных заболеваний может привести к остановке производства, закрытию предприятий, перебоям в торговле и серьезному экономическому кризису.

Для каждого государства угрозы формируются в зависимости от масштаба, государственного устройства, уровня развития и т.п., Россия столкнулась с рядом экономических угроз:³⁸

1. Санкции западных стран. Введение санкций приводит к ограничению доступа к финансовым и технологическим ресурсам, что может негативно сказаться на развитии отдельных отраслей экономики.

³⁸ Кузьмина О.А., Иневаткина С.Р. Анализ и оценка существующих вызовов и угроз финансово-экономической безопасности РФ на современном этапе//Экономика и бизнес. 2022. №9(91). С.111-116

2. Высокая зависимость от экспорта нефти и газа. Это ведет к уязвимости экономики, так как цены на эти ресурсы могут колебаться.

3. Недостаток инвестиций в экономику. Отсутствие инвестиций в новые технологии и производство приводит к замедлению экономического роста, а также снижению конкурентоспособности на мировом рынке.

4. Коррупция и недостаток прозрачности в бизнесе. Это снижает доверие к российской экономике и усложняет привлечение инвестиций.

5. Низкое качество инфраструктуры. Недостаток инвестиций в инфраструктуру может привести к нехватке транспортных средств, снижению качества дорог, а также проблемам с обеспечением энергетической безопасности.

6. Демографический кризис. Снижение населения и увеличение доли пожилых людей ведет к уменьшению численности рабочей силы и нехватке квалифицированных работников. Это может привести к снижению конкурентоспособности экономики в долгосрочной перспективе.

Экономическая безопасность важна для любого государства, особенно в периоды экономических угроз и вызовов со стороны стран-недоброжелателей. В настоящее время представители власти Российской Федерации продолжают работу над обеспечением экономической безопасности в целях сохранения и поддержания комфортных условий жизнедеятельности граждан Российской Федерации.

Использованные источники:

1. Василенко О.А. Основные цели и задачи государственной политики России в сфере экономической безопасности//Экономические науки. 2022. №8. С. 17-22
2. Никулин Р.Ю. Классификация угроз экономической безопасности предприятия//Научно-экономический журнал. 2022. № 7.
3. Шогенова Д.Х. Угрозы экономической безопасности России в условиях санкций//Экономика и бизнес. 2022. №2(86). С. 234-239
4. Василенко О.А. Основные цели и задачи государственной политики России в сфере экономической безопасности//Экономические науки. 2022. №8. С. 17-22
5. Прилуцкая А.М. Принципы и элементы экономической безопасности организации//Форум молодых учёных. 2021. №4(56). С.322
6. Никулин Р.Ю. Классификация угроз экономической безопасности предприятия//Научно-экономический журнал. 2022. № 7.
7. Кузьминова О.А., Иневаткина С.Р. Анализ и оценка существующих вызовов и угроз финансово-экономической безопасности РФ на современном этапе//Экономика и бизнес. 2022. №9(91). С.111-116
8. Каргинов Н.А., Скидан А.В. Государственный финансовый контроль как средство обеспечения финансовой безопасности России // В сборнике: Стратегии развития общества и экономики в новой реальности. Под редакцией Т.В. Игнатовой, Н.В. Брюхановой. Ростов-на-Дону, 2022. С.

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИУТОПИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В РОМАНЕ Д. БЫКОВА «ЖД»

Аннотация: В статье исследуется роман современного российского постмодернистского писателя Дмитрия Быкова «ЖД» (2006) как образец антиутопического нарратива. На основе анализа развития антиутопической традиции в русской литературе XX века выявляются ключевые антиутопические мотивы в произведении. Особое внимание уделяется пространственно-временной организации романа, образам провинции, столицы и символических локусов, а также трёхчастной модели «варяги — хазары — коренное население», через которую автор репрезентирует исторический цикл и национальный миф. Показано, что Быков не только критикует политические и социальные реалии постсоветской России, но и предлагает эсхатологическую альтернативу линейному историческому детерминизму. Делается вывод о том, что антиутопия у Быкова выступает не отрицанием утопии, а формой поиска подлинного освобождения.

Ключевые слова: антиутопия, Дмитрий Быков, «ЖД», постмодернизм, национальная идентичность, исторический цикл, пространство, эсхатология

Dong Xi., Master's degree
Tianjin Foreign Studies University
Tianjin, China

A STUDY OF ANTI-UTOPIAN NARRATIVE IN DMITRY BYKOV'S NOVEL “ЖД”

Abstract: The article examines Dmitry Bykov's novel “ЖД” (2006) as an example of anti-utopian narrative in contemporary Russian postmodern literature. Based on an analysis of the anti-utopian tradition in 20th-century Russian literature, the study identifies key anti-utopian motifs in the novel. Special attention is paid to the spatiotemporal organization of the novel, the images of the capital and provinces, symbolic loci, and the tripartite model of “Varangians — Khazars — indigenous population”, through which the author represents the historical cycle and national myth. The article demonstrates that Bykov not only criticizes the political and social realities of post-Soviet Russia but also offers an eschatological

alternative to linear historical determinism. It is concluded that Bykov's anti-utopia serves not as a negation of utopia, but as a form of searching for genuine liberation.

Keywords: *anti-utopia, Dmitry Bykov, "ЖД", postmodernism, national identity, historical cycle, space, eschatology*

Введение

Русская антиутопическая традиция XX века, представленная именами Е. Замятина, А. Платонова, В. Сорокина и др., сформировала особый тип критического мышления, направленный на деконструкцию утопического сознания. В постсоветский период, особенно в 2000-е годы, возник новый пласт произведений, которые Б. Витенберг предложил называть «ситуативной литературой». К числу таких текстов принадлежит и роман Дмитрия Быкова «ЖД» (2006), в котором антиутопический нарратив органично сочетается с элементами постмодернистской поэтики, историософской рефлексией и фольклорной символикой.

Несмотря на растущий интерес к творчеству Быкова, комплексный анализ антиутопического нарратива в «ЖД» с точки зрения пространственно-временной организации и национально-исторической аллегории остаётся недостаточно разработанным. Настоящее исследование призвано заполнить этот пробел. Цель работы — выявить специфику антиутопического нарратива в романе «ЖД» и показать, как через него автор выражает критику современной российской действительности и предлагает альтернативную модель исторического развития.

Методология исследования

Методологическую основу работы составляют структурно-семиотический и сравнительно-типологический подходы. В работе используются концепции антиутопии как жанра, разработанные в трудах А. Тимофеевой, Б. Ланина и других исследователей русской литературы XX–XXI веков. Пространственно-временная организация романа анализируется с опорой на категории хронотопа (М. Бахтин) и условно-метафорического пространства. Историко-культурный контекст учитывается через призму постсоветской «ситуативной литературы». Также применяются элементы интертекстуального и мифопоэтического анализа для выявления связей романа с русским фольклором и классической антиутопической традицией.

Результаты и обсуждение

1. Антиутопическая пространственно-временная структура в «ЖД»

Роман Быкова нарушает классическую хронотопическую схему антиутопии, которая традиционно локализует действие в отдалённом будущем. В «ЖД» будущее (2015 год) сосуществует с архаичными локусами: деревнями Задруново и Дегунино, где время течёт по циклическим, мифологическим законам. Пространство романа строится как иерархия локусов: гипертрофированная Москва, вымышленные и реальные провинциальные города (Братск, Алабино, Махачкала,

Геленджик), символические деревни и утопический остров с Даниловым монастырём. Особое значение имеет Алабино, в котором легко угадывается Чернобыль — место техногенной катастрофы, ставшей предвестником распада СССР. Таким образом, пространство становится не только фоном, но и активным агентом исторического нарратива.

2. Исторический цикл и трёхчастная модель как национальная аллегория

Центральной идеей романа выступает концепция исторического круговорота. Россия представлена как пространство, где бесконечно сменяют друг друга две враждебные, но типологически близкие силы: варяги (сила, война, агрессия) и хазары (торговля, хитрость, подкуп). Коренное же население описывается как пассивное, инертное, неспособное к самостоятельному историческому действию. Эта трёхчастная модель позволяет Быкову поставить под сомнение как имперский, так и либеральный дискурсы. Брак между варягами и хазарами возможен, но именно рождение ребёнка от «истинного» русского и представителя оккупантов предвещает эсхатологический прорыв — выход из замкнутого круга истории.

3. Фольклорные элементы и эсхатологический пафос

Быков активно использует сказочные мотивы и образы. Деревни Задруново и Дегунино предстают как сакральные центры русской инертности и патриархальной доброты. Однако эта архаика не идеализируется: она выступает как оборотная сторона неспособности к сопротивлению. Эсхатологическая тональность романа («всё скоро кончится») парадоксальным образом сочетается с ожиданием нового рождения — новой мессии, который разомкнет исторический круг.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что Быков не просто воспроизводит жанровые каноны антиутопии, но и трансформирует их. В отличие от классических текстов (Замятин, Платонов), его антиутопия не локализована в тоталитарном государстве будущего. Она растворена в настоящем и прошлом России. Традиционное для жанра противостояние «личность — система» у Быкова замещается более сложной моделью «инерция — насилие — хитрость», ни один из полюсов которой не предлагает подлинного освобождения. Тем самым автор показывает, что истинная утопия возможна только за пределами этого треугольника — в разрыве исторического цикла.

Заключение

Роман Д. Быкова «ЖД» представляет собой многослойное антиутопическое произведение, в котором жанровые границы расширяются за счёт включения мифологических, фольклорных и историософских элементов. Пространство романа теряет однозначную хронотопическую привязку к будущему, становясь полем столкновения архаики, современности и эсхатологического ожидания. Трёхчастная

модель «варяги — хазары — коренное население» служит средством критического переосмысления российской истории как циклического движения без выхода. Вместе с тем, вопреки пессимистическому тону, Быков оставляет возможность для разрыва круга — через рождение нового человека и новую сакральную историю. Таким образом, антиутопия у Быкова не отрицает утопию как таковую, а указывает на необходимость её подлинного, неискажённого осуществления.

Использованные источники:

1. Быков Д. ЖД. — М.: Вагриус, 2008. — 670 с.
2. Григоровская А.В. Условно-метафорическое пространство в антиутопии
3. Д. Быкова «ЖД»: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2012.
3. Ланин Б. Цит. соч. — С. 386–387.
4. Новохатский Д.В. Роман Д. Быкова «ЖД» в контексте тенденций развития современной русской литературы // Современная филология: проблемы и перспективы. — 2010. — С. 112–118.
5. Тимофеева А.В. Жанровое своеобразие романа-антиутопии в русской литературе 60–80-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук. — М.: МГУ, 1995.
6. Чанцев А. Антиутопия как зеркало (пост)современности // Вопросы литературы. — 2007. — № 4. — С. 45–67.

*Игнашина П. Ю.
студент
Казанский (Приволжский) федеральный
Университет
Россия, г.Казань
Научный руководитель: Гильфанов А.Р., б.с*

ОТ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА К ХЕЛЬСИНКСКОМУ ПРОЦЕССУ: ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ БЕНИЛЮКСА В ЕВРОПЕ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Статья посвящена эволюции роли Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в европейских процессах в период Холодной войны - от создания таможенного союза до активного участия в хельсинкском процессе. Рассматриваются механизмы, с помощью которых малые государства Западной Европы через участие в наднациональных структурах и поддержку многосторонней дипломатии способствовали формированию устойчивой архитектуры европейской безопасности. Особое внимание уделяется роли Бенилюкса в создании Европейских сообществ, развитию политической координации и участию в Совецании по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Ключевые слова: Бенилюкс, европейская интеграция, разрядка, Холодная война, Европейские сообщества, СБСЕ, малые государства.

*Ignashina P. Yu.
student
Kazan (Volga Region) Federal
University
Russia, Kazan
Academic Supervisor: Gilfanov A.R., PhD*

FROM CUSTOMS UNION TO THE HELSINKI PROCESS: THE EVOLUTION OF THE BENELUX ROLE IN EUROPE DURING THE COLD WAR

Annotation: *The article focuses on the evolution of the role of Belgium, the Netherlands, and Luxembourg in European processes during the Cold War, from the creation of a customs union to their active participation in the Helsinki process. It examines the mechanisms through which small Western European states contributed to the formation of a stable European security architecture through their participation in supranational structures and support for multilateral diplomacy. The article highlights the Benelux countries' role in the creation of the*

European Communities, the development of political coordination, and their participation in the Conference on Security and Cooperation in Europe.

Keywords: Benelux, European integration, détente, Cold War, European Communities, CSCE, small states.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли малых государств в условиях биполярного противостояния. В современной науке преобладает внимание к сверхдержавам - США и СССР, тогда как вклад стран "второго эшелона" в формирование европейской архитектуры безопасности остаётся недостаточно изученным. Особенно это касается Бенилюкса - субрегионального объединения, которое прошло путь от узкоэкономического союза до активного участника общеевропейских политических процессов.

Цель данного исследования - выявить эволюцию роли Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в европейских процессах в годы Холодной войны и определить механизмы, позволившие малым государствам усилить своё влияние в условиях биполярности.

Задачи:

1. Проанализировать участие стран Бенилюкс в создании Европейских сообществ в 1950-1960-е гг.
2. Охарактеризовать вклад Бенилюкса в политическую координацию в рамках Европейского политического сотрудничества (ЕПС).
3. Рассмотреть роль трёх стран в хельсинкском процессе и формировании новой европейской архитектуры безопасности.

Материалы и методы исследования:

В работе использован комплекс методов, характерных для историко-политологического анализа международных отношений. Источниковая база. Исследование опирается на три группы источников. Первая - международные договоры и учредительные акты: Парижский договор о создании ЕОУС (1951), Римские договоры об учреждении ЕЭС и Евратома (1957), Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975). Вторая группа - статистические данные о доле внешней торговли стран Бенилюкса с партнёрами по ЕЭС за 1950-1980-е гг. (приведены в работах А.С. Костюченко и в открытых отраслевых обзорах). Третья - научные статьи и монографии российских и зарубежных авторов, опубликованные в рецензируемых журналах (всего 8 источников, в том числе из базы CyberLeninka).

Методы. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию роли Бенилюкса в хронологическом порядке - от таможенного союза 1944 года до хельсинкского процесса 1975 года. Институциональный подход применялся для анализа наднациональных структур (ЕОУС, ЕЭС, ЕПС, СБСЕ) и их доступности для малых государств. С помощью сравнительного анализа сопоставлено влияние Бенилюкса в экономической сфере (где оно

было значительным) и в военно-стратегической (где оно оставалось ограниченным). Контент-анализ научной литературы использован для выявления повторяющихся оценок роли Бенилюкса у разных авторов. Количественный метод задействован при расчёте доли внешнеторгового оборота трёх стран с партнёрами по ЕЭС (на основе данных из источников [5] и отраслевых обзоров).

Результаты оригинального авторского исследования:

Эволюция роли стран Бенилюкса в Европе во время Холодной войны служит наглядным примером того, как малые государства могут использовать институциональные механизмы для усиления своего влияния в условиях биполярного противостояния. Путь от таможенного союза, созданного в 1944 году, до активного участия в Хельсинкском процессе 1975 года отражает последовательный рост политической активности Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. В отличие от военно-стратегической сферы, где доминировали сверхдержавы, интеграционные процессы и дипломатия разрядки предоставляли малым государствам пространство для инициативы через наднациональные механизмы и правовую фиксацию обязательств [4].

Первый этап участия стран Бенилюкса в интеграции пришелся на 1950-е годы, когда были заложены основы послевоенной европейской структуры. Подписание Парижского договора 18 апреля 1951 года, учредившего Европейское сообщество угля и стали (ЕОУС), стало прецедентом передачи части национального суверенитета наднациональному органу. Для Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, которые уже имели опыт субрегиональной координации в рамках Таможенной конвенции 1944 года, этот шаг стал логическим продолжением их собственной интеграционной логики. Как отмечает А.С. Костюченко, "опыт экономического союза Бенилюкс послужил моделью и катализатором для более широких общеевропейских начинаний" [5]. Передача регулирования угольной и сталелитейной промышленности в общую компетенцию не только повышала эффективность производства, но и снижала вероятность возобновления франко-германского конфликта - основного риска для малых государств региона.

Решающим шагом стало подписание Римских договоров 25 марта 1957 г., создавших Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Евратом. Страны Бенилюкс выступили активными сторонниками углубления интеграции, поскольку их экономики, отличавшиеся высокой степенью открытости (доля внешней торговли в ВВП Бельгии и Нидерландов уже к концу 1950-х гг. превышала 60-70 %), были напрямую заинтересованы в ликвидации таможенных барьеров и формировании общего рынка. Уже к началу 1970-х гг. более 60 % внешнеторгового оборота трёх стран приходилось на партнёров по ЕЭС, а к 1980-м гг. эта доля приблизилась к двум третям. Таким образом, экономическая взаимозависимость превратилась в мощный фактор стабилизации: чем выше была степень торговой и производственной координации, тем выше становилась цена возможного конфликта между западноевропейскими государствами.

В 1960-1970-е гг. интеграция приобрела политическое измерение. Создание в 1970 г. механизма Европейского политического сотрудничества (ЕПС) позволило странам-членам ЕЭС на регулярной основе согласовывать внешнеполитические позиции. Бельгия, Нидерланды и Люксембург, обладая ограниченными дипломатическими ресурсами по отдельности, через координацию внутри Бенилюкса и затем в рамках ЕПС получали возможность усиливать свой голос. Как подчёркивает В.В. Толкачев, "субрегиональные объединения в Европейском союзе играют роль "акселераторов" интеграции, позволяя малым государствам вырабатывать общую позицию до выхода на уровень сообщества" [7]. Количество встреч министров иностранных дел и экспертов в рамках ЕПС исчислялось десятками ежегодно, что свидетельствовало о высокой интенсивности взаимодействия. Страны Бенилюкс последовательно выступали за расширение наднациональных полномочий европейских институтов, видя в этом возможность избежать войн и борьбы между странами.

Особое значение для поддержания европейского баланса сил имела активная позиция стран Бенилюкс в процессе разрядки международной напряжённости, кульминацией которой стал хельсинкский процесс. Участие в подготовке и проведении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) позволило малым государствам внести вклад в формирование новой европейской архитектуры. Заключительный акт, подписанный 1 августа 1975 г. в Хельсинки, закрепил три блока обязательств: принципы безопасности (нерушимость границ, отказ от применения силы), экономическое сотрудничество и гуманитарные вопросы, включая права человека. Для Бельгии, Нидерландов и Люксембурга особое значение имела правовая фиксация норм поведения государств, поскольку она снижала уровень неопределённости в международной среде и создавала предсказуемые рамки для взаимодействия между Востоком и Западом. Как отмечает Н.И. Егорова, "малые государства Северо-Западной Европы стали одними из инициаторов включения в хельсинкский процесс гуманитарного измерения, что в долгосрочной перспективе подрывало легитимность однопартийных режимов" [4].

Количественно участие стран Бенилюкс в рамках СБСЕ и последующих встреч (Белград 1977-1978, Мадрид 1980-1983, Вена 1986-1989) было весьма представительным: представители этих государств регулярно участвовали в десятках многосторонних консультаций, рабочих групп и экспертных заседаний. Брюссель и Гаага становились площадками для неформальных дипломатических контактов, что усиливало их значение как центров европейской политической коммуникации. При этом страны Бенилюкс стремились сочетать поддержку разрядки с сохранением атлантической солидарности. В 1979 г., когда НАТО приняло решение о размещении ракет средней дальности в Европе, внутри Нидерландов и Бельгии развернулись масштабные общественные дискуссии и протесты. Однако официальная линия сохраняла приверженность союзническим обязательствам,

одновременно поддерживая переговоры по ограничению вооружений. Такая позиция демонстрировала стремление сохранить баланс между оборонительными и военными мерами и дипломатией.

Важным инструментом стабилизации стала Европейская валютная система (ЕВС), созданная в 1979 г. Страны Бенилюкс активно участвовали в её функционировании, что усиливало макроэкономическую устойчивость региона. Снижение валютных колебаний и координация денежно-кредитной политики способствовали укреплению общего рынка и снижению экономических рисков. Для малых открытых экономик валютная стабильность была критически важна, поскольку резкие колебания обменных курсов могли разрушить экспортные потоки. Участие в ЕВС стало ещё одним примером того, как через институциональную координацию страны Бенилюкс укрепляли структурную связность Западной Европы.

В российской и зарубежной историографии подчёркивается, что вклад стран Бенилюкс в европейскую интеграцию и разрядку носил не силовой, а институционально-правовой характер. О.В. Буторина и Н.Ю. Кавешников отмечают, что "Бенилюкс нередко выступал "локомотивом" интеграции, поддерживая расширение полномочий наднациональных органов и выступая против межправительственного торга". [2]. А.Д. Богатуров рассматривает субрегиональные объединения как элементы, усиливающие плотность взаимозависимостей и тем самым повышающие устойчивость западного блока в целом [1].

Однако необходимо учитывать и объективные пределы влияния стран Бенилюкс. Они не определяли стратегические параметры разрядки между США и СССР и не обладали возможностями прямого воздействия на глобальное ядерное равновесие. Ключевые решения по вопросам ограничения стратегических вооружений (договоры ОСВ-1, ОСВ-2), размещения ракет и военного баланса принимались на уровне сверхдержав. Дипломатическая активность и интеграционные инициативы Бенилюкса функционировали в рамках уже заданной биполярной структуры. Тем не менее, как справедливо замечает В.Я. Швейцер, "большой опыт малых стран" заключался именно в умении использовать институциональные возможности для компенсации недостатка военной и экономической мощи [8]. Их влияние проявлялось постепенно - через углубление интеграции, расширение консультационных механизмов и закрепление принципов сотрудничества в правовых документах.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Эволюция роли Бенилюкса в годы Холодной войны прошла три этапа: экономическая интеграция (1944-1950-е гг.), политическая координация (1960-1970-е гг.) и участие в общеевропейском процессе безопасности (1970-1980-е гг.).

2. Основным механизмом усиления влияния малых государств стало использование наднациональных институтов (ЕОУС, ЕЭС, ЕПС) и правовой фиксации обязательств (Заключительный акт СБСЕ).

3. Страны Бенилюкс не меняли глобальный баланс сил между сверхдержавами, но существенно повлияли на характер европейского пространства, способствуя переводу конкурентных отношений из военно-политической плоскости в сферу договорных обязательств и общих институтов.

4. Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты могут быть использованы при подготовке курсов по истории международных отношений, европейской интеграции, а также в сравнительных исследованиях роли малых государств в современных региональных процессах.

5. Направления дальнейших исследований: сопоставление стратегии Бенилюкса с подходами других субрегиональных объединений (Вишеградская группа, Балтийская ассамблея) в условиях современных кризисов европейской безопасности.

Таким образом, страны Бенилюкс прошли огромный путь от простого таможенного союза до активного участия в Хельсинкском процессе, что демонстрирует последовательную стратегию институциональной активности малых государств. Они выступали сторонниками наднациональности, экономической взаимозависимости и правовой фиксации норм поведения государств. Их деятельность не меняла напрямую глобальный баланс сил между сверхдержавами, однако существенно влияла на характер функционирования европейского пространства, переводя конкурентные отношения из военно-политической плоскости в сферу договорных обязательств и общих институтов. Именно благодаря развитию плотной сети экономических, политических и правовых связей, инициированной в том числе странами Бенилюкс, Западная Европа превратилась в относительно стабильный и предсказуемый регион в условиях биполярного противостояния. Следовательно, их вклад в поддержание европейского равновесия в период Холодной войны 1945-1991 гг. носил структурно-институциональный характер, что и определяет его стратегическое значение для понимания эволюции международных отношений во второй половине XX века.

Использованные источники:

1. Богатуров А. Д., Аверков В. В. История международных отношений: 1945–2008: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 520 с.
2. Буторина О. В., Кавешников Н. Ю. (ред.) Европейская интеграция: учебник. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 736 с.
3. Дрыночкин А. В. Бенилюкс и Вишеградская группа: опыт сопоставления // Международные процессы. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 108–122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/benilyuks-i-vishegradskaya-gruppa-opyt-sopostavleniya> (дата обращения: 07.04.2026).

4. Егорова Н. И. История холодной войны, 1945–1991 гг. : учебник. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – 219 с.
5. Костюченко А. С. Социально-экономическое развитие стран Бенилюкса на разных этапах западноевропейской интеграции // Вестник международных исследований. – 2007. – № 3. – С. 42–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-stran-benilyuks-na-raznyh-etapah-zapadnoevropeyskoy-integratsii> (дата обращения: 07.04.2026).
6. Посаженникова А. А. Стратегии безопасности стран Бенилюкса: между европеизмом и атлантизмом // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68. – № 5. – С. 72–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-bezopasnosti-stran-benilyuksa-mezhdu-evropeizmom-i-atlantizmom> (дата обращения: 07.04.2026).
7. Толкачев В. В. К вопросу о типологизации субрегиональных форм сотрудничества в Европейском союзе и их роли в международных процессах в регионе // Международные отношения и мировая политика. – 2022. – № 4. – С. 105–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologizatsii-subregionalnyh-form-sotrudnichestva-v-evropeyskom-soyuze-i-ih-roliv-mezhdunarodnyh-protsessah-v-regione> (дата обращения: 07.04.2026).
8. Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран // Международные исследования. – 2008. – № 1. – С. 24–32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropa-bolshoy-opyt-malyh-stran> (дата обращения: 07.04.2026).

*Каландаров П.И., доктор технических наук
профессор
Национальный исследовательский университет «ТИИИМСХ»
Мамарасулов Х.К., кандидат технических наук
и.о. доцента
Национальный исследовательский университет «ТИИИМСХ»
Валиев Р.А.
начальник отдела
самостоятельный соискатель
Узбекский национальный институт метрологии
Республика Узбекистан, Ташкент*

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА ЕДИНИЦ ВЛАЖНОСТИ: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВ ДО РАБОЧИХ ПРИБОРОВ

***Аннотация:** В статье исследуются теоретические и практические аспекты обеспечения единства измерений влажности газов. Рассмотрена термодинамическая модель воспроизведения единиц влажности на основе метода двух давлений, лежащего в основе первичных эталонов. Проанализированы механизмы передачи размера единицы от государственного эталона к рабочим средствам измерений через систему вторичных и рабочих эталонов. Представлена математическая модель расчета относительной влажности с учетом коэффициента сжимаемости реального газа. Приводятся сравнительные характеристики методов измерения и графические зависимости, обосновывающие выбор эталонного оборудования для нужд современной гигрометрии в Республике Узбекистан.*

***Ключевые слова:** гигрометрия, первичный эталон, точка росы, прослеживаемость, генератор влажного газа, уравнение состояния, коэффициент сжимаемости.*

*Kalandarov P.I., Doctor of Technical Sciences
Professor
National Research University "TIAME"
Mamarasulov Kh. K., Candidate of Technical Sciences
Acting Associate Professor National Research University "TIAME"
Valiev R.A.
Head of Department
independent applicant
Uzbek National Institute of Metrology, Republic of Uzbekistan, Tashkent*

REPRODUCTION AND TRANSMISSION OF HUMIDITY UNITS: FROM FUNDAMENTALS TO WORKING DEVICES

Abstract: *The article examines the theoretical and practical aspects of ensuring the uniformity of measurements of gas humidity. A thermodynamic model for reproducing humidity units based on the two-pressure method underlying the primary standards is considered. The mechanisms of transferring the unit size from the state standard to working measuring instruments through a system of secondary and working standards are analyzed. A mathematical model for calculating relative humidity is presented, taking into account the compressibility coefficient of a real gas. Comparative characteristics of measurement methods and graphical dependencies are presented, justifying the choice of reference equipment for the needs of modern hygrometry in the Republic of Uzbekistan.*

Keywords: *hygrometry, primary reference, dew point, traceability, wet gas generator, equation of state, compressibility coefficient.*

ВВЕДЕНИЕ

Современная промышленность и фундаментальная наука предъявляют беспрецедентные требования к достоверности определения содержания водяного пара в газовых средах. Влажность, являясь одним из наиболее трудноизмеримых параметров физико-химического состояния вещества, требует многоступенчатой системы метрологического подтверждения. Проблема «разрыва» между фундаментальным определением единицы и показаниями рабочего датчика на объекте решается через создание строгой иерархической лестницы – от первичного эталона до прибора конечного потребителя [1].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Термодинамический метод воспроизведения (Метод двух давлений)

В основу исследования положен метод сорбционного насыщения газа при избыточном давлении с последующим адиабатическим расширением. Данный метод позволяет минимизировать влияние внешних флуктуаций температуры окружающей среды.

Алгоритм исследования процесса насыщения:

1. Газ-носитель (осушенный воздух или азот) подается в сатуратор (насыщатель), заполненный дистиллированной водой или льдом.

2. В сатураторе поддерживается постоянное давление P_s и температура T_s . При этом парциальное давление водяного пара e становится равным давлению насыщенного пара $e_s(T_s)$.

3. Для учета неидеальности газа вводится коэффициент усиления $f(P, T)$, расчет которого базируется на вириальном уравнении состояния.

4. После выхода из сатуратора газ дросселируется до давления в рабочей камере P_t . Относительная влажность рассчитывается по уточненной формуле, интегрирующей параметры обеих камер [5].

Математическая модель воспроизведения единицы

Фундаментом воспроизведения единицы влажности (например, в генераторах «двух давлений») является закон Дальтона и уравнение состояния реального газа. Относительная влажность U в рабочей камере прибора рассчитывается по следующей формуле:

$$U = \frac{f(P_s, T_s) \cdot e_s(T_s)}{P_s} \cdot \frac{P_t}{f(P_t, T_t) \cdot e_s(T_t)} \cdot 100\%$$

Где:

$e_s(T)$ — давление насыщенного пара над плоской поверхностью чистой воды (льда) при температуре T ; P_s , P_t — абсолютное давление в насытителе и рабочей камере соответственно; $f(P, T)$ — коэффициент усиления, учитывающий отклонение свойств влажного воздуха от модели идеального газа [2].

Именно учет коэффициента $f(P, T)$ определяет «научный вес» эталона, так как при высоких давлениях (свыше 1 МПа) погрешность пренебрежения этим фактором может достигать нескольких процентов, что недопустимо для эталонных систем.

Именно расчет неопределенности реализации шкалы точки росы [3] определяет «научный вес» эталона. В условиях Республики Узбекистан, характеризующихся значительными сезонными колебаниями атмосферного давления, учет коэффициента $f(P, T)$ становится критическим при калибровке рабочих приборов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Техническая реализация и иерархия передачи

Процесс передачи единицы (прослеживаемость) в метрологии влажности организован по принципу снижения точности от звена к звену.

Таблица 1

Иерархическая структура парка средств измерений влажности

Уровень	Тип оборудования	Метод измерения	Погрешность
Первичный эталон	Генератор влажного газа (2-Р/2-Т)	Термодинамический синтез	0,05 – 0,1%
Вторичный эталон	Прецизионный гигрометр	Охлаждаемое зеркало (Mirror)	0,1 – 0,3%
Рабочий эталон	Поверочная установка	Сорбционно-емкостной / Кулонометрический	0,5 – 1,5%
Рабочий прибор	Промышленный датчик	Резистивный / Емкостной	2,0 – 5,0%

Важнейшим аспектом при передаче единицы является температурная зависимость давления насыщенного пара.

Для понимания чувствительности эталона к температурным колебаниям необходимо проанализировать поведение давления насыщенного пара. Ниже представлена визуализация этой зависимости: на рисунке показано, как критически возрастает чувствительность системы к температурным флуктуациям.

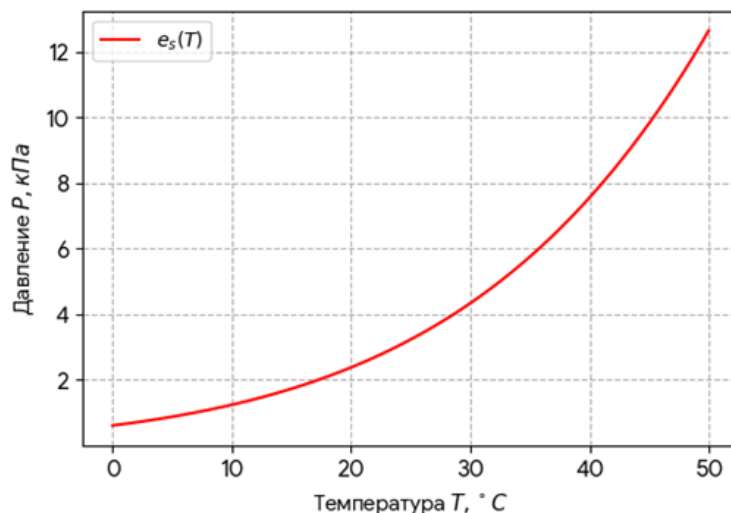

Рисунок 1. Графическая зависимость суммарной неопределенности от уровня влажности

Кривая демонстрирует экспоненциальный характер, что обуславливает необходимость термостатирования камер эталона с точностью до 0,005 °C для минимизации суммарной неопределенности» [4]. Кривая должна иметь U-образную форму, показывая рост погрешности в областях экстремальной сухости <5% и высокой влажности >95%).

Эффекты реального газа и фактор усиления в эталонных системах

В фундаментальной гигрометрии переход от модели идеального газа к реальному является ключевым этапом повышения точности. При воспроизведении единицы влажности методом «двух давлений» в насытителе создается избыточное давление, что ведет к отклонению поведения молекул воды от классических законов Дальтона [1]. Для компенсации этих отклонений в математическую модель вводится коэффициент усиления $f(P, T)$.

Математически зависимость фактора усиления от давления и температуры описывается следующим полиномом:

$$\ln f(P, T) = a \left(1 - \frac{e_w(T)}{P} \right) + \beta \left(\frac{P}{e_w(T)} - 1 \right)$$

где a и β — вириальные коэффициенты, зависящие от парциальных объемов компонентов смеси. Для условий Узбекистана, характеризующихся значительными сезонными колебаниями атмосферного давления и температуры, учет этого фактора становится критическим при калибровке рабочих приборов, эксплуатируемых в различных климатических зонах республики (от высокогорных районов до пустынь Кызылкума).

Эффекты реального газа и фактор усиления

При воспроизведении единицы влажности методом «двух давлений» в насытителе создается избыточное давление, что ведет к отклонению поведения молекул воды от классических законов. Исследования свойств материалов и газовых смесей при высоких давлениях [5, 8] подтверждают необходимость динамической коррекции вириальных коэффициентов. Для повышения быстродействия эталонных систем в последние годы внедряются лазерные методы контроля, такие как TDLAS-гигрометрия [6], позволяющие проводить прямую валидацию содержания влаги в газовом потоке без фазовых переходов.

Алгоритм передачи единицы: от эталона к рабочему сенсору

Процесс передачи размера единицы влажности представляет собой последовательность операций, регламентированных национальными стандартами [9-10]. Основным методом является прямое сличение в термостабилизированной камере. Для подтверждения эквивалентности национальных шкал проводятся международные ключевые сличения в различных температурных диапазонах [7], что гарантирует глобальное единство измерений.

Анализ данной зависимости [1-8] показывает, что наиболее стабильная работа эталонного комплекса наблюдается в диапазоне 20–80% RH. В зонах экстремальных значений вступают в силу адсорбционные эффекты на стенках измерительных магистралей и эффект «замерзания» зеркала конденсационного гигрометра.

Техническая специфика и иерархия метрологической цепи

Для обеспечения единства измерений в масштабах страны разрабатывается иерархическая схема, связывающая первичный эталон с парком рабочих средств измерений (СИ).

Таблица 2

Сравнительный анализ методов передачи единицы влажности

Метод передачи	Тип вторичного эталона	Преимущества	Основной источник неопределенности
Прямое сличение	Конденсационный (Mirror)	Высокая стабильность	Температурный градиент в камере
Сличение по ПГС	Кулонометрический	Работа при низких влажностях	Расход электролита
Динамическое смещение	Сорбционно-емкостной	Высокая скорость поверки	Гистерезис сенсора

Практическая значимость для метрологической службы Узбекистана

Внедрение системы воспроизведения влажности на базе прецизионных генераторов позволит решить проблему прослеживаемости для

метеорологических сетей Узгидромета. Учитывая запыленность и высокую инсоляцию, рабочие датчики часто подвержены дрейфу характеристик. Наличие национального эталона позволит проводить регулярную юстировку парка приборов без необходимости их вывоза за пределы республики, что существенно снижает эксплуатационные затраты и повышает достоверность данных экологического мониторинга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие системы воспроизведения и передачи единиц влажности – от фундаментальных термодинамических основ до конечного рабочего прибора – является непрерывным процессом совершенствования измерительных технологий. Математические модели, учитывающие не идеальность газовых смесей, в сочетании с прецизионной аппаратной базой, формируют надежный фундамент для обеспечения качества продукции и безопасности окружающей среды. Внедрение рассмотренных методов в практику метрологических институтов Республики Узбекистан станет важным шагом к международному признанию результатов измерений и интеграции в глобальную метрологическую инфраструктуру.

Использованные источники:

1. Sonntag D. Important new values of the physical constants of 1986, vapour pressure formulations based on the ITS-90 and psychrometer formulae // *Zeitschrift für Meteorologie*. 1990. Vol. 40. P. 340-344.
2. Greenspan L. Humidity Fixed Points of Binary Saturated Aqueous Solutions // *Journal of Research of the National Bureau of Standards*. 1977. DOI: 10.6028/jres.081a.011
3. Wiederhold P.R. Water Vapor Measurement: Methods and Instrumentation. CRC Press, 1997. DOI: 10.1201/9781420049442
4. Каландаров П.И. Валиев Р.А. Научно-технические основы создания Национального эталона влажности атмосферного воздуха в Республике Узбекистан. Форум молодых ученых №3(115) 2026.
5. Lovell-Smith J. W. et al. Uncertainty in the realization of the dew-point temperature scale // *Metrologia*. 2016. DOI: 10.1088/0026-1394/53/4/1046
6. Buchholz B. et al. Validation of a new TDLAS-based hygrometer // *Appl. Phys. B*. 2014. DOI: 10.1007/s00340-014-5775-4
7. Heinonen J. et al. Key Comparison CCT-K6: Dew-point temperature standards // *Metrologia*. 2018. DOI: 10.1088/0026-1394/55/1A/03001
8. Cezairliyan A. Measurement of Properties of Materials. McGraw-Hill, 1988.
9. ISO 6145-7:2009. Gas analysis — Preparation of calibration gas mixtures using dynamic volumetric methods.
10. РМГ 75-2014. ГСИ. Измерения влажности веществ. Термины и определения.

Канарская К.Е.
студент
Омский государственный технический университет
Россия, Омск

ИНТЕГРАЦИЯ УЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ ГОРОДА ИСПАНИИ, ЭЛЬ-РАВАЛЯ

***Аннотация:** В статье рассматриваются особенности интеграции уличной культуры в туристические маршруты на примере района Эль-Раваль в Барселоне. На основе анализа культурного ландшафта района, типов уличного искусства и современных туристических практик выявлены ключевые механизмы включения элементов городской субкультуры в туристические программы. Исследование демонстрирует, что уличная культура, будучи значимой частью локальной идентичности, может усиливать туристическую привлекательность городской среды, формируя устойчивые социально-культурные и экономические эффекты.*

***Ключевые слова:** уличная культура, граффити, урбанистика, культурный туризм, Эль-Раваль, Барселона, туристические маршруты, городская идентичность.*

Kanarskaya K.E.
student
Omsk State Technical University
Russia, Omsk

INTEGRATING STREET CULTURE INTO TOURIST ROUTES IN THE SPANISH CITY OF EL RAVAL

***Abstract:** This article examines the integration of street culture into tourist routes using the El Raval district of Barcelona as an example. Based on an analysis of the district's cultural landscape, types of street art, and contemporary tourism practices, key mechanisms for incorporating elements of urban subculture into tourism programs are identified. The study demonstrates that street culture, as a significant part of local identity, can enhance the tourist appeal of the urban environment, creating sustainable socio-cultural and economic effects.*

***Keywords:** street culture, graffiti, urban studies, cultural tourism, El Raval, Barcelona, tourist routes, urban identity.*

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия культурный туризм переживает значительную трансформацию, переходя от посещения классических памятников к интересу к локальным практикам, альтернативной культуре и аутентичным городским

пространствам. Среди таких пространств особое место занимает уличная культура, выраженная в граффити, муралах, перформансах, субкультурах и стихийных творческих инициативах.

Район Эль-Раваль в Барселоне — одно из наиболее характерных мест, где уличная культура стала ключевым элементом городской идентичности. Уникальное сочетание поликультурности, арт-среды и социального многообразия создает условия для развития инновационных туристических маршрутов, опирающихся на уличное искусство.

2. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель статьи — проанализировать способы интеграции уличной культуры в туристические маршруты района Эль-Раваль и оценить социально-культурные последствия таких практик.

Задачи:

1. Изучить теоретические подходы к пониманию уличной культуры в контексте городской среды.

2. Охарактеризовать культурное и социальное пространство района Эль-Раваль.

3. Проанализировать существующие туристические маршруты, связанные с уличным искусством.

4. Предложить модели интеграции уличной культуры в туристический продукт.

5. Оценить социальные, культурные и экономические эффекты данной интеграции.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1 Уличная культура как элемент городского культурного пространства.

Уличная культура — это широкий спектр молодёжных творческих, спортивных и социальных направлений, таких как граффити, стрит-арт, хип-хоп, брейк-данс, скейтбординг, паркур и воркаут. Это не только форма самовыражения и протеста, но и стиль жизни, отражающий взгляды и позицию молодого поколения, которое стремится показать свой талант и эмоции через различные виды деятельности на улице.

Уличная культура является одним из ключевых феноменов современной городской среды, отражающим динамику социальных процессов, культурное разнообразие и трансформацию городских идентичностей. Исследователи урбанистики и культурологии рассматривают уличную культуру как важный компонент символического и социального пространства города, формирующий альтернативные модели взаимодействия жителей с публичными пространствами. Уличная культура выполняет важные социальные функции:

Инклюзивность: она выступает площадкой для самовыражения разных социальных и возрастных групп, включая мигрантов, молодежь и субкультурные сообщества.

Диалогичность: взаимодействие жителей с уличными объектами создаёт ощущение участия в культурной жизни города.

Механизм критики и рефлексии: через граффити и визуально-текстовые интервенции выражаются социальные протесты, политические взгляды и коллективные переживания.

Инструмент трансформации пространства: уличное искусство может оживлять депрессивные зоны, способствовать ревитализации кварталов.

Таким образом, уличная культура одновременно является элементом художественного творчества, средством коммуникации и способом социального участия.

Уличная культура приобрела экономическую и социальную значимость, становясь востребованным продуктом в сфере культурного туризма.

3.2 Формирование и особенности уличной культуры.

Формирование уличной культуры как самостоятельного феномена связано с социально-экономическими и культурными процессами, происходившими в городах второй половины XX века. Ключевые предпосылки включают: развитие крупных городов привело к увеличению публичных пространств, где жители могли проявлять свои творческие практики вне институциональной среды; хип-хоп, панк, скейт-культура и городские контркультурные движения стали источниками новых форм самовыражения — граффити, уличной музыки, перформансов; уличное искусство возникало как реакция на социальные неравенства, процессы миграции, культурную фрагментацию городов; улица становится местом, где художники свободно взаимодействуют с аудиторией, а творческие практики — частью городской повседневности.

Уличная культура обладает рядом уникальных характеристик, которые отличают ее от других форм культурного выражения:

Прежде всего, это аутентичность и оригинальность. Возникая "снизу вверх" из повседневной жизни, она часто спонтанна и нефильтррована, что придает ей уникальную подлинность. Высоко ценится индивидуальность и уникальный стиль каждого участника. Ей свойственна исключительная динамичность и изменчивость. Уличная культура находится в постоянной эволюции, поглощая новые веяния, технологии и идеи; то, что было актуально вчера, может преобразиться сегодня. Многие ее проявления, такие как граффити или уличные перформансы, носят эфемерный характер, что придает им особую прелесть и чувство момента. Она отличается доступностью и демократичностью. Улица открыта для всех, независимо от социального статуса, образования или дохода, позволяя каждому стать как создателем, так и потребителем уличной культуры. Неформальность и отсутствие строгих правил делают ее инклюзивной и привлекательной. Уличная культура чрезвычайно визуально и сенсорно насыщена. Она проявляется в разнообразных формах, таких как стрит-арт (графффити, муралы, стикеры), уличная музыка, танцы (хип-хоп, брейк-данс), уличная мода, скейтбординг, паркур и уличный театр. Ее воздействие

охватывает все чувства: это не только то, что видно, но и то, что слышно, ощущается и даже пробуются на вкус, как в случае с уличной едой. Одной из центральных особенностей является формирование сообщества и чувства принадлежности. Уличная культура объединяет людей, разделяющих общие интересы, ценности или образ жизни, создавая чувство общности и способствуя самоорганизации. Неотъемлемым элементом является сопротивление и критика. Многие ее формы исторически были контркультурными, выражая несогласие с господствующими нормами или политикой, и часто используются для социального и политического комментария, особенно в стрит-арте. Также характерна территориальность, так как уличная культура тесно связана с конкретными местами, районами или даже отдельными стенами, которые становятся знаковыми для определенных субкультур. Граффити-теги или стикеры служат своеобразными территориальными маркерами. Наконец, уличная культура обладает высокой степенью гибридности и смешения. Благодаря глобализации и миграции она легко абсорбирует и смешивает элементы из разных культур, порождая уникальные гибридные формы, которые отражают мультикультурное лицо современных городов. В своей совокупности уличная культура представляет собой пульсирующий нерв города — постоянно меняющийся, вдохновляющий и выражающий коллективную и индивидуальную идентичность его жителей, являясь важнейшим зеркалом городской жизни.

3.3 Эль-Раваль: культурный и социальный контекст.

Эль-Раваль — бывший промышленный район, исторически связанный с рабочими кварталами, мигрантами и маргинальными группами. До конца XX века он имел репутацию опасного пространства, но культурная политика города изменила его облик.

Сегодня Эль-Раваль — один из самых мультикультурных районов Барселоны: здесь проживают выходцы из Пакистана, Индии, стран Магриба, Филиппин и Латинской Америки. Район Эль-Раваль в Барселоне, исторически отличающийся своей многоликостью и динамичной социальной тканью, стал домом для ряда значимых культурных институтов, которые не только формируют его облик, но и служат важными центрами притяжения для города в целом. Эти учреждения, многие из которых расположены в непосредственной близости друг от друга, создают уникальный культурный кластер, контрастирующий с бурлящей уличной жизнью района. Центральное место в этом культурном ландшафте занимают Музей современного искусства Барселоны (МАСВА) и примыкающий к нему Центр современной культуры Барселоны (СССВ). МАСВА, с его узнаваемой архитектурой Ричарда Мейера, является флагманом современного искусства, представляя коллекции и выставки, отражающие актуальные тенденции в искусстве последних десятилетий. СССРВ же выступает как мультидисциплинарный центр, исследующий современную городскую культуру, общественные дебаты и новые формы творчества через выставки, дебаты, фестивали и образовательные программы. Эти два учреждения не просто соседствуют, но

и часто сотрудничают, создавая синергетический эффект, который делает площадь Ангелов, где они расположены, эпицентром интеллектуальной и художественной жизни.

Неподалеку находится Фильмотека Каталонии (Filmoteca de Catalunya), представляющая собой важнейший центр кинокультуры. Здесь хранятся и демонстрируются архивы мирового и каталонского кинематографа, проходят ретроспективы, фестивали и образовательные мероприятия, делая киноискусство доступным для широкой публики и поддерживая кинематографическое наследие.

В историческом здании бывшего госпиталя Санта-Креу располагается Библиотека Каталонии (Biblioteca de Catalunya). Хотя ее главный вход выходит на улицу Карме, она неотъемлемо связана с Равалем, являясь хранилищем знаний и культурного наследия региона, предлагая доступ к обширным коллекциям книг, рукописей и документов.

Помимо этих крупных объектов, в Эль-Равале активно развиваются многочисленные небольшие галереи, альтернативные культурные пространства, художественные студии и общественные центры, которые органично вплетаются в повседневную жизнь района. Эти низовые инициативы и локальные учреждения зачастую становятся платформой для молодых художников, местом для экспериментального творчества и точкой соприкосновения различных сообществ, подчеркивая динамичный, живой и инклюзивный характер культуры Равалья.

3.4 Уличная культура Эль-Равалья.

Уличная культура Эль-Равалья в Барселоне – это пульсирующее сердце района, где каждый уголок, звук и аромат рассказывают свою историю, создавая неповторимую атмосферу живого, многоликого и постоянно меняющегося городского пространства. Здесь уличные проявления искусства, кулинарии и музыки не просто дополняют городскую среду, но и являются ее определяющей чертой, отражая богатую историю миграции, социальную динамику и творческий дух сообщества.

Граффити и Стрит-арт в Эль-Равале – это не просто декор, а коллективный городской холст, на котором выражается все: от политических заявлений и социальных комментариев до чистого эстетического самовыражения. Стены района, часто потертые и исторические, становятся живыми галереями под открытым небом, где работы известных стрит-артистов соседствуют с быстрыми тегами местных граффитчиков. Здесь можно увидеть все: от масштабных муралов, которые преобразуют целые фасады зданий и становятся ориентирами, до тонких стикеров и трафаретов, скрытых в переулках. Это искусство является динамичным и эфемерным; одни работы исчезают, уступая место новым, что делает каждое посещение района уникальным. Граффити и стрит-арт Равалья – это визитная карточка его бунтарского духа и непрерывного диалога с городской идентичностью. Наиболее известные локации: улицы **Joaquín Costa, Tallers, Hospital;**

площади перед МАСВА; переулки рядом с рынком Бокерия; работы локальных художников: La Ira, El Pez, Miss Van, BToY.

Стрит-фуд в Эль-Равале – это гастрономическое путешествие по всему миру, сосредоточенное на нескольких кварталах. Благодаря своему мультикультурному населению, район предлагает невероятное разнообразие уличной еды, которая искушает ароматами и вкусами самых разных кухонь. От острых латиноамериканских закусок и хрустящих фалафелей с Ближнего Востока до ароматных индийских специй и классических испанских тапас, которые можно приобрести в небольших лавках или у уличных торговцев, Раваль является раем для любителей аутентичной и доступной еды. Это не просто утоление голода, а часть социального опыта: люди едят на ходу, общаются, делятся впечатлениями, создавая вокруг себя живую и непринужденную атмосферу. Запах специй, свежее испеченных лепешек и жареного мяса постоянно витает в воздухе, смешиваясь с другими городскими ароматами.

Уличные музыканты являются неотъемлемой частью звукового ландшафта Эль-Равалья. Практически на каждом углу, в оживленных переулках и на площадях можно услышать мелодии, которые добавляют району его уникальный ритм. От зажигательных ритмов фламенко, доносящихся из баров, до гитаристов, играющих джаз или блюз под открытым небом; от перуанских флейт, чьи звуки разносятся по узким улочкам, до битбоксеров и хип-хоп исполнителей, собирающих вокруг себя толпы зрителей. Эти музыканты не просто развлекают прохожих; они создают фон для повседневной жизни района, становясь его живым саундтреком. Их выступления часто спонтанны, интерактивны и отражают невероятное разнообразие культур, которые сосуществуют в Равале, делая его одним из самых музыкальных и динамичных районов Барселоны.

Все эти элементы – граффити, стрит-фуд и уличные музыканты – переплетаются, формируя уникальную, хаотичную и невероятно притягательную уличную культуру Эль-Равалья. Они делают район не просто местом на карте, а живым организмом, который постоянно меняется, дышит и приглашает каждого погрузиться в его аутентичный, энергичный и мультикультурный мир.

4. ВЫВОДЫ

Уличная культура Эль-Равалья представляет собой сложное, многослойное явление, формирующее уникальную городскую идентичность и выступающее важным инструментом развития культурного туризма. А характерная визуальная среда, культурное разнообразие и социальная динамика района создают благоприятные условия для интеграции уличного искусства в туристические маршруты.

Такая интеграция способствует развитию креативных индустрий, укрепляет связь между жителями и городом, повышает туристическую привлекательность и формирует устойчивый культурный бренд района. При этом успешная интеграция требует careful баланса между культурной

аутентичностью, интересами местного населения и экономическими целями туристических организаций.

Использованные источники:

1. Zukin S. Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 294 p.
2. García M. Cultural Policy and Urban Regeneration in Barcelona // Urban Studies. — 2004. — № 41(8). — P. 1461–1485.
3. Miles M. Urban Avant-Gardes: Art, Architecture and Change. — London: Routledge, 2004. — 256 p.
4. Sharp J., Pollock V., Paddison R. Just Art for a Just City: Public Art and Social Inclusion in Urban Regeneration // Urban Studies. — 2005. — № 42(5–6). — P. 1001–1023.
5. McAuliffe C. Graffiti or Street Art? Negotiating the Moral Geographies of the Creative City // Journal of Urban Affairs. — 2012. — № 34(2). — P. 189–206.
6. Smith N. The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City. — London: Routledge, 1996. — 262 p.
7. MACBA. Official website. — URL: <https://www.macba.cat/en/> (дата обращения: 28.11.2025).
8. CCCB. El Raval siempre estuvo aquí. — URL: <https://www.cccb.org/es/actividades/ficha/el-raval-siempre-estuvo-aqui/> 223108 (дата обращения: 28.11.2025).

*Кобзарь Я. Г.
студент*

*Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
Россия, г. Санкт-Петербург*

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация.** В статье рассматриваются показания свидетеля как самостоятельное средство доказывания в гражданском судопроизводстве. Актуальность темы связана с тем, что при росте значения письменных и электронных доказательств свидетельские показания продолжают использоваться для установления фактов, которые не всегда получают документальное закрепление. Цель исследования состоит в выявлении процессуальных условий, при которых свидетельские показания могут иметь надлежащее доказательственное значение. На основе анализа норм гражданского процессуального законодательства, конституционных гарантий и научных подходов выделены ключевые критерии оценки свидетельских показаний: источник осведомленности, условия восприятия, процессуальная форма получения и согласованность с иными доказательствами. Сделан вывод о том, что свидетельские показания могут быть эффективным инструментом установления обстоятельств дела только при их комплексной проверке и сопоставлении с другими материалами гражданского дела.*

***Ключевые слова:** гражданский процесс, доказывание, свидетель, свидетельские показания, свидетельский иммунитет, допустимость доказательств, оценка доказательств.*

*Kobzar Ya. G.
student*

*Saint Petersburg branch named after V.B. Bobkov
of the Russian Customs Academy,
Russia, Saint Petersburg*

WITNESS TESTIMONY AS A MEANS OF PROOF IN CIVIL PROCEEDINGS

***Abstract.** The article examines witness testimony as an independent means of proof in civil proceedings. The relevance of the topic is determined by the fact that, despite the growing importance of written and electronic evidence, witness testimony is still used to establish facts that are not always documented. The purpose of the research is to identify the procedural conditions under which witness*

testimony may have proper evidentiary value. Based on the analysis of civil procedural legislation, constitutional guarantees and scholarly approaches, the author identifies the main criteria for evaluating witness testimony: the source of knowledge, the conditions of perception, the procedural form of obtaining testimony and its consistency with other evidence. The article concludes that witness testimony can be an effective instrument for establishing the circumstances of a case only when it is comprehensively verified and compared with other case materials.

Keywords: *civil procedure, proof, witness, witness testimony, witness immunity, admissibility of evidence, evaluation of evidence.*

Введение

Доказывание в гражданском судопроизводстве является центральным механизмом установления обстоятельств, от которых зависит правильное разрешение спора. Суд не может ограничиваться предположениями сторон или общей логикой конфликта: юридически значимые факты должны быть подтверждены допустимыми и достоверными средствами доказывания. В этой системе показания свидетеля занимают особое место, поскольку соединяют процессуальную форму получения сведений с личным восприятием конкретного лица.

В современных условиях значение письменных, электронных и вещественных доказательств заметно возросло. Многие отношения фиксируются через договоры, переписку, электронные документы, банковские операции и цифровые следы. Однако это не означает утраты значения свидетельских показаний. В гражданских делах по-прежнему встречаются ситуации, когда обстоятельства фактически имели место, но не были оформлены документально либо требуют пояснения очевидца: например, порядок передачи имущества, фактическое пользование жилым помещением, обстоятельства причинения вреда, содержание устных договоренностей, поведение участников правоотношения до возникновения спора.

Актуальность темы обусловлена двойственной природой свидетельских показаний. С одной стороны, свидетель способен сообщить суду сведения, которые невозможно получить из документов. С другой стороны, такие сведения всегда проходят через память, восприятие и последующее изложение человеком. На содержание показаний могут влиять время, прошедшее с момента события, эмоциональное состояние, личные отношения со сторонами, степень заинтересованности, а также обсуждение обстоятельств дела с другими лицами. Поэтому свидетельские показания требуют не формального принятия, а специальной процессуальной проверки.

Проблема исследования заключается в необходимости определить, при каких условиях свидетельские показания могут рассматриваться как надежное средство установления обстоятельств гражданского дела. Простое наличие свидетеля не гарантирует достоверности сообщаемых им

сведений. Важнее установить, откуда свидетель знает о факте, мог ли он реально воспринимать событие, не нарушен ли порядок получения показаний и подтверждаются ли его слова иными материалами дела.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования показаний свидетеля как средства доказывания в гражданском судопроизводстве. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: раскрыть процессуальную природу свидетельских показаний; определить значение свидетельского иммунитета; выделить критерии оценки достоверности показаний; сформулировать авторский подход к комплексной проверке данного вида доказательств.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Формально-юридический метод использован для анализа положений Конституции Российской Федерации, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих статус свидетеля, обязанность давать показания, пределы свидетельского иммунитета и ответственность за недобросовестное поведение в процессе.

Системный метод позволил рассмотреть свидетельские показания не изолированно, а во взаимосвязи с общими правилами доказывания, принципом свободной оценки доказательств и обязанностью суда исследовать доказательства в совокупности. Такой подход важен потому, что в гражданском процессе доказательственная ценность отдельного источника зависит не только от его содержания, но и от его места в общей доказательственной системе конкретного дела.

Сравнительно-правовой элемент исследования применялся при обращении к научным работам, в которых анализируются российские и зарубежные подходы к свидетельским показаниям. Это позволило показать, что проблема достоверности личных доказательств не является исключительно российской: для разных правопорядков характерен общий поиск баланса между доступностью свидетельских сведений и необходимостью защиты процесса от недостоверной информации.

Также применялся метод анализа и обобщения научной литературы. В рамках исследования сопоставлены положения нормативных актов и выводы авторов, рассматривающих свидетельские показания, свидетельский иммунитет и оценку доказательств. Результатом такого сопоставления стало выделение авторской системы критериев проверки свидетельских показаний: источник осведомленности, условия восприятия фактов, процессуальная форма получения показаний, внутренняя последовательность рассказа и согласованность с иными доказательствами.

Результаты оригинального авторского исследования

1. Процессуальная природа свидетельских показаний

Гражданское процессуальное законодательство исходит из того, что свидетелем может быть лицо, которому известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Из этого следует, что свидетель не является участником спора в материально-правовом смысле и не должен подменять собой сторону процесса. Его назначение состоит не в защите интереса истца или ответчика, а в сообщении суду сведений о фактах, которые он воспринимал непосредственно либо о которых узнал из определенного источника.

Ключевым признаком свидетельских показаний является личный характер источника доказательственной информации. В отличие от письменного доказательства, где содержание зафиксировано в устойчивой форме, показания свидетеля передаются через устное воспроизведение. Именно поэтому законодатель связывает доказательственное значение показаний с возможностью свидетеля указать источник своей осведомленности. Если лицо сообщает сведения, но не может объяснить, откуда они ему известны, такие сведения не должны восприниматься как полноценное доказательство.

В этом проявляется первая важная особенность свидетельских показаний: они имеют значение не сами по себе, а только при наличии проверяемой связи между свидетелем и сообщаемым фактом. Свидетель, который лично наблюдал событие, свидетель, которому факт стал известен со слов участника дела, и свидетель, пересказывающий неопределенные слухи, находятся в разных доказательственных положениях. Суду необходимо не только выслушать их, но и установить качество источника информации.

Вторая особенность состоит в том, что свидетельские показания всегда зависят от условий восприятия. Один и тот же факт может быть воспринят по-разному в зависимости от расстояния, времени суток, продолжительности наблюдения, психологического состояния лица, наличия внешних помех и последующего обсуждения события. Поэтому достоверность свидетельских показаний не может определяться исключительно уверенностью свидетеля в собственных словах. Важнее объективно оценить, имел ли он реальную возможность правильно воспринять обстоятельства.

2. Свидетельский иммунитет как предел обязанности давать показания

Обязанность свидетеля явиться в суд и дать правдивые показания не является абсолютной. Конституционная гарантия, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, задает общий предел использования свидетельских показаний в судопроизводстве. В гражданском процессе эта гарантия получает развитие через нормы о лицах, которые не подлежат допросу по отдельным обстоятельствам, а также через право отдельных лиц отказаться от дачи показаний.

Смысл свидетельского иммунитета заключается не в создании препятствий для правосудия, а в защите более значимых конституционных и профессиональных ценностей. Речь идет о неприкосновенности частной и семейной жизни, сохранении доверительных отношений, охране профессиональной тайны и предотвращении ситуации, при которой лицо фактически принуждается к самоизобличению или к причинению вреда близким родственникам.

При этом свидетельский иммунитет не должен толковаться чрезмерно широко. Если лицо имеет право отказаться от дачи показаний, суд обязан разъяснить ему это право, но само наличие родственных или профессиональных связей не всегда означает невозможность получения любых сведений. В каждом случае необходимо установить, какие именно обстоятельства затрагиваются, подпадают ли они под защиту закона и не используется ли ссылка на иммунитет как способ уклонения от содействия правосудию.

Таким образом, свидетельский иммунитет выполняет балансирующую функцию. Он ограничивает вмешательство суда в защищаемые законом сферы, но одновременно требует точного определения пределов такого ограничения. Для гражданского процесса это особенно важно, поскольку спор между частными лицами не должен разрешаться ценой нарушения базовых гарантий личности.

3. Критерии оценки достоверности свидетельских показаний

Проведенный анализ позволяет выделить несколько критериев, которые должны учитываться при оценке свидетельских показаний. Первый критерий — источник осведомленности. Суду необходимо выяснить, воспринимал ли свидетель обстоятельство лично, узнал ли о нем от конкретного лица либо основывается на предположениях. Показания, построенные на слухах, не способны заменить сведения очевидца и должны оцениваться с особой осторожностью.

Второй критерий — условия восприятия факта. При допросе важно уточнять, где находился свидетель, сколько времени он наблюдал событие, имел ли возможность видеть или слышать происходящее, не было ли обстоятельств, мешающих восприятию. Эти детали нередко имеют большее значение, чем общая фраза свидетеля о том, что он «все видел» или «все помнит».

Третий критерий — внутренняя последовательность показаний. Достоверные показания, как правило, содержат логичное описание событий, объяснимые детали и не противоречат сами себе. Вместе с тем чрезмерно выверенный и одинаковый рассказ нескольких свидетелей также не всегда свидетельствует о достоверности. Он может указывать на предварительное согласование позиции, особенно если свидетели используют одинаковые выражения и одинаково обходят спорные моменты.

Четвертый критерий — согласованность с другими доказательствами. Свидетельские показания должны проверяться во взаимосвязи с письменными материалами, объяснениями сторон, электронными доказательствами, заключениями экспертов и иными сведениями. Если показания полностью расходятся с объективными материалами дела, суд должен мотивированно объяснить, почему он принимает либо отвергает такой источник информации.

Пятый критерий — возможная заинтересованность свидетеля. Российский гражданский процесс не запрещает допрос лиц, которые находятся в личных, трудовых, семейных или иных отношениях со сторонами. Однако наличие такой связи должно учитываться при оценке доказательства. Заинтересованность не делает показания автоматически ложными, но требует более внимательной проверки их содержания и сопоставления с независимыми источниками.

4. Авторская модель комплексной проверки свидетельских показаний

По результатам исследования представляется возможным предложить трехуровневую модель проверки свидетельских показаний в гражданском судопроизводстве. Первый уровень — процессуальная допустимость. На этом этапе суд устанавливает, может ли конкретное лицо быть допрошено в качестве свидетеля, не относится ли оно к числу лиц, не подлежащих допросу по соответствующим обстоятельствам, были ли разъяснены его права и обязанности и соблюден ли установленный порядок допроса.

Второй уровень — фактическая проверяемость сведений. Здесь суд выясняет источник осведомленности, условия восприятия и степень конкретности показаний. Чем подробнее свидетель может объяснить, когда, где и при каких обстоятельствах он получил сведения, тем выше возможность их процессуальной проверки. Напротив, неопределенные формулировки, ссылки на чужие слова и отсутствие конкретных деталей снижают доказательственную ценность показаний.

Третий уровень — системная согласованность с доказательственным материалом. Свидетельские показания должны оцениваться не отдельно от дела, а в совокупности с другими доказательствами. При этом задача суда состоит не в простом подсчете количества свидетелей, подтверждающих позицию стороны, а в качественной оценке каждого сообщения: насколько оно самостоятельно, проверяемо, логично и подтверждается другими источниками.

Практическая ценность данной модели заключается в том, что она позволяет избежать двух крайностей. Первая крайность — недооценка свидетельских показаний только потому, что они являются личным доказательством. Вторая — некритичное принятие показаний как достаточного подтверждения факта без анализа условий их формирования. Более корректным является промежуточный подход, при котором

свидетельские показания сохраняют самостоятельное значение, но проходят обязательную многоступенчатую проверку.

Заключение

Показания свидетеля в гражданском судопроизводстве остаются самостоятельным и практически значимым средством доказывания. Их значение особенно заметно в тех делах, где фактические обстоятельства не получили документального оформления либо требуют пояснения через восприятие очевидцев. При этом личный характер такого доказательства делает его одновременно полезным и уязвимым.

Проведенное исследование показало, что основная проблема свидетельских показаний связана не с самим фактом их использования, а с качеством процессуальной проверки. Для правильной оценки такого доказательства необходимо установить источник осведомленности свидетеля, условия восприятия обстоятельств, возможную заинтересованность, внутреннюю последовательность рассказа и его согласованность с иными доказательствами.

Свидетельский иммунитет выступает важной гарантией личности и не должен рассматриваться как формальное исключение из обязанности содействовать правосудию. Его назначение состоит в защите частной жизни, семейных и профессиональных доверительных отношений, а также в недопущении принуждения лица к свидетельствованию против себя и близких. В то же время пределы иммунитета должны определяться точно, чтобы он не превращался в инструмент злоупотребления процессуальными правами.

Оригинальный результат исследования заключается в выделении трехуровневой модели проверки свидетельских показаний: процессуальная допустимость, фактическая проверяемость и системная согласованность с доказательственным материалом. Такая модель может использоваться при анализе гражданских дел, подготовке правовой позиции сторон и мотивировке судебной оценки доказательств. Она позволяет рассматривать свидетельские показания не как второстепенное или, наоборот, безусловно убедительное доказательство, а как источник сведений, ценность которого зависит от качества его получения, проверки и сопоставления с другими материалами дела.

Таким образом, дальнейшее развитие практики применения свидетельских показаний должно быть связано с более четким раскрытием мотивов их принятия или отклонения в судебных актах. Чем подробнее суд объясняет, почему конкретные показания признаны достоверными или недостоверными, тем выше предсказуемость правоприменения и доверие к результатам гражданского судопроизводства.

Использованные источники

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ //

Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.04.2026).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Пантелеева Н. В. Показания свидетеля как средство доказывания в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). С. 265–267.

5. Крымский Д. И. Свидетельские показания в гражданском процессе России и Германии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008. № 3. С. 76–80.

6. Загузова М. С., Кандакова Ю. А., Кривоноженкова В. И. Институт свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Молодой ученый. 2020. № 52 (342). С. 192–195.

*Лазарева В.Л.
студент
Чекрыгина Т.А., к.э.н.
доцент кафедры
«Учетно–информационные технологии и аудит»
Волгоградский государственный аграрный университет
Волгоград, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ С НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ

***Аннотация:** В статье анализируется вопрос взаимодействия Контрольно-счетной палаты Волгоградской области и ФНС как ключевого элемента системы внешнего государственного финансового контроля. Выделены основные формы сотрудничества данных ведомств. Обосновываются результаты контрольных мероприятий, включая объем выявленных нарушений и эффективность совместных проверок.*

***Ключевые слова:** Контрольно-счетная палата, внешний государственный финансовый контроль, Федеральная налоговая служба, межведомственное взаимодействие, совместные проверки, информационный обмен, нарушения налогового законодательства,*

*Lazareva V.L.
student
Chekrygina T.A., Candidate of Economic Sciences.
associate professor of the department
‘Accounting and Information Technologies and Audit’ Department.
Volgograd State Agrarian University
Volgograd, Russia*

INTERACTION OF THE CONTROL AND ACCOUNTING CHAMBER OF THE VOLGOGRAD REGION WITH TAX BODIES

***Abstract:** The article analyzes the issue of interaction of the Control and Accounting Chamber of the Volgograd region and the Federal Tax Service as a key element of the system of external state financial control. The main forms of agency data collaboration are highlighted. The results of control measures, including the volume of violations identified and the effectiveness of joint inspections, are justified.*

***Keywords:** Audit and Accounting Chamber, External Public Financial Control, Federal Tax Service, Interagency Interaction, Joint Audits, Information Sharing, Violations of Tax Legislation*

Контрольно–счетная палата Волгоградской (КСПВО) относится к органам государственного финансового контроля. В рамках реализации возложенных полномочий палата взаимодействует с широким кругом ведомств, среди которых особое место занимает Федеральная налоговая служба по Волгоградской области. Правовую основу такого взаимодействия составляют Бюджетный кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, а также Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований».

Согласно отчету о деятельности Контрольно-счетной палаты Волгоградской области за 2024 год, в отчетном периоде проведено 39 контрольных и 27 экспертно-аналитических мероприятий. Объектами проверок стали более ста организаций, объем проверенных средств составил 89 млрд рублей. По итогам работы выявлены финансовые нарушения на общую сумму 3,1 млрд рублей, из которых 613,6 млн рублей подлежат возврату в областной бюджет [2].

Наибольшее количество нарушений связано с исчислением и уплатой налоговых платежей. По результатам контрольных мероприятий в Управление Федеральной налоговой службы по Волгоградской области направлено восемь материалов проверок. По итогам их рассмотрения налоговым органом приняты решения о привлечении виновных лиц к административной ответственности.

Сложившаяся практика позволяет заключить, что основной формой взаимодействия между двумя ведомствами выступает информационный обмен сведениями о выявленных нарушениях налогового законодательства. Наряду с этим значимая роль отводится проведению совместных контрольных мероприятий, направленных на проверку правильности расчета налогооблагаемой базы и своевременности перечисления налоговых платежей в региональный бюджет [1].

В 2024 году организовано три совместные проверки с участием специалистов Контрольно-счетной палаты и Управления Федеральной налоговой службы. По итогам этих проверок в областной бюджет дополнительно начислено более 40 млн рублей налоговых платежей [2].

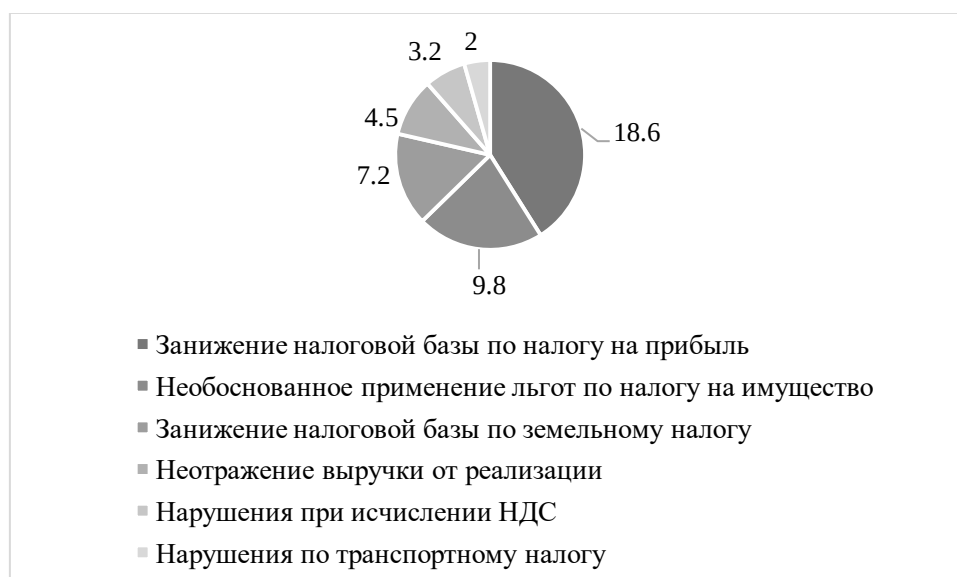

Рисунок 1 - Обоснование дополнительных налоговых начислений в региональный бюджет на основе результатов совместных проверок КСПВО и ФНС в 2024 году.

В рамках информационного взаимодействия в 2024 году проведена сверка данных по значительному числу налогоплательщиков. Выявленные расхождения между показателями бюджетной отчетности главных распорядителей бюджетных средств и сведениями, предоставленными налоговыми органами, обусловлены преимущественно несвоевременным отражением в бухгалтерском учете дебиторской задолженности по налоговым платежам.

Использованные источники:

1. Атабемян А.К., Чекрыгина Т.А. Будущее аудита: переход к непрерывной проверке в реальном времени // Цифровизация экономики как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения: предпосылки, тенденции и перспективы : материалы международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и молодых ученых, Махачкала, 19 ноября 2025 года. – Махачкала : Дагестанский государственный аграрный университет им. М.М. Джамбулатова, 2025. – С. 89–92. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=88860962> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Отчет о работе Контрольно-счетной палаты Волгоградской области в 2024 году // Официальный сайт Контрольно-счетной палаты Волгоградской области. — 2025. — URL: <https://ksp34.ru/activity/annualReports/?ysclid=mng96z61b462870141> (дата обращения: 10.03.2026)

*Лобанова Д. С.
студентка
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск
Научный руководитель:
Джура В. В., кандидат юридических наук,
доцент
кафедра гражданского, административного
и уголовного судопроизводства
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск*

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

***Аннотация:** в данной статье рассматривается возможность применения мер административного принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.*

***Ключевые слова:** иностранные граждане, лица без гражданства, меры административного принуждения, миграция, административная ответственность.*

*Lobanova D. S.
student
East Siberian Branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk
Academic Supervisor: Dzhura V. V., Candidate of Law
associate professor
Department of Civil, Administrative, and Criminal Procedure, East
Siberian Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice
Irkutsk*

ADMINISTRATIVE COERCIVE MEASURES APPLIED TO FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS

***Abstract:** This article examines the possibility of applying administrative enforcement measures against foreign citizens and stateless persons.*

***Keywords:** foreign citizens, stateless persons, administrative enforcement measures, migration, administrative liability.*

Постоянно изменяющиеся миграционные процессы в наше время порождают возникновение новых проблем, связанных с регулированием административных рычагов и процедур в пресечении неблагоприятных миграционных явлений. На основании ч. 1 ст. 2.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица, совершившие на территории Российской Федерации (далее – РФ) административные правонарушения, подлежат административной ответственности на общих основаниях³⁹.

Иностранные граждане и лица без гражданства могут быть привлечены к административной ответственности в случае совершения на территории РФ административных правонарушений. Основные виды административных правонарушений в данной сфере обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ, за совершение которых предусмотрено назначение административного наказания содержатся в главе 18 КоАП РФ⁴⁰.

Прежде чем рассматривать вопросы о мерах принуждения иностранных граждан, необходимо понять, что мы подразумеваем под категорией иностранный гражданин и лицо без гражданства.

Иностранный гражданин – это человек, который не является гражданином РФ, однако является гражданином другой страны⁴¹. Лицо без гражданства в свою очередь характеризуется тем, что человек не является гражданином ни РФ, ни любого другого государства⁴².

Традиционно принято выделять три категории иностранных граждан, находящихся на территории РФ:

1. временно пребывающие в РФ. Ими являются иностранные лица, прибывшие на территорию РФ на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и получившие миграционную карту, но не имеющие вида на жительство или разрешения на временное проживание;

2. временно проживающие в РФ. Данные иностранные лица, получают разрешение на временное проживание на территории РФ. Разрешение подтверждает право иностранного гражданина или лица без гражданства временно проживать в РФ до получения им вида на жительство. Разрешение на временное проживание оформляется в виде отметки в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина или лица без гражданства, либо в виде документа установленной формы, выдаваемого в РФ лицу без гражданства, которое не имеет документа, удостоверяющего его личность;

³⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.

⁴⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.

⁴¹ ДушакOVA Л.А., Завгородняя Л.В. Миграционное право. – М.: РАНХиГС, 2020. – С. 27.

⁴² Харбиева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. – М.: Норма, 2019. – С. 36.

3. Постоянно проживающие в РФ, т.е. иностранные граждане, которые получили вид на жительство. Граждане других государств, имеющие те же права и обязанности, что и граждане России.

Иностранные граждане, виновные в нарушении законодательства РФ привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством РФ. Административная ответственность – это применение мер административного наказания судьями и должностными лицами органов исполнительной власти за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных государством правил, норм и стандартов, предусмотренных административными нормами права⁴³.

Возможность применения мер административного принуждения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства основывается на положениях Конституции РФ, согласно которой права любых лиц могут быть ограничены федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁴⁴.

На основании нормативно-правовых актов, которыми они устанавливаются, меры административного принуждения иностранных граждан условно делят на четыре группы:

1. Доставка, административное задержание, административный штраф, решение об административном выдворении за пределы РФ, обязательные работы (в ряде случаев назначается вместо административного выдворения), помещение иностранного гражданина в специальное учреждение для содержания иностранных граждан, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, закрепленные КоАП РФ⁴⁵.

2. Помещение в такое же специальное учреждение иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, и продление срока его пребывания в порядке, предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ)⁴⁶.

3. Аннулирование документов, разрешающих пребывание (проживание) или осуществление трудовой деятельности в РФ, принятие решения о нежелательности пребывания (проживания) в РФ; решения о неразрешении въезда в РФ, депортация и передача иностранных граждан РФ иностранному государству на основании соглашений о реадмиссии закреплены федеральными законами «О порядке выезда из Российской Федерации и

⁴³ Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 47.

⁴⁴ Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 14.03.2020 г.) // Российская газета. – 1993. - № 237.

⁴⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.

⁴⁶ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.02.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2015. - № 10. – Ст. 1391.

въезда в Российскую Федерацию»⁴⁷, «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁴⁸, «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»⁴⁹.

4. Федеральным законом «О полиции» должностные лица наделены правом применения ряда мер административного принуждения⁵⁰. Это, в частности, проверка документов, удостоверяющих личность иностранных граждан, если имеется повод к возбуждению дела об административном правонарушении; меры по идентификации указанных лиц; их доставление.

В научной литературе ведется дискуссия относительно классификации и наименований мер административного принуждения, применяемых в отношении физических лиц⁵¹. Б.В. Россинский в своих трудах справедливо отмечает трехстадийный характер единой административно-принудительной процедуры привлечения к административной ответственности⁵². Основываясь на классификации автора, Паукова Ю.В. привела следующие меры административного принуждения, применяемые в отношении иностранных граждан в рамках трехстадийной административно-принудительной процедуры привлечения к административной ответственности:

– административно-предупредительные меры: проверка документов иностранных граждан, удостоверяющих личность, если есть повод к возбуждению дела об административном правонарушении, предусмотренная Федеральным законом «О полиции»⁵³;

– меры административного пресечения: административное задержание иностранных граждан, их доставление, предусмотренные статьей 27.1 КоАП⁵⁴;

– меры административной ответственности: административный штраф, административное выдворение, обязательные работы, закрепленные в КоАП⁵⁵.

Таким образом, некоторые меры административного принуждения составляют «конкуренцию» мерам административной ответственности. Так, в

⁴⁷ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 20.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 34. – Ст. 4029.

⁴⁸ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. – Ст. 3032.

⁴⁹ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 01.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 30. – Ст. 3285.

⁵⁰ О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 7. – Ст. 900.

⁵¹ Коренев А.П. Административное право. - М.: МВШМ МВД СССР, 1986. – С. 186.

⁵² Россинский Б.В. Понятие, классификация и природа мер административного принуждения // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2021. - № 11. - С. 3.

⁵³ О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 7. – Ст. 900.

⁵⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.

⁵⁵ Паукова Ю.В. Квазиадминистративная ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства в случае нарушения миграционного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. - № 2. - С. 118.

отношении иностранного гражданина, незаконно находящегося в стране, у должностных лиц есть возможность выбора:

- привлечь к административной ответственности за нарушение части 1.1 статьи 18.8 КоАП РФ, назначив административный штраф с административным выдворением⁵⁶;

- принять решение о неразрешении въезда в РФ в течение периода от 3 до 10 лет в зависимости от срока незаконного пребывания иностранного гражданина (решения могут принимать в отношении лиц, находящихся в стране) с последующей депортацией в случае неисполнения⁵⁷;

- вынести решение о нежелательности пребывания незаконно находящегося в стране иностранного гражданина с бессрочным неразрешением въезда в Российскую Федерацию, с последующей депортацией в случае неисполнения (как правило, решение о нежелательности пребывания выносится, если иностранец ранее неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства)⁵⁸.

Дополнительно следует выделить меры обеспечения исполнения квазиадминистративных наказаний, хронологически следующие после привлечения к квазиадминистративной ответственности⁵⁹. Это помещение и содержание в специальном учреждении иностранных граждан, подлежащих депортации и реадмиссии, доставка их в суд, консульство, медучреждение, до Государственной границы Российской Федерации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что меры административного принуждения разнообразны, активно используются правоохранительными органами и зарекомендовали себя, как действенный способ воздействия на поведение иностранных граждан и лиц без гражданства, приводящие в своем итоге к повышению эффективности миграционного законодательства государства.

Использованные источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята Всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 14.03.2020 г.) // Российская газета. – 1993. - № 237.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 11.02.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2015. - № 10. – Ст. 1391.

⁵⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.

⁵⁷ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 20.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 34. – Ст. 4029.

⁵⁸ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. – Ст. 3032.

⁵⁹ Паукова Ю.В. Квазиадминистративная ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства в случае нарушения миграционного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. - № 2. - С. 120.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 1. – Ст. 1.
4. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 7. – Ст. 900.
5. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 01.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 30. – Ст. 3285.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. – Ст. 3032.
7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 20.01.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 34. – Ст. 4029.
8. Душакова Л.А., Завгородняя Л.В. Миграционное право / Л.А. Душакова, Л.В. Завгородняя. – М.: РАНХиГС, 2020. – 82 с.
9. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты / А.Н. Жеребцов, Е.А. Малышев. – М.: Юстицинформ, 2019. – 252 с.
10. Коренев А.П. Административное право / А.П. Коренев. - М.: МВШМ МВД СССР, 1986. – 486 с.
11. Паукова Ю.В. Квазиадминистративная ответственность иностранных граждан и лиц без гражданства в случае нарушения миграционного законодательства / Ю.В. Паукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2025. - № 2. - С. 118–123.
12. Россинский Б.В. Понятие, классификация и природа мер административного принуждения / Б.В. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2021. - № 11. - С. 3–9.
13. Харбиева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика / Т.Я. Харбиева. – М.: Норма, 2019. – 336 с.

*Мандрыгина Н.В.
студент*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при
ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»*

РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** В статье исследуется роль Совета Безопасности Российской Федерации в координации деятельности органов государственной власти в сфере национальной безопасности. Анализируется правовой статус Совета Безопасности, его институциональная природа и механизмы реализации координационной функции. Рассматриваются основные научные подходы к оценке его места в системе публичной власти, включая институционально-централизованный, функционально-координационный и критический. Выявляются ключевые проблемы реализации координационной функции, связанные с неопределенностью правового статуса решений, ведомственной разобщенностью и преобладанием ситуационного характера взаимодействия. Обосновывается вывод о двойственной природе Совета Безопасности и необходимости дальнейшей институционализации его координационной роли.*

***Ключевые слова:** Совет Безопасности Российской Федерации, национальная безопасность, государственное управление, координация, органы государственной власти, межведомственное взаимодействие, стратегическое управление.*

*Mandrygina N.V.
student*

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"RUSSIAN ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC SERVICE
under the PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION"*

THE ROLE OF THE SECURITY COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN COORDINATING THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AGENCIES

***Abstract.** The article examines the role of the Security Council of the Russian Federation in coordinating the activities of public authorities in the field of national security. The legal status of the Security Council, its institutional nature, and the*

mechanisms for implementing its coordinating function are analyzed. The main academic approaches to assessing its place within the system of public authority are considered, including the institutional-centralized, functional-coordination, and critical approaches. Key problems in the implementation of the coordinating function are identified, including the uncertainty of the legal status of its decisions, departmental fragmentation, and the predominance of situational interaction. The conclusion is substantiated regarding the dual nature of the Security Council and the need for further institutionalization of its coordinating role.

Keywords: Security Council of the Russian Federation, national security, public administration, coordination, public authorities, interagency interaction, strategic management.

Введение. Система обеспечения безопасности представляет собой совокупность взаимосвязанных субъектов, функционирование которых требует согласованности, оперативности и единства управленческих решений. В данной системе Совет Безопасности Российской Федерации занимает особое положение, выступая связующим звеном между различными уровнями публичной власти. Несмотря на формально закрепленный консультативный характер, данный орган фактически выполняет функции стратегического управления и координации, обеспечивая согласование деятельности федеральных и региональных органов государственной власти. В этой связи представляется необходимым комплексный анализ роли Совета Безопасности как координационного института, выявление особенностей его правового статуса, а также оценка эффективности реализуемых им механизмов взаимодействия органов государственной власти.

1. Правовой статус и институциональная природа Совета Безопасности Российской Федерации как координационного органа.

Роль Совета Безопасности Российской Федерации в координации деятельности органов государственной власти раскрывается через анализ его правового статуса, институциональной природы и фактических механизмов воздействия на систему государственного управления. При этом ключевое значение имеет то обстоятельство, что Совет Безопасности, будучи формально совещательным органом, на практике выполняет функции, выходящие за рамки консультативной деятельности.

В соответствии с Федеральным законом «О безопасности» Совет Безопасности определяется как орган, осуществляющий подготовку решений Президента Российской Федерации, а также координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения безопасности⁶⁰. Уже на уровне законодательного закрепления прослеживается двойственная природа данного института: с одной стороны, он не наделен

⁶⁰ Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.04.2026).

самостоятельными властными полномочиями, с другой – выполняет функцию согласования и направления деятельности всей системы публичной власти.

Дополнительную конкретизацию координационной роли Совета Безопасности содержит Положение о нем, утвержденное Указом Президента Российской Федерации. В частности, закрепляется, что Совет Безопасности координирует работу федеральных органов исполнительной власти и органов субъектов Российской Федерации, организует деятельность межведомственных комиссий, а также осуществляет контроль за исполнением принятых решений⁶¹. Таким образом, координация реализуется не только на уровне выработки решений, но и на стадии их исполнения, что придает деятельности Совета Безопасности управленческий характер.

Можно выделить несколько подходов к оценке роли Совета Безопасности в системе координации органов государственной власти.

Первый подход, институционально-централизованный, исходит из того, что Совет Безопасности выступает ключевым координационным центром всей системы обеспечения национальной безопасности. Так, А.Н. Жизневский, С.Н. Ульященко и Е.В. Уточкин прямо указывают на необходимость признания Совета Безопасности «единым и основным центром обеспечения безопасности на всех направлениях»⁶². В рамках данного подхода координация понимается как централизованное управление, обеспечивающее согласованность действий всех органов власти.

Подобная позиция во многом опирается на фактическую роль Президента Российской Федерации, возглавляющего Совет Безопасности. Поскольку именно Президент осуществляет общее руководство государственной политикой в сфере безопасности, Совет Безопасности становится инструментом институционального обеспечения этого руководства. Соответственно, координация приобретает вертикальный характер, выражающийся в доведении стратегических решений до органов исполнительной власти и контроле их реализации.

Второй подход, функционально-координационный, акцентирует внимание не столько на централизующей роли Совета Безопасности, сколько на его функции согласования позиций различных субъектов. В этом контексте Совет Безопасности рассматривается как площадка для межведомственного взаимодействия, обеспечивающая выработку согласованных решений по наиболее значимым вопросам безопасности. Такая интерпретация подтверждается и структурой самого Совета, включающего межведомственные комиссии и научный совет, формируемые по различным направлениям деятельности⁶³.

⁶¹ Указ Президента РФ от 07.03.2020 N 175 (ред. от 27.12.2024) "О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации" (вместе с "Положением о Совете Безопасности Российской Федерации", "Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации") // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347217/ (дата обращения: 02.04.2026).

⁶² Жизневский, А. Н. Роль Совета Безопасности РФ в обеспечении национальной безопасности России и коллективной безопасности на территории СНГ // Молодой ученый. – 2016. – № 28 (132). – С. 648-650.

⁶³ Совет безопасности РФ – М. : Большая российская энциклопедия, 2015. – С. 537–538.

В рамках данного подхода координация понимается как процесс:

- согласования интересов различных органов государственной власти;
- формирования единой позиции по вопросам национальной безопасности;
- устранения противоречий между ведомственными решениями.

Вместе с тем ряд исследователей указывает на ограниченность такого механизма. В частности, А.Д. Копытов и А.А. Суханова отмечают, что юридическая сила решений Совета Безопасности остается недостаточно определенной, поскольку их реализация во многом зависит от последующего оформления в актах Президента или Правительства⁶⁴. Это позволяет говорить о том, что координационная функция Совета Безопасности носит опосредованный характер.

2. Проблемы и ограничения координационной деятельности Совета Безопасности Российской Федерации.

Можно выделить и критический подход. Он связан с оценкой эффективности Совета Безопасности как координационного органа. В рамках данного подхода подчеркивается, что, несмотря на наличие формально закрепленных механизмов координации, их практическая реализация сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, координация часто носит ситуационный характер. Как следует из анализа нормативных положений, значительная часть координационных полномочий реализуется в связи с подготовкой заседаний, оперативных совещаний и реагированием на конкретные угрозы⁶⁵. Это свидетельствует о том, что деятельность Совета Безопасности в значительной степени ориентирована на решение уже возникших проблем, а не на системное управление.

Во-вторых, сохраняется проблема ведомственной разобщенности. Несмотря на наличие межведомственных комиссий, координация не всегда трансформируется в устойчивое взаимодействие между органами власти. В результате решения, выработанные на уровне Совета Безопасности, могут реализовываться различными органами с учетом их собственных приоритетов.

В-третьих, отсутствует единый механизм постоянного информационного обмена. Координация осуществляется преимущественно в рамках заседаний и рабочих совещаний, что ограничивает ее эффективность в условиях динамично изменяющейся обстановки.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении формальных и фактических функций Совета Безопасности. Формально он не является органом государственной власти в классическом понимании, однако

⁶⁴ Копытов А.Д., Суханова А.А. Актуальные вопросы существования и деятельности Совета Безопасности Российской Федерации: состав, основные задачи, юридическая сила принимаемых решений // Меридиан. – Режим доступа: <https://meridian-journal.ru/site/article8c68/?id=1388> (дата обращения: 02.04.2026).

⁶⁵ Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.04.2026).

фактически выполняет функции стратегического управления и координации⁶⁶. Это позволяет говорить о его «надведомственном» характере.

В данном контексте координационная роль Совета Безопасности проявляется в следующих основных формах:

1. Стратегическая координация. Заключается в формировании долгосрочных приоритетов государственной политики в сфере безопасности и согласовании направлений деятельности различных органов власти.

2. Организационная координация. Реализуется через деятельность межведомственных комиссий, рабочих органов и аппарата Совета Безопасности, обеспечивающих взаимодействие между субъектами системы безопасности.

3. Контрольная координация. Связана с мониторингом исполнения решений и оценкой эффективности деятельности органов государственной власти в сфере безопасности.

4. Кризисная координация. Проявляется в условиях возникновения угроз и чрезвычайных ситуаций, когда требуется оперативное согласование действий различных органов власти⁶⁷.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что Совет Безопасности Российской Федерации занимает центральное место в системе координации деятельности органов государственной власти в сфере национальной безопасности. Вместе с тем его координационная функция носит сложный и неоднозначный характер, сочетая элементы стратегического управления, межведомственного согласования и организационного контроля.

С одной стороны, Совет Безопасности обеспечивает интеграцию деятельности различных органов государственной власти и формирование единой государственной политики. С другой стороны, отсутствие четко закрепленных механизмов реализации его решений, зависимость от подзаконного регулирования и преобладание ситуационного характера координации ограничивают его потенциал как полноценного координационного центра.

Вместе с тем сохранение ситуационного характера координации, ведомственной разобщенности и отсутствия устойчивых процедур межведомственного взаимодействия свидетельствует о том, что потенциал Совета Безопасности как координационного центра реализуется не в полной мере. Фактически он выступает скорее инструментом стратегического согласования, нежели полноценным механизмом постоянного управленческого взаимодействия. Представляется, что дальнейшее развитие его координационной роли должно быть связано не только с уточнением правового статуса и повышением юридической определенности принимаемых решений, но и с институционализацией устойчивых форм межведомственного

⁶⁶ Толстых В. В. Совет Безопасности Российской Федерации: правовые основы деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 12 (144). – С. 32–36.

⁶⁷ Крысин Б. В. Полномочия Совета Безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 112–116.

взаимодействия. В противном случае сохраняется риск воспроизводства модели, при которой координация носит преимущественно эпизодический и реактивный характер, что ограничивает эффективность всей системы обеспечения национальной безопасности.

Использованные источники:

1. Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.04.2026).
2. Указ Президента РФ от 07.03.2020 N 175 (ред. от 27.12.2024) "О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации" (вместе с "Положением о Совете Безопасности Российской Федерации", "Положением об аппарате Совета Безопасности Российской Федерации") // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347217/ (дата обращения: 02.04.2026).
3. Жизневский, А. Н. Роль Совета Безопасности РФ в обеспечении национальной безопасности России и коллективной безопасности на территории СНГ // Молодой ученый. – 2016. – № 28 (132). – С. 648-650.
4. Копытов А.Д., Суханова А.А. Актуальные вопросы существования и деятельности Совета Безопасности Российской Федерации: состав, основные задачи, юридическая сила принимаемых решений // Меридиан. – Режим доступа: <https://meridian-journal.ru/site/article8c68/?id=1388> (дата обращения: 02.04.2026).
5. Крысин Б. В. Полномочия Совета Безопасности Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности России // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 112–116.
6. Совет безопасности РФ – М. : Большая российская энциклопедия, 2015. – С. 537–538.
7. Толстых В. В. Совет Безопасности Российской Федерации: правовые основы деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 12 (144). – С. 32–36.

*Момбей-оол А.Б.
магистрант ЭФ, 2 курс ЭУП_414 группа
Научный руководитель: Севек Р.М., к.э.н.
доцент*

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТИВНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ СЦЕНАРНОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются особенности формирования адаптивной стратегии развития малых предпринимательских структур в условиях цифровой трансформации экономики. Анализируются ключевые тенденции, проблемы и вызовы, влияющие на развитие малого бизнеса. Особое внимание уделяется применению сценарного анализа как инструмента стратегического планирования. Предложены рекомендации по формированию адаптивной стратегии, направленной на повышение устойчивости и конкурентоспособности предпринимательских структур.*

***Ключевые слова:** Малое предпринимательство, стратегия развития, адаптивная стратегия, цифровая трансформация, сценарный анализ, конкурентоспособность.*

*Mombey-ool A.B.
master's student
Faculty of Economics, 2nd year, EUP_414 group
Sevek R.M., PhD in Economics
associate professor
Department of Economics and Management
Academic Supervisor: Sevek R.M., PhD in Economics, Associate
Professor
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Tuva State University"*

FORMATION OF AN ADAPTIVE STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS STRUCTURES BASED ON SCENARIO ANALYSIS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

***Abstract:** This article examines the specifics of developing an adaptive strategy for small business development in the context of digital economic transformation. Key trends, problems, and challenges affecting small business development are analyzed. Particular attention is paid to the use of scenario*

analysis as a strategic planning tool. Recommendations for developing an adaptive strategy aimed at increasing the resilience and competitiveness of business entities are offered.

Keywords: *Small business, development strategy, adaptive strategy, digital transformation, scenario analysis, competitiveness.*

Анализ развития малых предпринимательских структур

1. Малое предпринимательство является важнейшим элементом современной экономики, обеспечивающим гибкость рынка, создание рабочих мест и развитие инноваций. В условиях цифровой трансформации возрастает необходимость разработки адаптивных стратегий, способных учитывать быстро меняющиеся условия внешней среды [4].

2. Текущие тенденции. Современное развитие малых предпринимательских структур характеризуется следующими тенденциями [5]:

- активное внедрение цифровых технологий в бизнес-процессы;
- рост электронной коммерции и платформенных решений;
- усиление конкуренции в цифровой среде;
- повышение роли данных в принятии управленческих решений.

3. Проблемы и вызовы. Несмотря на развитие цифровой экономики, малые предприятия сталкиваются с рядом ограничений [1]:

- ограниченность финансовых ресурсов;
- недостаточный уровень цифровой компетентности;
- высокая неопределённость внешней среды;
- усиление конкурентного давления со стороны крупных компаний.

В таблице 1 представлена «Динамика развития малых предпринимательских структур в условиях цифровизации (2023-2025 гг.)» [3].

Таблица 1 - Динамика числа малых предприятий (2023-2025 гг.)

Год	Число предприятий	Рост (%)
2023	1150	-
2024	1320	14,8
2025	1500	13,6

В таблице 2 представлена «Структура использования цифровых технологий в малом бизнесе (%) (2023-2025 гг.)» [3].

Таблица 2 – Использование цифровых технологий (%) (2023-2025 гг.)

Технологии	2023	2024	2025
Электронная коммерция	40	48	55
CRM-системы	30	38	45
Онлайн-маркетинг	36	42	50
Автоматизация процессов	14	18	25

4. Формирование адаптивной стратегии.

В условиях цифровой трансформации особое значение приобретает формирование адаптивной стратегии развития, основанной на гибкости и способности к быстрому реагированию на изменения внешней среды [2].

Одним из эффективных инструментов является сценарный анализ, включающий следующие этапы:

- анализ факторов внешней среды;
- выявление ключевых неопределённостей;
- разработка альтернативных сценариев развития;
- оценка последствий для бизнеса;
- выбор оптимальной стратегии.

На основе сценарного анализа можно выделить следующие сценарии развития:

- Оптимистичный – ускоренное развитие цифровой экономики и рост спроса;
- Базовый – стабильное развитие с умеренными темпами роста;
- Пессимистичный – усиление конкуренции и снижение спроса.

Рекомендации по формированию стратегии.

Для повышения эффективности развития малых предпринимательских структур необходимо [2]:

- внедрение цифровых технологий и автоматизация процессов;
- развитие цифровых компетенций предпринимателей;
- использование сценарного анализа при стратегическом планировании;
- диверсификация направлений деятельности;
- повышение гибкости управленческих решений.

Заключение

Формирование адаптивной стратегии развития малых предпринимательских структур в условиях цифровой трансформации экономики является необходимым условием их устойчивого функционирования. Использование сценарного анализа позволяет учитывать неопределённость внешней среды и разрабатывать эффективные стратегические решения. Реализация предложенных рекомендаций способствует повышению конкурентоспособности и устойчивости малого бизнеса.

Использованные источники:

1. Громова, Н. А. Развитие малого и среднего предпринимательства: проблемы и перспективы / Н. А. Громова // Экономика и управление. — 2022. — № 3. — С. 45–58.
2. Иванов, П. С. Стратегическое управление в условиях цифровой экономики / П. С. Иванов, Т. В. Сидорова // Журнал предпринимательства. — 2023. — Т. 15, № 1. — С. 23–35.
3. Малое и среднее предпринимательство в России [Электронный ресурс] / Росстат. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Смирнов, В. И. Цифровая трансформация бизнеса: вызовы и возможности / В. И. Смирнов // Вестник экономики. — 2023. — № 2. — С. 78–85.

5. Тюрина, Е. А. Развитие предпринимательства в условиях цифровизации / Е. А. Тюрина // Социальные науки. — 2024. — Т. 14, № 4. — С. 99–110.

*Морекаев Е.А.
студент магистратуры
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

***Аннотация:** актуальность исследования обусловлена отождествлением информационной безопасности государства с национальной безопасностью в современных геополитических условиях. В статье анализируется процесс формирования международно-правовой архитектуры обеспечения международной информационной безопасности (МИБ) в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с участием Российской Федерации. Автор рассматривает правовые основы МИБ, включая региональные соглашения и акты «мягкого права», а также выявляют проблемы отсутствия универсального международного договора. Особое внимание уделяется нормам ответственного поведения государств в ИКТ-среде как перспективному механизму снижения глобальных угроз и стабилизации международных отношений.*

***Ключевые слова:** международная информационная безопасность, информационная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, международное право, кибербезопасность, информационно-коммуникационные технологии.*

*Morekaev E.A.
Student, Master's Degree Candidate
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia*

INTERNATIONAL INFORMATION SECURITY AS A SUBJECT OF LEGAL AGREEMENTS WITHIN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION

***Abstract:** the relevance of the study stems from the fact that in modern geopolitics, state information security is becoming virtually synonymous with national security. The article examines the formation of the international legal framework for international information security (IIS) within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) involving the Russian Federation. The author analyzes the legal foundations of IIS, including regional agreements and soft law instruments, while identifying the challenges posed by the absence of a universal international treaty. Special attention is paid to voluntary, non-binding norms of*

responsible state behavior in the ICT environment as a promising mechanism for reducing global threats and stabilizing international relations.

Keywords: *international information security, Shanghai Cooperation Organisation, international law, cybersecurity, information and communication technologies.*

В современном мире информационная безопасность государства фактически становится тождественной понятию национальной безопасности. Выработка консенсуса на уровне мирового сообщества является важным этапом в формировании архитектуры международного права по вопросам обеспечения международной информационной безопасности (далее – МИБ). Этот процесс находится в стадии становления для стран участниц Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). Учитывая угрозы и риски современной геополитики важным для научного анализа представляется исследование взаимодействия государств участников шанхайского соглашения, в состав которых входит и Российская Федерация, по вопросам и проблемам МИБ.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение), а также специальные методы, такие как системный подход, проблемный подход к исследуемому предмету, критический анализ проблем МИБ, научно-правовой и сравнительный анализ международных регламентов в области информационной безопасности стран-участниц ШОС.

В ФЗ «О безопасности» дано определение термина безопасность в качестве функции, как приоритета государства - положение, при котором от внешних и внутренних угроз защищены значимые для жизни интересы человека, общества, а также государства в целом [1]. В данном определении в понятие включены такие компоненты, как государство, общество, субъекты хозяйствования, социальные группы, общности, индивиды. М. А. Гундорова раскрывает содержание безопасности как вида деятельности, сущность которой определяется во время разрешения противоречий между объективной реальностью, содержащей компоненты угроз функционирования субъектов, нуждами субъектов, стремящихся избежать этих угроз, ограничении в ликвидации отрицательных результатов [2].

Легальное определение термина МИБ отсутствует в официальных документах Организации объединенных наций (далее – ООН). Однако это понятие закреплено в ряде региональных соглашений:

Во-первых, это соглашение между правительствами государств членов Шанхайской организации сотрудничества, о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. В нём МИБ определяется как «состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве» [3].

Во-вторых, основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, утверждённые Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 года №213. В них МИБ определяется как такое «...состояние глобального информационного пространства, при котором на основе общепризнанных принципов и норм международного права и на условиях равноправного партнёрства обеспечивается поддержание международного мира, безопасности и стабильности» [4].

Далее, в положениях «Правила поведения в области международной информационной безопасности», которые были представлены Российской Федерацией на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году. В 2018 году свод правил поведения в области информационной безопасности был поддержан в качестве резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [5].

Однако, по мнению некоторых авторов, достичь международного соглашения, как универсального и обязательного документа для стран-участников ООН, в сфере МИБ пока не удалось. Для выработки единых положений международного права в сфере МИБ является невозможность достичь консенсуса по таким вопросам, как запрет использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в военно-политических целях, атрибуция кибератак, трактовка терминов сферы МИБ, определение национальных границ виртуального пространства и другие [6].

Авторы отмечают, что решением проблем глобальной информационной безопасности мировое сообщество занимается как на институциональном (в рамках отдельных международных организаций и структур), так и на конвенциональном (создание общих норм международного права) уровнях. Между тем, как показывает практика, длящийся уже четверть века процесс выработки взаимоприемлемых решений по способам обеспечения ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве пока далек от завершения т.к. «...государства-лидеры технологического развития не стремятся брать на себя обязательства по ограничению собственного господства в инфосфере» [6]. Однако, сам процесс выработки решений по обеспечению МИБ, способных удовлетворить интересы большого числа членов мирового сообщества, безусловно, заслуживает внимания. Его изучение позволяет:

- а) определить позиции договаривающихся сторон;
- б) установить содержание основных представлений о границах МИБ и способах ее обеспечения;
- в) выявить слабые и сильные стороны достигнутых соглашений;
- г) оценить итоги и перспективы договорного процесса.

МИБ как правовое понятие получило начало в российской системе права благодаря осознанию роли цифровизации в экономическом развитии страны и формировании информационного общества, изменение ситуации происходило быстро. В 1998 году была одобрена Концепция государственной информационной политики, включавшая задачи модернизации

информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, развития ИКТ, интеграции в мировое информационное пространство.

В Стратегии национальной безопасности среди национальных интересов указаны развитие безопасного информационного пространства и устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе, а к стратегическим национальным приоритетам отнесены информационная и экономическая безопасность, что включает обеспечение технологического суверенитета, укрепление достигнутых лидирующих позиций и конкурентных преимуществ в сфере ИКТ, развитие радиоэлектронной промышленности, производства информационных технологий и оборудования, необходимых для решения задач в области цифровизации экономики и государственного управления [7].

Правовая основа МИБ в странах участницах ШОС включает ряд официальных документов:

№	Нормативный акт, год принятия	Значение для развития системы МИБ
1	Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества», 2005	впервые был упомянут информационный терроризм, что положило начало сотрудничеству в области информационной безопасности в рамках ШОС.
2	Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности, 2006	первый официальный документ ШОС в области информационной безопасности, который постановил создать группу экспертов по МИБ.
3	Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, 2009	впервые на международно-правовом уровне зафиксировал наличие конкретных угроз в области информационной безопасности, а также определил основные направления, принципы, формы и механизмы сотрудничества в этой сфере
4	Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, 2020 г	Страны выступают за совершенствование механизма и мер по предотвращению межгосударственных конфликтов и преодолению дефицита доверия между государствами. Подчёркивание необходимости достижения баланса между безопасностью и развитием. Страны требуют совместных усилий всех стран для обеспечения равной, справедливой и недискриминационной среды для ведения бизнеса в области новых технологий.
5	План взаимодействия государств-членов ШОС по вопросам обеспечения международной информационной	Включён в «Душанбинскую декларацию двадцатилетия ШОС. План был важен в условиях роста онлайн-активности и нарастания киберугроз. Выработка единых подходов и мер позволяла

	безопасности на 2022-2023 годы, 2021	минимизировать риски и не допустить использования информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях

По мнению Поляковой Т.А. процессы цифровой трансформации обуславливают необходимость «модернизации правовых подходов к урегулированию новых общественных отношений» [8].

А.В. Минбалеов указывает, что в современную цифровую эпоху методы правового регулирования должны быть достаточно гибкими и обеспечивать оперативную выработку системы способов и средств реагирования на новые угрозы и вызовы [9]. Эти выводы особенно значимы для международно-правового регулирования сферы МИБ, где традиционные правовые источники регулирования в виде международных договоров пока недостаточно развиты. В этой ситуации большое значение имеют принятие и реализация иных международных актов в данной сфере, включая политико-декларативные документы и акты «мягкого права».

Одним из таких сводов международных правил выступают добровольные и необязательные нормы ответственного поведения государств в ИКТ-среде. Данные нормы были отражены в докладах Группы правительственных экспертов ООН (ГПЭ) по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности.

В Заключительном докладе ГПЭ от 18 марта 2021 г. A/75/816 государствам было рекомендовано «добровольно анализировать национальные усилия по применению норм, накапливать опыт и передовую практику в части применения норм и обмениваться ими» (п. 30) [10].

Следует обратить внимание, что в 2011 г. Россия, КНР, Таджикистан и Узбекистан представили Генеральной Ассамблее ООН Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности [11]. В 2015 г. был направлен обновленный вариант этого документа. Полагаем, что указанный документ был учтен при подготовке итоговых докладов ГПЭ.

В Докладе ГПЭ сказано: «Добровольные, не имеющие обязательной силы нормы ответственного поведения государств могут уменьшить риски для международного мира, безопасности и стабильности и могут играть важную роль в повышении предсказуемости и уменьшении риска неправильного восприятия, способствуя тем самым предотвращению конфликтов» (п. 24).

При этом нормы не заменяют собой обязательства или права государств по международному праву, а содержат дополнительные указания в отношении того, что представляет собой ответственное поведение государств при использовании ИКТ (п. 25). Вместе с тем эксперты группы обозначают возможность разработки в перспективе дополнительных юридически обязывающих международно-правовых норм.

Также эксперты отметили, что «нормы отражают ожидания и стандарты международного сообщества в отношении поведения государств при использовании ими ИКТ и позволяют международному сообществу оценивать действия государств» (п. 24 Доклада ГПЭ). Таким образом, данные нормы, несмотря на отсутствие обязательной юридической силы, могут рассматриваться в качестве определенных стандартов, позволяющих давать политико-правовую оценку действиям государств в ИКТ-среде.

Система правового обеспечения международной информационной безопасности находится на стадии формирования. Действующие международные договоры в сфере борьбы с преступностью, терроризмом и иными угрозами международной безопасности только частично затрагивают вопросы безопасного использования ИКТ. До настоящего времени отсутствует базовый, универсальный международный договор в области МИБ, хотя имеется положительный опыт разработки подобных документов в рамках региональных организаций с участием России (ОДКБ, ШОС). В связи с этим требуется продвижение российской инициативы по принятию Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности [12].

Параллельно необходимо сосредоточить усилия на развитии международно-правового регулирования МИБ в рамках региональных международных организаций с участием России (СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, Союзное государство), а также на двустороннем уровне.

В условиях отсутствия юридически обязательных международно-правовых актов в области МИБ существенная роль отводится иным механизмам нормативного регулирования, включая документы политического характера и акты «мягкого права». Одними из перспективных источников видятся добровольные и необязательные нормы ответственного поведения государств в ИКТ-среде. Данные нормы еще не получили полноценного юридического закрепления, однако в дальнейшем они могут стать основой для принятия международно-правовых актов. Тем не менее даже сейчас они способны обеспечить снижение угрозы международному миру, безопасности и стабильности.

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1.
2. Гундорова, М. А. Экономическая безопасность: учеб. пособие / М. А. Гундорова; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. – С.5.
3. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/20090616/203974.html>.
4. Указ Президента Российской Федерации от 12.04.2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46614>

5. Международная информационная безопасность. Большая российская энциклопедия. - URL: <https://bigenc.ru/c/mezhdunarodnaia-informatsionnaia-bezopasnost-8cb6ae>
6. Жуковская Н. Ю., Калинина Е. В., Радолин А. М. Формирование правовых основ обеспечения международной информационной безопасности в формате ООН: этапы и результаты // Международное право и международные организации. 2024. №4. С.74-86.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, N 27 (часть II), ст. 5351.
8. Полякова Т.А. Цифровизация и синергия правового обеспечения информационной безопасности // Информационное право. 2019. N 2. С. 4.
9. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований: Моногр. / Под общ. ред. А.Н. Савенкова; Отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 62.
10. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: 75 сессия Генассамблеи ООН URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/068/74/PDF/N2106874.pdf?openElement>.
11. Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 г. на имя Генерального секретаря. A/66/359. URL: https://digitallibrary.un.org/record/710973/files/A_66_359-RU.pdf.
12. Рогачев И.А. Перспективы дальнейшего развития ШОС: некоторые задачи и проблемы / Материалы Третьего заседания Форума ШОС, Китай, г. Пекин, 2008 г. URL: http://mgimo.ru/files/37535/kb-05_shos-Lukin.pdf.

*Низамаддинова З. М.
студентка 1 курса магистратуры по специальности «Экология»
Кочкарова С., доктор философии по биологическим наукам, PhD
кафедра «Экология и почвоведение»
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха*

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ВЫСОХШЕГО ДНА АРАЛЬСКОГО МОРЯ: ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ

Аннотация: В статье рассматривается влияние климатических факторов на формирование и трансформацию растительного покрова высохшего дна Аральского моря. Проанализированы основные природно-климатические условия региона, включая температурный режим, дефицит осадков, засоление и ветровую активность. Оценена динамика формирования растительных сообществ и их адаптационные особенности. Представлен прогноз изменений растительности в условиях продолжающейся аридизации климата. Установлено, что климатические факторы определяют структуру, видовой состав и устойчивость растительного покрова, формируя преимущественно ксерофитные и галофитные сообщества.

Ключевые слова: Аральское море, растительный покров, климатические факторы, аридизация, галофиты, ксерофиты, деградация, прогноз.

*Nizamaddinova Z. M.
first-year master's student majoring in Ecology
Kochkarova S., PhD in Biological Sciences
Department of Ecology and Soil Science
Berdakh Karakalpak State University*

INFLUENCE OF CLIMATIC FACTORS ON THE TRANSFORMATION OF VEGETATION OF THE DRIED BED OF THE ARAL SEA: ASSESSMENT AND FORECAST

Abstract: This article examines the influence of climatic factors on the formation and transformation of the vegetation cover of the dried bed of the Aral Sea. The main natural and climatic conditions of the region are analyzed, including temperature, precipitation deficit, salinity, and wind activity. The dynamics of plant community formation and their adaptive characteristics are assessed. A forecast of vegetation changes under conditions of ongoing climate aridization is presented. It is established that climatic factors determine the structure, species composition, and stability of the vegetation cover, forming predominantly xerophytic and halophytic communities.

Key words: Aral Sea, vegetation cover, climatic factors, aridization, halophytes, xerophytes, degradation, forecast.

Введение

Экологическая катастрофа, связанная с высыханием Аральское море, привела к образованию обширных территорий осушенного дна, характеризующихся экстремальными природно-климатическими условиями. В результате сформировалась новая природная зона — так называемая Аралкумская пустыня, отличающаяся высокой засоленностью почв, дефицитом влаги и интенсивными ветровыми процессами. Эти условия оказывают существенное влияние на процессы формирования растительного покрова.

Климат региона характеризуется высокой континентальностью, резкими температурными колебаниями, низким количеством осадков и усилением процессов аридизации. В таких условиях растительность формируется под воздействием комплекса стрессовых факторов, включая засуху, засоление и дефляцию почв. Несмотря на экстремальные условия, на осушенном дне Аральского моря наблюдается постепенное формирование растительного покрова, представленного преимущественно устойчивыми к неблагоприятным условиям видами.

Изучение динамики растительности в данном регионе имеет важное значение для оценки экологического состояния территории, предотвращения процессов пылеобразования и разработки мероприятий по биологической рекультивации.

Целью исследования является оценка влияния климатических факторов на трансформацию растительного покрова высохшего дна Аральского моря и прогноз его дальнейшего развития.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили методы анализа и обобщения научных данных, а также элементы сравнительного и системного подходов. В работе использованы результаты полевых наблюдений, данные экологического мониторинга и литературные источники, посвящённые растительности Приаралья. Оценка влияния климатических факторов проводилась с учётом следующих показателей: среднегодовая и сезонная температура воздуха, количество атмосферных осадков, уровень засоления почв, а также частота и интенсивность ветровых процессов. Для анализа динамики растительного покрова использован сравнительный метод, позволяющий выявить изменения видового состава и структуры растительных сообществ во времени. Прогнозирование осуществлялось на основе тенденций климатических изменений и адаптационных возможностей растений.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показали, что формирование растительного покрова на высохшем дне Аральского моря происходит в условиях

сильного климатического стресса. Основными лимитирующими факторами являются дефицит влаги, высокая температура, засоленность почв и ветровая эрозия.

На начальных этапах освоения осушенных территорий доминируют галофитные растения, такие как солянки и сарсазан, обладающие высокой устойчивостью к солевому стрессу. По мере стабилизации почвенного покрова происходит постепенное увеличение видового разнообразия и формирование более сложных растительных сообществ, включающих кустарниковые и полукустарниковые формы.

Установлено, что температурный режим оказывает существенное влияние на вегетационный период растений, тогда как количество осадков определяет плотность и продуктивность растительного покрова. Ветровые процессы способствуют распространению семян, но одновременно усиливают деградацию почв и затрудняют закрепление растительности.

В целом, растительный покров характеризуется мозаичностью и низкой степенью устойчивости, что обусловлено нестабильностью климатических условий. Полученные результаты подтверждают, что климатические факторы играют ключевую роль в трансформации растительности высохшего дна Аральского моря. Аридизация климата усиливает процессы деградации экосистем и ограничивает возможности естественного восстановления растительного покрова.

В то же время адаптационные особенности галофитных и ксерофитных растений позволяют им успешно колонизировать экстремальные территории, формируя первичные растительные сообщества. Эти сообщества выполняют важную экологическую функцию, способствуя закреплению почв и снижению интенсивности пылевых бурь. В условиях продолжающихся климатических изменений необходима разработка мероприятий по искусственному озеленению и биологической рекультивации осушенных территорий. Использование устойчивых видов растений может значительно ускорить процессы восстановления экосистем.

Заключение

Таким образом, трансформация растительного покрова высохшего дна Аральского моря определяется комплексным воздействием климатических факторов, включая высокие температуры, дефицит осадков, засоление и ветровую активность. Эти условия способствуют формированию специфических растительных сообществ, представленных преимущественно галофитами и ксерофитами. Прогноз показывает, что при сохранении тенденций аридизации растительный покров будет развиваться медленно, оставаясь разреженным и малопродуктивным. В то же время целенаправленные меры по озеленению и управлению экосистемами могут повысить устойчивость территории и снизить негативные экологические последствия.

Использованные источники:

1. Духовный В. А. Мониторинг осушенного дна Аральского моря / Под редакцией д.т.н., проф. В. А. Духовного, д.б.н. Г. В. Стулиной, д.б.н. Ш. М. Кенжабаева. — Ташкент, 2020. — 254 с.
2. Камалов Б. А. Усыхание Арала: причина, последствия, восстановление: монография. — Наманган: «Водий Медиа», 2021. — 96 с. — ISBN 978-9943-6615-0-9.
3. Кочкарова С. А. Анализ направленности сукцессионных процессов растительного покрова на обсохшем дне Аральского моря // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). — 2019. — № 8 (65). — С. 17–19.
4. Новикова Н. М. Эколого-географический аспект Аральского кризиса. Часть 2. Исследование динамики климата и изменений обсохшего дна моря. — 2020. — URL: https://aral.uz/wp/2020/10/21/21_10_2020_1/
5. Сакиев К. З., Мухаметжанова З. Т., Шадетова А. Ж. и др. Основные тенденции изменения климата Приаралья // Гигиена труда и медицинская экология. — 2015. — № 3 (48).

Панкратов Б. А.
студент

Башкирский государственный аграрный университет
Россия, г. Уфа

Ямщикова С. С.
студент

Башкирский государственный аграрный университет
Россия, г. Уфа

Алексеева А. М.
студент

Башкирский государственный аграрный университет
Россия, г. Уфа

ПРИМЕНЕНИЕ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ПРИ ГЕОТЕХНИЧЕСКОМ МОНИТОРИНГЕ

Аннотация: Геотехнический мониторинг одна из важных составляющих факторов в строительной отрасли, строительная сфера, будучи одной из самых энергозатратных и ресурсномыслищих и играет важную роль в воздействии на окружающую среду. Поэтому соблюдение всех экологических норм в строительстве становится необходимостью.

Ключевые слова: Лазерный сканер, лидар, деформация, геотехнический мониторинг.

Panktratov B. A.
student

Bashkir State Agrarian University
Russia, Ufa

Yamshchikova S. S.
student

Bashkir State Agrarian University,
Russia, Ufa

Alekseeva A. M.
student

Bashkir State Agrarian University
Russia, Ufa

APPLICATION OF LASER SCANNING IN GEOTECHNICAL MONITORING

Abstract: Geotechnical monitoring is a key component in the construction industry. Construction, being one of the most energy-intensive and resource-intensive sectors, plays a significant role in environmental impact. Therefore, compliance with all environmental standards in construction is becoming essential.

Keywords: *Laser scanner, lidar, deformation, geotechnical monitoring.*

Геотехнический мониторинг представляет собой комплекс мероприятий по наблюдению и оценке состояния природных и техногенных сооружений с целью предотвращения аварийных ситуаций и обеспечения их долговечности. В современных условиях требования к точности и оперативности получения данных о деформациях грунтовых массивов и строительных конструкций постоянно растут. Это связано с увеличением масштабов инженерных проектов, развитием городских территорий и необходимостью своевременного выявления признаков неустойчивости.

Лазерное сканирование как метод трёхмерного измерения значительно расширяет возможности геотехнического мониторинга, позволяя получать пространственные данные с высокой плотностью и точностью. Технология основана на регистрации отражённого лазерного импульса и вычислении расстояний до объектов в реальном времени, что обеспечивает быстрое формирование облаков точек, отражающих поверхность исследуемого участка. Это делает лазерное сканирование незаменимым инструментом при контроле деформаций, осадок, сдвигов и других изменений в геотехнических условиях.

Для того чтобы получить трёхмерные координаты каждой точки, лазерный луч направляют и перемещают по исследуемой области. В современных системах это достигается благодаря вращению сканирующего механизма, включающего ось и систему подвижных зеркал. Вращение лазера вокруг вертикальной оси позволяет охватывать круговое пространство вокруг прибора, а дополнительные механизмы изменения угла отражения луча обеспечивают охват вертикальной плоскости.

Такие базовые принципы определяют точность и детализацию последующего сбора данных.

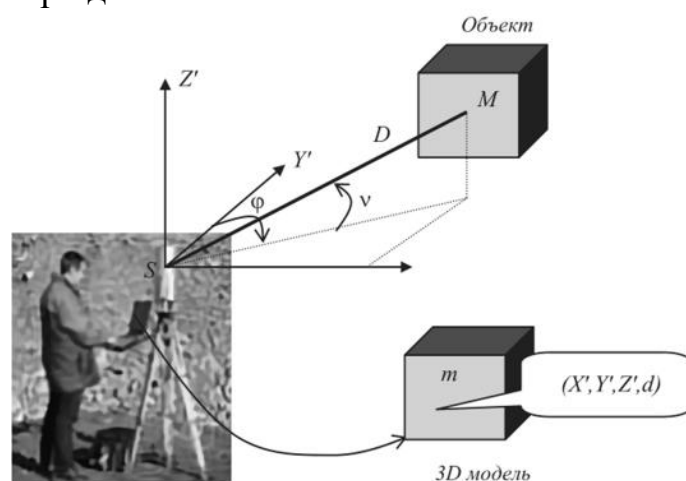

Рисунок 1 — Схема принципа работы трёхмерного лазерного сканирования с пространственным позиционированием и вращением лазерного луча

Для обеспечения высокой точности измерений применяется специализированное оборудование, специально разработанное для трёхмерного лазерного сканирования в условиях геотехнического мониторинга. Основными характеристиками таких приборов являются шаг сканирования, точность определения расстояния, скорость съёмки и функциональные возможности.

Современное оборудование оснащено встроенными системами компенсации наклонов и вибраций, что повышает надёжность и точность данных. Использование оптических и электроника компонент последнего поколения снижает уровень шума в сигнале и увеличивает диапазон допустимых условий съёмки при пасмурной погоде или частичной видимости.

Обработка данных с таких сканеров предусматривает использование специализированного программного обеспечения, способного работать с огромным объёмом информации, находить и корректировать ошибки съёмки, а также выводить результаты в удобных для анализа форматах.

Эти параметры обеспечивают высокое качество данных для последующего анализа.

Рисунок 2 — Современное оборудование для лазерного сканирования с техническими параметрами и интерфейсом управления

Наиболее распространённые платформы, используемые в геотехническом анализе, включают Cyclone, CloudCompare, Geomagic Control и специализированные модули в GOCAD и Bentley Systems. Эти программы обеспечивают полный цикл обработки — от первичной фильтрации до создания отчётов и экспортирования результатов в форматы, совместимые с геоинформационными системами и инженерными расчетами.

Важной задачей является автоматизация процесса обновления моделей при повторных измерениях, что достигается созданием баз данных и использованием облачного хранения. Это обеспечивает

неизменность истории изменений и позволяет проводить сравнительный анализ с минимальными временными затратами.

Такая обработка позволяет выявлять критические изменения в инфраструктуре.

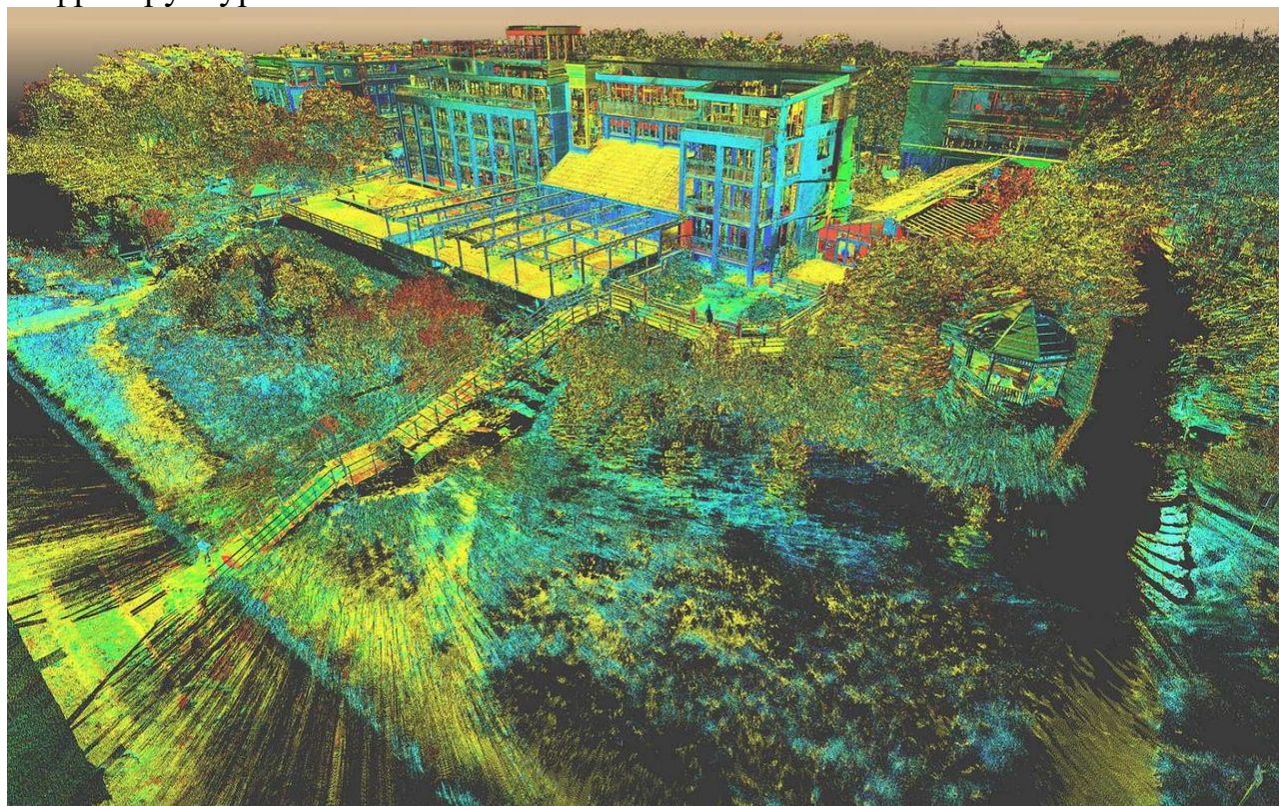

Рисунок 3 — Примеры оборудования и результатов трёхмерного лазерного сканирования в геотехнике для анализа состояния инженерных сооружений

Перспективы развития лазерного сканирования связаны с внедрением искусственного интеллекта и машинного обучения, что облегчит автоматизацию анализа и повысит оперативность определения опасных изменений. Новые типы датчиков и гибридные системы дистанционного зондирования расширят функциональные возможности, а облачные решения улучшат обмен и обработку данных в распределённых командах. Эти направления позволят сделать геотехнический мониторинг более масштабируемым и эффективным.

Таким образом, технология трёхмерного лазерного сканирования представляет собой мощный инструмент для современного геотехнического мониторинга, обеспечивая точность, скорость и комплексность анализа. Реализация интегрированного подхода и дальнейшее технологическое развитие позволят повысить безопасность и устойчивость инженерных сооружений, а также значительно оптимизировать процессы технического наблюдения и принятия решений в области геотехники.

Использованные источники:

1. Иванов В.П., Петров А.С. Лазерное сканирование в геотехническом мониторинге // Геотехнический журнал. – 2018. – № 3. – С. 25–33.
2. Сидоров М.Н. Использование 3D-лидара для оценки деформаций грунта // Строительная механика. – 2019. – Т. 54, № 2. – С. 45–51.
3. Кузнецова Е.А. Современные методы мониторинга оползневых процессов с применением лазерного сканирования // Геология и экология. – 2020. – № 6. – С. 12–19.

Петрова А.А.
специалист
ВСФ ФГБОУВО Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия
Джура В. В., кандидат юридических наук
заведующий кафедрой гражданского, административного и
уголовного судопроизводства ВСФ ФГБОУВО Российского
государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия

ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ института апелляционного производства в российском гражданском процессе. Исследуются исторические этапы становления апелляции в Российской Федерации, рассматривается ее правовая природа и сущность как ординарного способа пересмотра судебных актов. Особое внимание уделено процессуальным новеллам 2025-2026 годов, в частности переходу полномочий по возбуждению апелляционного производства к судам второй инстанции.

В статье классифицируются виды апелляции, анализируются пределы рассмотрения дел и специфика доказательственной деятельности в суде апелляционной инстанции. На основе изучения судебной практики и актуальных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации выявляются критерии разграничения безусловных и условных процессуальных нарушений, а также исследуются полномочия суда по принятию новых решений. Отмечается необходимость дальнейшей оптимизации апелляционного производства через расширение принципа процессуальной экономии и укрепление компенсаторной функции полной апелляции.

Ключевые слова: гражданский процесс, апелляционное производство, судебная защита, пересмотр судебных постановлений, полная апелляция, неполная апелляция, судебная ошибка, процессуальные нарушения, принятие нового решения, подготовка дела, диспозитивность, доказательства в апелляции, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

Petrova A.A.
specialist
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk, Russia
Dzhura V. V., Candidate of Law
Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice of
the All-Russian

PROCEEDINGS IN THE COURT OF APPEAL

Annotation: *the article provides a comprehensive analysis of the institution of appeal proceedings in the Russian civil process. It examines the historical stages of the development of appeal proceedings in the Russian Federation, as well as its legal nature and essence as an ordinary method of reviewing court decisions. Special attention is given to the procedural novelties of 2025-2026, particularly the transfer of authority to initiate appeal proceedings to the courts of second instance.*

The article classifies the types of appeal, analyzes the limits of case consideration, and examines the specifics of evidence in the court of appeal. Based on the study of judicial practice and current clarifications by the Supreme Court of the Russian Federation, the criteria for distinguishing between unconditional and conditional procedural violations are identified, and the court's authority to make new decisions is examined. The need for further optimization of the appellate procedure is noted through the expansion of the principle of procedural economy and the strengthening of the compensatory function.

Key words: *Civil process, appellate proceedings, judicial protection, review of judicial decrees, full appeal, incomplete appeal, judicial error, procedural violations, adoption of a new decision, case preparation, dispositivity, evidence in appeal, The Civil Procedure Code of the Russian Federation.*

История становления пересмотра судебных решений в России берет начало с конца XV – начала XVI вв. (Судебники 1497 и 1550 гг.), когда при признании решения несправедливым вышестоящая инстанция могла назначить новое рассмотрение – «дать суд с головы». Термин «апелляция» закрепился в XVIII в. при Петре I и Екатерине II, заимствовав западноевропейские правовые модели.

Наиболее значимой вехой стала Судебная реформа 1864 г., закрепившая принцип «двух инстанций», где апелляция предполагала «перевершение» – вторичное рассмотрение дела по существу. После 1917 г. апелляция была упразднена как «буржуазный институт», замедляющий судопроизводство, и заменена советской кассацией, просуществовавшей до 2012 г. Современный этап развития начался в 2000-х гг. с введения апелляции для мировых судей и завершился в 2012 г. созданием единой апелляционной системы для всех судов общей юрисдикции [7, с. 110].

В действующей модели гражданского процесса апелляция выступает ординарным способом обжалования, применяемым без специальных исключительных условий (в отличие от экстраординарных форм контроля). Апелляционное производство возбуждается по жалобе лиц, участвующих в деле, или лиц, чьи права и обязанности затронуты судебным решением, а

также – в предусмотренных законом случаях – по представлению прокурора.

Содержательно апелляционное производство представляет собой деятельность суда второй инстанции по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений (и отдельных судебных определений), сопровождаемую в необходимых случаях повторным установлением фактических обстоятельств, исследованием доказательств и принятием итогового судебного акта.

Характерной чертой апелляции является то, что она предполагает не только юридическую, но и фактическую проверку судебного решения. В апелляционной инстанции суд способен исследовать доказательства непосредственно, допускать новые доказательства при наличии уважительных причин непредставления в первой инстанции, а также по общему правилу рассматривать дело по существу. Эти элементы отличают апелляцию от моделей, где проверка ограничивается правовыми основаниями.

В правоприменительной практике принято выделять два режима апелляции:

- неполная апелляция, когда проверка происходит в основном в рамках процесса первой инстанции, а представление новых доказательств ограничено;

- полная апелляция, когда при установлении фундаментальных нарушений базовых правил судопроизводства апелляционная инстанция фактически переходит к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции.

В действующем регулировании апелляция в целом имеет смешанный характер: она начинается как неполная (с проверкой доводов жалобы и ограничениями на новые доказательства), но может трансформироваться в полную апелляцию при выявлении существенных нарушений. При этом переход к полной апелляции, как правило, направлен на создание эффективного механизма исправления ошибок без обязательного возврата дела на новое рассмотрение, если допущенное нарушение может быть устранено апелляционной инстанцией [6, с. 97-98].

Право апелляционного обжалования распространяется на решения суда первой инстанции в не вступившем в законную силу состоянии, а также на часть судебных определений. Допустимость апелляции проявляется через соблюдение процессуальных условий: сроки подачи, надлежащее оформление жалобы, наличие полномочий у заявителя, наличие предмета обжалования, а также наличие оснований, предусмотренных законом. Пределы рассмотрения дела во многом зависят от характера жалобы и доводов сторон, но при этом суд апелляционной инстанции осуществляет проверку в целях законности и справедливости.

С 01.01.2026 г. полномочия по принятию апелляционных жалоб полностью перешли к суду апелляционной инстанции (Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации») [3]. Это исключает ситуацию, когда вопрос

приемлемости жалобы решается тем же судом, который вынес обжалуемое решение.

Суд апелляционной инстанции единолично в 5-дневный срок решает вопрос о принятии жалобы к производству. При наличии недостатков жалоба может быть оставлена без движения (ст. 323 ГПК РФ) или возвращена (ст. 324 ГПК РФ). Важно отметить, что технические ошибки и опiski не могут служить основанием для оставления жалобы без движения.

Рассмотрение дела в апелляции происходит по правилам суда первой инстанции с изъятиями, предусмотренными гл. 39 ГПК РФ. В режиме неполной апелляции не допускается изменение предмета или основания иска, размера требований, предъявление встречного иска и замена ответчика.

Однако принцип диспозитивности сохраняется: стороны вправе заключить мировое соглашение, истец может отказаться от иска, а апеллянт – отозвать жалобу до вынесения определения. В этом случае апелляционная инстанция отменяет решение и прекращает производство по делу.

Суд апелляционной инстанции вправе исследовать дополнительные доказательства, если признает причины их непредставления в первую инстанцию уважительными. К таким причинам относятся:

- необоснованное отклонение ходатайств судом первой инстанции;
- принятие решения об отказе в иске только по причине пропуска срока давности без исследования фактов.

В режиме полной апелляции (при существенных нарушениях) дополнительные доказательства принимаются без ограничений.

Нарушения, допущенные судом первой инстанции, классифицируются на две группы:

1. Безусловные основания для отмены (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ): незаконный состав суда, отсутствие извещения лиц, нарушение тайны совещания, отсутствие протокола, подписи судьи или решение о правах лиц, не привлеченных к делу. При их обнаружении суд переходит к рассмотрению по правилам первой инстанции.

2. Условные основания: неправильное определение обстоятельств дела, недоказанность фактов или несоответствие выводов суда обстоятельствам спора. Они влекут отмену решения, только если привели к неправильному разрешению спора.

Суд апелляционной инстанции наделен полномочием отменить решение полностью или в части и принять по делу новый судебный акт. Это происходит при выявлении ошибок в применении норм материального права (неправильное толкование или применение закона) или существенных процессуальных дефектов.

Направление дела на новое рассмотрение в первую инстанцию по общему правилу не допускается (кроме случаев отмены решения, принятого только по срокам давности или при признании иска, если апелляция признала эти основания незаконными).

Согласно ст. 328 ГПК РФ по результатам рассмотрения апелляционных

жалобы, представления суд апелляционной инстанции вправе:

- оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобу, представление без удовлетворения;
- отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по делу новое решение;
- отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части;
- оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 324 ГПК РФ [2].

Новый судебный акт принимается в ситуациях, когда апелляционная инстанция установила существенные нарушения права или существенные ошибки в установлении обстоятельств дела, которые повлияли или могли повлиять на исход спора.

При принятии нового решения суд обязан:

- оставаться в пределах предмета и оснований иска, которые были предметом рассмотрения в суде первой инстанции, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом;
- учитывать доводы жалобы и возражения сторон;
- проверять доказательства и устанавливать обстоятельства в соответствии с требованиями закона;
- обеспечить правильное применение материального и процессуального права.

Правильность оформления судебного постановления апелляционной инстанции также является существенным гарантийным элементом, поскольку именно мотивировочная часть определяет понятность судебного акта, прозрачность логики принятия решения и обеспечивает возможность последующего обжалования в кассационном порядке.

Апелляционное производство в гражданском процессе выступает важнейшей процессуальной гарантией реализации конституционного права на судебную защиту. Его основное предназначение заключается в исправлении судебных ошибок при пересмотре не вступивших в законную силу судебных постановлений.

В ходе исследования установлено, что развитие апелляционного института в Российской Федерации прошло путь от исторических жалоб в вышестоящие инстанции и форм пересмотра дела по существу к кассационным моделям проверки, а затем – к возрождению полноценной апелляции. Современная конструкция апелляционного пересмотра носит смешанный характер: она сочетает элементы неполной и полной апелляции, что позволяет обеспечить и скорость разрешения спора, и достаточность проверки судебного акта [12, с. 268].

Анализ процессуальных особенностей показал, что эффективность апелляционного производства обеспечивается следующими факторами:

- надлежащей подготовкой дела и обеспечением возможности состязаться сторонам;
- установлением разумных пределов представления новых доказательств;
- правильной квалификацией процессуальных нарушений и выбором соответствующего режима апелляции;
- наличием у суда апелляционной инстанции полномочий принять новое решение по существу, что позволяет устранять судебные ошибки без чрезмерного возврата дела в первую инстанцию.

Также необходимо отметить, что передача полномочий по возбуждению апелляции судам второй инстанции с 2026 года является шагом к повышению независимости процесса пересмотра.

Вместе с тем выявляются и проблемные зоны: неоднородность правоприменительных подходов к определённым вопросам (в частности, при оценке оснований возвращения дела, при оформлении апелляционных судебных актов, при применении ограничений на новые требования), а также необходимость дальнейшей гармонизации правовых механизмов с целью укрепления правовой определённости и повышения доступности правосудия.

Таким образом, апелляционное производство в гражданском процессе обеспечивает существенную охрану прав и законных интересов участников судебного разбирательства, однако требует постоянного совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики.

Использованные источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2025. – № 12. – Ст. 1226.
4. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 // БВС РФ. – 2021. – № 7.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.03.2023 № 18-КАД22-78-К4 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Аллалыев, Р. М. Понятие и виды апелляции в гражданском процессе, ее цели и задачи / Р. М. Аллалыев, Ф. А. Отарова // Вестник Академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. – С. 94-101.
7. Борисова, Е. А. Апелляционное производство: история, теория, практика / Е. А. Борисова // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11, № 5. – С. 107-139.

8. Борисова, Е. А. Повторное рассмотрение дела судом апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве / Е. А. Борисова // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 14-42.
9. Исмаилова, К. А. Развитие и становление апелляционного производства в гражданском процессуальном праве РФ / К. А. Исмаилова // Гуманитарий и социум. – 2021. – № 5. – С. 42-45.
10. Кауфман, И. А. К вопросу о принятии доказательств на стадии апелляции в гражданском процессе / И. А. Кауфман // Студенческий вестник. – 2023. – № 12-3(251). – С. 57-59.
11. Лебедева, М. И. Становление и развитие апелляционного производства в гражданском процессе в России / М. И. Лебедева // Современные научные исследования и инновации. – 2022. – № 11(139). – С. 21-29.
12. Нахова, Е. А. К вопросу о направлениях совершенствования системы пересмотра судебных актов и оснований для их отмены, связанных с требованием обоснованности / Е. А. Нахова, Е. В. Силина // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2(80). – С. 266-282.
13. Чижикова, А. В. Анализ апелляции в гражданском процессе / А. В. Чижикова, Е. Д. Зенцова // Академическая публицистика. – 2021. – № 5. – С. 462-467.
14. Шакирьянов, Р. В. Влияние допущенных судом первой инстанции процессуальных нарушений на режим работы суда апелляционной инстанции / Р. В. Шакирьянов // Вестник гражданского процесса. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 304-314.

Плеханов Т.М.
студент 2 курса
факультет государственного управления
магистратура (дневное отделение)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

**УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ НА ФОНЕ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАМЕЩЕНИЯ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО СЕКТОРА)**

Аннотация: в условиях четвертой промышленной революции и перехода к Индустрии 4.0 фундаментальные изменения претерпевает не только производственная база предприятий, но и сама концепция управления персоналом. Традиционное восприятие работника как исполнителя рутинных операций уступает место стратегическому пониманию человеческого капитала как совокупности знаний, навыков и мотиваций, определяющих конкурентоспособность организации⁶⁸. Особую остроту данная трансформация приобретает в отраслях тяжелой промышленности и металлургии, где замещение ручного труда автоматизированными и роботизированными комплексами происходит наиболее интенсивно. Это порождает дуалистическую задачу: с одной стороны, необходимо высвобождение персонала из опасных и монотонных производственных зон, с другой — формирование принципиально новых компетенций для управления сложными киберфизическими системами.

Ключевые слова: человеческий капитал, управление персоналом, технологическое замещение труда, Индустрия 4.0, цифровая трансформация, металлургический сектор, роботизация производства, цифровые двойники, киберфизические системы, Metallurgical Corporation of China (MCC), поляризация занятости, переобучение персонала, ERP-системы, производительность труда, инвестиции в человеческий капитал, безопасность труда.

Plekhanov T.M.
second-year student
Faculty of Public Administration
Master's degree (full-time)
Lomonosov Moscow State University

⁶⁸ Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.

HUMAN CAPITAL MANAGEMENT IN MODERN CONDITIONS: TRANSFORMATION OF APPROACHES AGAINST THE BACKGROUND OF TECHNOLOGICAL LABOR SUBSTITUTION (ON THE EXAMPLE OF THE METALLURGICAL SECTOR)

Annotation: *In the context of the fourth industrial revolution and the transition to Industry 4.0, fundamental changes are taking place not only in the production base of enterprises, but also in the very concept of personnel management. The traditional perception of an employee as a performer of routine operations is giving way to a strategic understanding of human capital as a set of knowledge, skills and motivations that determine the competitiveness of an organization. This transformation is particularly acute in heavy industry and metallurgy, where the replacement of manual labor with automated and robotic complexes is most intense. This creates a dualistic task: on the one hand, it is necessary to free personnel from dangerous and monotonous production areas, on the other — the formation of fundamentally new competencies for managing complex cyber-physical systems.*

Keywords: *human capital, personnel management, technological labor replacement, Industry 4.0, digital transformation, metallurgical sector, production robotization, digital twins, cyber-physical systems, Metallurgical Corporation of China (MCC), employment polarization, personnel retraining, ERP systems, labor productivity, investments in human capital, labor safety.*

Ярким примером подобной трансформации выступает деятельность Китайской инжиниринговой корпорации по цветной металлургии (Metallurgical Corporation of China Ltd., MCC) — одной из крупнейших государственных строительных и металлургических корпораций мира, аффилированной с China Minmetals⁶⁹. Обладая штатом около 90 000 сотрудников и портфелем из более чем 53 000 действующих патентов, компания на протяжении последних лет реализует стратегию создания «безлюдных заводов» и «цехов без выключения света»⁷⁰. Анализ опыта MCC позволяет выявить ключевые закономерности влияния технологического замещения труда на структуру и качество человеческого капитала, что представляет значительный научно-практический интерес для современных управленческих моделей.

1. Теоретические аспекты управления человеческим капиталом в условиях цифровой трансформации промышленности

Современная теория человеческого капитала рассматривает инвестиции в образование, здоровье и профессиональную мобильность работников как ключевой драйвер экономического роста как на макро-, так

⁶⁹ MCC China. About MCC [Электронный ресурс] // Официальный сайт MCC. – 2025. – URL: www.mcccchina.com:31444/mcc_en/aboutmcc/aboutus/ (дата обращения: 11.04.2026).

⁷⁰ MCC5. Staff-free factory concept implementation [Электронный ресурс] // MCC5 Official News. – 2024. – URL: <http://mcc5.com.cn/en/public/show/34448.html> (дата обращения: 11.04.2026).

и на микроуровне⁷¹. В индустриальном контексте человеческий капитал включает не только формальную квалификацию, но и неявное знание (tacit knowledge), накопленный опыт решения нестандартных задач и способность к адаптации в условиях быстро меняющейся технологической среды⁷².

Внедрение сквозных цифровых технологий — промышленного интернета вещей (IIoT), искусственного интеллекта, цифровых двойников — кардинально меняет требования к этому капиталу. Происходит поляризация занятости: сокращается спрос на среднеквалифицированный рутинный труд и возрастает потребность в высококвалифицированных инженерах-разработчиках, аналитиках данных и операторах роботизированных комплексов, а также в низкоквалифицированном персонале для нестандартизируемых вспомогательных операций.⁷³ Для металлургических компаний, таких как МСС, это означает необходимость перехода от управления «штатным расписанием» к управлению «матрицей компетенций» и созданию экосистемы непрерывного обучения.

2. Влияние роботизации и цифровых двойников на развитие человеческого капитала МСС

Стратегия МСС по внедрению концепций «staff-free factory» напрямую связана с управлением рисками человеческого капитала, в первую очередь — сохранением здоровья и жизни персонала. Традиционные металлургические и сварочные производства характеризуются высоким уровнем травматизма и профессиональных заболеваний. Замещение ручного труда на этих участках выступает не столько инструментом экономии фонда оплаты труда, сколько инвестицией в качество человеческого капитала через устранение вредных условий труда⁷⁴.

Практическая реализация данной концепции в МСС привела к перераспределению трудовых ресурсов. При внедрении роботизированных комплексов сварки крупногабаритных металлоконструкций, оснащенных 3D-камерами и системами панорамной визуализации, компания добилась повышения качества швов до 99,2% и роста эффективности на 40%⁷⁵. Однако управленческий эффект для человеческого капитала заключается в том, что сварщики высокой квалификации были выведены из опасной зоны и перепрофилированы в операторов и наладчиков роботизированных ячеек. Это потребовало от компании значительных вложений в программы

⁷¹ Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 76 с.

⁷² Дятлов С.А. Теория человеческого капитала: Учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 2018. — 216 с.

⁷³ Аузан А.А. Цифровая экономика и человеческий капитал // Вопросы экономики. — 2022. — № 4. — С. 5-21.

⁷⁴ Роик В.Д. Управление профессиональными рисками в условиях цифровой экономики // Социально-трудовые исследования. — 2020. — № 2. — С. 72-85.

⁷⁵ China Daily. Robotic welding improves efficiency in Jiangsu plant [Электронный ресурс] // China Daily. — 2025. — URL: https://subsites.chinadaily.com.cn/jiangsu/taizhou/2025-05/27/c_1097742.htm (дата обращения: 11.04.2026).

повышения квалификации и переобучения персонала работе с программным обеспечением промышленных роботов, что является прямым инвестированием в нематериальные активы.

Аналогичным образом создание «цифрового двойника» прокатного стана с применением технологий BIM, 3D и VR/AR позволило увеличить выход годного проката более чем на 5%.⁷⁶ Для инженерно-технического персонала это означало смену парадигмы труда: от физического присутствия на площадке и визуального контроля к удаленному мониторингу и предиктивной аналитике. В результате человеческий капитал предприятия обогатился компетенциями в области промышленного интернета и анализа больших данных, что повышает рыночную стоимость как самих специалистов, так и компании в целом.

3. Роль цифровых платформ управления ресурсами в капитализации человеческого потенциала

Технологическое замещение труда в управленческом контуре также оказывает существенное влияние на эффективность использования человеческого капитала. Внедрение систем класса ERP, таких как «1С: ERP Управление предприятием», позволяет автоматизировать рутинные учетные и расчетные функции, высвобождая интеллектуальный ресурс управленцев для решения стратегических задач. Функционал системы обеспечивает пооперационную регистрацию потребления ресурсов и трёхуровневое планирование (от объёмных графиков до оперативной диспетчеризации), что снижает зависимость от человеческого фактора и ошибок ручного ввода.⁷⁷

С позиции управления человеческим капиталом, автоматизация учёта вспомогательных работ и контроля отклонений в режиме реального времени создает прозрачную среду для оценки вклада каждого подразделения и сотрудника.⁷⁸ Это позволяет перейти от субъективных оценок к объективной системе ключевых показателей эффективности (KPI), основанной на фактических данных. Снижение трудоемкости расчетов себестоимости и нормирования материалов дает возможность специалистам планово-экономических служб сосредоточиться на аналитической работе и поиске внутренних резервов роста производительности труда, что соответствует современным трендам повышения капиталотдачи от персонала.⁷⁹

⁷⁶ МСС-НТ. Внедрение цифрового двойника прокатного стана [Электронный ресурс] // Корпоративные новости МСС. – 2025. – URL: https://www.mcc-ht.com/xwzx_3551/gsyw/202510/t20251027_352694.html (дата обращения: 11.04.2026).

⁷⁷ 1С: Предприятие 8. Документация по ERP: Выполнение внутренних работ [Электронный ресурс] // Портал 1С. – 2025. – URL: <https://content.1c.ru/1ci.com/display/USE/Perform+internal+work+for+production> (дата обращения: 11.04.2026).

⁷⁸ Борлас. Управление производством с помощью 1С:ERP [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГК «Борлас». – 2024. – URL: <https://www.borlas.ru/solutions/business-cloud/upravlenie-proizvodstvom/2266> (дата обращения: 11.04.2026).

⁷⁹ Смирнов А.Ю. Влияние ERP-систем на производительность труда в промышленности // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 1. – С. 58-69.

Проведенный анализ на примере трансформации производственной системы МСС позволяет сделать вывод о том, что управление человеческим капиталом в современных условиях неразрывно связано с процессами технологического замещения ручного труда. Снижение численности персонала на опасных и рутинных участках компенсируется ростом качественных характеристик оставшегося штата: повышением квалификации, освоением смежных цифровых профессий и переключением внимания с исполнительских функций на контрольно-аналитические и творческие.

Эффективное управление человеческим капиталом сегодня предполагает не просто сокращение издержек на персонал, а реинвестирование сэкономленных средств в программы переобучения, развитие цифровой культуры и обеспечение эргономичной, безопасной рабочей среды. Опыт МСС демонстрирует, что синергия роботизации, цифровых двойников и интегрированных ERP-систем создает предпосылки для формирования человеческого капитала нового качества, способного обеспечивать устойчивую конкурентоспособность предприятия в условиях высокой волатильности глобальных рынков металлургии и машиностроения.

Использованные источники:

1. Аузан А.А. Цифровая экономика и человеческий капитал // Вопросы экономики. – 2022. – № 4. – С. 5-21.
2. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003. – 672 с.
3. Дятлов С.А. Теория человеческого капитала: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 2018. – 216 с.
4. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 76 с.
5. Роик В.Д. Управление профессиональными рисками в условиях цифровой экономики // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 2. – С. 72-85.
6. Смирнов А.Ю. Влияние ERP-систем на производительность труда в промышленности // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 1. – С. 58-69.
7. Борлас. Управление производством с помощью 1С:ERP [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГК «Борлас». – 2024. – URL: <https://www.borlas.ru/solutions/business-cloud/upravlenie-proizvodstvom/2266> (дата обращения: 11.04.2026).
8. MCC China. About MCC [Электронный ресурс] // Официальный сайт MCC. – 2025. – URL: www.mccchina.com:31444/mcc_en/aboutmcc/aboutus/ (дата обращения: 11.04.2026).
9. MCC5. Staff-free factory concept implementation [Электронный ресурс] // MCC5 Official News. – 2024. – URL: <http://mcc5.com.cn/en/public/show/34448.html> (дата обращения: 11.04.2026).

10. МСС-НТ. Внедрение цифрового двойника прокатного стана [Электронный ресурс] // Корпоративные новости МСС. – 2025. – URL: https://www.mcc-ht.com/xwzx_3551/gsyw/202510/t20251027_352694.html (дата обращения: 11.04.2026).
11. China Daily. Robotic welding improves efficiency in Jiangsu plant [Электронный ресурс] // China Daily. – 2025. – URL: https://subsites.chinadaily.com.cn/jiangsu/taizhou/2025-05/27/c_1097742.htm (дата обращения: 11.04.2026).
12. 1С: Предприятие 8. Документация по ERP: Выполнение внутренних работ [Электронный ресурс] // Портал 1С. – 2025. – URL: <https://content.1cerp.1ci.com/display/USE/Perform+internal+work+for+production> (дата обращения: 11.04.2026).

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: институт присяжных заседателей в судебной системе Российской Федерации на протяжении долгого времени является актуальным предметом научных дискуссий разного рода. Обсуждается как правовая природа и целесообразность судебного процесса с участием присяжных заседателей, так и отдельные узконаправленные вопросы. Процедуре провозглашения вердикта присяжных, как представляется, уделяется недостаточно внимания. В статье автор рассматривает пробелы правового регулирования провозглашения вердикта присяжных заседателей и формулирует пути их решения.

Ключевые слова: суд, судебный процесс, присяжные заседатели, вердикт, провозглашение вердикта

Rodina Y.R.
student

**East Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation**

PROCLAMATION OF THE JURY'S VERDICT: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

Abstract: The institution of jurors in the judicial system of the Russian Federation has been a subject of scientific discussions for a long time. The legal nature and expediency of the trial with the participation of jurors, as well as specific issues, are being discussed. However, it seems that insufficient attention is being paid to the procedure of proclaiming the jury's verdict. In this article, the author examines the gaps in the legal regulation of the announcement of the jury's verdict and formulates ways to address them.

Keywords: court, trial, jury, verdict, announcement of the verdict

Институт присяжных заседателей в Российской Федерации является обособленной формой уголовного судопроизводства, обусловленной конституционными положениями о том, что власть в Российской Федерации осуществляется народом – граждане, отобранные из числа кандидатов в присяжные заседатели, участвуют в осуществлении правосудия. При этом ведение процесса сосредоточено в руках профессионального судьи. Кроме

того, институт присяжных заседателей служит формой принципа гуманности, поскольку рассмотрение уголовного дела с участием присяжных заседателей является конституционным правом обвиняемого в ряде случаев, установленных федеральным законодательством.

При этом, решение по уголовному делу постановляет суд в лице судьи. Однако вердикт – решение присяжных заседателей о виновности или невиновности подсудимого является обязательным для судьи при постановлении приговора.

Провозглашению вердикта предшествует его формирование, в основу которого ложатся ответы на вопросы, поставленные для присяжных заседателей в вопросном листе. Вопросы, которые ставятся перед присяжными заседателями, изложены в ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Провозглашение вердикта регулируется ст. 345 УПК РФ: «Старшина присяжных заседателей передает председательствующему вопросный лист с внесенными в него ответами. При отсутствии замечаний председательствующий возвращает вопросный лист старшине присяжных заседателей для провозглашения. Найдя вердикт неясным или противоречивым, председательствующий указывает на его неясность или противоречивость коллегии присяжных заседателей и предлагает им возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист. Председательствующий вправе также после выслушивания мнений сторон внести в вопросный лист дополнительные вопросы. Выслушав краткое напутственное слово председательствующего по поводу изменений в вопросном листе, коллегия присяжных заседателей возвращается в совещательную комнату для вынесения вердикта» [1].

Как отмечает С.А. Насонов, «действия председательствующего, многократно ошибочно направляющего коллегия присяжных заседателей на повторные совещания для устранения отсутствующих неясности или противоречивости вердикта, иногда порождают феномен «протестного голосования» коллегии, которая в таких ситуациях признает недоказанными даже те факты, по поводу доказанности которых между сторонами отсутствовал спор. Указанные парадоксальные вердикты присяжных заседателей в большинстве случаев влекут отмену соответствующих им оправдательных приговоров, девальвируя значение оправдательного вердикта и самого института суда присяжных» [3, с. 152]. При этом, отсутствуют инструменты фильтрации, является ли направление присяжных в совещательную комнату ошибочным. Кроме того, в законе не раскрывается понятие «неясности» вердикта, оно является оценочным, что является причиной процессуальных проблем, подрывающих сущность института присяжных заседателей.

С.А. Насонов отмечает: «Неясным принято считать вердикт, из содержания которого нельзя однозначно понять вывод, к которому пришли присяжные, если содержание ответа допускает альтернативную трактовку или

же без ответа остались вопрос или часть вопроса. Противоречивым же является вердикт, имеющий несоответствие содержания вопросного листа и ответов присяжных, например: ответ на один вопрос противоречит ответу на другой вопрос, присяжные не отвечают на вопросы, на которые должны ответить или же отвечают на те, на которые не нужно отвечать, ответ внутренне противоречив» [2].

В связи этим необходимо разъяснить, какого рода неясности должны быть конкретизированы присяжными, поскольку наиболее эффективным инструментом устранения нарушений процессуального закона видится в изменение принципа постановки вопросов для присяжных заседателей.

В связи с тем, что отбор кандидатов в присяжные заседатели осуществляется методом случайной выборки из списков избирателей, нередко в состав присяжных заседателей входят граждане, не обладающие познаниями в юридической сфере, это может привести к тому, что присяжные не всегда понимают: как правильно необходимо отвечать на вопросы при вынесении вердикта; в каком виде следует отвечать на вопросы при вынесении вердикта; на что необходимо обратить внимания, чтобы у судьи не возникало дополнительных вопросов к поставленным ответам.

Проблема «упрощения» формулировки вопросов перед присяжными в науке поднимался неоднократно, однако, не все исследователи согласны с таким предложением. Например, Д.О. Чистилина считает, что постановка единственного вопроса о доказанности предъявленного обвинения «...будет содержать слишком много обстоятельств, в которых присяжные могут запутаться. Такую практику можно распространить по делам, где не содержится много нюансов, а описываемые обстоятельства могут уложиться в простое и понятное предложение, либо когда сторона защиты не оспаривает вопросы относительно причастности подсудимого к совершению преступления» [4, с. 88].

Важно, чтобы вопросы, сформулированные перед присяжными, были понятными, но вместе с тем, чтобы их постановка позволяла ответить присяжным таким образом, чтобы раскрыть полную картину инкриминируемых деяний, а термины в вопросе должны быть раскрыты и не требовалось от присяжных заседателей собственно юридической оценки при вынесении вердикта, поскольку именно вердикт присяжных становится основой судебного приговора.

Вопросный лист состоит из трех вопросов по каждому деянию, за совершение которого предъявлено обвинение подсудимому. Вместе с тем, закон предусматривает формулировку одного вопроса для присяжных заседателей, если такая формулировка будет являться объединением этих трех вопросов в одном.

Представляется, что целесообразно было бы предусмотреть в законе один основной вопрос, содержащий в себе соединение вопросов, изложенных в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, исключив при этом возможность задавать три основных вопроса. Такое предложение обусловлено тем, что законодатель в ч. 2 ст. 345

УПК РФ предусматривает возможность задавать дополнительные вопросы, а ч. 3 ст. 339 УПК РФ содержит право постановки частных вопросов. Получается, что присяжные должны отвечать на несколько основных, частных и дополнительных вопросов, что затягивает судебный процесс.

Таким образом, правовое регулирование провозглашения вердикта присяжных заседателей сводится не только к ст. 345 УПК РФ, описывающей данную процедуру, но взаимосвязано с постановкой вопросов для вердикта присяжных заседателей. Правила формулирования вопросов для присяжных заседателей не имеют четкой структуры: зачастую судьи лишь копируют вопросы, изложенные в ч. 1 ст. 339 УПК РФ, оставляя юридические формулировки, например, «деяние». Проведенный анализ показал, что проблемы законодательного регулирования провозглашения вердикта присяжными заседателями имеют комплексный характер и должны решаться совместно с разработкой правил постановки вопросов перед присяжными заседателями.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.
2. Насонов С.А. Провозглашение вердикта присяжных заседателей: проблемы законодательного регулирования и судебной практики // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XXXII междунар. науч.-практ. конф. – № 12 (32). – Новосибирск: СибАК, 2013.
3. Насонов С.А. Множественность вердиктов коллегии присяжных заседателей по одному делу: подходы к решению проблемы в законодательстве и судебной практике / С.А. Насонов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 1 (113). – С. 149-157.
4. Чистилина Д.О. Правовые и практические несовершенства функционирования суда с участием присяжных заседателей / Д.О. Чистилина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 4 (71). – С. 84-90.

УДК: 528.8

*Романюк Ю. А.
доцент*

*кафедра «Инженерная геоматика»
Ташкентский архитектурно строительный университет
Ташкент, Узбекистан
Хайтметов Х.З.
студент
Ташкентский архитектурно строительный университет*

СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ КАРТЫ МЕСТНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ ARCGIS 10.8

***Аннотация:** В статье рассматривается процесс создания цифровой карты местности с использованием геоинформационной системы ArcGIS 10.8 и спутниковых данных. Описаны основные этапы работы, включая создание базы геоданных, формирование классов пространственных объектов, векторизацию элементов территории и построение цифровой модели рельефа. Показаны возможности использования созданной карты для пространственного анализа, обновления данных и получения количественных характеристик объектов местности. Отмечается практическая значимость цифровых карт для решения задач геодезии, градостроительства и управления территориями.*

***Ключевые слова:** цифровая карта, геоинформационные системы, ArcGIS 10.8, картография, векторизация, цифровая модель рельефа, спутниковые снимки.*

*Romanyuk Y. A.
associate professor*

*Department of Engineering Geomatics, Tashkent University of
Architecture and Civil Engineering
Tashkent, Uzbekistan,
Khaitmetov H. Z.
student
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering*

CREATING A DIGITAL TERRAIN MAP USING THE ARCGIS 10.8 PROGRAM

***Abstract:** The article discusses the process of creating a digital terrain map using the ArcGIS 10.8 geoinformation system and satellite data. The main stages of the work are described, including the creation of a geodata database, the formation of classes of spatial objects, the vectorization of territory elements and the construction of a digital terrain model. The possibilities of using the created map*

for spatial analysis, updating data and obtaining quantitative characteristics of terrain objects are shown. The practical importance of digital maps for solving problems of geodesy, urban planning and territorial management is noted.

Keywords: *digital map, geoinformation systems, ArcGIS 10.8, cartography, vectorization, digital terrain model, satellite imagery.*

Введение. В настоящее время в картографии активно развивается направление, связанное с созданием цифровых карт, моделей виртуальной реальности, картографических анимаций, мультимедийных атласов и геоинформационных технологий. Современный уровень развития информационных технологий позволяет использовать цифровые модели рельефа, данные дистанционного зондирования Земли, базы геоданных и специализированные программные средства для разработки новых методов составления и оформления картографической продукции. Это способствует повышению качества, полноты, достоверности, актуальности и наглядности картографической информации [2].

Цифровая карта представляет собой цифровую модель местности, предназначенную для визуального отображения объектов территории в установленной системе условных знаков на экране или в виде графической копии на различных носителях. Она создаётся на основе законов картографии с соблюдением принятых проекций, систем координат и высот, а также требований к точности и содержанию карт определённого масштаба. В отличие от традиционных графических карт, цифровая топографическая карта не только воспроизводит пространственную информацию, но и обладает дополнительными функциональными возможностями, позволяющими эффективно использовать геодезические данные.

В условиях цифровизации геопространственной информации создание точных и информативных карт местности становится важной задачей в таких сферах, как геодезия, градостроительство, экология, сельское хозяйство и управление территориями. Геоинформационные системы обеспечивают сбор, хранение, обработку, анализ и визуализацию пространственных данных [4]. Одной из наиболее распространённых платформ, используемых для этих целей, является ArcGIS 10.8, разработанный компанией Esri.

Цифровая карта местности представляет собой пространственную модель территории, включающую рельеф, гидрографию, дорожную сеть, здания и сооружения, земельные участки, растительность и элементы инженерной инфраструктуры [1]. Для её создания используются различные виды исходных данных, включая спутниковые изображения, аэрофотоснимки, результаты геодезических измерений, топографические планы, векторные данные и цифровые модели рельефа.

Процесс создания цифровой карты включает несколько этапов: подготовку проекта и выбор системы координат, геопривязку растровых

данных, формирование базы геоданных, векторизацию объектов, атрибутивное наполнение, построение цифровой модели рельефа, картографическое оформление и выполнение пространственного анализа. Завершающим этапом является экспорт карты в различные форматы для её дальнейшего использования в кадастровых системах, навигационных сервисах и системах территориального управления.

В качестве района выполнения картографических работ была выбрана территория населённого пункта Гулистан, расположенного в Зангиатинском районе Ташкентской области Республики Узбекистан. Данный район находится в пригородной зоне города Ташкента и характеризуется сочетанием жилой застройки, сельскохозяйственных земель, дорожной сети и объектов инфраструктуры. Рельеф местности преимущественно равнинный, что облегчает проведение картографических и геодезических работ, а также создание цифровой карты на основе спутниковых снимков и геопространственных данных [6].

Методика создания цифровой карты в программе ArcGIS 10.8

Один из этапов создание цифровой карты является создание файловой базы геоданных. Базу данных можно создать двумя способами. Первый способ в самой программе ArcGIS 10.8, а второй в программе ArcCatalog [5].

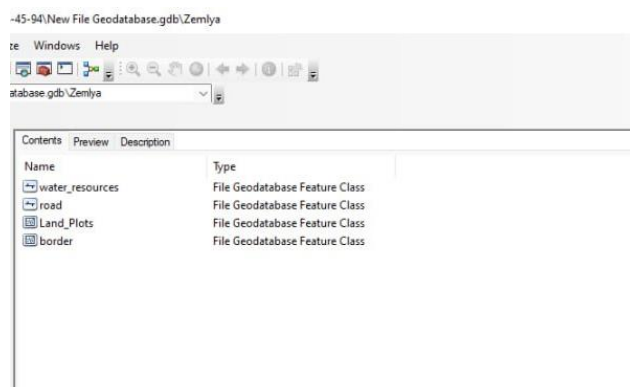

Рисунок 1. Класс пространственных объектов (feature class).

Как основу для создания цифровой карты используем снимку который был получен с программы SasPlanet (Яндекс Спутник).

Рисунок 2. Космическая снимка

Переходим к векторизацию. Для этого во вкладке Editor выбирается Start Editing, который открывает панель создания объектов. В данной панели отображаются все доступные слои, находящиеся в режиме редактирования. Выбираем нужный слой и приступаем к векторизации фиксируя границы объекта. Этот процесс выполняется для всех слоёв. В ходе работ сразу выполняем символизацию.

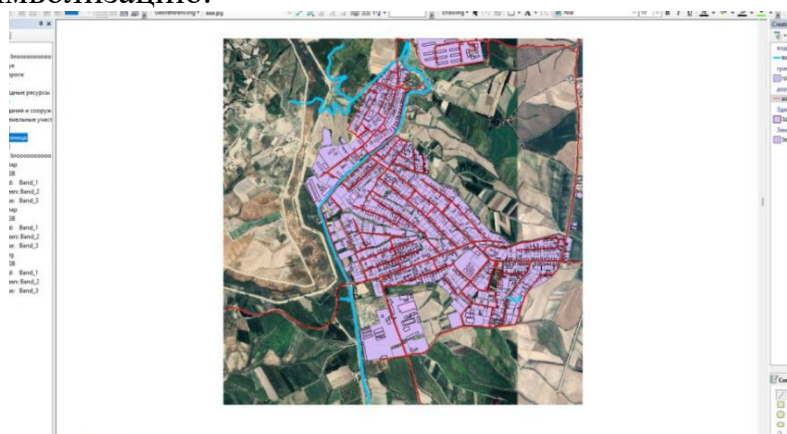

Рисунок 3. Результат фиксации объектов.

Для построения рельефа мы используем космические снимки, полученные с веб сайта USGS EarthExplorer [6]. Скачиваем и загружаем снимок в проект. Загруженный снимок с помощью инструмента мы отрежем на нужную часть с помощью инструмента Clip [7]. После этого с помощью инструмента Contour строим рельеф местности с сечением 2 метра [3].

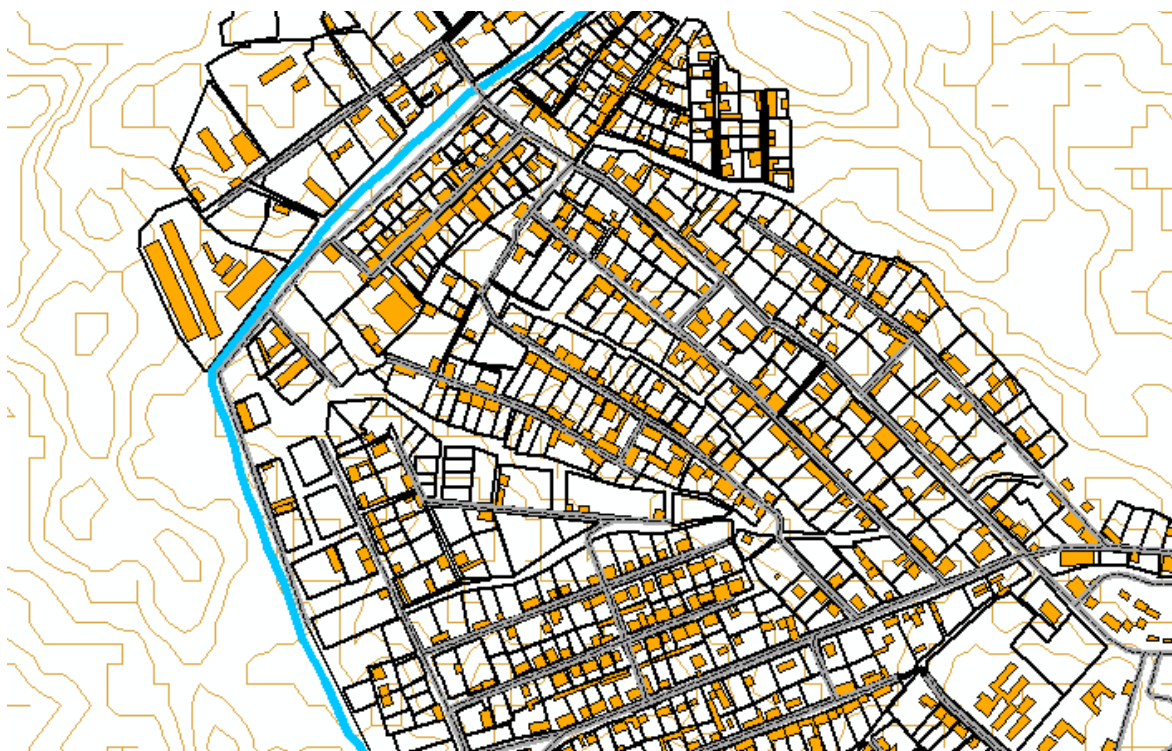

Рисунок 4. Цифровая карта местности, отражающая текущее состояние территории.

Созданная цифровая карта, отражающая текущее состояние территории, представляет собой многофункциональный инструмент для дальнейшего анализа и работы с геопространственными данными. Она может использоваться не только для визуализации объектов, но и для выполнения различных аналитических и практических задач.

С помощью данной карты можно проводить детальный пространственный анализ территории. Например, пользователь может изучать структуру застройки, плотность расположения объектов, распределение природных зон и инфраструктуры. Это позволяет получить более полное представление о текущем состоянии местности.

Заключение. Одной из важных возможностей является внесение изменений и обновление данных. При появлении новых объектов (зданий, дорог, инженерных сетей) или изменении существующих элементов карта может быть оперативно скорректирована. Таким образом, она всегда остаётся актуальной и отражает реальную ситуацию.

Также цифровая карта позволяет выполнять сравнительный анализ. Можно сопоставлять текущие данные с информацией за предыдущие периоды (например, прошлогодними спутниковыми снимками), что даёт возможность выявлять динамику изменений, отслеживать развитие территории и прогнозировать дальнейшие преобразования.

Кроме того, с помощью карты можно получать количественные характеристики. В частности:

- вычислять площадь различных объектов (участков, зданий, зелёных

зон);

- измерять расстояния между объектами;
- определять протяжённость дорог и коммуникаций;
- анализировать изменения площади застройки или природных территорий.

Цифровая карта также может использоваться для создания тематических слоёв и специализированных карт, например, карт землепользования, транспортной сети или экологического состояния. Это значительно расширяет возможности её применения.

Дополнительным преимуществом является возможность работы со слоями: пользователь может включать и отключать необходимые тематические слои, что делает анализ более удобным, наглядным и эффективным.

Кроме того, карта может быть подготовлена к изданию. Это включает оформление карты (добавление легенды, масштаба, условных обозначений, заголовка) и её экспорт в различные форматы (например, PDF или изображения) для использования в отчётах, презентациях или печатных материалах.

В целом, созданная цифровая карта является универсальным инструментом, который позволяет не только хранить и визуализировать данные, но и проводить анализ, сравнение, обновление информации, а также получать точные количественные показатели, необходимые для принятия обоснованных решений.

Использованные источники:

1. Картография: Учебник для вузов.-М.: Аспект Пресс 2002 год - 336с.
2. МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ по выполнению курсового проекта по дисциплине «Мультимедиа и компьютерный дизайн в картографии» Саратов 2022.
3. ГКИНП-02-033-82 ИНСТРУКЦИЯ ПО ТОПОГРАФИЧЕСКОЙ СЪЕМКЕ В МАСШТАБАХ 1:5000, 1:2000, 1:1000 и 1:500 98 с.
4. Бердиев Р., Гуллыбаева Д., Сабыров Д., Айдогдыев Э., Научный руководитель: Нурмырадов М. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГЕОДЕЗИИ И ГИС-ТЕХНОЛОГИИ: НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ Международный научный журнал «Символ науки» # 10-2-1 / 2024
5. Функция растра, которая строит набор данных изолиний
<https://pro.arcgis.com/ru/pro-app/latest/help/analysis/raster-functions/contour-function.htm>

*Романюк Ю. А.
доцент
кафедра «Инженерная геоматика»
Ташкентский архитектурно строительный университет
Ташкент, Узбекистан
Хамраев З. А.
студент
Ташкентский архитектурно строительный университет*

МОНИТОРИНГ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ АХАНГАРАНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В статье проведён мониторинг динамики площади Ахангаранского водохранилища (Ташкентская область, Узбекистан) с использованием данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) спутниковой миссии Sentinel-2 (Multi-Spectral Instrument, MSI) и нормализованного индекса разности воды $NDWI = (GREEN - NIR)/(GREEN + NIR)$. Исследование охватывает ежемесячные данные за 2021 и 2025 годы, полученные через платформу Copernicus Data Space Browser.

Ключевые слова: водные объекты, Sentinel-2, спектральные каналы, NDWI, дистанционное зондирование, мультиспектральный мониторинг, ретроспективный анализ, Ахангаранское водохранилище, цифровые технологии.

*Romanyuk Y. A.
associate professor
Department of Engineering Geomatics
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering
Tashkent, Uzbekistan
Hamrayev Z. A.
student
Tashkent University of Architecture and Civil Engineering*

REMOTE SENSING MONITORING OF THE OHANGARON RESERVOIR IN TASHKENT REGION

Abstract: The article presents a monitoring study of the area dynamics of the Akhangaran Reservoir using remote sensing (RS) data. The research is based on satellite imagery from the Sentinel-2 mission (Multi-Spectral Instrument, MSI) and the normalized difference water index $NDWI = (GREEN - NIR)/(GREEN + NIR)$. The study covers monthly data for the years 2021 and 2025 obtained via the Copernicus Data Space Browser platform.

Keywords: *water bodies, Sentinel-2, spectral channel, NDWI, remote sensing, multispectral monitoring, retrospective analysis, Akhangaran reservoir, digital technologies.*

Введение. Водные ресурсы играют ключевую роль в социально-экономическом развитии регионов, особенно в условиях нарастающих климатических изменений и антропогенного воздействия. Эффективное управление водными объектами требует регулярного мониторинга их состояния и динамики. Одним из таких водных объектов является Ахангаранское водохранилище, расположенное в северо-восточной части Узбекистана, которое обеспечивает водоснабжение, ирригацию и гидроэнергетику. Ахангаранское водохранилище расположено у восточной окраины г. Ангрен, имеет треугольную форму, глухую каменно-земляную плотину высотой 100 м, длиной 1350 м и общий объём 260 млн м³. Водоём обеспечивает орошение Ахангаранского, Уртачирчикского, Пскентского и Букинского районов, а также гидроэнергетику региона.

В Республике Узбекистане в последние годы осуществляются ряд реформ по эффективному использованию земельных и водных ресурсов, совершенствованию системы управления водными ресурсами, модернизации и развитию объектов водного хозяйства.

Вместе с тем из года в год усиливается дефицит водных ресурсов в связи с глобальным изменением климата, ростом численности населения и отраслей экономики, их растущей потребностью в воде.

Среднегодовое потребление воды составило от 51 до 53 млрд кубометров, в том числе 97,2% из рек и саев, 1,9% из коллекторных сетей и 0,9% из подземных источников, что сократилось на 20% по сравнению с выделенным лимитом водозабора [1].

В целях обеспечения устойчивого водоснабжения населения и всех отраслей экономики республики в 2020 - 2030 годах, улучшения мелиоративного состояния орошаемых земель, широкого внедрения рыночных принципов и механизмов, а также цифровых технологий в водное хозяйство, обеспечения надежной работы водохозяйственных объектов и повышения эффективности использования земельных и водных ресурсов: в соответствии с Указом Президента Республики Узбекистан от 10.07.2020 г. No УП-6024 "Об утверждении Концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020 - 2030 годы" одним из приоритетных направлений определено "совершенствование и обеспечение прозрачности системы прогнозирования, учета и формирования базы данных водных ресурсов"[1].

Учитывая это, в данной статье проведен мониторинг на основе данных дистанционного зондирования водных объектов, расположенных в Ахангаранском районе.

Актуальность темы исследования. На фоне глобальных климатических изменений, роста потребления водных ресурсов и

увеличения антропогенной нагрузки, обеспечение устойчивого управления водными объектами становится одной из приоритетных задач для многих стран, включая Узбекистан. Ахангаранское водохранилище играет ключевую роль в водоснабжении, ирригации и энергетике региона, и любые изменения его площади могут существенно повлиять на социально-экономическое развитие прилегающих территорий.

В этих условиях необходимы современные, точные и оперативные методы наблюдения за состоянием водоёмов. Одним из наиболее эффективных инструментов мониторинга является дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ), позволяющее с высокой точностью отслеживать изменения водной поверхности во времени.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью внедрения инновационных технологий в практику водного мониторинга Узбекистана, что также соответствует целям национальных стратегий в сфере устойчивого водопользования и цифровизации.

Цели и задачи. При мониторинге водных объектов мы используем данные спутника Sentinel-2, работающего на системе пассивной съёмки.

Sentinel-2 – это миссия по наблюдению за Землей в рамках программы Copernicus, которая получает оптические изображения с высоким пространственным разрешением (от 10 м до 60 м) над сушей и прибрежными водами (Рисунок 1). Миссии Sentinel-2A и Sentinel-2B присоединятся к третьему спутнику Sentinel-2C в 2024 году и Sentinel-2D в будущем, в конечном итоге заменив спутники A и B соответственно.

Миссия поддерживает такие сервисы и приложения, как сельскохозяйственный мониторинг, управление чрезвычайными ситуациями, классификация земельного покрова и качество воды.

Sentinel-2 разработан и эксплуатируется Европейским космическим агентством. Спутники были произведены в Фридрихсхафене, Германия, консорциумом под руководством Airbus Defence and Space [5].

Sentinel-2 bands	Central wavelength (μm)	Resolution (m)
Band 1 – Coastal aerosol	0.443	60
Band 2 – Blue	0.490	10
Band 3 – Green	0.560	10
Band 4 – Red	0.665	10
Band 5 – Vegetation red edge	0.705	20
Band 6 – Vegetation red edge	0.740	20
Band 7 – Vegetation red edge	0.783	20
Band 8 – NIR	0.842	10
Band 8A – Vegetation red edge	0.865	20
Band 9 – Water vapour	0.945	60
Band 10 – SWIR – Cirrus	1.375	60
Band 11 – SWIR	1.610	20
Band 12 – SWIR	2.190	20

Рисунок 1. Список спутниковых спектральных каналов Sentinel-2 [10].

Каждый спутник Sentinel-2 имеет один прибор, Multi-Spectral Instrument (MSI), который имеет 13 спектральных каналов в видимом/ближайшем инфракрасном (VNIR) и коротковолновом инфракрасном спектральном диапазоне (SWIR). Пространственный доступ 10 м (33 фута) в пределах 13 диапазонов позволяет продолжить сотрудничество с миссиями SPOT-5 и Landsat-8, при этом основное внимание уделяется классификации земель.

Разработанный и построенный во Франции Airbus Defense and Space, MSI использует концепцию push-брома, и его конструкция была обусловлена высокими требованиями к 290 км (180 миль) полосы зрения, наряду с высокими геометрическими и спектральными характеристиками, необходимыми для измерений. Он имеет апертуру 150 мм (6 дюймов) и трехзеркальную анастигматическую конструкцию с фокусным расстоянием около 600 мм (24 дюйма); поле зрения составляет примерно 21° на 3,5°. Зеркала имеют прямоугольную форму и изготовлены из карбида кремния по аналогичной технологии [5].

На основе данных спутника Sentinel-2 создаются индексные карты, с помощью которых анализируются водные объекты. Для определения водных объектов по космическим мультиспектральным снимкам мы будем использовать индекс NDWI.

Нормализованный индекс разности воды (Normalized Water Difference Index, NDWI) – это индекс, используемый для идентификации водных объектов на спутниковых или аэрокосмических снимках. NDWI

основан на разнице в поглощении света в ближнем инфракрасном (NIR) и видимом зеленом (Green) диапазонах электромагнитного спектра [8].

Таблица 1.

Формула и индекс, используемый при определении водных объектов

Индекс	Формула	Диапазон значение
Normalized Difference Water Index	$NDWI = (GREEN - NIR) / (GREEN + NIR)$	Вода имеет положительный знак

Данные спутника Sentinel-2 можно скачать по ссылке <https://browser.dataspace.copernicus.eu/>. В целях выявления и мониторинга водных объектов на исследуемой территории мы будем собирать данные ежемесячно за 2021 и 2025 год. Для определения водных объектов в спектральных каналах спутниковых данных используем формулы, приведенные в таблице 1.

Метод дистанционного зондирования на основе открытых и бесплатных данных Sentinel-2 (программа Copernicus) позволяет полностью отказаться от дорогостоящих наземных экспедиций, аэрофотосъёмки и установки стационарных датчиков. Экономия достигается за счёт:

- нулевой стоимости исходных спутниковых данных и минимальных затрат на обработку (программное обеспечение с открытым кодом);
- ежемесячного мониторинга без выезда специалистов на местность (экономия на транспорте, топливе, командировочных расходах и рабочем времени);
- оперативного получения объективных данных о площади и динамике водоёма, что снижает риски перерасхода или недоиспользования воды.

В условиях дефицита водных ресурсов Узбекистана (среднегодовое потребление 51–53 млрд м³ при сокращении на 20 % от лимита) точный мониторинг даёт возможность оптимизировать ирригацию в четырёх туманах, повысить эффективность гидроэнергетики и предотвратить потери воды. По оценкам аналогичных исследований, внедрение ДЗЗ сокращает затраты на мониторинг водохранилищ на 70–90 % по сравнению с традиционными методами и косвенно увеличивает доходы сельского хозяйства за счёт более точного планирования полива (рост урожайности на 10–15 % при экономии воды).

Результаты и их обсуждение.

В результате мы собрали данные за 2021 и 2025 год в исследуемом нами регионе.

Таблица 2.

*Определение площади Ахангаранского водохранилища индексе NDWI
(в разрезе месяцев 2021 и 2025 года)*

№	Дата съёмки	Площадь 2021года	Площадь 2025года	Разница	Примечание
1	Январь	1882.738	1958.377	-75.639	2021<2025
2	Февраль	1996.766	1865.685	131.081	2021>2025
3	Март	3454.044	2946.484	507.56	2021>2025
4	Апрель	5338.125	5812.192	-474.067	2021<2025
5	Май	5592.551	5814.191	-221.64	2021<2025
6	Июнь	5334.424	5678.530	-344.106	2021<2025
7	Июль	4419.400	5243.800	-824.4	2021<2025
8	Август	3012.765	4816.168	-1803.403	2021<2025
9	Сентябрь	2633.471	3837.039	-1203.568	2021<2025
10	Октябрь	2525.900	3394.560	-868.63	2021<2025
11	Ноябрь	2014.643	2486.813	-472.17	2021<2025
12	Декабрь	1788.285	2288.169	-499.884	2021<2025

Ахангаранского водохранилище — Водохранилище на Ахангаране расположено у восточной окраины города Ангрен, выше угольного разреза. Водоём имеет приблизительно треугольную, узкую вытянутую форму с расширением к плотине. Высота уреза воды при заполнении составляет около 1080 м [3].

В юго-восточной части водохранилища располагается глухая каменно-земляная плотина с наклонным ядром длиной 1350 м, шириной (по верху) 12 м [3] и максимальной высотой 100 м. Общий объём резервуара составляет 260 млн м [3].

За водохранилищем река Ахангаран канализирована и до Джигиристана течёт под землёй. Подземный участок Ахангарана отходит вбок от юго-западного берега водоёма [3].

Накапливаемые в резервуаре воды служат для орошения в Ахангаранском, Уртачирчикском, Пскентском и Букинском туманах.

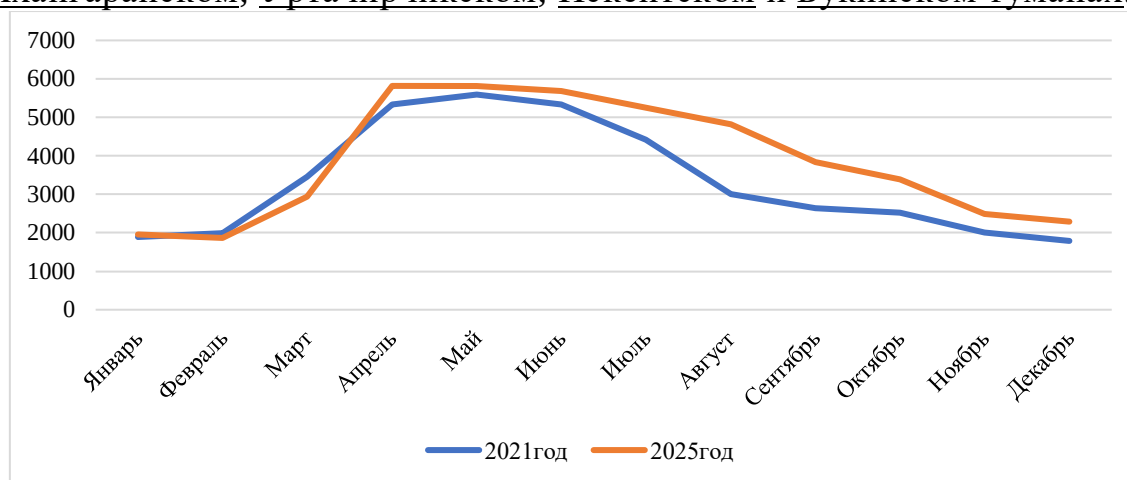

Рисунок 2. Диаграмма площади Ахангаранского водохранилища, определенная по индексу NDWI за 2021 и 2025 год.
(Рисунок сделано автором)

17.01.2021

21.04.2021

30.07.2021

18.10.2021

Рисунок 3. Карта Ахангаранского водохранилища, созданная путем синтеза RGB каналов на основе данных спутника Sentinel-2, по состоянию на 2021 год. (Рисунок сделано автором)

01.01.2025

05.04.2025

29.07.2025

17.10.2025

Рисунок 4. Карта Ахангаранского водохранилища, созданная путем синтеза RGB каналов на основе данных спутника Sentinel-2, по состоянию на 2025 год. (Рисунок сделано автором)

17.01.2021

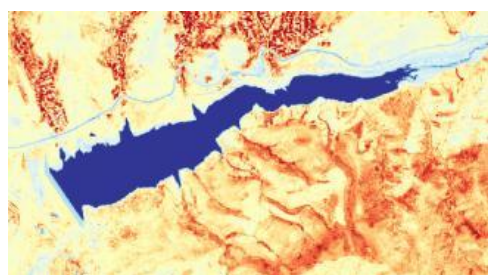
01.01.2025

21.04.2021

05.04.2025

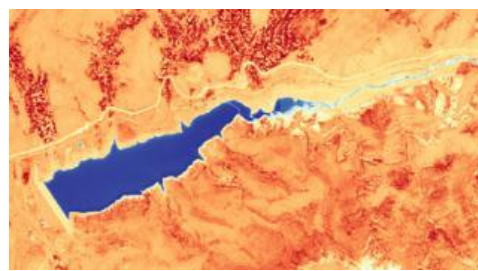
30.07.2021

29.07.2025

18.10.2021

17.10.2025

Рисунок 5. Карты индекса NDWI, используемый для определения площади Ахангаранского водохранилища по состоянию на июнь. (Рисунок сделано автором)

Анализ данных показал, что площадь Ахангаранского водохранилища в январе 2021 года составила 18.86 км [2], а в январе 2025 года составила 19.57 км [2], самый высокий показатель за 2021 года можно увидеть в мае - 55.98 км [2], а за 2025 года самый высокий показатель можно увидеть в месяце апреле – 58.15 км [2]. В 2021 году площадь не сократился. В 2025 году с января до февраля показатель 18.61 км [2].

Увеличение площади водной поверхности в отдельные месяцы, особенно в весенний период (март–май), может быть обусловлено несколькими факторами. Один из ключевых — сезонное таяние снегов в горах, питающих реку Ахангаран, которые являются основными источниками водоснабжения водохранилища. Весной и в начале лета объём притока значительно возрастает, что приводит к увеличению объема воды и, соответственно, расширению площади водохранилища. А также рост площади поверхности Ахангаранского водохранилища в 2025 году по сравнению с 2021 годом может быть обусловлен совокупностью природных и антропогенных факторов.

1. Климатические условия:

В 2025 году могли наблюдаться повышенные осадки в зимне-весенний период, приводящие к более интенсивному снеготаянию в горах Заалайского хребта. Это увеличивает приток воды в водохранилище за счет реки Ахангаран.

2. Оптимизация водного режима:

Проведение мероприятий по улучшению управления водными ресурсами и режимом эксплуатации гидросооружений также могло повлиять на увеличение объема и площади водной поверхности.

Метод имеет высокое социальное значение, поскольку обеспечивает устойчивость водоснабжения населения, сельского хозяйства и энергетики региона. Он напрямую способствует выполнению национальных стратегий по цифровизации водного хозяйства, повышению прозрачности учёта водных ресурсов и адаптации к климатическим изменениям. Для жителей Ахангаранского района, города Ангрен и прилегающих территорий это

означает стабильное орошение сельхозугодий, надёжную работу ГЭС, снижение рисков засухи и наводнений, а также улучшение экологической обстановки. Внедрение таких технологий укрепляет продовольственную и энергетическую безопасность страны, повышает качество жизни населения и соответствует целям устойчивого развития Республики Узбекистан.

Методика может быть рекомендована для систематического мониторинга всех крупных водохранилищ Узбекистана, что позволит своевременно выявлять изменения, прогнозировать водный баланс и принимать обоснованные управленческие решения.

Вывод. Проведённый мониторинг на основе данных Sentinel-2 и индекса NDWI показал, что площадь Ахангаранского водохранилища в 2025 году в целом превышает показатели 2021 года. Максимальная площадь в 2021 году зафиксирована в мае (5592,551 га $\approx$ 55,93 км²), в 2025 году — в апреле (5812,192 га $\approx$ 58,12 км²). В январе 2025 года площадь составила 1958,377 га против 1882,738 га в 2021 году (прирост 75,639 га). Наибольшее увеличение отмечено в августе 2025 года (+1803,403 га).

Увеличение водной поверхности обусловлено сочетанием природных и антропогенных факторов: повышенными зимне-весенними осадками и более интенсивным снеготаянием в горах Заалайского хребта, а также оптимизацией режима эксплуатации гидросооружений и улучшением управления водными ресурсами в рамках государственных программ.

Использованные источники:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 10.07.2020 № УП-6024 «Об утверждении Концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 годы».
2. Постановление Президента Республики Узбекистан от 24.02.2021 № ПП-5005 «Об утверждении Стратегии управления водными ресурсами и развития сектора ирригации в Республике Узбекистан на 2021–2023 годы».
3. Катаев М. Ю., Бекеров А. А. Методика обнаружения водных объектов по многоспектральным спутниковым измерениям // Доклады ТУСУР. — 2017. — № 4.
4. Романюк Ю. А. Применение данных космических съёмок для ведения мониторинга водохранилищ в Республике Узбекистан // Теория и практика современной науки. — 2024. — № 12 (114).
5. Sentinel-2 // Wikipedia: свободная энциклопедия. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Sentinel-2>
6. Sentinel-2 // European Space Agency. — URL: https://www.esa.int/Applications/Observing_the_Earth/Copernicus/Sentinel-2
7. Виды водных индексов и их применение. — URL: <https://innoter.com/articles/vidy-vodnykh-indeksov-i-ikh-primenenie/>
8. Copernicus Data Space Browser. — URL: <https://browser.dataspace.copernicus.eu/>

9. Ахангаранское водохранилище // Wikipedia : свободная энциклопедия.
— URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ахангаранское_водохранилище
10. Sentinel-2 band characteristics. — URL:
https://www.researchgate.net/figure/Sentinel-2-band-characteristics_tbl1_314119510

*Савельева Н. В.
студент магистратуры 1 курса
Научный руководитель: Бургонов О. В., д.э.н.
профессор
кафедра экономики таможенного дела
Российская таможенная академия
филиал имени В.Б. Бобкова
Санкт-Петербург*

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

***Аннотация:** Статья посвящена рассмотрению вопроса о необходимости качественного планирования полного цикла жизни продукта с учетом инновационных подходов, интеграции в различные сферы, в том числе социальную, а также тесного экономико-экологического альянса и достижения эффективных показателей. Обозначены ключевые аспекты перехода к инновационной экономике и парадигме устойчивого развития. Неразрывная связь устойчивости и технологического лидерства в инновационной экономике являются результатом и реальным опытом ведущих компаний, рассмотренных в качестве примера.*

***Ключевые слова:** экология, инновации, проектирование, технологическая устойчивость, социальная адаптация*

*Saveleva N. V.
1st-year Master's student
Scientific advisor: Burgonov O. V., Doctor of Economics
professor
Department of Economics of Customs Affairs
St. Petersburg named after V.B. Bobkov
branch of the Russian Customs Academy, St. Petersburg*

DEVELOPMENT OF A STRATEGY FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF AN ENTERPRISE IN AN INFORMATION ECONOMY

***Abstract:** The article is devoted to the issue of the need for high-quality planning of the full product life cycle, taking into account innovative approaches, integration into various spheres, including social, as well as a close economic and environmental alliance and the achievement of effective indicators. The key aspects of the transition to an innovative economy and a paradigm of sustainable development are outlined. The inextricable link between sustainability and*

technological leadership in an innovative economy is the result and real-world experience of the leading companies considered as an example.

Keywords: ecology, innovation, design, technological sustainability, social adaptation

Введение

Современный этап развития глобального рынка характеризуется переходом к инновационной экономике, где нематериальные активы, интеллектуальный капитал и экологическая ответственность становятся определяющими факторами конкурентоспособности. Традиционная модель экстенсивного роста исчерпала себя, уступив место парадигме устойчивого развития. В данных условиях стратегия предприятия должна представлять собой симбиоз технологических инноваций и социально-экологических императивов, обеспечивая баланс между прибыльностью и сохранением ресурсной базы для будущих поколений.

Материалы и методы исследования

В условиях динамично меняющейся конкурентной среды стратегическое управление инновационным развитием становится решающим фактором обеспечения стабильности и долгосрочного выживания промышленных предприятий. Современная инновационная экономика требует от бизнеса перехода от модели «морального обязательства» к «стратегической необходимости», где устойчивое развитие становится главным драйвером роста [2].

Результаты и обсуждения

Инновации позволяют преодолеть классический конфликт между экологией и экономикой, который долгое время считался неразрешимым. В инновационной экономике выделяют три уровня воздействия технологий на устойчивое развитие:

–продуктовый уровень: разработка инновационных материалов с заданными свойствами (например, биоразлагаемые полимеры или композиты высокой прочности), которые позволяют снизить материалоемкость готового изделия;

–процессный уровень: внедрение технологий замкнутого цикла, где побочные продукты производства не утилизируются как отходы, а подвергаются глубокой переработке и возвращаются в цикл в качестве вторичного сырья;

–организационный уровень: применение цифровых систем управления, позволяющих оптимизировать логистические цепочки и снизить общий углеродный след предприятия за счет минимизации холостых пробегов и складских излишков.

Устойчивое развитие предприятия в современных условиях выступает не ограничением, а фактором роста. Интеграция принципов экологии, социальной ответственности и качественного корпоративного управления в

ядро бизнес-стратегии создает синергетический эффект с инновационной деятельностью.

Разработка стратегии устойчивого развития начинается задолго до запуска производственных линий - на этапе проектирования. В инновационной экономике этот процесс получил название «экологический дизайн». Основные компоненты этого подхода заключаются в следующем:

1. Проводится анализ полного жизненного цикла проекта / продукта. Организация несет ответственность за продукт от момента добычи сырья для него до момента его окончательной утилизации потребителем. Это заставляет инженеров проектировать изделия, которые легко разбираются, ремонтируются и модернизируются.

2. Осуществляется минимизация входных ресурсов с помощью использования передовых методов компьютерного моделирования, что позволяет создавать конструкции, обладающие максимальной прочностью при минимальном весе, приводящее к сокращению расхода металлов и энергии.

3. Цифровая трансформация бизнеса с использованием таких инструментов, как интернет вещей, большие данные и искусственный интеллект, что позволяет консолидировать информацию о процессах и повышать точность принятия управленческих решений [1].

Основными технологическими драйверами устойчивости на современном этапе развития информационных технологий являются:

- аддитивные технологии (3D-печать), которые значительно снижают затраты на ремонт и замену деталей, обеспечивая технологическую независимость;

- модель циркулярной экономики, которая предполагает вовлечение отходов обратно в производство;

- применение систем интеллектуального учета, помогающих оптимизировать потребление ресурсов (энергии, воды) и минимизировать вредные выбросы.

Для российских предприятий инновационная деятельность сегодня выступает главным инструментом нейтрализации угроз технологической безопасности. С другой стороны, это позволяет снижать стоимость капитала на 10-20% за счет повышения доверия инвесторов, увеличивать выручку в среднем на 15% в год быстрее, чем в целом по рынку, повышать рыночную долю до 30% благодаря преданности потребителей ответственным брендам [3].

Опираясь на публичную статистику основных показателей деятельности крупных компаний в области устойчивого развития, крупный российский бизнес успешно адаптирует глобальные принципы устойчивости, создавая собственные уникальные технологические решения. Например, рейтинговое агентство АК&М ежегодно публикует информацию для аналитики и оценки крупных компаний. Так, ниже на рисунке 1 представлены сведения об удельных выбросах парниковых газов «Норильникель» за

последние 5 лет [6], что не может не говорить о стабильности компании в отношении вопросов компромисса экологии и экономики.

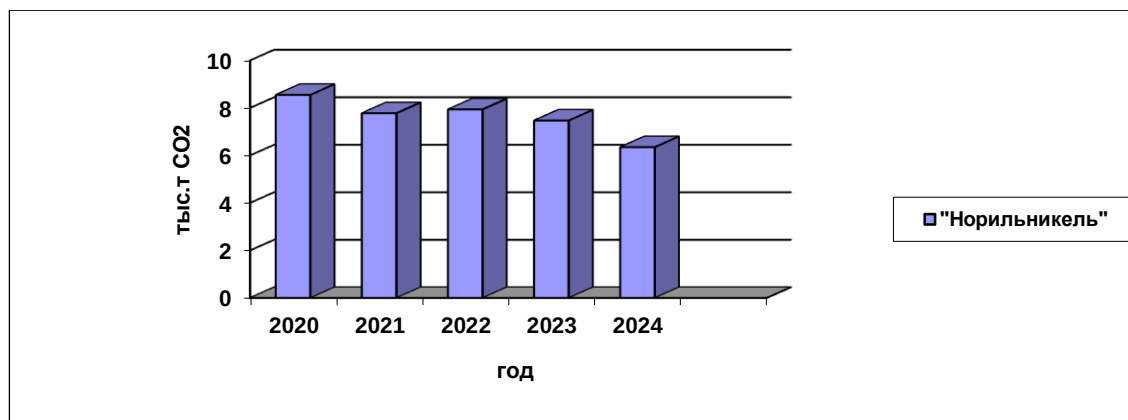

Рисунок 1 удельные прямые выбросы парниковых газов тыс.т. CO₂ на 1 млн.руб выручки «Норильникель»

Анализ кейса Сбербанка в этой области наглядно демонстрирует социальную ответственность организации и цифровое лидерство. Сбербанк стабильно удерживает лидирующие позиции в рейтингах устойчивого развития, занимая третье место в итоговом списке агентства РАЭК за 2025 год. Его стратегия является примером того, как высокие технологии служат обществу.

Основной упор в стратегии банка сделан на поддержку образования и здравоохранения. Банк внедряет масштабные программы, направленные на развитие человеческого потенциала и создание равных возможностей для всех категорий граждан.

Банк делает ставку на открытость коммуникаций, прозрачность деятельности, что формирует доверие на рынке и привлекает инвесторов, для осуществления амбициозных проектов.

Банк осуществляет переход на полностью безбумажную технологию обслуживания. Использование биометрии и электронных архивов позволило исключить использование бумаги в 90% операций [7].

«Норильский никель» занимает первое место в рейтинге устойчивого развития РАЭК за 2025 год. Компания связывает свое будущее с достижением национального технологического лидерства. В 2024 году расходы «Норникеля» на проекты, связанные с целями устойчивого развития, достигли 374 млрд рублей, или 32% годовой выручки компании по консолидированной финансовой отчетности[6].

Осуществляется реализация «Серной программы» - масштабного инновационного проекта по улавливанию диоксида серы. Технология позволяет преобразовывать вредные выбросы в гипс, который находит применение в строительной отрасли. Это пример радикального ликвидации экологического вреда через глубокую технологическую модернизацию.

Компания активно инвестирует в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) по разработке материалов на базе палладия для «зеленой» энергетики (водородные и солнечные технологии) и созданию катодных материалов для аккумуляторов электротранспорта.

Добыча полезных ископаемых шахтным методом является высоко рискованной деятельностью. Для усиления безопасности добычи организация разрабатывает и внедряет информационные системы безопасности, которые помогают избежать людских потерь при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Использование цифровых двойников месторождений повышает извлекаемость природных ресурсов, применение методов 3D-печати изделий позволило наладить выпуск необходимого оборудования и запасных частей в условиях санкций сократило издержки производства, повысило надежность оборудования и как следствие - рентабельность производства [4].

Заключение

К основным проблемам реализации концепция устойчивого развития в России относятся недостаток опытных специалистов и отсутствие единых стандартов. Разработка стратегии устойчивого развития - это комплексный процесс, требующий интеграции экологических и социальных целей в само ядро бизнеса. Опыт Сбербанка и «Норильского никеля» подтверждает, что в условиях инновационной экономики устойчивость и технологическое лидерство неразрывно связаны. Использование цифровых технологий и аддитивного производства позволяет не только снижать негативное воздействие на среду, но и обеспечивать технологический суверенитет и долгосрочную прибыльность предприятия [5].

Использованные источники:

1. Гарбулин Г. Кейсы российских компаний со стратегией устойчивого развития // Профремонт, 2025
2. Бабичева С. Экономика замкнутого цикла СИБУРа: использование вторичного сырья для создания пищевого пластика
3. Итоговый рэнкинг в области экологии, социальной ответственности и корпоративного управления за 2025 год. Рейтинговое агентство РАЭК (RAEX)
4. Лутченко В.Г., Хорев А.И., Житинская Л.О., Паршин Н.М., Ионов С.В. Стратегия инновационного развития предприятия. Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020; стр. 313-318
5. Научно-техническая деятельность ПАО «ГМК «Норильский никель». Материалы раздела «Цифровая трансформация и развитие технологий», 2024
6. Отчет об устойчивом развитии Группы компаний «Норильский никель» за 2024 год. [Электронный ресурс]-

URL:https://nornickel.ru/upload/files/ru/investors/reports-and-results/annual-reports/nn_cso_2024_rus.pdf (дата обращения: 02.03.2026)

7. Финансовые показатели Сбербанка [Электронный ресурс]-
https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Финансовые_показатели_Сбербанка
(дата обращения 04.03.2026)

*Салехова А. А.
студент бакалавриата
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия*

РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕГИПТА ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (2011-2012 ГГ.)

***Аннотация:** Статья посвящена анализу эволюции роли египетской армии в период политической трансформации 2011-2022 гг. Рассматриваются механизмы, позволившие военным не только сохранить, но и усилить свои позиции в постреволюционный период. Особое внимание уделяется событиям «Арабской весны», переходному периоду, военному перевороту 2013 года и установлению режима ас-Сиси. Показано, как армия, традиционно выступающая опорой авторитарного режима, трансформировалась в ключевого политического актора.*

***Ключевые слова:** Египет, армия, «Арабская весна», Высший совет Вооружённых сил, военный переворот.*

*Salekhova A. A.
Bachelor's Degree student
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia*

THE ROLE OF THE ARMY IN THE POLITICAL TRANSFORMATION OF EGYPT AFTER THE ARAB SPRING (2011- 2012)

***Annotation:** This article analyzes the evolution of the Egyptian army's role during the political transformation of 2011-2022. It examines the mechanisms that enabled the military not only to maintain but also to strengthen its position in the post-revolutionary period. Particular attention is paid to the events of the Arab Spring, the transition period, the 2013 military coup, and the establishment of the el-Sisi regime. It demonstrates how the army, traditionally a pillar of the authoritarian regime, has transformed into a key political actor.*

***Keywords:** Egypt, army, «Arab Spring», the Supreme Council of the Armed Forces, military coup.*

Введение.

События «Арабской весны» 2011 года в Египте стали поворотным моментом не только для страны, но и для всей ближневосточной политики. Массовые протесты на площади Тахрир привели к отставке президента Хосни Мубарака, правившего более 30 лет. Однако в отличие от Туниса,

где армия выступила нейтральным арбитром, в Египте вооруженные силы с самого начала заняли активную позицию, взяв на себя функции переходной власти. Этот период заложил основу для последующей трансформации политической системы, в которой армия превратилась в центральный институт, определяющий как внутреннюю стабильность, так и внешнеполитический курс страны вплоть до 2022 года [5].

Методы исследования.

При выполнении работы использовались историко-генетический метод для анализа политических процессов и историко-сравнительный метод для понимания и определения характера политических действий.

Уже в первые дни революции египетская армия продемонстрировала стратегическую сдержанность. 31 января 2011 года танки были выведены на улицы Каира для «охраны порядка», но солдаты отказались открывать огонь по демонстрантам. Военные не поддержали режим Мубарака в подавлении протестов, а вместо этого заняли позицию буфера между властью и оппозицией. Это позволило им убедить президента уйти в отставку 11 февраля, после чего практически вся власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил (ВСВС), во главе которого находился министр обороны **Мухаммед Хусейн Тантави Сулейман**. ВСВС распустил парламент, приостановил действие конституции и пообещал провести демократические выборы. Такие действия были позитивно восприняты как внутри страны, так и в мировых СМИ. Армия позиционировала себя как защитницу «волеизъявления народа», обеспечив относительно мирный переходный период [3].

Переходный период 2011-2012 гг. под контролем ВСВС стал временем балансирования между революционными ожиданиями и сохранением прежнего положения. Военные провели парламентские выборы (победу одержали исламисты) и президентские, на которых в июне 2012 г. победил Мухаммед Мурси. Однако армия сохранила значительное влияние: она контролировала ключевые силовые структуры, включая полицию, и обладала иммунитетом от судебного преследования до принятия новой конституции. Как подчеркивает И.А. Чайко в статье «Роль вооруженных сил в политической системе Египта», в этот период Египет балансировал между военными и исламистами. Президент Мурси попытался ограничить власть военных, уволив Тантави и других генералов в августе 2012 года, но это лишь обострило противоречия. Конституция, принятая в том же году при доминировании исламистов, вызвала новые протесты, а армия продолжала выступать гарантом светского государства [5].

Кульминацией стало 3 июля 2013 года, когда министр обороны генерал **Абдул-Фаттах Саид Хусейн Халил ас-Сиси** объявил об отстранении президента Мурси от власти. Это событие, квалифицируемое большинством российских аналитиков как военный переворот, было поддержано массовыми демонстрациями. ВСВС приостановил действие

конституции, распустил парламент и передал власть временному президенту Адли Мансуру. переворот сопровождался арестами тысяч активистов и жестким подавлением протестов. По данным аналитики, армия действовала как контрреволюционная сила, защищая свои экономические и политические интересы от угрозы исламизации. В результате переворота военные не только вернули контроль над страной, но и стали позиционировать себя как спасителей от хаоса [3].

Избрание ас-Сиси президентом в 2014 г. ознаменовало новый этап укрепления военно-политического режима. Конституция 2014 года в преамбуле прямо назвала армию «столпом» египетского государства, подчеркнув ее роль в освобождении от колониализма и защите революции 2011 г. Согласно ст. 200 Основного закона, вооруженные силы являются частью народа и обязаны обеспечивать безопасность и территориальную целостность. Президент становится верховным главнокомандующим, но реальная власть сосредоточена в руках военных, то есть Высший совет Вооруженных сил превратился в постоянный орган, а военные суды получили широкие полномочия по делам гражданских лиц. При ас-Сиси армия курирует министерства, разведку и даже распределение продовольственных субсидий. Генералитет занял ключевые посты в госаппарате от губернаторов до послов [1].

Особое место занимает экономическая роль армии. После 2013 года военные значительно расширили контроль над хозяйственной жизнью страны. Инженерное управление вооруженных сил стало главным подрядчиком мегапроектов: углубления Суэцкого канала, строительства новой административной столицы, инфраструктуры. Армия владеет монополиями в производстве стали, цемента, занимается рыболовством, отельным бизнесом, фармацевтикой и т.д. По оценкам Российского совета по международным делам, военные реализуют тысячи проектов на сотни миллиардов долларов, привлекая до 9 млн рабочих. Точные данные засекречены, но доля армии в экономике оценивается до 60% ВВП. Привилегии включают налоговые льготы и отсутствие гражданского аудита. Это не только обеспечивает финансовую независимость корпуса, но и укрепляет политическую лояльность. Критики обвиняли военных в коррупции, однако режим ас-Сиси подавил такие выступления [2].

Внешняя политика президента Абдель Фаттах ас-Сиси, часто называемая «доктриной Сиси», также опирается на армию как на инструмент диверсификации. После переворота 2013 года США временно заморозили военную помощь, что подтолкнуло Каир к сближению с Россией. Как анализирует Н.Ю. Сурков, Москва первой поддержала действия египетских военных, обеспечив международное признание. С 2013 г. действует формат «2+2» (министры иностранных дел и обороны), подписано соглашение о стратегическом партнерстве (2021 г.). Россия стала поставщиком вооружений и ключевым партнером по пшенице. Китай и арабские монархии также усилили инвестиции в инфраструктуру.

Армия обеспечивает безопасность Суэцкого канала и борьбу с терроризмом на Синае, что повышает региональный вес Египта. К 2022 г. Египет позиционировал себя как стабильную региональную державу, устойчивая к внешнему вмешательству [4].

К 2022 году армия полностью интегрировалась в политическую систему. Протесты 2019-2021 гг. (включая акции в поддержку Мохаммеда Али) были подавлены, а оппозиция маргинализирована. Военные суды продолжали рассматривать дела против гражданских, а экономические проекты армии способствовали росту, несмотря на социальную напряженность. Режим ас-Сиси, опираясь на генералитет, обеспечил стабильность, но ценой демократических реформ. Как показывают исследования, армия не вернулась к роли «нейтрального игрока», как было до 2011 года, а стала доминирующей силой, сочетающей функции силовика, экономического актора и внешнеполитического гаранта [5].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что политическая трансформация Египта после «Арабской весны» продемонстрировала уникальную способность армии адаптироваться и укреплять позиции. От переходного совета 2011 г. через переворот 2013 г. к режиму ас-Сиси вооруженные силы прошли путь от «защитников революции» к «столпу государства». Этот процесс обеспечил стабильность в условиях региональной турбулентности, но одновременно ограничил демократические преобразования. Будущее покажет, насколько устойчива такая модель в меняющемся мире, однако на период до 2022 г. роль армии оставалась определяющей.

Использованные источники:

1. Вооруженные силы в политике и экономике современного Египта // Fact Military. 2018. URL: https://factmil.com/publ/strana/egipet/vooruzhennyye_sily_v_politike_i_ekonomike_sovremennogo_egipta_2018/97-1-0-1617 (дата обращения: 04.04.2026).
2. Египетская экономика в тисках военных // Российский совет по международным делам. 03.04.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/egipetskaya-ekonomika-v-tiskakh-voennykh/> (дата обращения: 04.04.2026).
3. Роль военных в политике Египта // bmpd. LiveJournal. 2014. URL: <https://bmpd.livejournal.com/742175.html> (дата обращения: 04.04.2026).
4. Сурков Н. Ю. «Доктрина Сиси»: Египет и великие державы после «Арабской весны». Сравнительный анализ отношений Каира с Вашингтоном, Пекином и Москвой // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-sisi-egipet-i-velikie-derzhavy-posle-arabskoy-vesny-sravnitelnyy-analiz-otnosheniy-kaira-s-vashingtonom-pekino-i-moskvo> (дата обращения: 04.04.2026).

5. Чайко И. А. Роль вооруженных сил в политической системе Египта // Вестник МГИМО. 2013. № 3 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vooruzhennyh-sil-v-politicheskoy-sisteme-egipta> (дата обращения: 06.04.2026).

Сафьянникова Е. Ю.
специалист
ВСФ ФГБОУВО Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия
Джура В. В., кандидат юридических наук
заведующий кафедрой гражданского, административного и
уголовного судопроизводства
ВСФ ФГБОУВО Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ

Аннотация: В статье рассматривается институт гражданского иска в уголовном процессе Российской Федерации: его правовая основа, порядок предъявления и рассмотрения, а также роль в защите прав потерпевших. Анализируются ключевые положения уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), регулирующие возмещение имущественного и морального вреда, причиненного преступлением. Особое внимание уделяется практическим проблемам реализации гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства и предлагаются пути их решения. Результаты исследования могут быть полезны юристам, судьям, следователям, дознавателям и студентам юридических факультетов.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовное судопроизводство, возмещение вреда, гражданский истец, потерпевший, моральный вред, имущественный вред, УПК РФ, ГК РФ.

Safyannikova E. Y.
specialist
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia
Dzhura V. V., Candidate of Law
Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice of
the All-Russian
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk, Russia

CIVIL LAW CLAIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS: LEGAL BASIS, IMPLEMENTATION PROCEDURE, AND PROTECTION OF VICTIMS' RIGHTS

Abstract: *The article examines the institution of civil claim in criminal proceedings in the Russian Federation: its legal basis, the procedure for filing and adjudicating such claims, as well as its role in protecting victims' rights. The key provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) and the Civil Code of the Russian Federation (CC RF) that regulate compensation for property damage and moral harm caused by a crime are analysed. Particular attention is paid to practical problems in implementing civil claims within criminal proceedings, and solutions to these problems are proposed. The research findings may be useful for lawyers, judges, investigators, inquiry officers, and law students.*

Keywords: *civil claim, criminal proceedings, compensation for harm, civil claimant, victim, moral harm, property damage, CPC RF, CC RF.*

Конституция РФ (ст. 52) гарантирует потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Одним из механизмов реализации этого права выступает гражданский иск в уголовном деле. Его совместное рассмотрение с уголовным обвинением повышает эффективность защиты прав потерпевших и снижает процессуальные издержки.

Цель статьи – раскрыть сущность, порядок и значение гражданского иска в уголовном процессе, а также выявить актуальные проблемы его применения.

Действующее российское законодательство построено согласно принципу отраслевой дифференциации: нормативные правовые акты, регулирующие отношения в различных обособленных сферах человеческой деятельности, образуют отдельные правовые отрасли. Критериями самостоятельности правовой отрасли являются предмет и метод правового регулирования.

Подчас границы правовых отраслей условны и спорны. Например, дискуссионным в юридической науке всегда являлся вопрос о самостоятельности предпринимательского права. Ранее оно именовалось «хозяйственным правом». Еще в советский период ученые занимали позиции «цивилистов» (сторонников признания хозяйственного права структурным элементом права гражданского) и так называемых хозяйственников (сторонников теории самостоятельного отраслевого характера хозяйственного права) [11, с. 402].

Ярчайшим примером возникновения отношений, регулируемых нормами другой правовой отрасли, является феномен гражданского иска в уголовном процессе.

Гражданский иск по смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ есть требование о возмещении имущественного вреда и (или) об имущественной компенсации морального вреда, причиненных преступлением. Тем самым предмет гражданского иска в уголовном судопроизводстве отличается от гражданского судопроизводства, где предмет иска включает более широкий спектр требований.

В законе отражена специфика гражданского иска в уголовном судопроизводстве, отличающая данный институт от смежного ему в гражданском процессе и позволяющая эффективно защищать права и законные интересы потерпевших.

Во-первых, гражданский иск в уголовном процессе – льготный механизм защиты нарушенного права, обусловленный конституционным гарантированием прав потерпевших от преступлений, их доступа к правосудию и компенсации причиненного им ущерба. Подача гражданского иска в уголовном процессе является дополнительной возможностью для защиты прав потерпевших. Отсюда упрощенная форма предъявления без соблюдения обязательных для гражданского процесса требований к исковому заявлению; использование доказательств, добытых органом предварительного расследования по уголовному делу; освобождение гражданского истца от уплаты государственной пошлины (ч. 2 ст. 44 УПК РФ); подсудность гражданского иска, определяемая подсудностью уголовного дела (ч. 10 ст. 31 УПК РФ); рассмотрение гражданского иска в судебном заседании по уголовному делу и его разрешение по общему правилу, установленному п. 10 ч. 1 ст. 299 и п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК РФ, в приговоре, для которого предусмотрен иной порядок обжалования и вступления в силу, чем для решения суда по гражданскому делу [4, с. 416].

Вместе с тем исполнение удовлетворенного в рамках уголовного дела гражданского иска не дает потерпевшему преимуществ по отношению к физическим и юридическим лицам, которые реализовали свое право на возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Во-вторых, гражданский иск в уголовном судопроизводстве имеет смешанную материально-правовую природу и сугубо уголовно-процессуальный порядок разрешения. Его материальную основу составляет право потерпевшего на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, и на компенсацию в денежном выражении морального вреда при рассмотрении уголовного дела (ч. ч. 3 и 4 ст. 42 УПК РФ, положения ст. 151 и гл. 59 ГК РФ). При этом именно уголовно-процессуальное законодательство закрепляет обязательное условие реализации права на возмещение имущественного вреда и на имущественную компенсацию морального вреда в рамках рассмотрения уголовного дела – непосредственную взаимосвязь между причиненным вредом, преступлением и лицом, претендующим на возмещение (компенсацию). Только при наличии такой взаимосвязи физическое или юридическое лицо приобретает статус гражданского истца как участника уголовного судопроизводства и, соответственно, получает право на рассмотрение своих исковых требований в уголовно-процессуальном порядке. В соответствии с ГК РФ определяется правомочность

представителей гражданского истца (ч. 1 ст. 45 УПК РФ) и гражданского ответчика (ч. 1 ст. 55 УПК РФ) [5, с. 42].

В уголовном процессе неприменимы процессуальные инструменты, присущие гражданскому судопроизводству: предъявление встречного иска, увеличение суммы компенсации (возмещения) причиненного вреда с учетом индексации в порядке исполнения приговора, процессуальное правопреемство гражданского истца.

Отдельного внимания заслуживают случаи признания в приговоре за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передачи вопроса о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском (ч. 2 ст. 309 УПК РФ).

В-третьих, гражданский иск в уголовном процессе может быть удовлетворен только при наличии как уголовной, так и гражданско-правовой ответственности за одно и то же деяние. Отсутствие события преступления, т.е. фактических обстоятельств, указывающих на совершение общественно опасного деяния, а равно непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (доказан факт несовершения лицом преступления либо не доказан факт совершения лицом этого преступления) исключают как уголовную, так и гражданско-правовую ответственность по данному уголовному делу (ч. 4 ст. 213, ч. 2 ст. 306 УПК РФ). Вместе с тем прекращение уголовного дела по еще одному реабилитирующему основанию – в связи с отсутствием в деянии состава преступления – не является препятствием для дальнейшего рассмотрения гражданского иска, заявленного по уголовному делу, в порядке гражданского судопроизводства, поскольку прекращение уголовного преследования в данном случае может быть обусловлено наличием между сторонами исключительно гражданско-правовых отношений. Таким образом, если в процессуальном плане гражданский иск носит производный от уголовного дела характер, то первоосновой возникновения имущественного спора могут быть именно гражданско-правовые отношения [7, с. 284].

В-четвертых, сторонами гражданского иска являются особые участники уголовного судопроизводства: гражданский истец и гражданский ответчик.

При схожести статусов потерпевшего, частного обвинителя и гражданского истца требование о непосредственности причинения вреда преступлением обособляет их процессуальное положение как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Появление потерпевшего в производстве по делу имеет объективный характер, обусловленный последствием совершенного общественно опасного деяния и основанный на преимущественно императивных предписаниях законодателя. Потерпевший (частный обвинитель)

становится гражданским истцом только в том случае, если он предъявит требование о возмещении имущественного вреда, а также о компенсации причиненного преступлением морального вреда.

Предъявление гражданского иска не является единственным средством защиты имущественных прав потерпевшего в рамках производства по уголовному делу. Уже в ходе предварительного расследования вещественные доказательства – деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, доходы от этого имущества – подлежат возвращению законному владельцу (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). В целях получения льготных условий назначения наказания, а иногда и освобождения от уголовной ответственности обвиняемый может добровольно возместить потерпевшим имущественный ущерб и моральный вред (п. «к» ч. 1 ст. 61, ст. ст. 75 – 76.2 УК РФ).

В-пятых, предъявление гражданского иска в порядке ст. 44 УПК РФ имеет жесткие рамки: от возбуждения уголовного дела до окончания судебного следствия в суде первой инстанции. Течение срока исковой давности приостанавливается в случае предъявления гражданского иска в уголовном процессе. В случае нарушения имущественных прав потерпевший располагает возможностью выбора формы судопроизводства для их защиты: возбуждение уголовного дела не препятствует подаче иска в арбитражный суд или суд общей юрисдикции. Более того, потерпевший, предъявляя гражданский иск в уголовном процессе на стадии предварительного следствия, должен предвидеть юридические последствия своих действий, в том числе возможность, а в отдельных случаях и необходимость защиты своих прав в порядке гражданского судопроизводства.

И гражданское и уголовное судопроизводства различаются по методу правового регулирования спорных материальных правоотношений и, соответственно, объему процессуальных прав и обязанностей их участников. Так, исковое производство в гражданском процессе основано на наделении его участников широким спектром так называемых распорядительных прав: отказаться от иска или признать иск полностью или в части; заключить мировое соглашение; изменить предмет или основание иска, исковые требования. Поэтому от ответа на вопрос, по правилам какого судопроизводства рассматривается гражданский иск в уголовном процессе, зависит вывод о том, вправе ли гражданский истец и обвиняемый, например, заключить мировое соглашение. Сразу отметим, что в ч. 4 ст. 44 УПК РФ право на заключение мирового соглашения не предусматривается [9, с. 258].

Повышенные процессуальные гарантии защиты имущественных прав потерпевшего выражаются в том, что, как отмечено в Постановлении Пленума ВС РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», бремя доказывания характера и размера причиненного преступлением имущественного вреда

лежит на государственном обвинителе. Имущественный вред, причиненный непосредственно преступлением, но выходящий за рамки предъявленного подсудимому обвинения (расходы потерпевшего на лечение в связи с повреждением здоровья; расходы на погребение, когда последствием преступления являлась смерть человека; расходы по ремонту поврежденного имущества при проникновении в жилище и др.), подлежит доказыванию гражданским истцом путем представления суду соответствующих документов (квитанций об оплате, кассовых и товарных чеков и т.д.). Гражданский истец обосновывает перед судом свои требования о размере компенсации причиненного преступлением морального вреда [3].

Важно понимать следующее. Иск – это общеправовое понятие, которое характеризует гражданско-правовое требование одного лица к другому, обращенное через суд. Природа иска неизменна. Вне зависимости от того, в порядке какого судопроизводства рассматривается гражданский иск, он должен рассматриваться по правилам «родного» ему гражданского судопроизводства. Не природа процессуальной деятельности детерминирует сущность подлежащего защите права, а природа права и характер спорного правоотношения определяют процессуальный порядок защиты. Представляется, что наиболее правильным было бы включить в уголовно-процессуальное законодательство прямое указание на то, что гражданский иск в уголовном процессе рассматривается по правилам гражданского судопроизводства [6, с. 28].

На практике возникают следующие сложности при предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве:

- Доказывание размера вреда. Потерпевший должен обосновать сумму требований, особенно если вред выходит за рамки предъявленного обвинения (например, расходы на лечение или погребение).

- Определение размера морального вреда. Суд учитывает характер страданий, степень вины, материальное положение ответчика и иные обстоятельства, что создает простор для субъективной оценки.

- Солидарная ответственность. При участии нескольких подсудимых суд может взыскать ущерб солидарно или долями – по ходатайству потерпевшего.

- Исполнение решения. Даже при удовлетворении иска фактическое получение компенсации зависит от имущественного положения осужденного.

- Разграничение с гражданским судопроизводством. В ряде случаев спор о возмещении вреда переносится в гражданский суд (например, при сложных расчетах упущенной выгоды).

Для повышения эффективности института гражданского иска предлагается:

- разработать методические рекомендации по доказыванию размера вреда (имущественного и морального);

- уточнить критерии определения размера компенсации морального вреда;
- усилить взаимодействие судов с ФССП для обеспечения исполнения решений;
- расширить возможности досудебного урегулирования споров в рамках уголовного процесса.

Итак, гражданский иск в уголовном деле – важный инструмент защиты прав потерпевших, позволяющий оперативно возместить вред, причиненный преступлением. Его совместное рассмотрение с уголовным обвинением экономит время и ресурсы, а также повышает гарантии справедливости. Однако для полноценной реализации потенциала этого института необходимо устранить существующие пробелы в правовом регулировании и правоприменительной практике. Совершенствование норм УПК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ позволит повысить эффективность возмещения вреда и укрепить доверие граждан к правосудию.

Использованные источники:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями от 20 февраля 2026 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 // БВС РФ. – 2020. – № 12.
4. Анохин, А. Е. Процедурные проблемы предъявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе / А. Е. Анохин // Научный альманах «В зеркале права»: сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 415-419.
5. Дежнев, А. С. Передача отдельных вопросов уголовного дела для разрешения в гражданском процессе / А. С. Дежнев, К. В. Муравьев // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1(79). – С. 41-48.
6. Зеленская, Т. В. Гражданский иск как правовое средство устранения последствий от преступления / Т. В. Зеленская, М. И. Казарина // Российский следователь. – 2025. – № 2. – С. 25-29.
7. Зыков, А. Участие в доказывании потерпевшего, гражданского истца и их представителей / А. Зыков, Е. Кротов, Л. Р. Амичба // Моя профессиональная карьера. – 2024. – Т. 3, № 60. – С. 283-288.
8. Каминский, Э. С. Особенности рассмотрения гражданского иска о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, в уголовном деле / Э. С. Каминский, З. З. Шайхутдинова // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 5(204). – С. 380-382.

9. Конин, А. В. Некоторые вопросы института гражданского иска в уголовном судопроизводстве / А. В. Конин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 3(104). – С. 257-262.
10. Лиликин, А. А. Гражданский иск в уголовном процессе / А. А. Лиликин, Л. С. Землянкина // Актуальные вопросы современной экономики. – 2025. – № 3. – С. 442-445.
11. Мох, Д. А. Гражданский иск в уголовном процессе / Д. А. Мох // Аллея науки. – 2025. – Т. 1, № 4(103). – С. 401-405.

Скворцов Н.Ю.
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия
Научный руководитель: Уварова В. В.
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Россия

ХАЛАТНОСТЬ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: БЕЗДЕЙСТВИЕ ПРИ УТЕЧКЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация: в статье анализируются уголовно-правовые аспекты халатности должностных лиц государственных органов при утечках персональных данных в сфере цифровых государственных услуг. Исследуются вопросы применения ст. 293 УК РФ к бездействию должностных лиц ИТ-подразделений, проблемы установления причинной связи между ненадлежащим исполнением обязанностей и наступившими последствиями, а также вопросы разграничения халатности со смежными составами преступлений (ст. 272, 272.1, 285 УК РФ).

Ключевые слова: халатность, персональные данные, цифровые государственные услуги, должностное лицо, утечка данных, информационная безопасность.

Skvortsov N.Y.
student
Smolensk State University
Scientific supervisor: Uvarova V.V., Candidate of Law Sciences
Smolensk State University
Smolensk, Russia

NEGLIGENCE IN THE FIELD OF DIGITAL PUBLIC SERVICES: INACTION IN THE EVENT OF A PERSONAL DATA LEAK

Abstract: The article analyzes the criminal law aspects of negligence by government officials in the event of a personal data leak in the field of digital public services. The article examines the application of Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation to the inaction of officials of IT departments, the problems of establishing a causal relationship between improper performance of duties and the resulting consequences, as well as the issues of distinguishing negligence from related crimes (Articles 272, 272.1, and 285 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: negligence, personal data, digital public services, official, data leakage, information security.

Цифровая трансформация государственного управления, выразившаяся в развитии системы «Госуслуги», межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), единой биометрической системы и иных цифровых платформ, неразрывно связана с накоплением государством огромных массивов персональных данных (ПДн) граждан. По оценкам, совокупный объем скомпрометированных записей ПДн в России в 2025 году достиг 1 343 млн, при этом ущерб от одной только утечки через приложения на основе NFCGate в 2025 году превысил 1,5 млрд руб.. Государственные органы, аккумулирующие наиболее чувствительную информацию о гражданах, становятся главной мишенью для кибератак и одновременно — источником угрозы ввиду ненадлежащего исполнения должностными лицами обязанностей по ее защите. Особую остроту проблеме придает то, что, согласно данным компании «Еса Про», в 2025 году 73% всех утечек данных в России пришлось именно на госсектор. При этом, несмотря на заявления Минцифры о 13-кратном сокращении успешных атак в результате принятых мер, сохраняются значительные разрывы в статистике и, что более важно, сохраняется низкая эффективность привлечения виновных должностных лиц к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ.

Цель настоящего исследования — выявить теоретические и практические проблемы применения ст. 293 УК РФ к бездействию должностных лиц государственных органов в сфере защиты ПДн при оказании цифровых услуг и предложить пути их решения.

Объем и характер утечек персональных данных в государственном секторе: статистика и правовой контекст

Статистические данные за 2024–2025 гг. демонстрируют неоднозначную картину. С одной стороны, официальная статистика фиксирует снижение количества утечек: в 2025 году зафиксировано 118 утечек, что на 13% меньше, чем в 2024 году (135 утечек). Совокупный объем утекших строк сократился на 93% до 52 млн. Однако эти данные расходятся с оценками независимых компаний: по данным F6, объем утекших строк вырос на 68% до 767 млн при снижении числа инцидентов до 225. Такое расхождение объясняется различными методиками подсчета и, возможно, неполным раскрытием информации со стороны государственных органов — в 2024 году 59% структур, выявивших утечки, вообще не разглашали информацию о них.

В уголовно-правовом смысле важна не столько статистика, сколько сам факт того, что значительная часть утечек происходит по вине должностных лиц, ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по защите информации. Речь идет о ситуациях, когда доступ злоумышленников к информационным системам становится возможным из-за отсутствия необходимых организационно-распорядительных мер со стороны ответственных должностных лиц — непроведения аттестации объектов информатизации, отсутствия системы обнаружения вторжений

(IDS/IPS), непроведения своевременного обновления программного обеспечения, неконтролируемого предоставления избыточных прав доступа или игнорирования требований приказа ФСТЭК России № 21.

Уголовно-правовая характеристика халатности применительно к сфере цифровых государственных услуг

Объективная сторона халатности (ст. 293 УК РФ) выражается в бездействии — неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе. В сфере цифровых госуслуг это может проявляться в: непроведении обязательных организационно-технических мероприятий по защите ПДн, отсутствии контроля за соблюдением требований информационной безопасности подчиненными сотрудниками, игнорировании предписаний уполномоченных органов об устранении нарушений, ненадлежащем администрировании информационных систем.

При этом обязательным условием наступления уголовной ответственности является причинение крупного ущерба (свыше 2,25 млн руб. в соответствии с примечанием к ст. 293 УК РФ) либо существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивал, что существенность нарушения подлежит обязательной и тщательной оценке в каждом конкретном случае. Применительно к утечкам ПДн существенное нарушение прав граждан может выражаться в массовом характере утечки, компрометации биометрических данных, использовании утекших данных для совершения мошеннических действий в отношении потерпевших и т.д.

Субъективная сторона халатности характеризуется неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности. Должностное лицо должно осознавать возможность наступления общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывать на их предотвращение либо не предвидеть возможности наступления таких последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно и могло их предвидеть. На практике установление субъективной стороны является одной из наиболее сложных проблем: обвинение должно доказать, что должностное лицо не просто формально не исполнило обязанность, но сделало это вследствие именно недобросовестного или небрежного отношения к службе, а не в силу объективных причин (например, недостаточного финансирования).

Субъект халатности в сфере цифровых государственных услуг: проблемы теории и практики

Субъект халатности — специальный, должностное лицо, выполняющее функции представителя власти либо организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления,

государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ (примечание 1 к ст. 285 УК РФ). В ИТ-подразделениях государственных органов должностными лицами признаются руководители соответствующих структурных подразделений (начальники управлений информатизации, отделов информационной безопасности, ИТ-директора и т.п.), а также иные лица, наделенные в установленном порядке организационно-распорядительными функциями в отношении подчиненных или полномочиями по принятию решений о выделении ресурсов на информационную безопасность.

Однако сложность возникает в отношении специалистов, технически обеспечивающих функционирование систем защиты ПДн, но формально не обладающих властными полномочиями (системных администраторов, инженеров, программистов). Ряд авторов, в частности М.А. Тыняная, справедливо отмечают, что правовой статус указанных лиц в контексте ст. 293 УК РФ требует уточнения, поскольку содержащиеся в примечании 1 к ст. 285 УК РФ положения порождают сложности в правоприменительной деятельности.

Более того, согласно разъяснениям, за исключением случаев, когда субъектом может стать государственный служащий, не являющийся должностным лицом, такие специалисты часто остаются за рамками уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ, что создает «правовой вакуум» в сфере ответственности за технические ошибки и бездействие.

Проблемы разграничения халатности со смежными составами преступлений.

При квалификации деяний, связанных с утечками ПДн из государственных информационных систем, возникает конкуренция ст. 293 УК РФ со ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), 272.1 (незаконное использование, передача, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей ПДн), 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ.

Как отмечает М.И. Рамонова, ключевым критерием отграничения халатности от злоупотребления полномочиями является психическое отношение должностного лица к своим обязанностям и последствиям. При халатности должностное лицо уклоняется от исполнения обязанностей не преднамеренно, а по забывчивости, невнимательности или в силу отсутствия должной подготовки. При злоупотреблении же присутствует умысел на использование служебного положения в корыстных или иных личных целях. Это разграничение имеет принципиальное значение для правильной квалификации, поскольку санкции по ст. 285 и 286 УК РФ существенно выше, чем по ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Анализ судебной практики показывает, что привлечение к уголовной ответственности за утечки ПДн по ст. 293 УК РФ встречается крайне редко.

Значительно чаще квалификация идет по ст. 272, 272.1 или 285–286 УК РФ. В 2025 году МВД России зарегистрировало 923 преступления, связанных с незаконным использованием, сбором и передачей ПДн (ст. 272.1 УК РФ), однако конкретные данные о количестве приговоров по ст. 293 УК РФ в открытых источниках практически отсутствуют. При этом, как справедливо отметил председатель Комитета Госдумы по информационной политике Александр Хинштейн, значительная часть эпизодов вполне подпадает под ст. 293 УК РФ, особенно в отношении сотрудников госучреждений.

Рассмотренные судебные дела (например, в Брянской области, где экс-сотрудница полиции передавала знакомому данные из баз МВД, нарушив конституционные права не менее 575 граждан; в Ульяновской области, где сотрудница Социального фонда передавала коммерческой организации ПДн, что позволило последней получить из бюджета свыше 6 млн руб.) квалифицировались по ст. 272 и 286 УК РФ, а не по ст. 293, что свидетельствует о предпочтении обвинения квалифицировать умышленные активные действия, а не неосторожное бездействие. Показательно также дело бывшего начальника полиции в Астрахани, осужденной за утечку личной информации граждан по ст. 286 и 272 УК РФ к реальному лишению свободы.

При этом Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость тщательного доказывания существенности вреда по делам о халатности, и отсутствие таких доказательств является основанием для отмены приговора. Показательным является и оправдание ВС РФ следователя, осужденной за халатность первой инстанцией, что демонстрирует высокий стандарт доказывания по данной категории дел.

Наиболее сложной проблемой при квалификации деяний по ст. 293 УК РФ в сфере цифровых госуслуг является установление причинной связи между бездействием должностного лица и наступившими последствиями (утечкой ПДн). Необходимо доказать, что у должностного лица имелась реальная возможность надлежащим образом исполнить свои обязанности (например, своевременно провести аттестацию, установить обновления, ограничить доступ); именно неисполнение (ненадлежащее исполнение) конкретной обязанности создало реальную возможность для утечки; утечка произошла именно в результате этого бездействия, а не вследствие иных причин (например, целенаправленного взлома с использованием ранее неизвестной уязвимости нулевого дня, которую должностное лицо не могло предотвратить).

Наличие «внешнего» виновного — непосредственного исполнителя неправомерного доступа (хакера или инсайдера) — существенно осложняет доказывание причинной связи. Однако, как справедливо отмечается в доктрине, халатность должностного лица может выступать необходимым условием для совершения преступления иным лицом. В таких случаях следует применять теорию «необходимого сопричинения»,

согласно которой бездействие должностного лица, создавшее реальную возможность для наступления общественно опасных последствий, рассматривается как юридически значимая причина этих последствий наряду с действиями непосредственного исполнителя.

В настоящее время административная ответственность за нарушение законодательства о ПДн предусмотрена ст. 13.11 КоАП РФ, причем размеры штрафов для должностных лиц варьируются от 50 000 до 300 000 руб. в зависимости от тяжести нарушения. С 30 мая 2025 года вступил в силу закон о повышении оборотных штрафов за утечку ПДн: повторная утечка 10 000 идентификаторов или данных не менее 1 000 субъектов грозит оборотным штрафом до 3% годовой выручки — не менее 20 млн и не более 500 млн руб.

В уголовно-правовой плоскости в декабре 2024 года введена ст. 272.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконные использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей ПДн, а равно за создание и обеспечение функционирования информационных ресурсов для их незаконных хранения и/или распространения. Санкция по ч. 5 ст. 272.1 УК РФ (тяжкие последствия или совершение организованной группой) предусматривает лишение свободы на срок до десяти лет со штрафом до 3 млн руб.

Несмотря на это, проблема привлечения к ответственности именно должностных лиц за бездействие в сфере защиты ПДн (халатность) остается нерешенной. Представляется целесообразным: расширить толкование субъекта халатности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, включив в него должностных лиц, ответственных за организацию информационной безопасности в государственных органах, включая руководителей ИТ-подразделений, а также уточнив, что системные администраторы и иные технические специалисты, наделенные правом принятия решений о внесении изменений в конфигурацию средств защиты информации, также могут нести ответственность по ст. 293 УК РФ при наличии соответствующих признаков. Ввести квалифицированный состав халатности (ч. 3 ст. 293 УК РФ) — халатность, повлекшую утечку ПДн в крупном размере (более 100 000 записей) либо повлекшую компрометацию биометрических персональных данных, с более строгой санкцией (реальное лишение свободы). Это позволит дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности последствий. Установить презумпцию наличия причинной связи между выявленными нарушениями требований законодательства о ПДн (вступившими в силу предписаниями Роскомнадзора или ФСТЭК России, не исполненными в установленный срок) и наступившей утечкой, с правом должностного лица опровергать эту презумпцию. Это позволит преодолеть основные сложности доказывания. Разработать и утвердить постановление Пленума Верховного Суда РФ, специально посвященное вопросам квалификации халатности в сфере цифровых государственных услуг и

информационной безопасности, с подробными разъяснениями понятий «существенное нарушение прав граждан», «крупный ущерб», «причинная связь» применительно к утечкам ПДн.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на высокую общественную опасность утечек персональных данных из государственных информационных систем (73% от всех утечек в 2025 году), механизм привлечения должностных лиц к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ за халатность в этой сфере работает крайне неэффективно. Основные проблемы носят как теоретический (неопределенность субъектного состава, сложность установления причинной связи), так и правоприменительный (неразработанность критериев существенности вреда применительно к ПДн, конкуренция со ст. 272, 272.1, 285–286 УК РФ) характер.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, так и, возможно, точечные изменения уголовного законодательства. В условиях продолжающихся кибератак и нарастающего объема цифровых государственных услуг бездействие государства в части обеспечения уголовно-правовой защиты ПДн граждан может привести к подрыву доверия к цифровым государственным сервисам и причинению значительного ущерба как отдельным гражданам, так и государству в целом. Как справедливо отметил Александр Хинштейн, «хищения персональных данных должны являться предметом уголовного наказания», и ст. 293 УК РФ является одним из действенных, но пока недооцененных инструментов для достижения этой цели.

Использованные источники:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Ст. 272, 272.1, 285, 286, 293.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.02.2026). Ст. 13.11.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О персональных данных».
5. Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
6. Приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 «Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных».
7. Тыняная, М.А. Уголовно-правовая характеристика халатности: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2017.

8. Рамонова, М.И. Проблемы отграничения халатности от иных составов преступлений // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 2.
9. Царев, Е.В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014. 156 с.
10. Хинштейн, А.Е. Виновников утечек можно строго наказывать уже сейчас // ComNews. 2022. 21 июля. URL: <https://www.comnews.ru/content/221294/2022-07-21/2022-w29/vinovnikov-utechek-mozhno-strogo-nakazyvat-uzhe-seychas> (дата обращения: 16.04.2026).
11. Государственные организации стали главной мишенью хакеров в 2025 году // Коммерсантъ. 2025. 22 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8313440> (дата обращения: 16.04.2026).
12. Лисаев, О. Тщательность оценки «существенности» в конкретных обстоятельствах // Адвокатская газета. 2021. № 16 (345).
13. Борисов, А.В. Отграничение халатности от умышленных должностных преступлений // Современное право. 2017. № 9.

**ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ПО
РЕКУЛЬТИВАЦИИ НАРУШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ
ЗЕМЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация: В статье рассматриваются правоприменительные проблемы распределения обязанности по рекультивации нарушенных земель в системе охраны земель Российской Федерации. Отправной точкой анализа выступает пункт 5 статьи 13 Земельного кодекса Российской Федерации, закрепляющий обязанность лиц, деятельность которых привела к ухудшению качества земель, обеспечить рекультивацию, а также легальное понимание рекультивации как комплекса мероприятий, направленных на предотвращение деградации земель и восстановление их плодородия с приведением участка в состояние, пригодное для использования по целевому назначению и разрешенному использованию.

Ключевые слова: рекультивация; охрана земель; обязанное лицо; причинная связь; титульный пользователь.

Sokolov N.A.

2nd year master's student

Academic Supervisor: Averyanova N.N., Doctor of Juridical Sciences
Saratov State Law Academy

**THE PROBLEM OF DISTRIBUTION OF THE OBLIGATION FOR
RECOLTIVATION OF DISTURBED LANDS IN THE LAND
PROTECTION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract: The article examines law enforcement problems of distributing the obligation for recultivation of disturbed lands in the land protection system of the Russian Federation. The starting point of the analysis is paragraph 5 of Article 13 of the Land Code of the Russian Federation, which establishes the obligation of persons whose activities have led to deterioration of land quality to ensure recultivation, as well as the legal understanding of recultivation as a set of measures aimed at preventing land degradation and restoring their fertility, bringing the site into a condition suitable for use according to its designated purpose and permitted use.

Keywords: recultivation; land protection; obligated person; causation; title user.

Рекультивация нарушенных земель занимает существенное место в механизме охраны земель в Российской Федерации, поскольку восстановительная обязанность переводит требования земельного законодательства из уровня общих запретов в режим проверяемого и документируемого результата. Рекультивация выражается в конкретных действиях, формализуемых через проект, этапность работ, измеримые показатели состояния почвы и итоговые документы о завершении мероприятий. В результате данный институт становится приоритетным объектом административного контроля и судебной защиты, а также практикоориентированным элементом охранительного режима, в котором оценивается исполнимость правовых предписаний [1].

Практическая значимость анализа обусловлена тем, что именно в спорах о восстановлении нарушенного состояния земель наиболее отчетливо проявляются юридические неопределенности земельной охраны. К числу ключевых вопросов относятся определение обязанного лица при совпадении или расхождении причинителя ухудшения качества земель и титульного пользователя участка, установление факта ухудшения и причинной связи, а также оценка достаточности восстановительных мероприятий для достижения состояния, пригодного для использования по целевому назначению и разрешенному использованию.

Основополагающее положение, определяющее содержание восстановительной обязанности, закреплено в п. 5 ст. 13 Земельного кодекса Российской Федерации [2]. Норма устанавливает обязанность лиц, деятельность которых привела к ухудшению качества земель, включая случаи загрязнения и нарушения почвенного слоя, обеспечить рекультивацию. Легальное определение рекультивации ориентировано на предотвращение деградации земель и восстановление их плодородия посредством приведения земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению и разрешенному использованию, включая устранение последствий загрязнения и восстановление плодородного слоя. Нормативный фокус смещен с формального выполнения работ на достижение проверяемого состояния земель.

В правоприменении п. 5 ст. 13 Земельного кодекса применяется во взаимосвязи со ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации, закрепляющей обязанности собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов соблюдать требования земельного законодательства и не допускать ухудшения состояния земель. Ст. 13 задает меры охраны земель, а ст. 42 закрепляет устойчивые обязанности правообладателя и пользователя участка как участника земельных отношений. На этой основе формируется практическая задача разграничения обязанностей, когда причинитель ухудшения совпадает с правообладателем либо является иным лицом, в том числе подрядчиком, фактическим пользователем без надлежащего титула или смежным землепользователем [3].

Ключевая правоприменительная проблема состоит в том, что п. 5 ст. 13 Земельного кодекса связывает обязанность с деятельностью, приведшей к ухудшению качества земель, то есть предполагает причинно обусловленный критерий определения должника. Однако фактическая картина нередко характеризуется множественностью участников и распределенностью действий во времени: ухудшение может быть следствием действий подрядчика по поручению титульного пользователя, действий третьих лиц, воздействия со смежных участков, либо сочетания антропогенных и природных факторов. В таких условиях установление единственного причинителя затрудняется, а неопределенность должника создает риск фактической блокировки восстановительных процедур [4].

Судебная практика в подобных ситуациях обращается к ст. 42 Земельного кодекса как к норме, обеспечивающей сохранение исполнимости охранительного режима [5]. Титульный пользователь участка обладает фактической возможностью контроля использования территории, организует хозяйственную деятельность и несет обязанности по недопущению ухудшения состояния земель [6]. Это позволяет рассматривать его в качестве адресата требований о запуске рекультивации в ситуациях, когда непосредственный причинитель не установлен либо причинность носит смешанный характер. При этом вопрос о распределении расходов может разрешаться в последующих правоотношениях регресса или возмещения, но запуск восстановительных мероприятий не должен зависеть от длительного установления всех элементов причинности.

Подзаконное регулирование усиливает проектно-документальную природу рекультивации. Правила проведения рекультивации и консервации земель, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 29.05.2025 № 781, закрепляют процедурные категории, через которые обеспечивается проверяемость исполнения обязанности: проект рекультивации, этапность, технические и биологические мероприятия, показатели состояния почвы, акт о завершении работ и приложения к нему. В юридическом смысле это формирует верифицируемый контур исполнения: недостаточно заявить о выполнении работ, требуется подтвердить достижение состояния земель, пригодного для последующего использования.

Следовательно, распределение обязанности по рекультивации в правоприменении должно строиться на системном сочетании причинного критерия п. 5 ст. 13 Земельного кодекса и обязанностей титульного пользователя по ст. 42 Земельного кодекса. При установленности причинителя ухудшения обязанность должна возлагаться на него как на лицо, деятельность которого обусловила ухудшение качества земель. При невозможности установить причинителя либо при смешанной причинности обязанность обеспечить запуск и организацию рекультивации обоснованно возлагается на титульного пользователя как на

лицо, контролирующее использование участка и несущие устойчивые обязанности по охране земель, при сохранении возможности последующего распределения затрат. Такой подход обеспечивает исполнимость охранительного режима и поддерживает практическую реализуемость института рекультивации как восстановительной меры.

Использованные источники:

1. Степанов А.И. Нормативно-правовое обеспечение рекультивации нарушенных земель // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-obespechenie-rekultivatsii-narushennyh-zemel> (дата обращения: 03.02.2026).
2. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8366.
3. Болтанова Е.С. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный). 6-е изд. Москва: РИОР, Инфра-М, 2025. 510 с.
4. Мельников Н.Н. Объекты земельных правоотношений: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 302 с.
5. Подборка судебных решений за 2025 год: Статья 13 «Содержание охраны земель» ЗК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Галанина Т. В., Баумгартэн М. И., Королева Т. Г. Правовые аспекты регулирования рекультивации земель, нарушенных при добыче угля // ГИАБ. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-regulirovaniya-rekultivatsii-zemel-narushennyh-pri-dobyche-uglya> (дата обращения: 03.02.2026).

УДК: 159.9

Солтамигова Л. Х.
магистрант 2 курса
кафедра социологии, общей и юридической психологии
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС,
г. Волгоград
Научный руководитель:
Забродина Т. И., кандидат педагогических наук
доцент
кафедра социологии, общей и юридической психологии
Волгоградский институт управления - филиал РАНХиГС
г. Волгоград

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ И КОМПОНЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ

Аннотация. В условиях усиливающейся вариативности профессиональной и социальной среды возрастает значение психологических механизмов саморегуляции как ресурса адаптации личности. В работе рассматривается взаимосвязь уровня саморегуляции поведения и показателей психологического благополучия студентов гуманитарных специальностей. Эмпирическое исследование проведено на выборке студентов ($N=45$) в возрасте 20–25 лет с использованием методик В.И. Моросановой (ССПМ-2020), К. Рифф (в адаптации Л.В. Жуковской, Е.Г. Трошихиной), опросника ОСА В.П. Прядеина и индекса PGWBI (А.Н. Белова). Результаты статистического анализа (Н-критерий Крускала-Уоллиса) указывают на значимое влияние уровня саморегуляции на самоконтроль ($p = 0,024$), автономность ($p = 0,002$), позитивные отношения ($p = 0,002$), а также ряд других компонентов благополучия. При этом отдельные показатели (депрессия, общее состояние здоровья) не демонстрируют статистически значимых различий.

Ключевые слова: саморегуляция личности, стиль саморегуляции, психологическое здоровье, адаптация в образовательной среде, эмоциональное благополучие.

Soltamigova L. K.
2nd year Master's student
Department of Sociology, General and Legal Psychology
Volgograd Institute of Management - branch of RANEPA
Supervisor: Zabrodina T. I., Candidate of Pedagogical Sciences
Associate Professor
Department of Sociology, General and Legal Psychology
Volgograd Institute of Management - branch of RANEPA
Volgograd

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-REGULATION AND THE COMPONENTS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE PERSONALITY OF UNDERGRADUATES

Annotation. *In conditions of increasing variability of the professional and social environment, the importance of psychological mechanisms of self-regulation as a resource for personal adaptation is increasing. The paper examines the relationship between the level of self-regulation of behavior and indicators of psychological well-being of students of humanities. An empirical study was conducted on a sample of students (N=45) aged 20-25 years using the methods of V.I. Morosanova (SSPM-2020), K. Riff (adapted by L.V. Zhukovskaya, E.G. Troshikhina), V.P. Pryadein's OCA questionnaire and the PGWBI index (A.N. Belov). Statistical analysis results (Kruskal-Wallis H-test) They indicate a significant influence of the level of self-regulation on self-control ($p = 0.024$), autonomy ($p = 0.002$), positive relationships ($p = 0.002$), as well as a number of other components of well-being. At the same time, individual indicators (depression, general health) do not show statistically significant differences.*

Keywords: *self-regulation of personality, self-regulation style, psychological health, adaptation in an educational environment, emotional well-being.*

Введение. Перемены, происходящие в профессиональных и социальных структурах, вынуждает людей адаптироваться к новым условиям. Воздействия многочисленных внутриличностных, семейных, рабочих и общественных стресс-факторов сильно отражаются на здоровье человека. Однако способность к саморегуляции делает доступным возможность осознать и контролировать воздействие этих факторов. Саморегуляция представляет собой комплекс психологических механизмов, которые помогают индивидам контролировать свои эмоции, поведение и мыслительные процессы. Благодаря саморегуляции люди могут ставить перед собой цели и достигать их, что, в свою очередь, способствует более продуктивной деятельности, отмечает А. А. Свет [7].

Различные аспекты взаимосвязи уровня психологического благополучия, как интегрального состояния, и личностных особенностей отражены в отечественных и зарубежных научных исследованиях. По мнению Р. Раян, Е. Деси, психологическое благополучие обнаруживает тесную связь с реализацией базовых психологических потребностей личности [8, с. 141-166]; Т.И. Забродиной выявлены значимые связи между компонентами самоотношения (аутосимпатией, самоуважением) и психологическим благополучием [4]; по мнению Е.В. Воробьевой, уровень психологического благополучия определяет тип психологической защиты [2, с. 120]. Необходимость всестороннего исследования путей формирования психологического благополучия личности, и, в частности, выявление особенностей взаимосвязи феномена с уровнем саморегуляции,

недостаточно освещенных в научных работах, определила проблему и тему нашего исследования.

Цель работы - проверка гипотезы о том, что общий уровень саморегуляции поведения влияет на уровень развитости отдельных компонентов и уровень психологического благополучия личности студентов гуманитарных специальностей, а именно: личности с высокой степенью саморегуляции проявляют лучшие результаты в критериях психологического благополучия, таких как автономность, компетентность и позитивные отношения по сравнению с личностями с низким уровнем саморегуляции.

В исследовании приняли участие студенты старших курсов гуманитарных специальностей г. Волгоград в возрасте 20-25 лет (N-45), которые прошли тесты в формате «онлайн». Для реализации поставленной цели исследования и решения сформулированных задач, мы использовали следующий психодиагностический комплекс инструментов: «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (2020) [5], «Индекс общего психологического благополучия» в адаптации А.Н. Белова [1], «Опросник ОСА» В. П. Прядина (2013) [6], «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, PWB-M в адаптации Л. В. Жуковской, Е. Г. Трошихина (2011) [3]. Результаты и интерпретация результатов по каждой методике подсчитывались и описывались в соответствии с разработанными авторами методик нормами.

Анализ первичных результатов позволил установить, сделать вывод о том, что большинство студентов (67,0%) демонстрируют средний уровень саморегуляции, тогда как высокий уровень выявлен у 20,0% выборки, а низкий у 13,0%. Наиболее выраженные низкие уровни зафиксированы по шкалам «моделирование» (40,0%) и «гибкость» (33,3%), а также по показателю «надежность», где доминирует низкий уровень (72,4%), что указывает на недостаточную устойчивость регуляторных процессов.

Относительно более сформированными выступают компоненты по шкалам «планирование» (40,0% высокого уровня при равной доле среднего), «программирование» (33,3% высокого уровня) и «настойчивость» (26,7% высокого и 66,6% среднего уровня), что свидетельствует о способности к постановке целей и их удержанию. При этом по шкале «оценка результатов» преобладает средний уровень (60,0%), что отражает умеренную выраженность рефлексивного контроля. По результатам исследования компонентов структура саморегуляции характеризуется преобладанием среднего уровня развития.

Для выявления уровня развитости отдельных компонентов и общему уровню психологического благополучия приведены результаты методики «Шкала психологического благополучия» (см. Табл. 1).

Таблица 1 - Распределение студентов по уровню отдельных компонентов и общему уровню психологического благополучия (в %)

	низкий	средний	высокий
Автономность	33,3	46,7	20
Компетентность	20	60	20
Личностный рост	53,3	26,7	20
Позитивные отношения	53,3	46,7	0
Жизненные цели	53,3	33,4	13,3
Самопринятие	46,7	53,3	0
Общий показатель благополучия	53,3	40	6,7

Для проверки гипотезы был применен Н-критерий Крускала-Уоллиса (для подтверждения влияния общего уровня саморегуляции поведения на отдельные компоненты и общее психологическое благополучие личности студентов старших курсов).

При группирующей переменной по шкале «общий уровень саморегуляции» (методика ССПМ) статистически значимые параметры по шкалам «уровень тревожности» ($p = 0,013$) значительно различается в зависимости от уровня саморегуляции, также наблюдается значительное влияние саморегуляции на показатель по шкале «самоконтроль» ($p = 0,024$). По шкалам «автономность» ($p = 0,002$), «позитивные отношения» ($p = 0,002$), «жизненные цели» ($p = 0,015$) и «общий показатель» ($p = 0,036$) демонстрируется значимость, что подтверждает гипотезу. Шкалы «депрессия» ($p = 0,436$), «общее состояние здоровья» ($p = 0,287$) и другие параметры с $p > 0,05$ не оказывают существенного влияния и не демонстрирует значимости.

При группирующей переменной по шкале «уровень саморегуляции» (методика ОСА) наблюдается значительное влияние по шкале «уровень саморегуляции» на показатель по шкале «самоконтроль» ($p = 0,003$). Показатели по шкалам «автономность» ($p = 0,004$), «компетентность» ($p = 0,001$), «личностный рост» ($p = 0,001$), «позитивные отношения» ($p = 0,001$), «жизненные цели» ($p = 0,001$), «самопринятие» ($p = 0,001$), «общий показатель» ($p = 0,001$) демонстрируют устойчивую связь с уровнем саморегуляции. Показатели по шкалам «тревожность» ($p = 0,681$) и «депрессия» ($p = 0,099$) не демонстрируют значительной взаимосвязи с уровнем саморегуляции.

Заключение. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что уровень саморегуляции студентов влияет на их психологическое благополучие. Студенты с высоким уровнем саморегуляции

демонстрируют лучшие результаты по критериям самоконтроля, автономности, компетентности и другим аспектам психологического благополучия. Полученные результаты могут быть использованы в практике психологического сопровождения студентов, ориентированной на развитие регуляторных механизмов и уточнение жизненных ориентиров.

Использованные источники:

1. Белова А. Н. Шкалы, тесты и опросники в неврологии и нейрохирургии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Практическая медицина, 2018. 696 с.
2. Воробьева Е. В., Правдина Л. Р., Шевченко А. В. Особенности психологических защит и копинг-стратегий у педагогов дошкольных образовательных учреждений с разным уровнем психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29, № 2. С. 112–125. DOI: 10.17759/pse.2024290208. EDN: SKUISI.
3. Жуковская И. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. № 2.
4. Забродина Т. И. Особенности самоотношения личности и психологического благополучия в юношеском возрасте // Научные дискуссии в эпоху мировой нестабильности: пути совершенствования: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 30 июня 2022 г.). Ростов н/Д: Манускрипт, 2022. Ч. 1. С. 228–229. EDN: TGUQTX.
5. Моросанова В. И., Кондратюк Н. Г. Опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ-2020» // Вопросы психологии. 2020. № 4.
6. Прядеин В. П. Психодиагностика личности: избранные психологические методики и тесты. Сургут: РИО СурГПУ, 2013.
7. Свет А. А. Философско-психологические основы теории саморегуляции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 132–137.
8. Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52, No. 1. P. 141–166.

УДК 351.778.5

*Тихонова В.М.
студент магистратуры
Дальневосточный институт управления – филиала РАНХиГС
г. Хабаровск, Россия
Научный руководитель: Чимитдоржиев Ж.Ж., к.м.н.
доцент
кафедра менеджмента и государственного управления
Дальневосточный институт управления – филиала РАНХиГС*

**НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО НАДЗОРА**

Аннотация: в статье рассматривается текущее состояние и динамика деятельности исполнительного органа Хабаровского края в сфере жилищного надзора. Автор анализирует процесс трансформации контрольно-надзорной деятельности: переход от карательной модели к риск-ориентированному подходу и приоритету профилактических мер.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), государственный жилищный надзор, профилактические мероприятия, контрольно-надзорная деятельность, административная нагрузка, риск-ориентированный подход.

*Tikhonova V.M.
student, graduate student
Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA
Khabarovsk, Russia
Scientific Supervisor: Chimitdorzhiev Zh.Zh., Candidate of Medical
Sciences,
associate professor
Department of Management and Public Administration
Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPA*

**THE NEED TO IMPROVE THE ACTIVITIES OF THE MAIN
DEPARTMENT OF REGIONAL STATE CONTROL AND LICENSING OF
THE GOVERNMENT OF THE KHABAROVSK TERRITORY IN THE
FIELD OF STATE HOUSING SUPERVISION**

Abstract: the article examines the current state and dynamics of the Khabarovsk Territory executive body's activities in the field of housing supervision. The author analyzes the transformation of control and supervisory activities,

specifically the transition from a punitive model to a risk-based approach and the prioritization of preventive measures.

Keywords: *housing and utility services, state housing supervision, preventive measures, control and supervisory activities, administrative burden, risk-based approach.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что сфера ЖКХ является показателем развитости, как отдельного региона, так и страны в целом. ЖКХ относятся к общественным благам, поскольку главными их признаками являются доступность, многократность использования, всеобщий характер. Кроме того, сфера ЖКХ и ее устойчивое функционирование и развитие являются важными факторами социальной безопасности населения [1].

ЖКХ охватывает широкий спектр услуг, связанных с обеспечением комфортных условий жизни населения в городах и населённых пунктах. Она включает в себя такие направления, как обеспечение жильём, водоснабжение и водоотведение, теплоснабжение, газоснабжение, утилизация отходов и благоустройство территорий. Основная задача сферы ЖКХ заключается в создании и поддержании эффективной инфраструктуры, которая обеспечивает жителей необходимыми ресурсами и услугами.

В связи с чем возрастает все большая необходимость в надзоре над сферой ЖКХ, представляющая собой важный механизм, который обеспечивает контроль за качеством предоставляемых услуг, соблюдением норм и стандартов, а также защиту прав потребителей. Этот надзор включает как государственные, так и негосударственные структуры, которые призваны следить за работой предприятий, предоставляющих ЖКУ в области водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения, электроснабжения, газоснабжения, вывоза твердых коммунальных отходов, а также за состоянием жилищного фонда и инфраструктуры.

Основной задачей надзора является обеспечение безопасных и комфортных условий проживания граждан. Это включает в себя проверку соблюдения технических регламентов, санитарных норм, норм безопасности, а также контроль за проведением необходимых ремонтных и профилактических работ. Также важным аспектом является мониторинг состояния жилищного фонда, включая МКД, где недостаточное внимание к техническому состоянию может привести к серьезным авариям и негативным последствиям для жильцов.

В соответствии с указом Президента РФ "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года" [2] является ключевым документом, определяющим направления развития страны в течение ближайшего десятилетия. Он ориентирует экономику и политику на достижение конкретных результатов в важнейших областях жизни общества. Одной

из приоритетных национальных целей, установленных в указе, является "Комфортная и безопасная среда для жизни". Это означает, что основное внимание будет уделено созданию условий для раскрытия потенциала ЖКХ в плоть до 2030 года.

Вместе с тем с возрастающей необходимостью в защите прав граждан, в надзоре за сферой ЖКХ и за деятельностью организаций, осуществляющих управление МКД, возрастает и потребность в снижении административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность – в том числе и деятельность по управлению жилищным фондом, а также в повышении качества администрирования контрольно-надзорных функций.

Реформа контрольной и надзорной деятельности является одним из основных направлений стратегического развития РФ до 2025 года. Приоритетная программа "Реформа контрольной и надзорной деятельности" [3], утвержденная в 21.12.2016 президиумом Совета при Президенте РФ, предполагает, что к 2025 году административная нагрузка на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность (в частности в сфере ЖКХ) должна снизиться путем увеличения мер профилактического характера и уменьшения контрольного (надзорного) давления.

Суть реформы контрольной и надзорной деятельности – в переходе от избыточной карательной функции к предупредительной, с целью снижения административной нагрузки на бизнес и повышения эффективности государственного контроля. Это достигается путем отмены устаревших нормативных актов, внедрения современных цифровых сервисов, усиления профилактической работы и концентрации усилий на проверках в наиболее рискованных сферах.

В связи с переходом от избыточной карательной функции к предупредительной также стоит обратить внимание на Концепцию совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [4], утвержденную распоряжением Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р. Суть этой концепции заключается в переходе от устаревшей, зачастую карательной и избыточно зарегулированной модели проверок к современной, эффективной и, что особенно важно, риск-ориентированной системе.

Суть концепции – это не увеличение числа штрафов или проверок, а повышение уровня безопасности охраняемых законом ценностей (жизнь и здоровье граждан, окружающая среда, экономические интересы государства) при одновременном снижении избыточного административного давления на добросовестный бизнес, которая складывается на основании ее основных направлений – общие положения; развитие систем управления рисками; развитие индикаторов риска в качестве основного инструмента контроля; развитие сервисов профилактики нарушений обязательных требований; цифровизация

контрольной деятельности; повышение компетенций и статуса инспекторского состава; совершенствование законодательства об административной ответственности в части контрольной (надзорной) деятельности.

Федеральный закон РФ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" [5] (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) является ядром законодательного массива, устанавливающим правовые основы, принципы, порядок организации и проведения контрольных (надзорных) мероприятий, а также права и обязанности контролирующих органов и контролируемых лиц в том числе и в жилищной сфере.

Так в соответствии Положением о главном управлении регионального государственного контроля и лицензирования Правительства Хабаровского края (далее – главное управление), утвержденным постановлением Правительства края от 16.10.2012 № 371-пр [6], главное управление осуществляет региональный государственный лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению МКД, а также региональный государственный жилищный надзор исключительно в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации".

Главное управление – выполняет важные функции в сфере жилищного надзора, что является неотъемлемой частью обеспечения безопасности, законности и качества условий проживания граждан на территории края. Жилищный надзор охватывает множество аспектов, связанных с эксплуатацией жилых МКД, соблюдением норм и правил, относящихся к жилищному законодательству, а также обеспечением прав жильцов.

Деятельность главного управления в сфере жилищного надзора охватывает контроль за соблюдением требований, касающихся технического состояния и эксплуатации жилых помещений, надлежащего ведения учета и управления домами, а также соблюдения санитарных норм. Главное управление следит за выполнением обязанностей организаций, осуществляющих управление МКД, проверяет качественное выполнение их работ и соблюдение договорных обязательств перед жильцами.

Одной из ключевых задач главного управления является также защита прав граждан края, что включает в себя рассмотрение обращений и жалоб граждан по вопросам жилищного надзора, проведение профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий (далее также – ПМ, КНМ) в отношении контролируемых лиц, выявление нарушений жилищного законодательства, и выдача предписаний на их устранение, а также привлечение к административной ответственности за наличие нарушений.

Главное управление работает над тем, чтобы обеспечить гражданам доступ к информации о их правах, а также о возможностях защиты этих прав в случае нарушений. Таким образом, работа главного управления направлена не только на предотвращение нарушений, но и на создание благоприятных условий для активного участия граждан в управлении многоквартирными домами (далее – МКД).

Для того, чтобы дать оценку состояния текущей деятельности главного управления в сфере государственного жилищного надзора (далее – ГЖН), был проведен анализ показателей деятельности главного управления по исполнению возложенных задач и функций в сфере ГЖН за 2022-2025 года

Таблица 1

**Количество поступивших на рассмотрение обращений
в главное управление по теме жилищный надзор в сравнении с общим количеством
обращений**

Наименование показателя (единиц)	2022		2023		2024		2025	
	Факт	% от общего	Факт	% от общего	Факт	% от общего	Факт	% от общего
Количество поступивших на рассмотрение обращений по теме ГЖН	16836	96,38	22459	97,14	26363	97,27	25192	96,29
Всего поступивших обращений	17468		23120		27103		26163	
Количество поставленных вопросов в направленных обращениях по теме ГЖН	18297	95,04	24113	96,98	29076	97,48	28732	97,40
Всего поставленных вопросов	19251		24865		29827		29498	

Источник: составлено автором на основании анализа результатов деятельности главного управления в 2022, 2023, 2024, 2025 годах.

На основе данных из таблицы 1 можно сделать выводы, что динамика общего количества обращений демонстрирует устойчивый рост в период с 2022 по 2024 годы с незначительным снижением в 2025 году, за весь анализируемый период (2022 – 2025 года) общее число обращений выросло почти в 1,5 раза.

Вопросы жилищного надзора являются абсолютно преобладающими в структуре работы главного управления – доля обращений по теме ГЖН стабильно составляет более 96% от общего объема. Наивысший удельный вес зафиксирован в 2024 году (97,27%) и даже при небольшом снижении общего потока в 2025 году, концентрация на теме ЖКХ остается критически высокой (96,29%).

Данные свидетельствуют о высокой и растущей нагрузке на Главное управление именно в сфере жилищного надзора. Рост показателей до 2024 года включительно может указывать как на

накопление проблем в сфере ЖКХ, так и на повышение правовой грамотности и активности населения.

Рассмотрим следующие значения показателей деятельности главного управления, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2

Количество проведенных ПМ главным управлением в сфере жилищного надзора

Наименование показателя	2022	2023	2024	2025
ПМ – объявление предостережения (единиц)	2815	3508	5716	8482
ПМ – консультирование (единиц)	-	-	604	270
ПМ – профилактический визит (единиц)	-	-	1	-
ПМ – информирование (дней)	247	247	248	225
ПМ – самообследование (единиц)	-	-	-	-
ПМ – меры стимулирования добросовестности (единиц)	-	-	-	-
ПМ – обобщение правоприменительной практики (единиц)	5	15	6	6

Источник: составлено автором на основании анализа результатов деятельности главного управления в 2022, 2023, 2024, 2025 годах.

На основе данных таблицы 2 "Количество проведенных ПМ главным управлением в сфере жилищного надзора" можно сделать следующие выводы:

1. Взрывной рост профилактики – стремительное увеличение количества выданных предостережений с 2022 года (2815) по 2025 год (8482), их число выросло более чем в 3 раза.

2. Рост демонстрирует оптимизацию использования трудовых, материальных и финансовых ресурсов, используемых при осуществлении ГЖН. Главное управление заменяет жесткие проверки более мягкими профилактическими мерами, которые требуют меньше временных и финансовых затрат.

3. Динамика консультирования – в 2024 году зафиксирован пик — 604 мероприятия, в 2025 году наблюдается спад более чем вдвое — до 270 мероприятий. Это может указывать на то, что после активной разъяснительной кампании 2024 года потребность в типовых консультациях снизилась.

4. Информационная стабильность – показатель "ПМ – информирование" остается практически неизменным на протяжении 4 лет (колеблется в районе 225–248 дней в году). Это говорит о планомерной и регулярной работе по наполнению информационных ресурсов ведомства.

5. Отсутствующие формы ПМ – в таблице зафиксированы практически нулевые показатели по ряду направлений:

Самообследование и меры стимулирования добросовестности не применялись вовсе. Данные ПМ не проводились в связи с тем, что осуществление мер профилактики управлением ГЖН осуществляется в соответствии с постановлениями Правительства Хабаровского края "Об утверждении Положения о региональном государственном лицензионном

контроле за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами на территории Хабаровского края" [7], "Об утверждении Положения об осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора) на территории Хабаровского края" [8].

Согласно указанным правовым актам в управление ГЖН предполагается только пять ПМ – информирование; обобщение правоприменительной практики; объявление предостережения; консультирование; профилактический визит, что идет в разрез с Федеральным законом № 248-ФЗ, которым предусмотрено семь ПМ – информирование; обобщение правоприменительной практики; меры стимулирования добросовестности; объявление предостережения; консультирование; самообследование; профилактический визит.

Профилактический визит – проведен лишь однажды (в 2024 году). Обобщение правоприменительной практики проводится стабильно, но редко (от 5 до 15 раз в год), что соответствует плановому характеру этой работы (обычно раз в квартал или год).

Можно сделать вывод, что главное управление перешло на "рельсы" предупредительного надзора. К 2025 году основным инструментом влияния стало объявление предостережений, в то время как более сложные формы профилактики (визиты, самообследование) пока не получили массового развития.

Значения следующих показателей представлены в таблице 3.

Таблица 3

Количество проведенных КНМ главным управлением в сфере жилищного надзора

Наименование показателя (единиц)	2022	2023	2024	2025
Плановые КНМ	-	-	-	-
КНМ – внеплановые документарные проверки	220	52	117	132
КНМ – внеплановые выездные проверки	874	72	176	82
КНМ – внеплановые инспекционные визиты	533	748	959	435
КНМ – внеплановые выездные обследования	423	181	304	313
Всего	2050	1053	1556	962

Источник: составлено автором на основании анализа результатов деятельности главного управления в 2022, 2023, 2024, 2025 годах.

Анализ таблицы 3 указывает на масштабную трансформацию подходов к надзору – за 2022–2025 года полный отказ от плановых проверок, что является прямым следствием действующего моратория на проверки и перехода к работе исключительно по фактам нарушений.

Наблюдается значительное снижение классических внеплановых выездных проверок – с 874 в 2022 году до 82 в 2025 году (сокращение в 10 раз), что говорит о минимизации прямого вмешательства в деятельность поднадзорных субъектов.

Смена приоритета в пользу "Инспекционных визитов" – это более оперативный и менее обременительный формат контроля по сравнению с полноценной проверкой. Этот инструмент стал основным в 2023–2024 годах

Данные подтверждают реализацию риск-ориентированного подхода – главное управление перестало ходить с плановыми проверками и резко сократило выездные мероприятия, заменив их инспекционными визитами и выездными обследованиями.

Снижение административной нагрузки при осуществлении ГЖН на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую в сфере ЖКХ, главным управлением достигнуто не менее чем на 50% к концу 2025 года.

Вместе с тем в 2023 году управлением ГЖН внедрена практика сплошной профилактики нарушений подконтрольных жилищному надзору субъектов, которая подразумевает обобщение правоприменительной практики к объектам контроля, в связи с чем наблюдается низкий показатель КНМ в сравнении с 2022 годом по данным показателям.

Сравним показатели административной нагрузки на контролируемые лица, осуществляющих свою деятельность в сфере ЖКХ в таблице 4.

Таблица 4

Итоги рассмотренных административных дел, составленных по итогам проведенных КНМ главным управлением в сфере жилищного надзора

Наименование показателя	2022	2023	2024	2025
Административный штраф (единиц)	952	644	791	857
Сумма административных штрафов (тыс.руб)	54377,3	42376,4	52903,5	44143,7
Предупреждение (единиц)	207	262	320	482
Устное замечание (единиц)	492	497	477	75
Обязательные работы (единиц)	9	6	16	6
Административное дело незаконно и подлежит отмене (единиц)	2	6	3	0
Прекращение административного делопроизводства (единиц)	173	106	117	84

Источник: составлено автором на основании анализа результатов деятельности главного управления в 2022, 2023, 2024, 2025 годах.

Согласно данным таблицы 4 установлено, что результаты административной практики главным управлением за период с 2022 по 2025 года заключаются в стабильно высоком уровне административного воздействия со стороны органа надзора, при этом наблюдаются некоторые колебания в структуре применяемых мер.

Количество предупреждений выросло более чем в 2,3 раза (с 207 до 482). Это подтверждает переход от фискального давления к профилактическому. Несмотря на рост числа штрафов в единицах к 2025 году (857 ед.), общая сумма взысканий остается в диапазоне 42–54 миллионов рублей, что говорит о снижении среднего "чека" штрафа или применении минимальных санкций.

В 2025 году показатель "устное замечание" упал почти в 7 раз (с 480 до 75), что может указывать на ужесточение фиксации нарушений (переход от слов к официальным предупреждениям).

В 2025 году зафиксировано Повышение качества работы – 0 незаконных дел и минимальное количество прекращенных производств (84), что свидетельствует об улучшении доказательной базы при составлении протоколов.

Административная нагрузка сохраняется на высоком уровне, но ее характер стал более "мягким" (замена штрафов предупреждениями) и более юридически выверенным.

Таким образом, в результате анализа деятельности главного управления по исполнению возложенных задач и функций в сфере ГЖН за 2022-2025 года, можно сделать вывод, что деятельность главного управления нацелена на исполнение основополагающих целей и показателей приоритетной программы "Реформа контрольной и надзорной деятельности" и Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года, а именно к 2025 году снизить административную нагрузку на малый бизнес в двое путем развития мер профилактического характера, а также к 2026 году повысить уровень безопасности охраняемых законом ценностей (жизнь и здоровье граждан, окружающая среда, экономические интересы государства) при одновременном снижении избыточного карательного административного давления.

Однако, согласно данным анализа, даже со снижением КНМ в двое в 2025 году по сравнению с 2022 годом, количество административных штрафов и их сумма к 2025 году относительно схожа с показателями в 2022 году.

Кроме того, с 2022 года управлением ГЖН в рамках реализации ПМ было осуществлено только – объявление предостережения, информирование, обобщение правоприменительной практики, консультирование и один профилактический визит, когда как меры стимулирования добросовестности и самообследования не проводились совсем.

В целом деятельность управления ГЖН удовлетворительная, но в ней есть определенные проблемы. Эти проблемы связаны с нереализованными мерами профилактики в рамках осуществления ГЖН, а также высоким административным давлением по итогам проведенных КНМ при снижении количества данных мероприятий: неисполнение мер профилактики в рамках осуществления ГЖН – стимулирование добросовестности и самообследования; избыточное количество и сумма административных штрафов по итогам КНМ в рамках осуществления ГЖН.

Одним из возможных решений выявленных проблем может послужить создание программы профилактической поддержки организаций и граждан на территории Хабаровского края, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере ЖКХ, для уменьшения административной нагрузки, посредством внедрения в деятельность главного

управления механизмов самообследования и стимулирования правомерного поведения в сфере ГЖН.

Внедрение данной программы позволит снизить вред для граждан, стимулировать добросовестность контролируемых лиц, уменьшить количество штрафов и повысить прозрачность, переходя от карательных мер к превентивным, что экономически выгоднее и эффективнее в долгосрочной перспективе для сферы ЖКХ.

Таким образом, предлагаемое автором решение даст новый толчок главному управлению выйти к полному соответствию с требованиями Федерального закона № 248-ФЗ, который делает особый акцент на предупреждении нарушений через применение контрольными органами широкого спектра полномочий. В законе установлен приоритет проведения ПМ над КНМ, представлена обновленная система государственного контроля и порядок проведения мероприятий, а также введены новые институты и инструменты, направленные на снижение административных барьеров.

Использованные источники:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.: (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 N 1-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.07.2020. № 31. Ст. 4412.
3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.
4. Об утверждении Положения о главном управлении регионального государственного контроля и лицензирования Правительства Хабаровского края : Постановление Правительства Хабаровского края от 16.10.20012 № 371-пр // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/995155348> (дата обращения: 16.03.2026).
5. Об утверждении Положения о региональном государственном лицензионном контроле за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами на территории Хабаровского края: Постановление Правительства Хабаровского края от 24.12.2021 № 659-пр // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465388598> (дата обращения: 16.03.2026).
6. Об утверждении Положения об осуществлении регионального государственного жилищного контроля (надзора) на территории Хабаровского края: Постановление Правительства Хабаровского края от 31.12.2021 № 716-пр // Электронный фонд правовых и нормативно-

технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465388635> (дата обращения: 16.03.2026).

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1305894187> (дата обращения: 16.03.2026).

8. Об утверждении приоритетной программы "Реформа контрольной и надзорной деятельности" : Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 № 12 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456081557> (дата обращения: 16.03.2026).

9. Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1304418207?marker=64U0IK&section=text> (дата обращения: 16.03.2026).

10. Леонова, Л. Б. Сфера услуг жилищно-коммунального хозяйства - социальный вектор развития экономики России / Л.Б. Леонова, А.Г. Мокроносов // Экономика строительства. 2023. №2. – С. 10-18.

Токарева А.Д

магистрант

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

Лях Ю.А., доктор педагогических наук

профессор

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

МЕТОДИКА «РИСУНОК ШКОЛЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ НАДЕЖНОСТИ И ВАЛИДНОСТИ

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирической проверки психометрических характеристик проективной методики «Рисунок школы» В. Д. Шадрикова и Н. В. Нижегородцевой в контексте оценки качества образования. Исследование исходит из положения о том, что эмоциональное отношение младших школьников к образовательной среде может рассматриваться как один из косвенных показателей качества образовательного процесса. Исследование проводилось на выборке учащихся третьих классов ($n = 90$) и было направлено на оценку ретестовой надежности и критериальной валидности методики. В качестве внешнего критерия использовалась методика Н. Г. Лускановой «Оценка уровня школьной мотивации», а также экспертные оценки классных руководителей. Полученные данные свидетельствуют о наличии умеренной ретестовой устойчивости результатов и низкой согласованности с показателями школьной мотивации. Установлено, что методика «Рисунок школы» и анкета Н. Г. Лускановой, вероятно, фиксируют различные аспекты отношения ребенка к образовательной среде: эмоционально-переживательный и мотивационно-поведенческий. Сделан вывод о целесообразности применения проективной методики исключительно в комплексе с другими диагностическими средствами.

Ключевые слова: проективная диагностика, младшие школьники, школьная тревожность, отношение к школе, надежность, валидность, школьная мотивация.

Tokareva A. D.
master's degree student
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Lyakh Yu. A., Doctor of Pedagogical Sciences
Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

METHOD “SCHOOL DRAWING” AS A TOOL FOR ASSESSING THE QUALITY OF EDUCATION: ANALYSIS OF RELIABILITY AND VALIDITY

Abstract: *The article presents the results of an empirical assessment of the psychometric characteristics of the projective method “School Drawing” developed by V.D. Shadrikov and N.V. Nizhegorodtseva in the context of educational quality assessment. The study is based on the assumption that the emotional attitude of primary school children toward the school environment can be considered an indirect indicator of the quality of the educational process. The study involved third-grade students (n = 90) and was aimed at evaluating the test–retest reliability and criterion validity of the method. N.G. Luskanova’s School Motivation Assessment questionnaire and teachers’ expert evaluations were used as external criteria. The results indicate moderate test–retest reliability and a low level of correspondence with school motivation indicators. It is assumed that the “School Drawing” method and Luskanova’s questionnaire assess different aspects of a child’s attitude toward school: emotional-experiential and motivational-behavioral. The article concludes that the projective method should be used only in combination with other diagnostic tools when assessing the quality of education.*

Keywords: *projective diagnostics, primary school children, school anxiety, attitude toward school, reliability, validity, educational quality assessment, school motivation*

В современной психолого-педагогической практике особое значение приобретают методы, позволяющие выявлять эмоциональное отношение ребенка к образовательной среде. Одним из подобных инструментов является проективная методика «Рисунок школы», разработанная В. Д. Шадриковым и Н. В. Нижегородцевой. Методика ориентирована на выявление переживаний, связанных со школой, а также на диагностику признаков школьной тревожности [4].

Вместе с тем применение любой психодиагностической методики в условиях образовательной организации требует подтверждения ее психометрических характеристик. В первую очередь речь идет о надежности, то есть устойчивости результатов при повторном применении, и валидности — степени соответствия методики тем психологическим характеристикам,

для оценки которых она предназначена.

Следует учитывать, что проективные методики традиционно вызывают научную дискуссию в связи со сложностью их стандартизации и неоднозначностью интерпретации результатов [2]. Поэтому представляется важным эмпирически уточнить возможности и ограничения методики «Рисунок школы» применительно к младшему школьному возрасту.

Цель исследования - определить ретестовую надежность и критериальную валидность методики «Рисунок школы».

Исследование проводилось на базе общеобразовательной организации г. Москвы. В выборку вошли 90 учащихся третьих классов в возрасте 9–10 лет.

Диагностика была организована в два этапа с интервалом в три недели. Указанный временной промежуток был выбран с учетом необходимости оценить устойчивость результатов методики и одновременно минимизировать влияние случайного запоминания задания. При планировании исследования были исключены периоды каникул, проведения контрольных работ и иных событий, способных существенно повлиять на эмоциональное состояние обучающихся.

Для проверки критериальной валидности использовались:

- методика Н. Г. Лускановой «Оценка уровня школьной мотивации»;
- экспертные оценки классных руководителей, выраженные по пятибалльной шкале отношения ребенка к школе.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Сопоставление результатов первого и повторного применения методики «Рисунок школы» показало наличие умеренной положительной связи между измерениями ($r = 0,54$). Для проективного инструмента данный показатель может рассматриваться как свидетельство относительной устойчивости результатов во времени.

Вместе с тем анализ распределения типов рисунков показал определенные изменения в эмоциональном содержании изображений. Так, доля рисунков, интерпретированных как отражающие тревожное отношение к школе, увеличилась с 7,7 % до 16,6 %. Однако данный факт не позволяет однозначно утверждать, что методика чувствительна именно к динамике эмоционального состояния. Подобные изменения могли быть обусловлены как ситуативными факторами школьной жизни, так и особенностями повторного выполнения задания.

Следовательно, полученные данные позволяют говорить о наличии умеренной ретестовой надежности методики, однако вопрос о ее чувствительности к изменениям эмоционального состояния требует дополнительного изучения на более широкой и разнородной выборке.

Сравнение результатов методики «Рисунок школы» с показателями анкеты Н. Г. Лускановой выявило низкий уровень взаимосвязи.

Коэффициенты корреляции составили $r = 0,08$ при первом измерении и $r = 0,11$ при повторном.

Низкие значения корреляции не позволяют рассматривать методику «Рисунок школы» как прямой аналог диагностики школьной мотивации. Вместе с тем данный результат не свидетельствует о низкой ценности самой методики. Вероятно, проективный рисунок и опросник направлены на выявление различных компонентов отношения ребенка к школе. Если анкета фиксирует осознаваемые мотивационные установки и отношение к учебной деятельности, то проективный рисунок может отражать эмоциональные переживания, не всегда доступные ребенку для вербализации [3].

Таким образом, низкая степень согласованности между двумя методиками может интерпретироваться не как недостаток одной из них, а как указание на различие измеряемых психологических конструкторов.

Анализ экспертных оценок показал, что, по мнению педагогов, 21,1 % учащихся демонстрируют выраженно положительное отношение к школе, 38,8 % - отношение выше среднего, 30 % — нейтральное и 10 % — отношение ниже среднего. При этом педагоги не выделили учащихся с выраженно негативным отношением к школе.

Корреляционный анализ выявил практически полное отсутствие связи между экспертными оценками и результатами методики «Рисунок школы»: $r = -0,075$ при первичном обследовании и $r = 0,16$ при повторном.

При сопоставлении мнения педагогов с результатами методики Н. Г. Лускановой также была зафиксирована низкая связь на первом этапе исследования ($r = -0,058$). На повторном этапе коэффициент составил $r = -0,59$.

Полученные данные не позволяют сделать вывод о недостаточной компетентности педагогов в оценке отношения учащихся к школе. Скорее, они свидетельствуют о том, что педагогическое наблюдение, стандартизированные опросники и проективные методы отражают различные уровни проявления школьной адаптации и мотивации.

Как отмечал А. Н. Леонтьев, один и тот же психологический феномен может проявляться на различных уровнях активности и не всегда доступен прямому наблюдению. В связи с этим расхождения между оценками педагогов и результатами диагностики могут быть обусловлены спецификой диагностируемых проявлений, а также влиянием ситуативных и личностных факторов.

Следует учитывать, что на точность педагогических оценок могут влиять продолжительность взаимодействия учителя с классом, особенности профессионального опыта, склонность интерпретировать учебную мотивацию через дисциплинированность и успешность ребенка.

Полученные результаты позволяют предположить, что методика «Рисунок школы» обладает ограниченной валидностью в качестве самостоятельного средства диагностики школьной мотивации и тревожности. Вместе с тем ее использование может быть оправдано в тех случаях, когда

необходимо выявить эмоционально окрашенное отношение ребенка к школьной среде.

Результаты исследования согласуются с данными, представленными в работах, посвященных применению проективных рисуночных методов. Отмечается, что подобные методики наиболее эффективны при комплексной интерпретации и сопоставлении с другими источниками информации [1; 2].

Следовательно, методику «Рисунок школы» целесообразно рассматривать не как самостоятельный диагностический инструмент, а как дополнительное средство в системе психолого-педагогического сопровождения. Ее применение должно сочетаться с использованием стандартизированных опросников, наблюдения и экспертных оценок.

Для окончательного вывода о диагностических возможностях методики необходимы дополнительные исследования, включающие:

- расширение выборки.
- учет пола, возраста и уровня школьной адаптации учащихся;
- анализ влияния внешних факторов школьной среды;
- сопоставление результатов с другими стандартизированными методиками тревожности и эмоционального благополучия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что методика «Рисунок школы» обладает определенным диагностическим потенциалом при изучении эмоционального отношения младших школьников к образовательной среде. Вместе с тем полученные показатели ретестовой надежности и критериальной валидности свидетельствуют о необходимости осторожного подхода к интерпретации ее результатов.

Низкая согласованность с методикой Н. Г. Лускановой и экспертными оценками педагогов, вероятно, обусловлена тем, что данные инструменты отражают различные аспекты отношения ребенка к школе. Проективная методика в большей степени ориентирована на выявление эмоционально-переживательных характеристик, тогда как опросники и педагогическое наблюдение позволяют фиксировать осознаваемые мотивационные и поведенческие проявления.

В контексте оценки качества образования методика «Рисунок школы» может рассматриваться как дополнительный инструмент, позволяющий выявлять особенности эмоционального восприятия ребенком школьной среды. Однако ее применение целесообразно только в составе комплексной диагностической программы, включающей стандартизированные методики, наблюдение и экспертную оценку.

Для уточнения диагностических возможностей методики необходимы дальнейшие исследования, направленные на выявление условий, при которых эмоциональное отношение учащихся к школе может выступать значимым индикатором качества образовательной среды и эффективности психолого-педагогического сопровождения.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

1. Бутенко В. Н., Аникина М. А., Артюхова Т. Ю., Волкова О. В. Комплексный подход к коррекции тревожности, выученной беспомощности и хронической неуспешности у младших школьников // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 11. С. 2081–2092.
2. Кочуров М. Г. Валидность проективной рисуночной методики «Дом – Дерево – Человек» при диагностике психосоматических нарушений // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 1-3 (103). С. 69–72.
3. Чиркова Ю. В., Колосова Т. А. Проективные методы в диагностике нарушений развития личности в детском возрасте. Москва: Юрайт, 2026. 218 с.
4. Шадриков В. Д., Нижегородцева Н. В. Проективная методика «Рисунок школы». Москва: ВЛАДОС, 2001.
5. Шibaева М. А. Диагностика тревожности младших школьников по запросам родителей // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: материалы VII Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2022. С. 122–124.

*Трушкевич И.М.
магистрант
ИСОиП (филиал) ДГТУ
г. Шахты*

*Панфилов А.С.
магистрант
ИСОиП (филиал) ДГТУ
г. Шахты*

*Горностаева Ж.В., к.э.н.
профессор*

ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ

***Аннотация:** В статье рассмотрены рекомендации по совершенствованию технологий управления персоналом в условиях конкурентной среды на примере торговой компании. Изучены направления и подходы к управлению кадрами. Предложены мероприятия по созданию конкурентоспособной команды торгового предприятия. Также рассмотрены особенности проведения оценки эффективности управления персоналом.*

***Ключевые слова:** персонал, кадры, управление персоналом, предприятие, конкурентоспособность, эффективность, оценка эффективности.*

*Trushkevich I.M.
postgraduate student
ISOiP (branch) of DSTU
in Shakhty*

*Panfilov A.S.
postgraduate student
ISOiP (branch) of DSTU
in Shakhty*

*Gornostaeva Zh.V., PhD
professor ISOiP(branch) of DSTU
in Shakhty*

IMPROVING HR MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT

***Abstract:** This article examines recommendations for improving HR management practices in a competitive environment, using a trading company as an example. It examines trends and approaches to HR management and proposes*

measures for building a competitive trading team. It also discusses the specifics of evaluating HR management effectiveness.

Keywords: *personnel, HR, HR management, enterprise, competitiveness, efficiency, performance evaluation*

В конкурентной среде персонал предприятия следует рассматривать, как основной источник устойчивого конкурентного положения, так как именно сотрудники напрямую влияют на клиентский опыт, операционную эффективность и способность предприятия адаптироваться к изменению внешней среды.

Для превращения персонала в источник устойчивого превосходства над конкурентами необходимо внедрение целостной управленческой модели, где согласованно задействованы три компонента: технологическое обновление, корпоративная культура и оценочные процедуры в отношении сотрудников. Ключевое требование к собственнику бизнеса — осознание того факта, что развитие кадровых инструментов не сводится лишь к устранению рутинных действий через автоматизацию. Это также процесс формирования принципиально иной среды, обеспечивающей сотрудникам возможности для карьерного роста и повышения профессионального уровня.

Таким образом, в конкурентной среде выигрывает та компания, которая выстраивает не просто систему HR-процессов, а экосистему для наращивания трудового потенциала.

Проведенный анализ условной торговой компании показал, что не в полной мере используются современные технологии в управлении персоналом, что ограничивает возможности упрочить конкурентное положение компании на рынке за счет квалифицированных и лояльных сотрудников. Основываясь на результатах проведенного исследования, рассмотрим ключевые аспекты управления персоналом компании, на которые следует обратить внимание владельцу бизнеса.

Ключевые направления и подходы к управлению кадрами условной торговой компании приведены в таблице 1.

Таблица.1 – Ключевые направления и подходы к управлению кадрами

Цель	Суть	Результат
Развитие клиенто-ориентированной корпоративной культуры	Создать «архитектуру сервиса», включающую философию, систему поощрений, поддерживающую необходимое поведение персонала Повышать роль руководителей как ролевых моделей поведения кадров	Рост лояльности и повторных покупок клиентов Формирование уникального клиентского опыта, который сложно скопировать конкурентам
Оценка лояльности и вовлеченности персонала	Регулярно измерять eNPS через простые анонимные опросы Анализировать причины	Снижение текучести кадров и связанных с ней издержек

	увольнений сотрудников через выходные интервью Отслеживать: коэффициент удержания персонала и среднюю продолжительность работы	Рост производительности (лояльные команды всегда эффективнее) Укрепление HR-бренда
Связь управления персоналом с бизнес-результатами	Разработать экономическую модель для оценки эффекта от мероприятий по управлению персоналом	Прозрачность вклада HR в прибыль. Обоснование инвестиций в развитие персонала
Стратегическое развитие корпоративной культуры	Проводить аудит и обновлять ценности компании, чтобы они отвечали реальным бизнес-целям и были понятны сотрудникам	Повышение вовлеченности и сплоченности коллектива. Формирование сильного бренда работодателя

Отмеченные компоненты находятся в тесной функциональной зависимости: формирование устойчивой корпоративной среды напрямую способствует росту вовлечённости персонала. Данное обстоятельство, в свою очередь, благоприятно отражается на качестве обслуживания покупателей и на ключевых экономических результатах деятельности торгового предприятия. Применение системного подхода позволяет выстроить такой кадровый состав, сотрудники которого выполняют свои обязанности не формально, а демонстрируют внутреннюю заинтересованность в конечном успехе организации.

Рекомендации по построению конкурентоспособной команды на примере торговой компании предусматривают следующие тактические шаги:

- переход от кадрового делопроизводства к стратегическому управлению человеческими ресурсами;
- цифровая трансформация HR-процессов;
- формирование организационной культуры и вовлеченности персонала.

Рассмотрим более подробно суть предлагаемых мероприятий по созданию конкурентоспособной команды на примере условной торговой компании, их описание приведено в таблице 2.

Таблица 2 – Мероприятия по созданию конкурентоспособной команды торгового предприятия

Мероприятие	Характеристика
Стратегия и аналитика	Переход от оперативного кадрового делопроизводства к стратегическому управлению человеческим капиталом Внедрение HR-аналитики: отслеживание не только текучести, но и индекса удовлетворенности клиентов по сотрудникам, рентабельности инвестиций в обучение. Прогнозирование рисков увольнений
Цифровая трансформация процессов	Подбор: использование ATS и ИИ-скрининг для быстрого закрытия вакансий, оценка на ценностное соответствие Адаптация: цифровые онбординг-платформы для ускорения выхода на эффективность и интеграции в культуру Обучение: LMS/LXP-системы для микрообучения, отработки

	скриптов, развития навыков
Формирование культуры и вовлеченности	Развитие корпоративной культуры, ориентированной на клиента и взаимное уважение Внедрение регулярной обратной связи через цифровые платформы. Создание программы внутреннего карьерного роста (от кассира к старшему кассиру, менеджеру, управляющему), чтобы удерживать лучших сотрудников
Оценка эффективности	Оценка успеха не по количеству проведенных тренингов, а по бизнес-метрикам: влияние на бизнес, рост среднего чека, повторных покупок, NPS (индекс лояльности клиентов) и т.д.

Результативность кадровых процессов на конкретном предприятии непосредственно определяется двумя факторами: конфигурацией самой системы управления персоналом и степенью её согласованности со стратегическими ориентирами организации. Исходя из этого, формирование команды, способной выдерживать конкурентную борьбу, целесообразно анализировать в разрезе нескольких управленческих уровней:

- первый уровень: реализация управленческих функций, принятие решений, контроль, анализ, планирование, учет и стимулирование;
- второй уровень: принятие тактических решений по вопросам реализации специальных функций управления персоналом;
- третий уровень: эффективность и экономичность решения задач управления персоналом предприятия в оперативном режиме.

Далее рассмотрим рекомендации по совершенствованию технологий управления персоналом условной торговой компании, их описание приведено в таблице 3.

Таблица 3 – Рекомендации по совершенствованию технологий управления персоналом торговой компании

Рекомендация	Краткое описание
Цифровизация найма	Перенос первичных интервью в онлайн. Автоматизация уведомлений кандидатов о статусе заявки Внедрение онлайн-анкетирования и тестирования для первичного отбора
Автоматизация операционного менеджмента	Внедрение прогнозного планирования графиков на основе данных о трафике и продажах Автоматизация учета рабочего времени, расчета зарплаты и сверхурочных
Повышение эффективности обучения и адаптации	Внедрение смешанного формата обучения (онлайн-курс + отработка с наставником) Автоматизация и стандартизация процесса онбординга Переход от скриптов к экспертизе резюме
Повышение вовлеченности и анализ	Проведение регулярных цифровых опросов (pulse-опросы) для сбора обратной связи Внедрение инструментов для регулярной обратной связи между руководителем и сотрудником Автоматизация сбора данных для анализа ключевых

Чтобы указанные рекомендации были максимально эффективными, руководству компании необходимо придерживаться следующих принципов:

1. Первым делом следует провести аудит существующих HR-процессов на предприятии. Цель такого аудита — выявить наиболее проблемное звено во всей кадровой цепочке, то есть тот процесс, который в текущем виде даёт максимальные сбои или требует наибольших ресурсов при минимальной отдаче.

2. Цифровой инструмент должен встраиваться непосредственно в сложившиеся кадровые процессы, а не наоборот — когда рутинные операции перекраиваются под возможности технологии. В качестве примера можно рассмотреть внедрение чат-бота для обработки обращений сотрудников. Такое решение принесёт результат исключительно при условии, что руководитель обладает готовностью своевременно отвечать на поступающие запросы.

3. Формирование проектных групп, в состав которых входят как HR-специалисты, так и руководители линейных подразделений, выступает необходимым условием. При таком подходе обеспечивается, что внедряемые кадровые инструменты направлены исключительно на решение практических бизнес-задач, а не существуют в отрыве от операционных потребностей организации.

4. Внедрение любых технологических решений не должно приводить к недооценке человеческого фактора. Цифровые инструменты выполняют лишь вспомогательную роль, тогда как основополагающими для результативной работы остаются следующие аспекты: уважение к сотрудникам, публичное и непубличное признание их вклада, а также формирование доверительной среды в коллективе.

Чтобы определить, насколько эффективно выстроено управление персоналом в условиях жёсткой конкуренции, требуется провести диагностику показателей, отражающих трудовой потенциал компании. В рамках такой диагностики следует оценить достигнутый уровень развития этого потенциала и установить факторы, которые ведут к снижению отдачи от кадров именно в розничной торговле.

При проведении оценки того, насколько эффективно выстроено управление персоналом, необходимо выделить главные характерные черты и те управленческие приоритеты, которые требуют отдельного внимания. (таблица 4).

Таблица 4 - Ключевые особенности и управленческие акценты при проведении оценки эффективности управления персоналом

Аспект	Характеристики	Управленческий фокус в конкурентной среде
Роль и влияние	Персонал – это ключевое звено при работе с клиентом. Компетенции и мотивация кадров напрямую влияют на выручку компании и лояльность покупателей	Персонал - это актив, а не статья расходов. Управление должно быть направлено на раскрытие потенциала для создания уникального клиентского опыта

Особенности труда	Высокая доля рутинных операций, работа в условиях потока покупателей, эмоциональные нагрузки, часто работа в праздники	Автоматизация рутины, баланс между работой и личной жизнью, профилактика выгорания, гибкие графики работы
Ключевые компетенции	Знания ассортимента и свойств продукта, коммуникация с клиентами, стрессоустойчивость, ориентация на сервис, лояльность	Непрерывное обучение (LMS-платформы), развитие soft skills, формирование ценностного соответствия при найме
Основные риски	Высокая текучесть, низкая вовлеченность, «кадровый голод», демотивация из-за монотонности, высокая стоимость ошибки	Data-driven управление, система признания и карьерного роста, сильный HR-бренд для привлечения

Владелец бизнеса должен понимать, что конкурентоспособность декомпозируется на персональную и организационную составляющие, каждая из которых играет свою роль в достижении стратегических целей предприятия.

Рассмотрим, каким образом можно оценить эффективность мероприятий по совершенствованию технологий управления персоналом торговой компании (детально изложены в таблице 3). Рекомендуемые метрики и показатели оценки приведены в таблице.5.

Таблица 5 – Рекомендуемые метрики и показатели оценки мероприятий по улучшению технологий управления персоналом

Направление внедрения технологий	Ключевые метрики для оценки	Методы сбора данных
Цифровизация найма	Время закрытия вакансии (дни) Стоимость найма на одного сотрудника Доля сотрудников, успешно прошедших испытательный срок	Анализ данных в ATS-системе, отчёты по затратам на рекрутинг
Автоматизация операционного менеджмента	Соответствие графика пиковым нагрузкам (коэффициент). Доля ФОТ в выручке компании. Производительность труда	Данные из WFM-системы, сравнение с продажами, финансовые отчёты
Повышение эффективности обучения и адаптации	Время адаптации сотрудника до выхода на максимально возможную эффективность труда	Результаты тестирования в LMS, анализ рабочих показателей до и после
Повышение вовлеченности и анализ	Индекс вовлечённости (eNPS) Коэффициент текучести, особенно в первый год. Индекс лояльности HR-службы (HR-NPS)	Регулярные анонимные опросы сотрудников предприятия, анализ данных об увольнениях работников Сравнение прогнозов и фактических данных, оценка предотвращённого ущерба

В заключении отметим, что для достижения устойчивого конкурентного положения исследуемой компании необходимо регулярно

внедрять программы развития персонала, направленные на повышение профессионального и образовательного уровня сотрудников.

Использованные источники:

1. Управление персоналом. Рынок труда: учебник и практикум для вузов / под редакцией Е. Б. Яковлевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 252 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14401-7. — Текст: непосредственный.
2. Управление конкурентоспособностью: учебник для вузов / под редакцией Е. А. Горбашко, И. А. Максимцева. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 427 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17128-0. — Текст: непосредственный.
3. Производственный менеджмент. Теория и практика в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / И. Н. Иванов [и др.] ; под редакцией И. Н. Иванова. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 376 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15029-2. — Текст: непосредственный.
4. Управление персоналом: учебник и практикум для вузов / под общей редакцией А. А. Литвинюк [и др.] . — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 461 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14697-4. — Текст: непосредственный.
5. Инновационный менеджмент в управлении человеческими ресурсами: учебник для вузов / А. П. Панфилова [и др.]. — Москва: Юрайт, 2022. — 313 с. — (Высшее образование). — ISBN 989-5-534-26744-9. — Текст: непосредственный.

РЕИНЖИНИРИНГ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМ КОНТЕНТОМ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы существующего процесса управления корпоративной документацией в файловом хранилище, включая слабую структурированность данных, отсутствие контроля версий, сложности поиска информации и низкую оперативность обновления знаний. В качестве решения предлагается внедрение автоматизированной информационной системы, обеспечивающей гибкую структуру хранения данных, асинхронное взаимодействие пользователей, автоматизацию уведомлений и централизованное управление версиями документов.

Ключевые слова: управление знаниями, корпоративный контент, файловое структурирование данных, документооборот, эффективность работы.

Faizrakhmanova K. E., PhD in Engineering
associate professor
Department of Automated Control Systems
Ufa University of Science and Technology

PROCESS REENGINEERING CORPORATE CONTENT MANAGEMENT

Abstract: The article examines the problems of the existing corporate document management process in a file storage system, including poor data structuring, lack of version control, difficulties in information retrieval, and low efficiency of knowledge updates. As a solution, the implementation of an automated information system is proposed, providing a flexible data storage structure, asynchronous user interaction, notification automation, and centralized document version control.

Keywords: knowledge management, corporate content, file data structuring, document management, work efficiency.

Введение

Эффективное управление знаниями и документацией является ключевым фактором продуктивной работы. В текущей практике сотрудники регулярно обращаются к файловому хранилищу, где размещены необходимые документы и справочные материалы. Однако

существующий процесс имеет ряд существенных недостатков, влияющих на скорость и качество работы команды.

1. Анализ недостатков существующего процесса

Сотрудники обязаны регулярно изучать и актуализировать документацию, размещенную в директориях файлового хранилища. При необходимости сотрудники выполняют поиск необходимой информации вручную, ориентируясь на названия файлов и структуру каталогов. В случае возникновения вопросов обсуждение происходит в реальном времени – лично, по электронной почте или через мессенджеры. После обсуждения в документы вносятся изменения (рис. 1).

Недостатки существующего процесса: 1. Замедление работы. Новые сотрудники вынуждены регулярно обращаться к коллегам за разъяснениями по проектам и документации. Это приводит к отвлечению опытных сотрудников от выполнения задач, увеличению времени адаптации новых специалистов, задержкам в получении ответов. 2. Слабая структурированность информации. Со временем объем файлов и директорий значительно увеличивается, что усложняет навигацию по хранилищу, затрудняет поиск нужных данных, повышает вероятность ошибок. 3. Отсутствие контроля версий. В текущей системе отсутствует механизм управления версиями документов, что приводит к дублированию информации, использованию устаревших данных, потере актуальности документов. 4. Сложности с поиском информации. Поиск осуществляется преимущественно по названию файлов, что не гарантирует точного результата, требует дополнительных временных затрат. 5. Слабая связность документов. Документы не связаны между собой логически, несмотря на общее хранилище. Это приводит к необходимости ручного поиска связанных материалов, снижению эффективности работы с информацией.

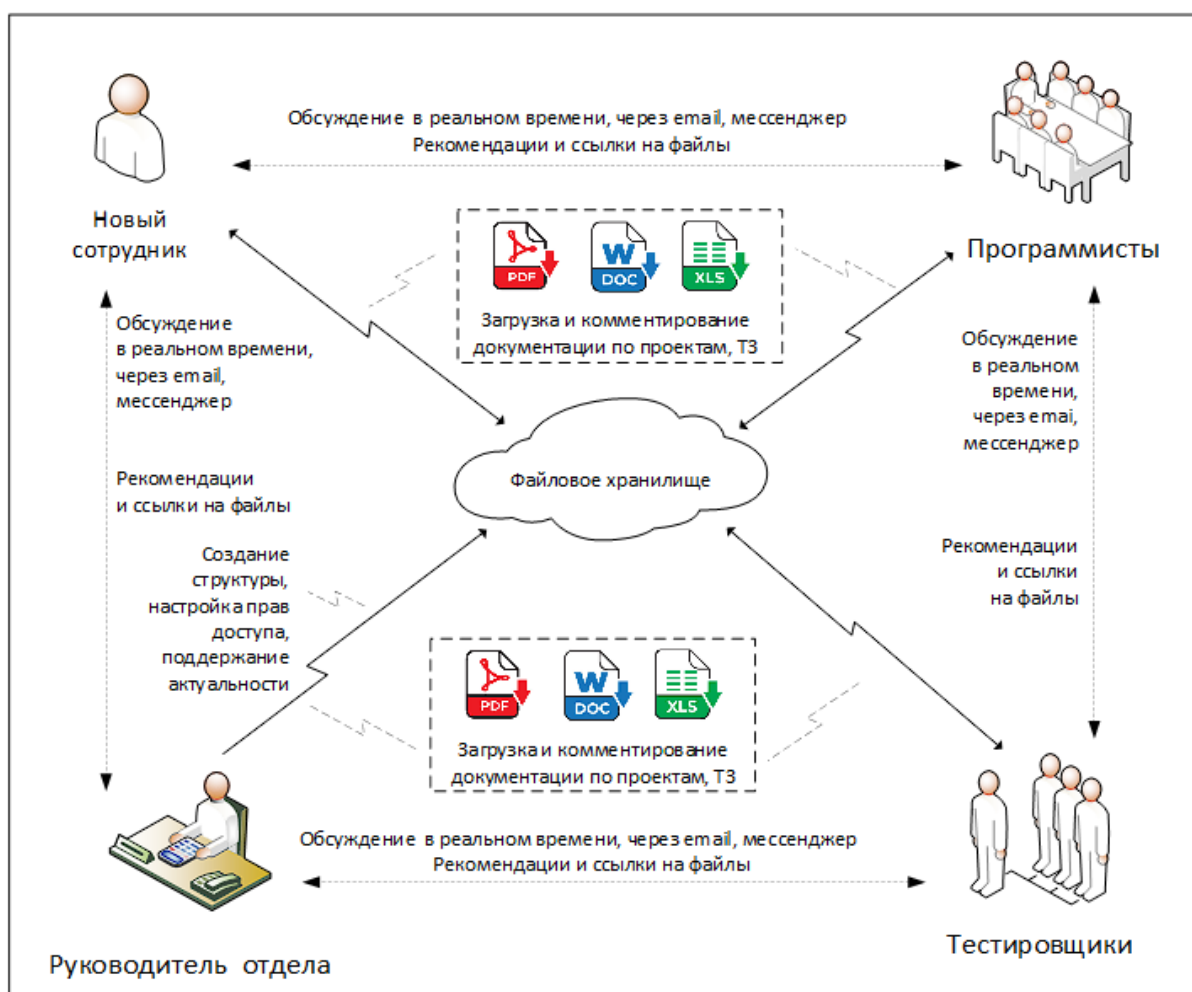

Рисунок 1 – Мнемосхема существующего процесса управления корпоративным контентом

2. Предлагаемое решение. Ключевые изменения процесса

Для устранения выявленных недостатков предлагается внедрение автоматизированной информационной системы управления корпоративным контентом. Мнемосхема предлагаемого процесса (рис. 2) отражает переход к более современной и эффективной модели работы с корпоративными знаниями. Ключевые изменения процесса. 1. Упрощение доступа к информации. Для начала работы не требуется знать название файла или его метаданные. Достаточно: иметь задачу; обладать соответствующими правами доступа. 2. Новая структура хранения. Система пространств упрощает организацию данных. 3. Асинхронное взаимодействие. Обсуждение правок переносится в асинхронный формат сотрудники могут участвовать независимо от времени и места. 4. Автоматизация уведомлений. Система автоматически уведомляет участников о внесенных изменениях, комментариях, обновлениях контента.

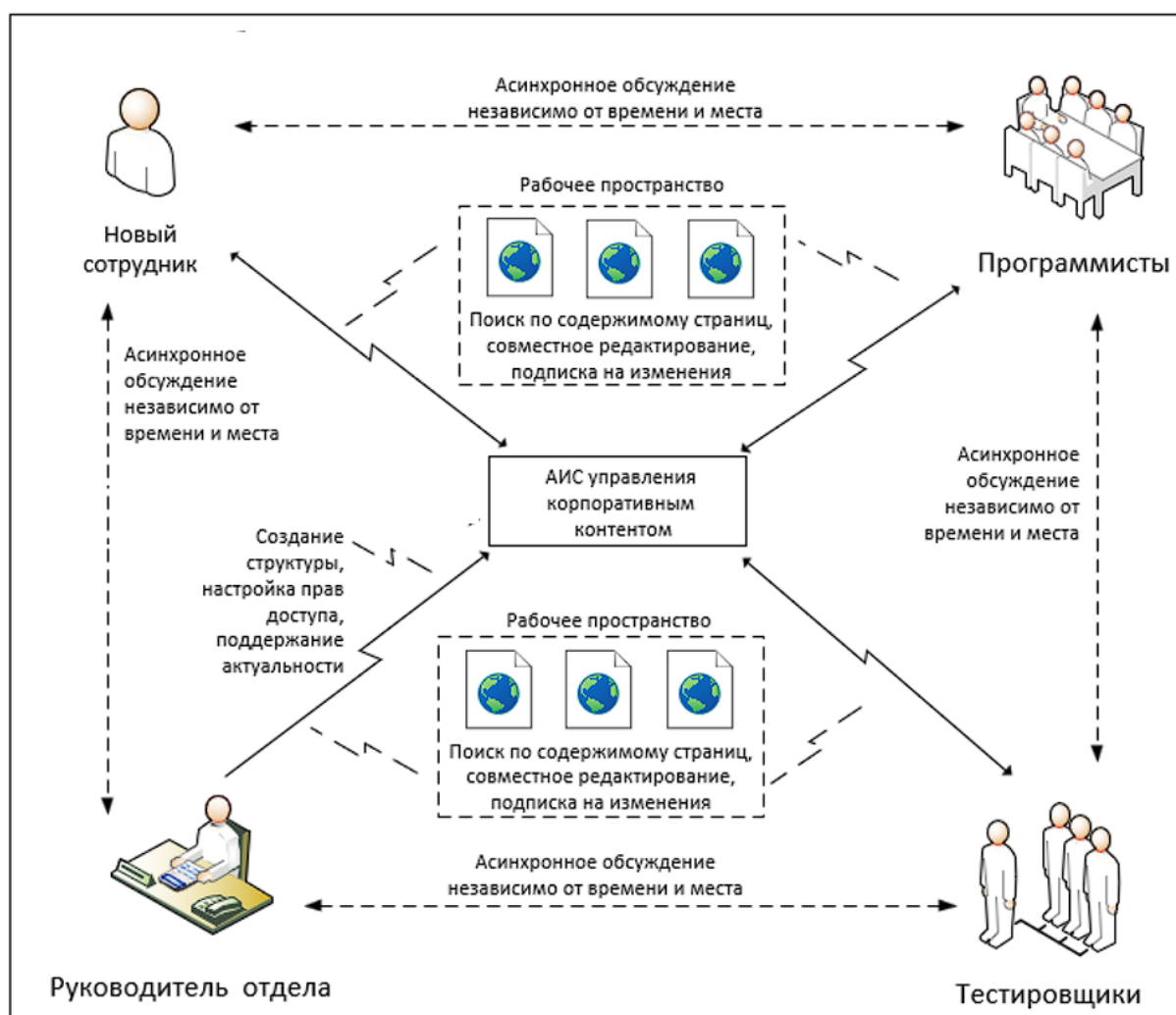

Рисунок 2 – Мнемосхема предлагаемого процесса управления корпоративным контентом

3. Алгоритм решения задачи управления корпоративным контентом

Алгоритм работы АИС управления корпоративным контентом включает следующие шаги: получение задачи на изучение документации (ссылки на материал); аутентификация и авторизация в системе; переход в соответствующее пространство и поиск материала: при наличии материала осуществляется его открытие, при отсутствии оставляется комментарий к задаче и работа завершается; принятие решения о необходимости изучения дополнительных материалов с переходом к ним при необходимости; изучение материала и проверка его полноты и корректности: при отсутствии ошибок работа завершается, при наличии ошибок инициируется обсуждение через встроенные средства АИС; при необходимости внесения изменений осуществляется редактирование материала и сохранение новой версии; система автоматически фиксирует изменения в журнале событий и отправляет уведомления пользователям, после чего работа завершается.

4. Ожидаемые результаты реинжиниринга

Внедрение системы управления корпоративным контентом позволит: сократить время поиска информации; повысить структурированность и

связность знаний; обеспечить контроль версий документов; ускорить адаптацию новых сотрудников; снизить нагрузку на команду за счет уменьшения количества прямых запросов; повысить общую эффективность работы отдела разработки.

Заключение

Переход от традиционного файлового хранилища к специализированной информационной системе управления контентом является необходимым шагом для повышения эффективности работы. Использование современных инструментов позволяет не только устранить текущие недостатки, но и создать основу для дальнейшего роста и масштабирования процессов.

Использованные источники:

1. Гагарина Л.Г., Киселев Д.В., Федотова Е.Л. Разработка и эксплуатация автоматизированных информационных систем – М.: Форум, 2019. – 384 с.
2. Сервис для командной работы с задачами, проектами и документацией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://striveapp.ru>.

Файзулина Е. О.
специалист
ВСФ ФГБОУВО Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия
Джура В.В., кандидат юридических наук
заведующий кафедрой гражданского, административного и
уголовного судопроизводства ВСФ ФГБОУВО Российского
государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Иркутск, Россия

ЭКСПЕРТИЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию роли и места судебной экспертизы в гражданском процессе Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы назначения и проведения экспертиз, анализируется их значение для установления фактических обстоятельств дел, обеспечения объективности и достоверности судебных решений. Особое внимание уделяется выявлению и анализу актуальных проблем, с которыми сталкивается институт экспертизы, включая правовые, кадровые, финансовые, качественные и коммуникационные аспекты. Предлагаются конкретные пути совершенствования экспертной деятельности, направленные на повышение эффективности гражданского судопроизводства, защиту прав граждан и укрепление доверия к правосудию.

Ключевые слова: судебная экспертиза, гражданский процесс, экспертиза, доказательства, правовое регулирование, гражданское судопроизводство, проблемы экспертизы, совершенствование, объективность, достоверность, эксперт, суд.

Faizulina E. O.
specialist
Federal State Budgetary Educational Institution
Higher Education Russian State University of Justice named after V.M.
Lebedev
Irkutsk, Russia
Dzhura V. V., Candidate of Law
Head of the Department of Civil, Administrative and Criminal Justice of
the All-Russian
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Irkutsk, Russia

EXPERTISE IN CIVIL PROCEEDINGS

Annotation: *this article is dedicated to the study of the role and place of expert examination in the civil proceedings of the Russian Federation. The legal basis for the appointment and conduct of expert examinations is considered, and their significance for establishing factual circumstances of cases, ensuring objectivity, and the reliability of judicial decisions is analyzed. Special attention is paid to identifying and analyzing current problems faced by the institution of expert examination, including legal, personnel, financial, qualitative, and communication aspects. Specific pathways for improving expert activities are proposed, aimed at enhancing the efficiency of civil proceedings, protecting citizens' rights, and strengthening public trust in justice.*

Key words: *judicial expert examination, civil proceedings, expert examination, evidence, legal regulation, civil litigation, challenges in expert examination, improvement, objectivity, reliability, expert, court.*

Современное гражданское судопроизводство представляет собой сложный механизм, призванный обеспечивать защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. В условиях постоянно возрастающей сложности правовых отношений, технологического прогресса и разнообразия сфер человеческой деятельности, разрешение споров зачастую требует привлечения специальных знаний, которыми не обладает суд. Именно в таких случаях на первый план выходит институт судебной экспертизы, выступающий в роли важнейшего средства доказывания и установления истины по делу. Экспертиза позволяет суду получить научно обоснованные ответы на вопросы, выходящие за рамки его собственной компетенции, и на этой основе вынести законное и справедливое решение. Данная статья ставит своей целью всесторонне проанализировать роль и место экспертизы в гражданском процессе, рассмотреть ее нормативное регулирование, выявить существующие проблемы и предложить пути их решения для повышения эффективности правосудия.

Актуальность исследования вопросов, связанных с экспертизой в гражданском процессе, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, усложнение общественных отношений и появление новых видов споров, например, в сфере высоких технологий, биоинженерии, экологии, требуют от правосудия все более глубоких специальных знаний. Суд, рассматривая дела, связанные с причинением вреда здоровью, оценкой ущерба от ДТП, строительными дефектами, защитой интеллектуальной собственности или оспариванием качества медицинских услуг, неизбежно сталкивается с необходимостью получения экспертного заключения. Как справедливо отмечают исследователи, «важность судебно-медицинской экспертизы в гражданском процессе обусловлена ее функцией в установлении фактических обстоятельств дел, связанных с причинением вреда здоровью» [4, с. 45].

Во-вторых, эффективность и справедливость правосудия напрямую зависят от качества доказательной базы, частью которой являются заключения экспертов. Ненадлежащее проведение экспертизы, некорректное ее назначение или необоснованная оценка судом могут привести к судебным ошибкам, нарушению прав сторон и подрыву доверия к судебной системе. Следовательно, повышение качества и объективности экспертизы является не только процессуальной, но и общественно значимой задачей.

В-третьих, развитие правовой системы требует постоянного совершенствования всех ее институтов. Институт судебной экспертизы не является исключением. С учетом динамики развития науки и техники, а также изменений в законодательстве, необходимо постоянно адаптировать процессуальные нормы и практические подходы к проведению экспертиз, чтобы они в полной мере соответствовали современным вызовам. Поэтому исследование текущего состояния экспертизы, выявление ее проблем и определение направлений развития представляется крайне актуальным.

Назначение и проведение судебной экспертизы в гражданском процессе Российской Федерации регулируется комплексом нормативных правовых актов, обеспечивающих ее процессуальный статус и порядок осуществления. Центральное место в этой системе занимает Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ). Статья 79 ГПК РФ устанавливает общее правило, согласно которому при возникновении вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства или ремесла, суд назначает экспертизу. Кодекс определяет, что проведение экспертизы может быть поручено как экспертам из государственных судебно-экспертных учреждений, так и иным специалистам, обладающим необходимыми познаниями, в том числе работающим в негосударственных организациях или частным образом. Суд в своем определении о назначении экспертизы формулирует вопросы, которые должны быть разрешены экспертом, предоставляет ему необходимые материалы для исследования и устанавливает разумные сроки для ее проведения.

Кроме ГПК РФ, существенное значение имеет Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Хотя данный закон в первую очередь регулирует деятельность государственных экспертных учреждений, он определяет общие принципы, задачи и правовые основы судебно-экспертной деятельности, которые имеют значение и при назначении негосударственной экспертизы в гражданском процессе [3].

Важную роль в толковании и применении процессуальных норм играют постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, Постановление Пленума ВС РФ от 26.11.2019 г. № 48 содержит ряд важных разъяснений, касающихся доказывания в гражданском процессе,

включая вопросы, связанные с назначением и оценкой доказательств, в том числе заключений экспертов.

Помимо федеральных законов, нормы о судебной экспертизе могут дополняться иными нормативными актами, регулирующими конкретные виды экспертиз (например, медицинскую, строительную, оценочную). Наконец, судебная практика, включая постановления арбитражных судов, также формирует подходы к применению законодательства о судебной экспертизе. Таким образом, нормативно-правовая база экспертизы в гражданском процессе является многоуровневой и требует учета различных источников для обеспечения ее надлежащего применения.

Экспертиза выполняет в гражданском процессе многогранную и зачастую решающую роль, являясь незаменимым инструментом для установления истины и обеспечения справедливости. Ее значение проявляется в нескольких ключевых аспектах.

Прежде всего, экспертиза служит средством установления фактических обстоятельств дела. В ситуациях, когда для выяснения истины требуются специальные познания в области науки, техники, искусства или ремесла, именно эксперт способен дать ответы на поставленные вопросы. Например, при определении степени вреда здоровью, установлении причин смерти, выявлении дефектов строительства, оценке стоимости имущества или определении причин ДТП, без заключения эксперта суд не может объективно установить эти факты.

Во-вторых, экспертиза играет ключевую роль в обеспечении объективности и достоверности судебных решений. Эксперт, будучи независимым специалистом, обязан давать заключения, основанные на научно обоснованных данных, не подверженные влиянию мнений или интересов сторон. Это минимизирует риск принятия ошибочных решений, основанных на субъективных предположениях или искаженной информации. Как отмечают авторы статьи в журнале «Территория науки», «судебно-медицинская экспертиза является незаменимым инструментом в гражданском процессе, обеспечивающим объективность, достоверность и справедливость судебных решений» [4, с. 45].

В-третьих, экспертиза восполняет пробелы в знаниях суда. Судьи, как правило, не обладают специализированными познаниями в узких областях, таких как медицина, инженерия, экономика и др. Экспертиза помогает суду понять сложные технические, медицинские или иные аспекты дела, предоставляя ему необходимую информацию для формирования полного и глубокого представления об обстоятельствах спора.

В-четвертых, заключение эксперта является важным источником доказательств в гражданском процессе. Оно может быть как основным доказательством, подтверждающим или опровергающим доводы сторон, так и дополнительным, детализирующим или уточняющим иную

информацию. Обоснованность, полнота и ясность экспертного заключения определяют его доказательственную силу.

Наконец, экспертиза способствует снижению конфликтности и защите прав граждан. В случаях, когда стороны расходятся во мнениях по вопросам, требующим специальных знаний, заключение эксперта может привести к примирению сторон или, по крайней мере, к более быстрому разрешению спора. Для пострадавших сторон экспертиза является ключевым инструментом для доказательства факта причинения вреда, его степени и характера, что позволяет получить соответствующую компенсацию и восстановить справедливость [4, с. 47].

В гражданском процессе может назначаться широкий спектр экспертиз, выбор которых зависит от характера рассматриваемого дела и вопросов, требующих специальных знаний. Среди наиболее распространенных видов экспертиз можно выделить следующие (таблица 1).

Таблица 1

Виды экспертиз в гражданском процессе

Вид экспертизы	Характеристика
Судебно-медицинская экспертиза	Назначается для определения тяжести вреда здоровью, установления причин смерти, оценки степени утраты трудоспособности, исследования причинно-следственной связи между действиями и последствиями, а также при установлении родства (генетическая экспертиза), оценке качества оказания медицинской помощи [4, с. 47-48]
Строительно-техническая экспертиза	Применяется для оценки качества выполненных строительных работ, определения причин строительных дефектов, установления стоимости строительства или ремонта
Оценочная экспертиза	Необходима для определения рыночной стоимости различных видов имущества (недвижимости, транспортных средств, бизнеса), что важно при разделе имущества, определении размера ущерба, разрешении наследственных споров
Автотехническая экспертиза	Проводится для установления обстоятельств ДТП, определения причин и механизма аварии, расчета ущерба, причиненного транспортным средствам
Пожарно-техническая экспертиза	Используется для выяснения причин возникновения пожара и его динамики
Экономическая и финансово-экономическая экспертиза	Применяется для анализа финансово-хозяйственной деятельности, определения размера ущерба, проверки достоверности финансовой отчетности
Психологическая экспертиза	Необходима для определения психического состояния участников процесса, их способности понимать значение своих действий, истинности показаний

Процедура назначения и проведения экспертизы в гражданском процессе строго регламентирована. При возникновении необходимости

получения специальных знаний суд, по ходатайству одной из сторон или по собственной инициативе, выносит определение о назначении экспертизы. В данном определении должны быть указаны: перечень вопросов, поставленных перед экспертом; наименование экспертного учреждения или сведения об эксперте (ФИО, квалификация); материалы, предоставляемые эксперту; а также срок проведения экспертизы. Стороны процесса имеют право предлагать суду дополнительные вопросы для эксперта, заявлять отвод эксперту при наличии оснований полагать его некомпетентным или необъективным, знакомиться с вынесенным определением, а также ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы [4, с. 48].

После получения определения эксперт приступает к исследованию. В ходе исследования он может использовать различные методы: осмотр объектов, проведение экспериментов, освидетельствование, опрос лиц, имеющих отношение к делу. По результатам проведенного исследования эксперт составляет заключение эксперта, которое должно быть ясным, полным, обоснованным и объективным, отвечать на поставленные вопросы.

Несмотря на высокую значимость судебной экспертизы, ее практика сталкивается с рядом существенных проблем, которые требуют внимания и системных решений. Эти проблемы можно сгруппировать по нескольким основным направлениям.

Одной из ключевых проблем является недостаточная правовая регламентация. Существующее законодательство, регулирующее экспертизу, требует уточнения и совершенствования. Часто отсутствует четкое определение круга лиц, которые могут быть назначены экспертами, а требования к их квалификации не всегда достаточно жесткие, что может привести к привлечению специалистов с недостаточной компетенцией. Как отмечает Т.В. Ушакова, «Законодательство не устанавливает жестких требований к квалификации экспертов, что может привести к назначению недостаточно компетентных специалистов» [15, с. 734]. Отсутствует единый подход к порядку назначения и проведения экспертиз, что создает предпосылки для злоупотреблений и ошибок. Также недостаточно урегулированы права и обязанности экспертов, что иногда провоцирует конфликты между сторонами процесса и экспертами. Кроме того, в законодательстве не предусмотрены адекватные механизмы контроля за качеством экспертных заключений, что делает их уязвимыми для критики и оспаривания, особенно в сложных и многоплановых делах, требующих высокой квалификации и опыта [15, с. 734].

Серьезной проблемой является недостаточное финансирование экспертных учреждений. Это ведет к нехватке современного оборудования, реактивов, материалов, а также к оттоку квалифицированных кадров. Вследствие этого снижается техническая оснащенность, ограничиваются возможности проведения сложных

исследований, что негативно сказывается на качестве экспертиз. Острая нехватка квалифицированных экспертов, особенно в регионах, является еще одной критической проблемой. Это замедляет процесс рассмотрения дел, увеличивает сроки проведения экспертиз и повышает их стоимость.

Качество экспертных заключений часто вызывает нарекания. Суды нередко сталкиваются с заключениями, носящими поверхностный характер, содержащими ошибки, противоречия или неполные ответы на поставленные вопросы. Эти недостатки могут быть обусловлены недостаточной квалификацией экспертов, отсутствием четких стандартов и методических рекомендаций для проведения экспертиз, что позволяет экспертам применять разные подходы и методы, затрудняя тем самым оценку достоверности их выводов [15, с. 734-735]. Существует и проблема субъективности экспертов. Заключения могут быть подвержены влиянию личных убеждений, интересов или предвзятости эксперта, особенно когда экспертиза проводится по заказу одной из сторон. Такая субъективность снижает объективность и достоверность выводов.

На практике взаимодействие между судами и экспертами часто оказывается недостаточно эффективным. Одной из причин является недостаточная четкость формулировок вопросов, которые суд ставит перед экспертом. Нередко вопросы носят общий, расплывчатый характер или сформулированы некорректно, что затрудняет проведение экспертизы и снижает качество заключений. Это может быть связано с недостаточной подготовкой судей в области экспертной деятельности и отсутствием четких методических рекомендаций по формулировке вопросов [15, с. 735]. Кроме того, существует проблема обратной связи: суды не всегда предоставляют экспертам достаточно полную информацию по делу, а эксперты не всегда своевременно информируют суды о возникающих трудностях. Отсутствие налаженных механизмов обратной связи также негативно сказывается на качестве работы обеих сторон. Наконец, не стоит забывать о коррупционных рисках, связанных с возможностью давления на экспертов с целью получения нужного заключения, что ставит под угрозу саму идею объективного правосудия [4, с. 49; 15, с. 735].

Для устранения выявленных проблем и повышения эффективности экспертизы в гражданском процессе необходимо предпринять комплекс мер, направленных на ее совершенствование.

Во-первых, разработка единых стандартов и методических рекомендаций для проведения экспертиз по различным видам исследований. Это позволит унифицировать подходы, повысить качество заключений и обеспечить их сопоставимость. Стандарты должны охватывать требования к квалификации экспертов, порядок проведения исследований, критерии оценки качества заключений [15, с. 736].

Во-вторых, усиление контроля за качеством экспертных заключений. Это может быть достигнуто путем создания экспертных советов при судах, которые будут оценивать качество заключений и давать рекомендации по

их улучшению, а также путем внедрения механизмов независимой проверки заключений, что позволит снизить риск ошибок и злоупотреблений [15, с. 736].

В-третьих, увеличение финансирования экспертных учреждений и обеспечение их необходимыми ресурсами. Это позволит повысить техническую оснащенность, привлечь и удержать высококвалифицированных специалистов.

В-четвертых, проведение регулярного обучения и повышения квалификации экспертов. Это позволит им быть в курсе последних достижений науки и техники, осваивать новые методы исследования и повышать качество своей работы. Обучение должно включать как теоретические, так и практические аспекты экспертной деятельности, а также вопросы эффективного взаимодействия с судами [15, с. 736].

В-пятых, совершенствование взаимодействия между судами и экспертами. Для этого необходимо: разработать четкие рекомендации по формулировке вопросов для экспертов, обучать судей правилам постановки вопросов и оценки заключений; создать эффективные механизмы обратной связи между судами и экспертами; проводить совместные семинары, тренинги и конференции для судей и экспертов, способствующие лучшему пониманию друг друга и выработке единых подходов к решению проблем [15, с. 736].

Наконец, следует уделять повышенное внимание противодействию коррупционным рискам и обеспечению независимости и беспристрастности экспертов.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать ряд ключевых выводов. Экспертиза является важнейшим элементом системы гражданского судопроизводства, играющим фундаментальную роль в установлении фактических обстоятельств дела, требующих специальных знаний. Ее значение для обеспечения объективности, достоверности и справедливости судебных решений трудно переоценить. В условиях возрастающей сложности дел, роль экспертизы становится еще более значимой, поскольку она позволяет суду преодолевать информационные и познавательные барьеры, необходимые для вынесения обоснованных решений.

Несмотря на закрепленный в законодательстве статус и неоспоримую важность, институт судебной экспертизы в гражданском процессе сталкивается с комплексом серьезных проблем. Они затрагивают правовое регулирование, кадровое обеспечение, материально-техническую базу, качество и объективность заключений, а также эффективность взаимодействия с судебной системой. Устранение этих проблем требует системного подхода и скоординированных усилий законодателя, судебных органов, экспертных сообществ и научно-образовательных учреждений.

Предложенные меры по совершенствованию, такие как разработка стандартов, усиление контроля качества, повышение квалификации кадров

и улучшение взаимодействия между судами и экспертами, направлены на повышение эффективности и надежности экспертизы. Успешная реализация этих мер будет способствовать укреплению доверия к правосудию, более полной и эффективной защите прав и законных интересов граждан, а также достижению главной цели гражданского процесса – восстановлению справедливости. Дальнейшее развитие и совершенствование экспертной деятельности остается одной из важнейших задач для современной российской правовой системы.

Использованные источники:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: ФЗ от 8 марта 2015 № 21-ФЗ (в редакции от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «» (ред. от 08.04.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Блащенко Л.П., Блащенко Б.О., Годовникова А.М. Роль и место судебно-медицинской экспертизы в гражданском процессе // Территория науки. 2025. № 6. С. 45-49.
5. Глазков Д.А. Заключение специалиста как альтернатива судебной экспертизе в гражданском процессе: доктрина и практика // Дневник науки. 2025. № 10 (106).
6. Ковалева Н.В. Правовое регулирование распределения в гражданском процессе расходов по экспертизе // Диалог. 2025. № 2 (32). С. 63-65.
7. Коляскин В.Ю. Комплексная методология оптимизации процессов судебной строительно-технической экспертизы при приемке отделочных работ в гражданском строительстве с учетом нормативных требований и факторов неопределенности // Строительные и дорожные машины. 2025. № 8. С. 10-19.
8. Кормилина О.М., Шамовская С.Г., Дорофеев С.Б., Савченко С.В. Анализ судебно-медицинских экспертиз по «врачебным» делам в гражданском процессе // Journal of Siberian Medical Sciences. 2025. Т. 9. № 1. С. 52-60.
9. Лошкарёв А.В., Евграфова Д.С., Сляслина Я.А. Роль экспертизы в гражданском процессе при рассмотрении дел об экономических правонарушениях // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № 4. С. 158-161.
10. Могилевский Г.А. Нормативно-правовые аспекты решения проблем достоверности экспертизы в арбитражном и гражданском процессе // Дневник науки. 2025. № 8 (104).
11. Николаев Д.А. Контроль качества судебных экспертиз: проблемы и решения // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 56-63.
12. Романов С.В. Взаимодействие суда и эксперта: пути совершенствования //

Российский судья. 2021. № 3. С. 18-24.

13. Сидоров И.Н. Совершенствование законодательства о судебной экспертизе // Законодательство. 2021. № 4. С. 67-73.

14. Симагин А.С. Назначение судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции по гражданским делам в условиях состязательности процесса // Философия права. 2025. № 2 (113). С. 108-112.

15. Ушакова Т.В. Экспертиза в гражданском процессе: проблемы теории и практики // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 2. С. 733-737.

16. Федин Д.А. Предварительная экспертиза как средство снижения нагрузки на судебную систему в рамках арбитражного и гражданского процесса // Юридическая наука. 2025. № 9. С. 334-340.

17. Шоин Д.Р. Особенности назначения автотехнических экспертиз в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 393-394.

18. Ястребов О.А., Смирнова С.А., Мозгов М.В. Оплата судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе: от позиции конституционного суда рф к изменениям в процессуальное законодательство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 1. С. 205-220.

Фаттахов Д.Р.
студент магистрант
кафедра техносферной безопасности
Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Россия
Беккер Д.С.
студент магистрант
кафедра техносферной безопасности
Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Россия

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ УТЕЧЕК ГАЗА НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ГАЗОНАПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМПРЕССОРНЫХ СТАНЦИЯХ

Аннотация: Статья посвящена вопросам промышленной безопасности на автомобильных газонаполнительных компрессорных станциях (АГНКС). Анализируются основные технологические риски и существующие системы обнаружения утечек газа. На основе обзора принципов работы и эксплуатационных характеристик обосновывается целесообразность внедрения УЗДУ в системы противоаварийной автоматики для повышения уровня безопасности персонала и объектов инфраструктуры.

Ключевые слова: АГНКС, газомоторное топливо, метан, промышленная безопасность, ультразвуковой детектор утечек, автоматическая система отключения, акустический контроль.

Fattakhov D.R.
master's student
Department of Technosphere Safety
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia
Becker D.S.
master's student
Department of Technosphere Safety
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia

IMPROVING THE EFFICIENCY OF GAS LEAK DETECTION AT AUTOMOTIVE GAS FILLING COMPRESSOR STATIONS

Abstract: *The article is devoted to the issues of industrial safety at automotive gas filling compressor stations (CNG stations). The main technological risks and existing gas leak detection systems are analyzed. Based on a review of the principles of operation and operational characteristics, the expediency of introducing UZDU into emergency automation systems is justified in order to increase the level of safety of personnel and infrastructure facilities.*

Keywords: *CNG stations, gas engine fuel, methane, industrial safety, ultrasonic detector.*

Введение

В последние годы в России наблюдается устойчивый рост интереса к газомоторному топливу как к экономически выгодной и экологичной альтернативе бензину и дизельному топливу. Только в 2024 году на заправки страны поступило 1,4 млрд кубометров сжатого природного газа, что привело к необходимости расширения сети автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС).

Однако, как и любой опасный производственный объект, АГНКС сопряжена с потенциальными рисками. Технологический процесс включает в себя сжатие, осушку, хранение и отпуск газа под высоким давлением (вплоть до 25 МПа). Высокое давление, циклические нагрузки и вибрация создают предпосылки для разгерметизации оборудования. В связи с этим вопросы идентификации опасностей и совершенствования систем безопасности на АГНКС приобретают особую актуальность.

Анализ рисков и особенности эксплуатации АГНКС. Основным поражающим фактором при авариях на газовых заправках является не столько токсическое воздействие газа, сколько высокая пожаровзрывоопасность метана. Его концентрационные пределы воспламенения в воздухе составляют от 5% до 15% по объему, что делает образование даже небольшого газового облака критически опасным. Особенность работы АГНКС заключается в том, что газ не просто хранится, но и активно перекачивается под высоким давлением, что увеличивает риск возникновения утечек в местах соединений (фланцы, резьбы, запорная арматура).

Наиболее характерными аварийными сценариями являются разрывы трубопроводов с образованием струйных факелов или «пожара колонного типа» в загроможденном пространстве. Такие аварии могут привести к катастрофическим последствиям: термическому поражению персонала и разрушению оборудования.

Существующая практика обеспечения безопасности в значительной степени опирается на регламенты, требующие участия оператора для идентификации аварии и перекрытия газа. Однако в условиях реальной аварии, сопровождающейся быстрым развитием поражающих факторов, человеческий фактор становится критическим уязвимым звеном.

Традиционные методы обнаружения утечек и их ограничения. На сегодняшний день основным методом контроля газовой среды на АГНКС

является использование стационарных газоанализаторов. Эти приборы работают на принципе диффузионного или принудительного отбора проб и фиксируют концентрацию газа в воздухе. Они оснащаются различными типами сенсоров: электрохимическими, требующими периодической замены (≈ 2 года), или более долговечными инфракрасными (≈ 5 лет). К их преимуществам можно отнести высокую чувствительность и возможность непрерывного мониторинга. Однако они обладают рядом существенных недостатков:

1. Инерционность. Газоанализатор срабатывает только после того, как облако газа достигнет датчика и накопится до пороговой концентрации. В зависимости от интенсивности утечки и метеоусловий это может занять от 20 до 60 секунд.

2. Зависимость от внешних факторов. Эффективность работы газоанализаторов сильно зависит от направления и силы ветра. При сильных порывах газовое облако может быть унесено от места установки датчика, что приведет к запаздыванию сигнала или его отсутствию.

3. Техническое обслуживание. Традиционные датчики требуют периодической калибровки и замены чувствительных элементов (сенсоров), что увеличивает эксплуатационные расходы. Например, калибровка может проводиться 1 раз в 6 месяцев.

Эти недостатки делают газоанализаторы недостаточно эффективным инструментом для предотвращения аварий на ранней стадии, особенно на открытых площадках с активной вентиляцией.

Ультразвуковые детекторы утечек как альтернативное решение. Альтернативным и более эффективным подходом к обнаружению утечек на объектах высокого давления является применение ультразвуковых детекторов (УЗДУ). Принцип их действия основан на физическом явлении: при истечении газа под высоким давлением через отверстие возникает турбулентность, которая генерирует акустические волны в ультразвуковом диапазоне (25–100 кГц). Человеческое ухо эти звуки не воспринимает, но они легко фиксируются специальными датчиками.

Ключевым отличием УЗДУ от традиционных газоанализаторов является то, что они реагируют на сам источник истечения газа, а не на его облако. Это дает им ряд неоспоримых преимуществ:

1. Высокое быстродействие. Ультразвуковой детектор срабатывает практически мгновенно (менее 1 секунды), так как звук распространяется со скоростью, значительно превышающей скорость диффузии газа.

2. Независимость от метеоусловий. Ветер и вентиляция не влияют на способность датчика улавливать ультразвуковой шум от утечки, так как звук переносится не потоками воздуха, а является волной.

3. Низкие эксплуатационные затраты. УЗДУ не требуют калибровки и не имеют чувствительных элементов, которые нужно регулярно заменять, что снижает стоимость их владения. Кроме того, существуют портативные ультразвуковые течеискатели, которые используются для регулярного

технического обслуживания и позволяют персоналу быстро и точно находить места утечек.

Подводя итог, можно сказать, что развитие рынка газомоторного топлива в России диктует необходимость внедрения самых современных систем безопасности на объектах заправочной инфраструктуры. Традиционные методы контроля концентрации газа, основанные на газоанализаторах, не в полной мере отвечают требованиям быстродействия и надежности, особенно при сценариях с высокоскоростным истечением газа. Ультразвуковые детекторы утечек, благодаря своему принципу действия, обеспечивают молниеносное обнаружение аварии и не зависят от внешних условий. Интеграция УЗДУ в системы противоаварийной автоматики АГНКС с функцией автоматического отключения позволяет минимизировать время выброса газа и, как следствие, кардинально снизить тепловую нагрузку при возможном воспламенении, практически исключая риск тяжелого поражения персонала и обеспечивая новый уровень промышленной безопасности.

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [Текст]. — М., 1997.
2. СТО Газпром 2-2.3-351-2009. Методические указания по проведению анализа риска для опасных производственных объектов газотранспортных предприятий ОАО «Газпром» [Текст]. — М.: ОАО «Газпром», 2009.
3. Приказ Ростехнадзора от 15.12.2020 № 530 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности „Правила безопасности автогазозаправочных станций газомоторного топлива“» [Текст].
4. Обзор систем контроля и безопасности на газовых заправках [Электронный ресурс]. — Режим доступа: shelf.group (дата обращения: 09.04.2026).
5. Gas leak detection - Wikipedia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: en.wikipedia.org (дата обращения: 09.04.2026).
6. МКС EN 50724:2023. Ультразвуковые детекторы утечки газа [Текст]. — 2023.
7. Gassonic Surveyor. Ультразвуковой детектор утечки газа [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.cis-controls.ru (дата обращения: 09.04.2026).
8. Observer i Ultrasonic Gas Leak Detector. MSA Safety [Электронный ресурс]. — Режим доступа: sg.msasafety.com (дата обращения: 09.04.2026).
9. About Ultrasonic Gas Leak Detectors. Emerson US [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.emerson.com (дата обращения: 09.04.2026).
10. Газоанализатор автоматический стационарный ГАНК-4С Ex [Электронный ресурс]. — Режим доступа: granat-e.ru (дата обращения: 09.04.2026).

Фаттахов Д.Р.
студент магистрант
кафедра техносферной безопасности
Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Россия
Беккер Д.С.
студент магистрант
кафедра техносферной безопасности
Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ГАЗОНАПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМПРЕССОРНЫХ СТАНЦИЙ (АГНКС)

Аннотация: В статье рассмотрены основные опасности, связанные с эксплуатацией автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС), использующих в качестве моторного топлива компримированный природный газ (метан). Выполнен анализ существующих требований к АГНКС, идентифицированы наиболее характерные сценарии аварий. Показано, что существующие меры безопасности, основанные на визуальном осмотре и плановом техническом обслуживании, недостаточны для предотвращения аварий с тяжелыми последствиями.

Ключевые слова: АГНКС, метан, промышленная безопасность, анализ риска, утечка газа, ультразвуковой контроль, пожар колонного типа.

Fattakhov D.R.
master's student
Department of Technosphere Safety
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia
Becker D.S.
master's student
Department of Technosphere Safety
Tyumen Industrial University
Tyumen, Russia

IMPROVING THE EFFICIENCY OF GAS LEAK DETECTION AT AUTOMOTIVE GAS FILLING COMPRESSOR STATIONS

Abstract: The article discusses the main hazards associated with the operation of automotive gas-filling compressor stations (CNG stations) using

compressed natural gas (methane) as motor fuel. An analysis of the existing requirements for CNG stations has been performed, and the most typical accident scenarios have been identified. It is shown that the existing safety measures based on visual inspection and routine maintenance are insufficient to prevent accidents with serious consequences.

Keywords: CNG stations, methane, industrial safety, risk analysis, gas leak, ultrasonic monitoring, column type fire.

Введение

В результате постоянного технического совершенствования метан был представлен в виде альтернативного вида топлива, реализуемого на АГНКС – заправках с сжатым природным газом, как более безопасного и доступного при использовании [9]. Технологический процесс АГНКС включает в себя не только реализацию моторного топлива, но и является объектом, на котором природный газ, поступающий по газопроводу, подвергается комплексной обработке (сепарация, компримирование, осушка). В связи с этим появляются дополнительные риски, угрожающие основным фондам, работникам, а также третьим лицам; возникает потребность в дополнительных мероприятиях производственной безопасности [9].

Автомобильные газонаполнительные станции есть практически во всех крупных городах, количество потребителей метанового топлива увеличивается. Если раньше природный газ был широко распространен только на коммерческом транспорте, то сейчас не редко можно встретить его использование на автомобилях личного пользования. Отсутствие примесей тяжелых металлов, серы и прочих веществ делает двигатели более долговечными, исключая возможность заправки некачественным топливом, что является дополнительным преимуществом перед потребителями бензинового топлива. С увеличением популярности увеличивается и нагрузка на заправочные станции, возрастает риск аварий на объекте, что подтверждает актуальность и потребность в усовершенствовании существующих мероприятий безопасности.

Метановое топливо и требования к АГНКС

Основную долю природного газа составляет метан – более 90%. Он без цвета и запаха, легче воздуха. Метан можно использовать в сжатом (компримированном) и в сжиженном виде. Метановый газ является наиболее безопасным при использовании: нижний предел воспламенения метана составляет +650 °С, в то время как температура воспламенения бензина +250 °С, а дизельного топлива – около +200 °С [7]. Тем не менее, высокое рабочее давление на АГНКС (до 25 МПа) и большие объёмы хранимого газа создают значительный аварийный потенциал.

Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) установлены требования к АГНКС, направленные на обеспечение максимальной безопасности объектов [4]. Среди них: ограничение давления газа не более 25 МПа, обязательное

обучение персонала, проведение инструктажей, регулярные тренировки по ликвидации аварий, наличие должностных инструкций, аттестация руководителей, соблюдение техники безопасности. Правила эксплуатации предписывают ежемесячную диагностику оборудования, своевременное устранение неисправностей, запрет на самостоятельное внесение изменений в конструкцию, использование оборудования только по назначению, поддержание соответствующей температуры и давления газа.

Технологический процесс и потенциально опасные узлы

Технологический процесс АГНКС включает несколько стадий: сепарация (очистка газа от примесей и влаги), компримирование (сжатие до 25 МПа с помощью компрессорной установки), осушка (адсорбционная осушка с регенерацией адсорбента). Подготовленный газ поступает в блок аккумуляторов газа (БАГ), откуда подаётся на газораздаточные колонки для заправки транспортных средств.

Согласно [7], общая схема узлов АГНКС включает: входную группу учёта, фильтр, регулятор; установку осушки газа на низкой стороне; компрессорную станцию; блок аккумуляторов газа и панель приоритетов; раздаточную колонку; операторскую. Каждый из этих узлов является потенциальным источником аварии.

Отдельного внимания заслуживают передвижные автомобильные газонаполнительные станции (ПАГЗ), которые повышают рентабельность АГНКС благодаря увеличению объёмов поставки газа для доставки КПП сторонним потребителям. ПАГЗ разделяют на активные (с дожимным компрессором на борту) и пассивные (без компрессора). Наиболее частой неисправностью газового оборудования ПАГЗ являются отказы заправочных кранов, в которых происходит срыв резьбы штока вентиля, что приводит к утечке газа.

Идентификация опасностей и анализ аварийности

Одним из наиболее часто встречающихся отказов является нарушение герметичности соединяющих трубок и штуцеров ёмкостей с газом как на стационарных, так и на передвижных станциях. Анализ аварий показывает, что главной проблемой остаётся разгерметизация оборудования, происходящая чаще всего в следующих узлах: запорная арматура (клапаны, краны), предохранительные устройства, фланцевые соединения, резьбовые соединения штуцеров и подводящих трубок [13].

Рассмотрим типовой отказ – незакрытие запорного клапана на выходе из компрессора высокого давления при продолжающем работу компрессоре. В этом случае происходит рост давления в системе до срабатывания предохранительного клапана (при достижении 26,5 МПа). Вследствие нештатного длительного сброса газа образуется газовое облако с взрывоопасной концентрацией в помещении компрессорной с возможным воспламенением от искры электрооборудования. Дальнейшее развитие происходит по характерному типовому сценарию – «Пожар колонного типа в загромождённом пространстве» [7].

Сценарий включает: разрыв надземного наружного технологического газопровода при наличии вблизи места разрыва преграды (оборудования, здания) → образование воздушной волны сжатия в момент разрыва → разлёт фрагментов трубы → истечение струй газа и их взаимодействие с преградами → воспламенение газозвушной смеси с возникновением пожара колонного типа → термическое воздействие на оборудование, здания и персонал → возможное каскадное развитие аварии. Основными поражающими факторами являются: воздушная волна сжатия, прямое воздействие пламени, тепловое излучение, токсичные продукты сгорания от вторичных пожаров [7].

Основные причины аварий – усталость металла от постоянных циклов давления, коррозия и износ уплотнений. Существующие меры безопасности (визуальные осмотры, плановое техническое обслуживание) не позволяют оперативно реагировать на внезапно возникшую разгерметизацию.

Анализ существующих систем контроля утечек

В настоящее время на большинстве АГНКС применяются точечные газоанализаторы (электрохимические, полупроводниковые, инфракрасные). Эти приборы имеют ряд существенных недостатков при эксплуатации на открытых площадках с высоким давлением газа:

1. Инерционность: время срабатывания составляет от 5 до 30 секунд, так как газ должен физически достичь сенсора и накопиться до определённой концентрации.

2. Зависимость от погодных условий: при сильном ветре или интенсивной вентиляции газ может быть отнесён от сенсора, и детектор не срабатывает.

3. Необходимость частого обслуживания: калибровка и замена сенсоров каждые 3–6 месяцев.

4. Низкая чувствительность к микроутечкам: обнаруживают только значительные объёмы истечения.

Указанные недостатки особенно критичны для АГНКС, где время накопления взрывоопасной концентрации может измеряться секундами, а операторная часто расположена на значительном удалении от компрессорной установки.

Предлагаемое техническое решение: ультразвуковая система обнаружения утечек

В качестве альтернативы предлагается внедрение системы акустического обнаружения утечек газа (УЗДУ). Ультразвуковые детекторы регистрируют высокочастотный шум (в диапазоне 25–100 кГц), возникающий при истечении газа из-под давления через неплотности и трещины. Основные преимущества УЗДУ:

1. Мгновенное срабатывание (менее 1 секунды) – детектор реагирует на сам факт истечения на скорости звука, не дожидаясь накопления концентрации.

2. Независимость от направления ветра – акустический сигнал распространяется прямолинейно и не сносится ветром.

3. Высокая чувствительность – обнаруживаются утечки с расходом от 1 см³/с, что позволяет выявлять дефекты на ранней стадии.

4. Минимальное обслуживание – не требуют калибровки и реагентов, достаточно периодической проверки работоспособности.

5. Надёжность в условиях низких температур – работают в диапазоне от –40 до +60 °С.

УЗДУ могут быть интегрированы с быстродействующей запорной арматурой (шаровые краны с электроприводом), что обеспечивает автоматическое перекрытие аварийного участка в течение 1 секунды после обнаружения утечки.

Заключение

1. Эксплуатация АГНКС сопряжена с высокими рисками из-за больших давлений и объёмов компримированного газа. Наиболее опасным сценарием является «пожар колонного типа в загромождённом пространстве» с образованием факела высотой до 80 м и тепловым излучением, смертельным для человека на расстоянии десятков метров.

2. Существующие системы безопасности (визуальный контроль, плановое ТО, ручное перекрытие) не обеспечивают достаточную защиту персонала из-за высокой инерционности и зависимости от человеческого фактора.

3. Предлагаемое внедрение ультразвуковых детекторов утечек с автоматическим отключением аварийного участка позволяет сократить время истечения газа до 1 секунды, что снижает тепловое излучение до безопасных уровней и полностью исключает вероятность поражения людей.

4. Рекомендуется включить установку УЗДУ в состав обязательных мероприятий по повышению промышленной безопасности для всех вновь строящихся и реконструируемых АГНКС, а также для передвижных автомобильных газонаполнительных станций.

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».

2. Приказ Ростехнадзора от 15.12.2020 № 530 «Об утверждении федеральных норм и правил в области промышленной безопасности "Правила безопасности автогазозаправочных станций газомоторного топлива"».

3. СТО Газпром 2-2.3-351-2009 «Методические указания по проведению анализа риска для опасных производственных объектов газотранспортных предприятий ОАО "Газпром"». – М., 2009.

4. СТО Газпром 2-2-3-791-2012 «Инструкция по технической эксплуатации автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС)».

5. Петров К.С. Современные методы контроля герметичности // Нефтегазовое дело. – 2022. – № 2. – С. 67-72.

6. Григорьев А.В., Ковалев Д.Н. Анализ причин аварий на объектах газомоторной инфраструктуры // Промышленная безопасность. – 2021. – № 7. – С. 28-34.

7. Ерохов В.И. Особенности эксплуатации передвижных автомобильных газозаправочных станций со сжиженным углеводородным газом // Охрана труда и техника безопасности на автотранспортных предприятиях и в транспортных цехах. – 2021. – № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://panor.ru/articles/osobennosti-ekspluatatsii-peredvizhnykh-avtomobilnykh-gazozapravochnykh-stantsiy-so-szhizhennym-uglevodorodnym-gazom/58792.html> (дата обращения: 12.04.2026).

Филенко К.А.
студент

Моисеева В.И.
студент

Научный руководитель: Кошевенко С.В., к.п.н.
декан факультета экономики и управления
Смоленский государственный университет
Россия, Смоленск

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕТРО-ТРЕНДОВ В ДИЗАЙНЕ МОЛОДЁЖНОЙ ОДЕЖДЫ

Аннотация: в статье рассмотрены особенности ностальгического маркетинга в разрезе молодежной целевой аудитории. Авторы обобщили сведения о выделяемых причинах выбора молодежью ретро-стиля и провели собственное исследование о значимости каждой из причин. Были выделены элементы ретро-стиля в молодежной одежде и определены те, которые предпочитает молодежь. На основе проведенного исследования построена модель предпочтений «Ретро-компас маркетолога».

Ключевые слова: ретро-стиль, ностальгический маркетинг, маркетинг, бренд-менеджмент, молодежь.

Filenko K.A.
student

Moiseeva V.I.
student

Supervisor: Koshevenko S.V., Ph.D.
Dean of the Faculty of Economics and Management
Smolensk State University
Russia, Smolensk

RESEARCH ON THE USE OF RETRO TRENDS IN YOUTH CLOTHING DESIGN

Abstract: the article examines the features of nostalgic marketing in the context of the youth target audience. The authors summarized information on the reasons for the choice of retro-style by young people and conducted their own research on the significance of each of the reasons. Elements of retro style in youth clothing were highlighted and those preferred by young people were identified. Based on the study, a model of preferences "Retro-compass marketer" was built.

Keywords: retro style, nostalgic marketing, marketing, brand management, youth.

Введение

В современном мире острая конкуренция пронизывает все сферы жизни, и рынок моды не становится исключением. Именно поэтому специалистам в области бренд-менеджмента и маркетинга важно активно искать новаторские методы для привлечения и удержания внимания своей целевой аудитории. В современной среде, перегруженной информацией и стремительно меняющимися модными тенденциями, ностальгический маркетинг выступает в качестве действенного инструмента коммуникации. Это связано с его способностью апеллировать к прочным культурным символам и вызывать теплые, позитивные чувства. Ершова Е. Ю. пишет, что в современном маркетинге происходит «смещение фокуса с предложения товаров и услуг на формирование у клиентов глубоких и позитивных эмоциональных переживаний». Они «выступают как ключевой фактор создания ценности и достижения превосходства над конкурентами... приоритет отдается эмоциональным и психологическим аспектам потребления» [1].

Методы исследования. Информация об применённых методах исследования

В ходе исследования применялись теоретические и практические методы исследования: анализ, синтез и обобщение, анализ литературных источников и источников сети Интернет, социологические исследования, анкетирование, графические методы отображения информации.

Целью нашего исследования является детализация причин выбора ретро-стиля и определение основных элементов ностальгического маркетинга, которые позволяют брендам эффективно выстраивать коммуникации с молодежной целевой аудиторией. Также нашей задачей являлось формирование модели «Ретро-компас маркетолога: модель востребованных элементов ретро-стиля в молодежной одежде» (далее «Ретро-компас маркетолога»).

Разработанная модель «Ретро-компас маркетолога» представляет собой инструмент комплексного анализа предпочтений молодежи в области ретро-стиля. Модель структурирована по семи ключевым направлениям, каждое из которых детализировано через конкретные элементы, отражающие культурные коды разных эпох (таблица 1).

Таблица 1

**Ключевые направления ретро-стиля и их элементы в модели
«Ретро-компас маркетолога»**

Направление	Элементы
Культовые персонажи и лица	– силуэты и стилизация под звезд (Элвис, Монро и др.); – персонажи мультфильмов; – герои фильмов 80-90х (герои отечественного кино, герои зарубежного кино, цитаты из фильмов).
Ретро-типографика и литтеринг	– шрифты в стиле ArtDeco (20-30е) (геометрия, с лучами); – неоновые вывески;

	– компьютерные пиксели; – психоделические шрифты (волны, искажения).
Музыка	– слоганы и цитаты; – названия песен и групп; – визуальные музыкальные артефакты, как принты / виниловые пластинки / кассеты
Мода	– мода 70х (диско, глем-рок, панк) – мода 80х (аэробика / спорт-шик, хип-хоп, готика) – мода 90х (гранж, минимализм, нео-хиппи)
Спорт	– олимпийская символика (Олимпиада-80, Олимпиада-2014); – лица спортсменов и спортивная атрибутика (футбол, хоккей и др.); – спортивные слоганы, кричалки
Печатная культура	– цитаты из книг; – зарисовки комиксов; – персонажи манги
Культ СССР	– символика СССР; – культовые личности (Сталин, Брежнев, Ленин и т.д.); – тема космоса (личности, летательные аппараты, изображения собак-космонавтов и т.д.)

Данная модель даёт возможность оценить, насколько каждое из направлений и его составляющие интересны молодежной аудитории, а также определить эстетические предпочтения, чувства, побуждающие к выбору ретро-стиля. Инструмент "Ретро-компас маркетолога" подходит как для анализа текущих тенденций, так и для создания результативных маркетинговых подходов для компаний, нацеленных на молодежь.

Результаты оригинального авторского исследования

С целью эмпирического подтверждения работоспособности модели было проведено исследование. Для сбора информации применялась анкета, вопросы которой давали возможность участникам оценить важность предложенных семи направлений и уточнить свои предпочтения в рамках каждого из них, вплоть до конкретных шрифтовых решений, стилистических эпох, образов знаменитостей и элементов спортивной тематики.

В исследовании приняли участие 101 человек, что обеспечило достаточную репрезентативность для первоначального анализа: 51 участник – мужчины, 50 – женщины. Ядро выборки — молодежь от 17 до 24 лет. Основная масса респондентов в возрасте 19–21 год (самая многочисленная группа). Собранные сведения послужили основой для структурирования модели. Следовательно, модель «Ретро-компас маркетолога» опирается не только на теоретические предположения, а на реальные вкусы целевой аудитории, что делает её пригодной для

дальнейшего изучения и практического применения в сфере маркетинга (рис.1.).

Рис. 1 – Модель «Ретро-компас маркетолога»

В результате исследования удалось выделить топ-4 самых востребованных элементов и рассмотреть в каждом из них самые предпочтительные элементы ретро-стиля для молодёжи. Рассмотрим все полученные результаты (рис. 2–5).

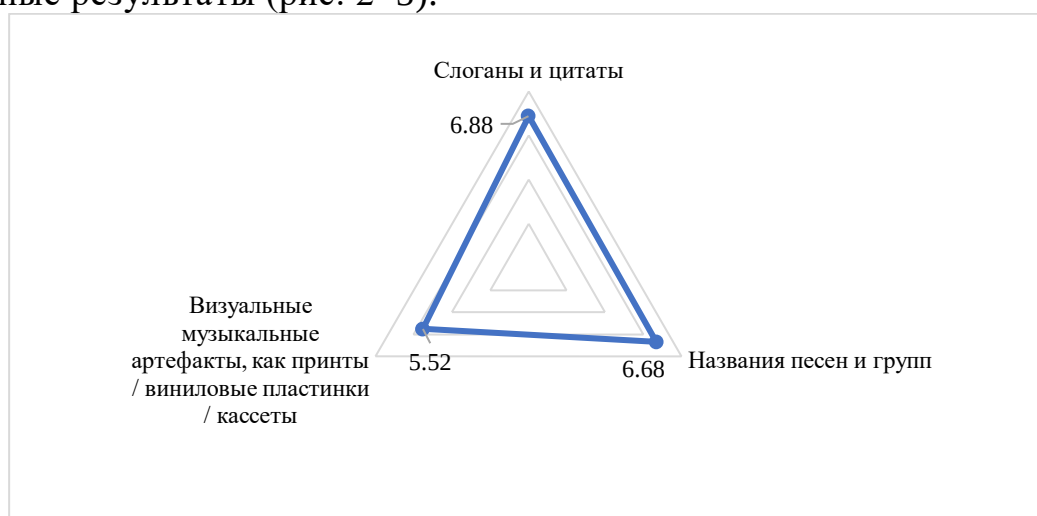

Рис. 2 – Направление «Музыка» и её элементы

Музыкальный блок (6,3) - абсолютный лидер. Особенно ценятся такие компоненты как «Слоганы и цитаты» (6,88) и «Названия песен и групп» (6,68). Можно сделать вывод, что музыка является универсальным мостом между поколениями.

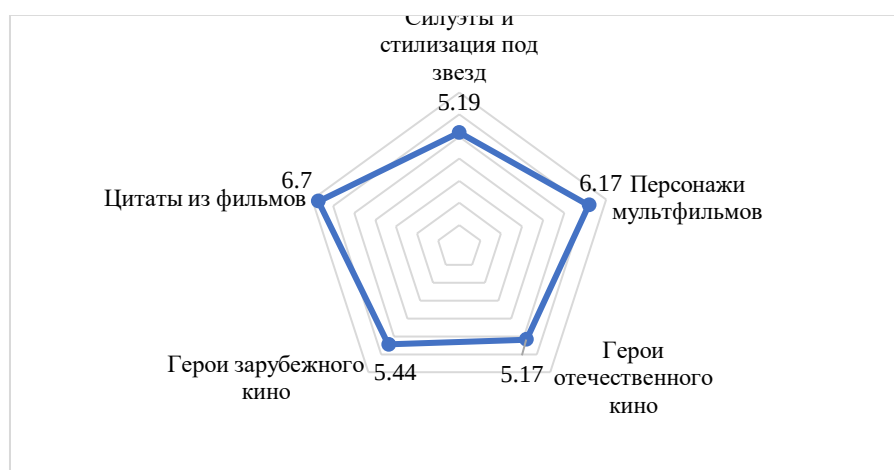

Рис. 3 – Направление «Культовые персонажи и лица» и его элементы

Данный раздел (5,73) в целом получает высокие оценки по всем направлениям. Наиболее высокие результаты демонстрируют "Цитаты из фильмов" (6,7) и "Персонажи мультфильмов" (6,17). Подобные элементы действуют как "культурные якоря", мгновенно пробуждая эмоциональный отклик и способствуя формированию у потребителей чувства принадлежности к референтной группе. Это делает их мощным инструментом для установления эмоциональной связи с брендом.

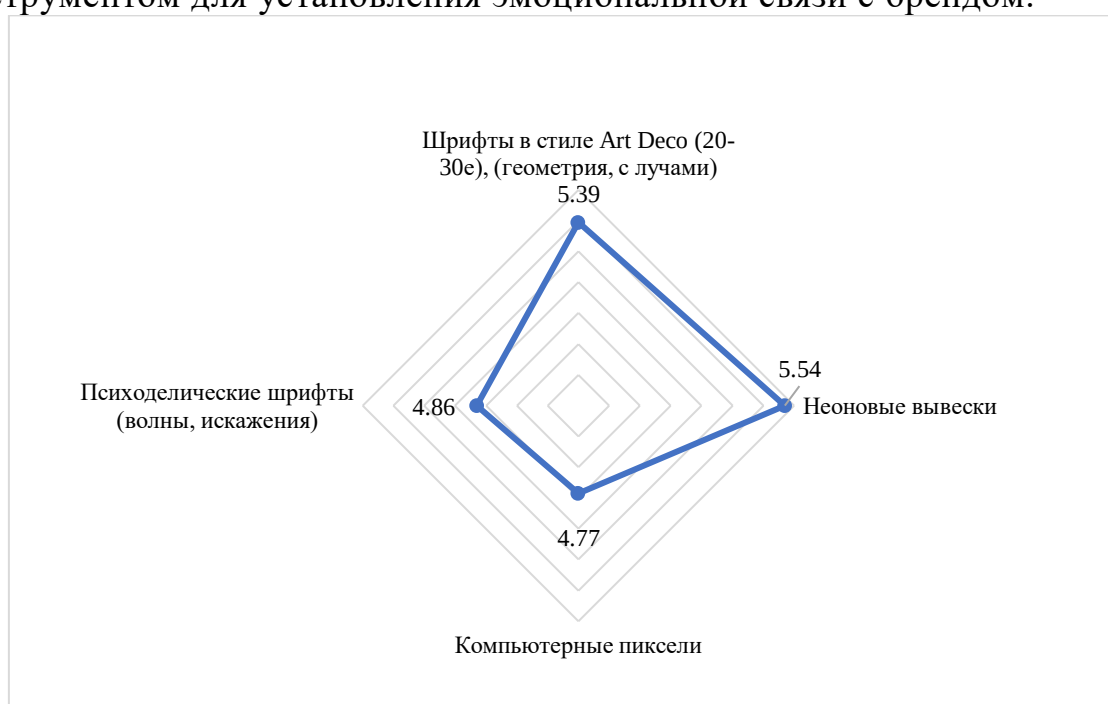

Рис. 4 – Направление «Ретро-типографика и литтеринг» и его элементы

В данном блоке (5,12) наиболее высокие оценки получили два визуально противоположных направления: «Шрифты в стиле ArtDeco» (20–30-е годы) (5,39) и «Стилизация под неоновые вывески» (80–90-е

годы) (5,54). Это указывает на то, что с одной стороны респондентов привлекает элегантная геометрия, лаконичность и ощущение «роскошной стабильности», свойственные эпохе джаза и индустриального оптимизма; с другой – яркая, динамичная неоновая эстетика, ассоциирующаяся с городской культурой, киберпанком. Такое сочетание говорит о том, что молодежная аудитория не ограничивается одной ретро-эпохой, а свободно комбинирует элементы из разных десятилетий, выбирая те визуальные языки, которые наиболее точно соответствуют их индивидуальному эмоциональному запросу.

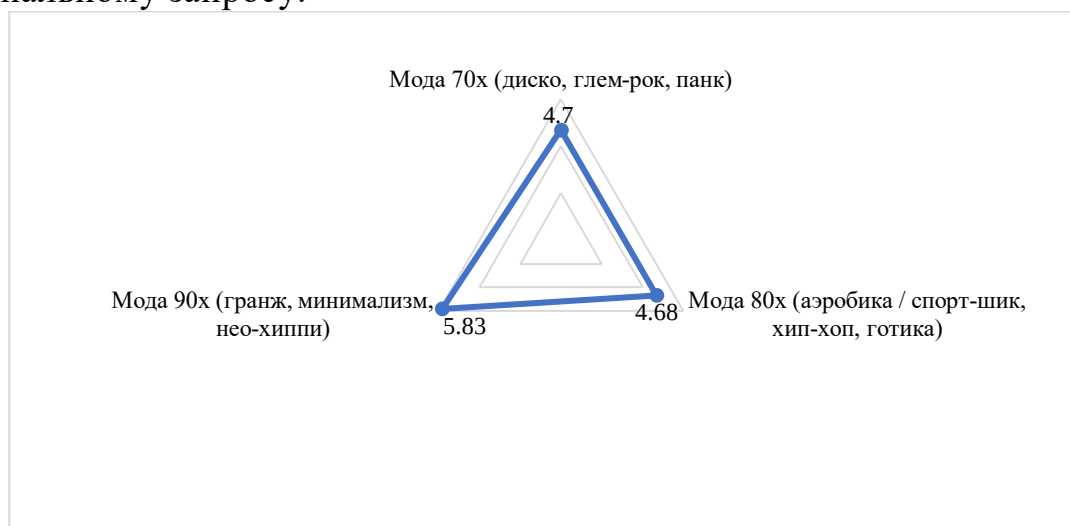

Рис. 5 – Направление «Мода» и его элементы

В данном направлении (5,02) мода 90-х — явный тренд. Она близка по времени к возрасту респондентов (их детство или родительская молодость) и легко встраивается в современный уличный стиль. Это подтверждает цикличность fashion-трендов и особую близость этой эстетики для поколения, чья социализация пришлась на конец XX — начало XXI века.

Также в ходе исследования был выявлен топ-3 менее востребованных направлений (рис.6–8).

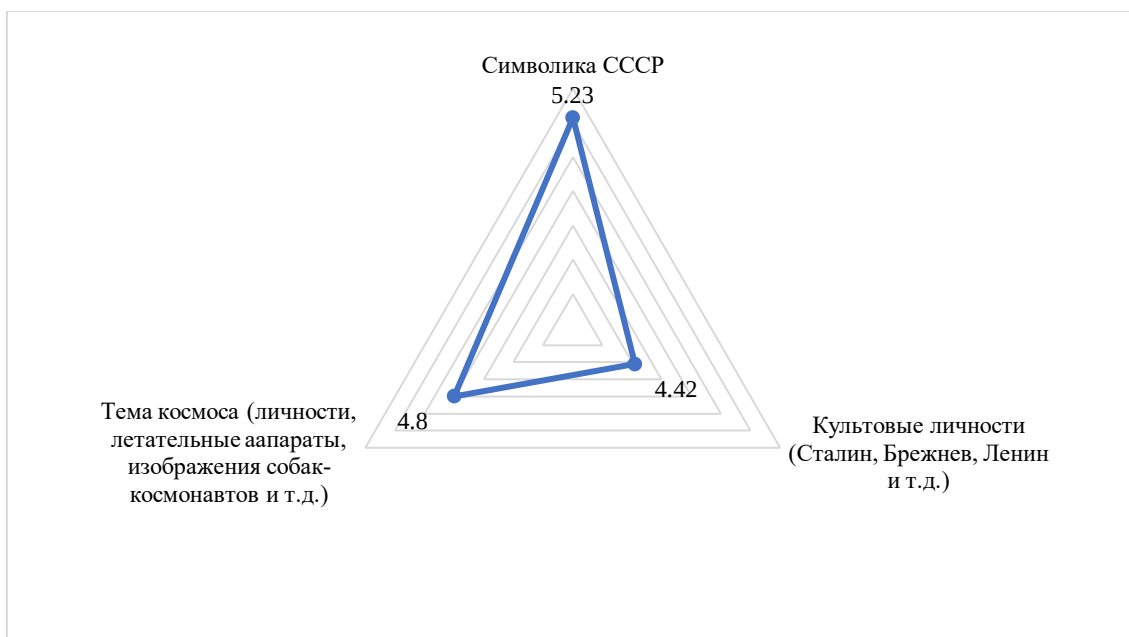

Рис. 6 – Направление «Култ СССР» и его направления

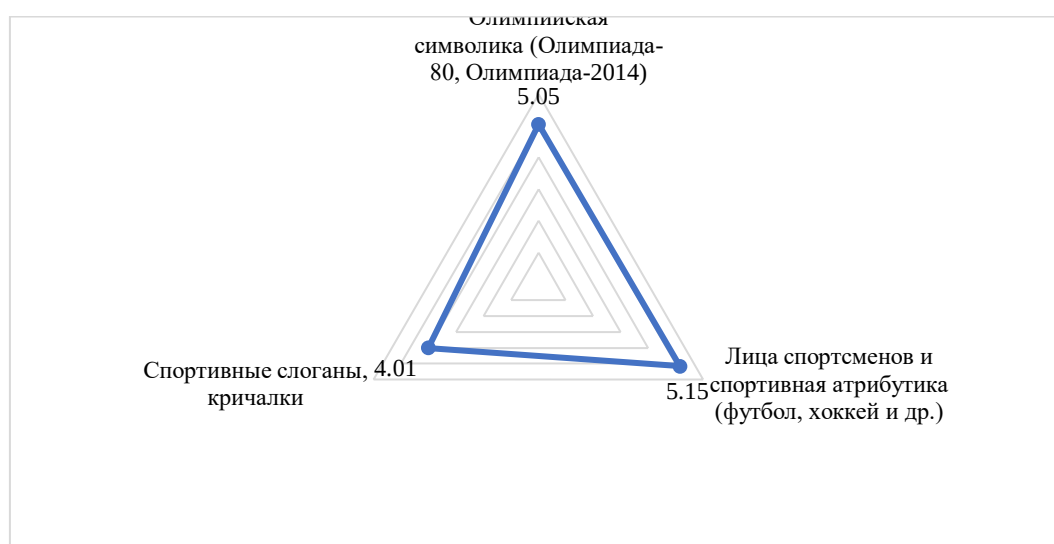

Рис. 7 – Направление «Спорт» и его элементы

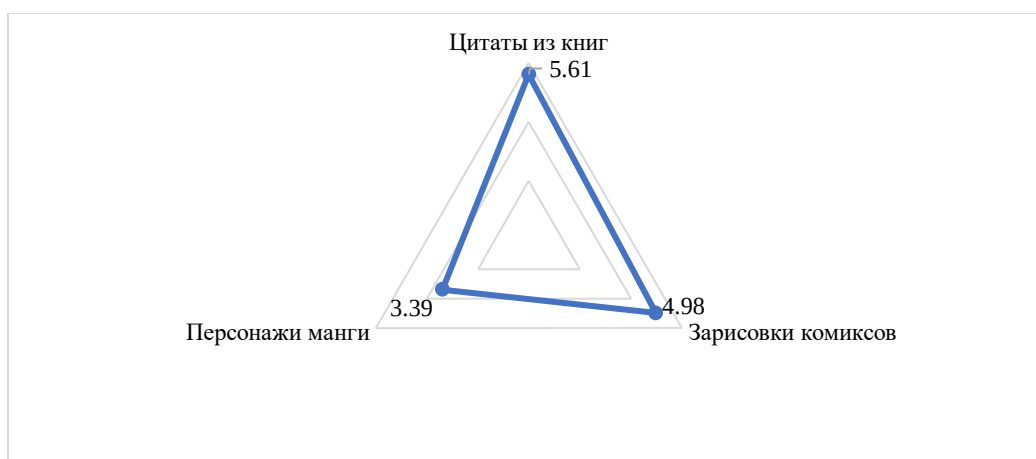

Рис. 8 – Направление «Печатная культура» и его элементы

Среди предложенных тематик наименее востребованными оказались "Культ СССР" (4,79), "Спорт" (4,68) и "Печатная культура" (4,45). Это говорит о том, что целевая аудитория относится с осторожностью или безразличием к символике, имеющей идеологический подтекст, специфической спортивной атрибутике и традиционным литературным отсылкам. Для маркетологов это означает, что включение подобных мотивов требует деликатного подхода. Они могут служить лишь вспомогательными деталями в более сложных, многослойных композициях, где основную смысловую нагрузку несут более популярные культурные маркеры, такие как музыка, кинематограф и эстетика 90-х годов.

В ходе проведенного исследования были проанализированы причины выбора ретро-стиля, рассмотренные различными авторами [2; 3; 4; 5; 6]. Выделено 9 основных причин выбора ретро-стиля (таблица 2).

Таблица 2

Причины выбора ретро-стиля

В условиях современной нестабильности (экономической, политической) одежда в ретро-стиле дает мне ощущение стабильности и надежности.
Мне нравится носить вещи, которые ассоциируются с эпохами, которые я воспринимаю как более «беззаботные» и понятные по сравнению с современностью.
Я испытываю ностальгию по временам, в которых я лично не жил(а) (например, 60-е, 70-е, 90-е), романтизируя их эстетику через фильмы, музыку или семейные архивы.
Выбирая винтажную одежду, я чувствую причастность к культуре прошлого, которая кажется мне более выразительной и аутентичной, чем современная.
Масс-маркет делает людей похожими друг на друга. Винтажные или стилизованные под старину вещи помогают мне выделиться и избежать «алгоритмического копирования» образов из соцсетей.
Одежда с отсылками к эпохе до всеобщей цифровизации (до интернета/соцсетей) помогает мне создать психологический барьер от информационного шума и чувствовать себя менее уязвимым(ой) перед цифровой тревожностью.
Для меня ретро-стиль – это способ «замедлиться», способ уйти от бешеного ритма современной жизни и постоянной доступности в сети.

Я выбираю ретро-вещи, потому что это экологично: я поддерживаю идею вторичного потребления (second-hand, vintage) или покупку качественных вещей, которые служат долго, в противовес «быстрой моде» (fast-fashion).

Меня утомляет скорость смены трендов. Винтажные вещи кажутся мне «вневременными» — их не нужно менять каждый сезон, что позволяет экономить ресурсы (деньги и время).

В ходе исследования стояла задача дифференциации данных причин выбора ретро-стиля молодежной аудиторией. Выделение значимых причин позволит маркетологам и бренд-менеджерам глубже изучить целевую аудиторию, выстраивать адресную маркетинговую кампанию.

Для этого было выделено ядро респондентов, оценки элементов ретро-стиля у которых превышают «6». В данном случае выборка составила 48 человек. Все мотивы выбора ретро-стиля получили высокие оценки (от 7,33 до 8,37), что свидетельствует о комплексной и глубокой вовлеченности респондентов в эту эстетику. Наиболее значимым фактором является ностальгия по временам, в которых респонденты лично не жили (8,37), что указывает на ключевую роль романтизированного образа прошлого, сформированного через медиа и культуру. Также высоко респонденты ценят ретро-стиль как способ противопоставить себя унифицирующему масс-маркету и «алгоритмическому копированию» (7,68). В современной философии ностальгия раскрывается как реакция на перегрузки и стремление к устойчивому миру, что подтверждает популярность ретро-стиля, как источника ощущения стабильности в условиях нестабильности (7,77). При этом даже наименее выраженные мотивы — защита от цифрового шума (7,33) и замедление ритма жизни (7,36) — остаются значимыми, что подчеркивает многофункциональность ретро-стиля: он одновременно удовлетворяет потребности в эмоциональной безопасности, аутентичности, индивидуальности и осознанном потреблении.

Заключение

В ходе исследования была разработана и эмпирически обоснована модель «Ретро-компас маркетолога», которая позволила систематизировать ключевые направления и элементы ретро-стиля, востребованные молодежной аудиторией. Исследование выявило, что наибольшей популярностью у молодых потребителей пользуются темы, связанные с музыкой (в частности, запоминающиеся фразы, названия коллективов и цитаты), образы из кино и герои анимационных фильмов, а также элементы моды девяностых годов. Такая тенденция объясняется их доступностью для поколения и легкостью вплетения в современные модные тенденции. Любопытным моментом стало объединение в типографике эстетики элегантного ArtDeco и динамичного неоновоего стиля, что свидетельствует о готовности молодежи смешивать визуальные элементы из различных исторических периодов. Анализ причин выбора ретро-стиля показал, что в основе своей он обусловлен ностальгией по

прошлому, несмотря на отсутствие личного опыта жизни в ту эпоху. Также ретро-стиль помогает создать чувство стабильности в непредсказуемом современном мире и выделиться среди массовой, унифицированной продукции. С другой стороны, темы, связанные с советской эпохой, спортом и традиционной печатной культурой, получили наименьшее количество положительных отзывов, что подчеркивает важность тщательного и уместного применения этих символов в маркетинговых кампаниях. Следовательно, «Ретро-компас маркетолога» может стать действенным инструментом для брендов, нацеленных на молодежную аудиторию, помогая создавать стратегии взаимодействия с потребителями, богатые на эмоции и актуальные для целевой группы.

Использованные источники

1. Ершова Е. Ю. Особенности менеджмента в экономике впечатлений // Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы: Сборник научных статей XII международной научной конференции, Смоленск, 23 мая 2025 года. Смоленск: ЗАО "Университетская книга", 2025. С. 137-140.
2. Ершова Е. Ю. Факторы иррационального поведения потребителей // Наука Красноярья. – 2022. – Т. 11, № 4–2. С. 7–11.
3. Лашков, Д.А. Ностальгический маркетинг как способ привлечения и удержания потенциальных потребителей // Молодой ученый. – 2023. – № 24 (471). – С. 181–184. - URL: <https://moluch.ru/archive/471/104247>.
4. Любутин К. Н. Западная философская антропология: учебное пособие для вузов / К.Н. Любутин, А.В. Грибакин; под общей редакцией К. Н. Любутина. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Изд-во Юрайт, 2023. – 172 с.
5. Дроздова В. Д. Ностальгия в рекламе: стратегия для привлечения молодых потребителей / В.Д. Дроздова, А.Н. Тимохович // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2019): Сборник материалов Всероссийской конференции молодых исследователей с международным участием, Москва, 10–13 декабря 2019 года. Том Часть 2. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)", 2019. – С. 117–120.
6. Маслова А. А. Современные тренды в одежде: что диктует мода сегодня? // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 9-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12–13 декабря 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 264–266.
7. Гилязиева К. Р. Феномен ностальгического маркетинга и почему он работает / К.Р. Гилязиева, Р.Ш. Гилязов // Экономические, историко-правовые, философские взгляды современности: Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 мая 2022 года. – Ростов-на-

Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Манускрипт", 2022. – С. 30–34.

*Хлебникова Д.И.
Уфимский университет науки и технологий
Россия, г.Уфа
Научный руководитель: Матвеев С.С.
Уфимский университет науки и технологий
Россия, г.Уфа*

ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние физической нагрузки разной интенсивности на умственные способности и успеваемость студентов. Анализ современных исследований показывает, что регулярные занятия спортом улучшают память, внимание и способность к обучению. Особое внимание уделяется практическим рекомендациям для студентов.*

***Ключевые слова:** физическая активность, интенсивность, когнитивные способности, память, успеваемость, студенты.*

*Hlebnikova D.I.
Ufa University of Science and Technology
Ufa
Academic Supervisor: Matveev S.S.
Ufa University of Science and Technology
Ufa*

THE EFFECT OF PHYSICAL ACTIVITY OF VARYING INTENSITY ON STUDENTS' COGNITIVE ABILITIES AND ACADEMIC PERFORMANCE

***Abstract:** The article examines the impact of physical activity of different intensities on the mental abilities and academic performance of students. An analysis of modern research shows that regular exercise improves memory, attention, and learning abilities. Special attention is paid to practical recommendations for students.*

***Keywords:** physical activity, intensity, cognitive abilities, memory, academic performance, students.*

Каждый студент знает, как сложно бывает сосредоточиться на учебе после долгого сидения за книгами. Глаза устают, мысли разбегаются, информация плохо запоминается. А кто-то, наоборот, замечает, что после тренировки в спортзале или даже обычной прогулки учиться легче. Это не случайность, а научно доказанный факт: физическая активность напрямую влияет на работу мозга.

1. КАК СПОРТ ВЛИЯЕТ НА МОЗГ.

Чтобы понять, почему движение помогает думать, нужно немного разобраться в физиологии. Когда мы занимаемся спортом, в организме происходят три важных процесса:

Первое. Улучшается кровоснабжение мозга. Сердце бьется быстрее, кровь активнее циркулирует и доставляет к нейронам кислород и питательные вещества. Мозг начинает работать эффективнее, как хорошо смазанный механизм.

Второе. Вырабатываются особые вещества — нейротрофины. Самый известный из них называется BDNF (brain-derived neurotrophic factor). Простыми словами, это «удобрение» для наших нервных клеток. Оно помогает создавать новые связи между нейронами, а значит, лучше запоминать информацию и быстрее учиться.

Третье. Во время физической нагрузки выделяются «гормоны радости» — дофамин и норадреналин. Они отвечают за концентрацию внимания и мотивацию. Именно поэтому после хорошей тренировки мир кажется ярче, а задачи — выполнимее.

2. ТРИ УРОВНЯ ИНТЕНСИВНОСТИ: ЧТО ВЫБРАТЬ?

Ученые делят физическую нагрузку на три типа по интенсивности. У каждого — свои эффекты.

Низкая интенсивность (прогулка, легкая зарядка, йога)

Это тот минимум, который полезен всем. Такая активность не перегружает организм, но помогает снять стресс и тревожность. После напряженной пары или экзамена прогулка на свежем воздухе — лучший способ «перезагрузить» мозг. Однако для серьезного улучшения памяти или внимания одной ходьбы недостаточно.

Умеренная интенсивность (бег трусцой, плавание, велосипед, активные игры)

Золотая середина. Когда вы занимаетесь так, что немного учащается дыхание, но вы все еще можете разговаривать — это умеренная нагрузка. Исследования показывают, что именно такой режим лучше всего влияет на успеваемость. Например, испанские ученые выяснили: студенты, которые ежедневно уделяют умеренной активности около часа, показывают лучшие результаты в тестах на критическое мышление и самоорганизацию. Они лучше структурируют информацию и быстрее находят решения сложных задач.

Высокая интенсивность (интервальные тренировки, кроссфит, спринт)

Когда сердце колотится, а разговаривать уже трудно — это высокая интенсивность. Британские исследователи из Университета Ковентри в 2025 году сделали интересное открытие: короткие, но очень интенсивные тренировки лучше всего активируют префронтальную кору — ту часть мозга, которая отвечает за планирование, самоконтроль и рабочую память. То есть после хорошего спринта или интенсивного кроссфита вы сможете лучше

сосредоточиться на сложной умственной работе. Главное — не переусердствовать: 5–10 минут такой нагрузки вполне достаточно.

3. ПАМЯТЬ БЫВАЕТ РАЗНОЙ

Одно из самых интересных исследований провели на Тайване в 2024 году. Ученые разделили студентов на две группы: одни занимались аэробикой (бег, прыжки), другие — силовыми тренировками. Результаты показали, что оба вида спорта улучшают успеваемость, но по-разному.

Вербальная память (способность запоминать слова, тексты, формулировки) улучшилась в обеих группах. А вот **зрительно-пространственная память** (способность запоминать схемы, карты, чертежи) напрямую не изменилась, но оказалось, что именно она служит связующим звеном между силовыми тренировками и успехами в естественных науках. То есть, качая мышцы, мы не напрямую, а через улучшение пространственного мышления помогаем себе в физике или химии.

Вывод прост: для гармоничного развития ума полезно сочетать разные виды активности — и бег, и тренажерный зал.

4. УМНЫЕ ТРЕНИРОВКИ: НОВЫЙ ПОДХОД

Современная наука предлагает интересную идею: совмещать физическую и умственную активность. Например, во время приседаний решать примеры или во время бега повторять иностранные слова. Это называется «когнитивно-вовлеченная физическая активность».

Эксперименты с младшими школьниками показали, что такой подход значительно улучшает результаты по математике. Для студентов это может означать, что прослушивание лекций в наушниках во время прогулки или обсуждение учебных вопросов с товарищем на пробежке — не лень, а вполне научный метод повышения эффективности.

5. ЧТО ДЕЛАТЬ СТУДЕНТУ: ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

На основе всех исследований можно дать несколько простых рекомендаций:

1. Минимум, но каждый день. Старайтесь проходить пешком не меньше 30–40 минут в день. Это база, которая поддержит мозг в тонусе.

2. Добавьте интенсивность. 2–3 раза в неделю устраивайте короткие (10–15 минут) интенсивные тренировки: пробежка с ускорениями, скакалка, берпи. Это «включит» префронтальную кору перед сложной умственной работой.

3. Разнообразьте нагрузки. Чередуйте аэробику (бег, плавание) и силовые упражнения. Это поможет и вербальной, и пространственной памяти.

4. Используйте спорт для снятия стресса. Если чувствуете, что «голова кипит» от информации — сходите в зал или на прогулку. После нагрузки мысли станут яснее.

5. Не перетренируйтесь. Помните, что учеба все же главная. Спорт — помощник, а не замена.

Итак, связь между физической активностью и успеваемостью доказана наукой. Движение помогает нам лучше думать, запоминать и

концентрироваться. Причем важна не только регулярность, но и интенсивность: низкая нагрузка снимает стресс, умеренная — улучшает общие показатели, а короткие высокоинтенсивные тренировки дают мощный толчок вниманию и планированию.

Использованные источники:

1. Безотечество, В. А. Важность спорта в образовательном процессе: влияние физической активности на успехи в учебе / В. А. Безотечество. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 52 (551). — С. 143-144.
2. Галимов, Г. Я. Физическая активность как средство профилактики тревожности у студентов / Г. Я. Галимов, М. Д. Кудрявцев, В. К. Кулиев [и др.] // Физическое воспитание, спорт, физическая реабилитация и рекреация: проблемы и перспективы развития: сборник материалов конференции. — Красноярск, 2024. — С. 68-71.
3. Греков, Ю. А. Физическая культура в жизни студента (абитуриента) в режиме глобальной карантинной изоляции / Ю. А. Греков, Д. А. Гурьев // Актуальные проблемы развития и совершенствования системы физического воспитания для подготовки специалистов в транспортной отрасли: труды II Международной научно-практической конференции. — Москва: Изд-во РУТ, 2020. — С. 42–45.
4. Ермоленко, К. А. Значение физической культуры и спорта в формировании учебной успешности у студента / К. А. Ермоленко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 39 (590). — С. 261-264.
5. Терешкина, А. П. Студенческий спорт и здоровье: влияние физической активности на успеваемость / А. П. Терешкина, Г. Н. Шергин // Физкультурно-спортивные чтения Республики Саха (Якутия) – 2025: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Якутск, 2025. — С. 26-28.

СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ И СРЕДСТВА ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ СКЛАДОВ

Аннотация: В статье рассмотрены современные подходы к обеспечению безопасности складских помещений в условиях цифровизации и автоматизации логистических процессов. Приведён анализ традиционных и инновационных систем охраны, включая интеллектуальное видеонаблюдение, сенсорные сети, технологии Интернета вещей и искусственного интеллекта. Особое внимание уделено вопросам интеграции физической и кибербезопасности, а также перспективам формирования единого цифрового пространства «умного склада». Определены ключевые преимущества интеллектуальных систем по сравнению с классическими, их влияние на эффективность работы предприятий и снижение

Ключевые слова: безопасность, склад, системы охраны, цифровизация, видеонаблюдение, Интернет вещей, искусственный интеллект, интеллектуальные технологии, логистика.

Chichkov A.A.

cadet

Spitsyn A.A. Candidate of Technical Sciences

VUNTS of the Air Force named after

Prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin

Voronezh, Russia

MODERN SYSTEMS AND MEANS OF WAREHOUSE SECURITY AND PROTECTION

Abstract: The article examines modern approaches to ensuring warehouse security in the context of digitalization and automation of logistics processes. It analyzes both traditional and innovative protection systems, including intelligent video surveillance, sensor networks, Internet of Things technologies, and artificial intelligence. Particular attention is paid to the integration of physical and cyber security, as well as to the prospects for creating a unified digital environment of a “smart warehouse.” The key advantages of intelligent systems over classical ones are identified, highlighting their impact on operational efficiency and risk reduction.

Keywords: *security, warehouse, protection systems, digitalization, video surveillance, Internet of Things, artificial intelligence, smart technologies, logistics, predictive analytics*

Складские помещения являются критически важными элементами инфраструктуры любой компании, работающей с материальными ценностями. Концентрация товарных запасов, дорогостоящего оборудования, а также интенсивное движение персонала и техники делают склады объектами повышенных рисков. Традиционные подходы к обеспечению безопасности, основанные на физической охране и разрозненных технических средствах, сегодня уже не способны в полной мере противостоять современным угрозам. Совершенствование систем охраны и защиты складских помещений становится стратегической задачей, решение которой позволяет сохранить активы, но и повысить устойчивость бизнеса в условиях динамично меняющейся рыночной среды. В данной статье рассматривается эволюция средств охраны, анализируются современные и перспективные технологии, их возможности и ограничения.

Традиционные средства охраны и защиты: возможности и ограничения. Долгое время безопасность складских комплексов обеспечивалась сочетанием физических мер, автономной сигнализации и видеонаблюдения.

Физическая охрана и инженерно-технические средства защиты. К ним относятся круглосуточное патрулирование, посты охраны, ограждения периметра, металлические двери, решетки на окнах, замки повышенной секретности.

Преимущества: наглядность, оперативное реагирование на очевидные нарушения, простота организации.

Недостатки: человеческий фактора (утомляемость, ошибки внимания, возможность сговора), большие затраты на содержание штата, низкая эффективность на больших территориях и в нерабочее время.

Автономные системы охранно-пожарной сигнализации (ОПС). Традиционные ОПС включают точечные датчики движения (инфракрасные, ультразвуковые), извещатели открытия дверей, разбития стекла, а также дымовые и тепловые пожарные датчики.

Преимущества: относительная дешевизна оборудования, возможность быстрого монтажа, базовое оповещение о тревоге.

Недостатки: высокий уровень ложных срабатываний (особенно в условиях пыли, сквозняков, перепадов температур), отсутствие визуального подтверждения событий, невозможность идентификации нарушителя, разрозненность охранных и пожарных подсистем.

Аналоговые системы видеонаблюдения (CCTV). Камеры с передачей сигнала на видеорегистраторы и мониторы охраны.

Преимущества: визуальный контроль территории, наличие записи для постфактумного анализа.

Недостатки: низкое разрешение, не позволяющее распознать детали; пассивный характер — камеры не предотвращают нарушение, а лишь фиксируют его; необходимость постоянного мониторинга оператором; сложность поиска событий в длительных архивах.

Главный недостаток традиционных систем — их реактивный характер: они регистрируют уже свершившийся факт нарушения или пожара, но не способны прогнозировать угрозы, автоматически управлять ответными действиями или интегрироваться в единую платформу безопасности.

Новые средства и системы охраны и защиты: интеллектуализация и интеграция. Современное совершенствование систем безопасности складов базируется на переходе от разрозненных устройств к интегрированным программно-аппаратным комплексам с элементами искусственного интеллекта, машинного обучения и интернета вещей (IoT).

Интеллектуальное видеонаблюдение с видеоаналитикой. Вместо обычных камер используются IP-камеры сверхвысокого разрешения (4K, 8K) с встроенными аналитическими модулями или серверные платформы, обрабатывающие видеопоток в реальном времени.

Способы применения:

- Распознавание лиц, номеров автотранспорта, контроль въезда/выезда.
- Детекция пересечения запрещенных зон, оставленных предметов, нарушений маршрутов движения персонала и техники.
- Анализ поведения: выявление драк, падений, агрессивных действий, а также курения, отсутствия средств индивидуальной защиты.
- Автоматическое построение тепловых карт перемещений для выявления аномальных активностей.

Биометрические системы контроля и управления доступом (СКУД). Замена магнитных карт, ключей и PIN-кодов на биометрические идентификаторы: отпечатки пальцев, рисунок вен ладони, радужная оболочка глаза, 3D-распознавание лица.

Способы применения:

- Контроль доступа в зоны с особо ценными товарами, серверные, пульты.
- Исключение передачи или кражи идентификаторов.
- Интеграция с табелем учета рабочего времени и системой управления персоналом.

Радиочастотная идентификация (RFID) для контроля активов и персонала. Использование активных и пассивных RFID-меток, устанавливаемых на товар, оборудование, сотрудников, в сочетании со стационарными считывателями на проходах, въездах и ключевых узлах.

Способы применения:

- Контроль выноса/вывоза товара (несанкционированное перемещение с непогашенной меткой вызывает тревогу).
- Отслеживание местоположения погрузчиков и инвентаря в реальном времени.

- Контроль нахождения сотрудников в опасных зонах (например, в зоне работы автоматизированной техники).

- Автоматическая инвентаризация через RFID-ворота.

Перспективные направления развития:

Искусственный интеллект и прогнозная аналитика. Будущие системы безопасности будут не только реагировать на текущие события, но и прогнозировать угрозы. Например, выявлять подозрительные паттерны перемещений сотрудников, предсказывать вероятность поломок оборудования по вибрационным характеристикам, что снижает риски техногенных аварий.

Цифровые двойники безопасности. Создание полной цифровой модели склада, где в реальном времени отображаются все объекты, люди, транспорт, состояние датчиков. Это позволяет моделировать сценарии (например, оптимальные пути эвакуации при пожаре с учетом текущей загрузки).

Облачные и гибридные архитектуры. Переход на гибридные облачные решения, где критически важные данные хранятся локально, а часть аналитики и резервное копирование выполняются в облаке, обеспечивает масштабируемость и снижает стоимость владения.

Совершенствование систем и средств охраны и защиты складских помещений представляет собой закономерный этап эволюции безопасности объектов с высокой концентрацией материальных ценностей. Переход от традиционных методов (физическая охрана, автономная сигнализация, аналоговое видеонаблюдение) к интегрированным интеллектуальным системам повысить уровень защиты от хищений, несанкционированного доступа и пожаров, но и существенно снизить операционные затраты, минимизировать влияние человеческого фактора и повысить общую устойчивость бизнеса.

Использованные источники

1. Волков, А. А. Интегрированные системы безопасности объектов: учебное пособие / А. А. Волков. — М.: Академия безопасности, 2022. — 412 с.
2. Гарькин, И. Н. Видеоаналитика и искусственный интеллект в системах охраны / И. Н. Гарькин, Е. А. Павлова // Системы безопасности. — 2024. — № 1. — С. 18–24.
3. Зыков, В. В. Организация охраны объектов: от физической защиты до интеллектуальных систем / В. В. Зыков. — СПб.: Питер, 2023. — 288 с.
4. Кузнецов, С. В. Аспирационные системы раннего обнаружения пожаров для складских комплексов / С. В. Кузнецов // Пожарная безопасность. — 2024. — № 2. — С. 34–41.
5. Лапин, Д. А. Биометрические технологии контроля доступа: современное состояние и перспективы / Д. А. Лапин, М. И. Сергеев // Информационная безопасность регионов. — 2023. — № 4. — С. 22–29.
6. Технический отчет «Применение RFID-технологий для обеспечения безопасности складских комплексов» / Ассоциация автоматической идентификации «ЮНИСКАН/GS1 РУС». — М., 2024. — 74 с.

7. Федеральный закон № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (с изменениями на 2025 год). — М.: Кодекс, 2025.
8. Шабалин, А. В. Цифровые двойники в системах физической защиты объектов критической инфраструктуры / А. В. Шабалин // Технологии гражданской безопасности. — 2024. — № 3. — С. 48–55.

Чымба В.М.
студент 2 курса, ЭУП_414 группа
ЭФ ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»,
г. Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация
Научный руководитель: Севек Р.М. к.э.н.
доцент

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ»

***Аннотация.** В работе рассматривается значение занятости населения, основные теоретические подходы к определению занятости, а также виды и формы занятости населения.*

***Ключевые слова:** занятость, рынок труда, занятые, безработица, виды занятости.*

Chymba V.M.
2nd year student, EUP_414 group
Faculty of Economics at Tuva State University
Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation
Scientific supervisor: R.M. Sevek, PhD
associate professor

THE MEANING OF THE CONCEPT «POPULATION EMPLOYMENT»

***Abstract.** The paper examines the importance of population employment, the main theoretical approaches to defining employment, as well as the types and forms of population employment.*

***Keywords:** employment, labor market, employed, unemployment, types of employment.*

Занятость является одной из ключевых сфер в социально-экономических отношениях. Так, согласно ФЗ от 12.12.2023 № 565, занятость представляет собой деятельность граждан, которая не противоречит законодательству Российской Федерации и приносящая им доход [1].

Занятость рассматривают как экономическую и социальную категорию, отражающую уровень реализации трудового потенциала населения и формирование доходов. Трудовой потенциал граждан реализуется через занятость [5].

Занятыми считаются [1]:

- Работающие по трудовому договору;
- Зарегистрированные в качестве ИП;

- Занятые в подсобных промыслах и реализующие продукцию по договорам;
- Выполняющие работы по договорам ГПХ;
- Избранные, назначенные или утвержденные на должность;
- Проходящие военную службу по призыву, альтернативную гражданскую службу, пребывающие в добровольческих формированиях;
- Временно отсутствующие на рабочем месте в связи по уважительным причинам;
- Участники корпоративных коммерческих организаций;
- Члены крестьянского хозяйства.

Выделяются следующие виды [4]:

- Полная;
- Продуктивная занятость;
- Рациональная занятость;
- Неполная;
- Самостоятельная занятость;
- Скрытая занятость;
- Эффективная;
- Вторичная;
- Неформальная.

В настоящий момент, современные условия способствуют развитию гибких форм занятости.

Обратная сторона занятости населения – безработица. Понятие «безработица» понимается, как наличие неработающих лиц, которые не имеют работу, ищущих и готовы приступить к работе в любое время [3]. Безработица атрибут рыночной экономики, являясь следствием функционирования хозяйственного механизма [2].

Оптимальное соотношение занятости населения и безработицы является важным показателем в экономике.

ФЗ от 12.12.2023 № 565 «О занятости населения в Российской Федерации», определяющий гарантии по реализации прав граждан на труд и социальную защиту от безработицы, регулирует занятость.

Важнейшие направления политики занятости [1]:

- Содействие в занятости;
- Стимулирование малого и среднего предпринимательства;
- Государственная поддержка;
- Создание рабочих мест и т.д.

Таким образом, под занятостью населения понимается участие граждан в деятельности, приносящей доход. Также, занятость — это социально-экономическое явление, которое влияет на уровень жизни людей, социальное обеспечение и экономический рост.

Использованные источники:

1. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 N 565-ФЗ (последняя редакция).
2. Алиев, И. М. Экономика труда: учебник и практикум для вузов / И. М. Алиев, Н. А. Горелов, Л. О. Ильина. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 521 с. — (Высшее образование). — Текст: электронный.
3. Кубишин, Е. С. Экономика рынка труда: учебник для вузов / Е. С. Кубишин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 154 с. — (Высшее образование). — Текст: электронный.
4. Кязимов, К. Г. Рынок труда и занятость населения: учебник для вузов / К. Г. Кязимов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 214 с. — (Высшее образование). — Текст: электронный.
5. Экономика труда: учебник для среднего профессионального образования / под общей редакцией М. В. Симоновой. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 259 с. — (Профессиональное образование). — Текст: электронный.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ/ПРОХОДЯЩИХ
СПОРТИВНУЮ ПОДГОТОВКУ И ВЫСТУПАЮЩИХ НА
СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ, К УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ИЛИ
ЖИЗНИ**

***Аннотация:** В связи наличием насильственных преступлений с использованием спортивных навыков актуальна проблема уголовной ответственности спортсменов за причинение вреда здоровью или жизни вне спортивных мероприятий. Цель статьи — выявить пробелы в правовом регулировании и предложить меры по совершенствованию УК РФ на примере единоборств и дела Расула Мирзаева. Метод исследования включает анализ норм УК РФ, Федерального закона № 329-ФЗ, Правил видов спорта и судебной практики. Итогом является рекомендация дополнить ст. 63 УК РФ отягчающим обстоятельством «использование специальных физических навыков, подтвержденных разрядом/званием» для повышения справедливости квалификации таких деяний.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, спортивная подготовка, причинение вреда здоровью, единоборства, отягчающие обстоятельства, УК РФ, спортсмены.*

Shandrik M.V.

3rd year student

Lebedev Russian State University of Justice, North-Western Branch

Russian Federation, Saint Petersburg

Scientific supervisor: Bychkov S.N., Candidate of Law

associate professor

**PROBLEMS OF BRINGING PERSONS UNDERGOING SPORTS
TRAINING AND PARTICIPATING IN SPORTS COMPETITIONS TO
CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM TO HEALTH OR
LIFE**

***Abstract:** Due to the presence of violent crimes related to the use of sports skills, the problem of criminal liability of athletes for harm to health or life outside of sporting events is relevant. The purpose of the article is to identify gaps in legal regulation and propose measures to improve the Criminal Code of the Russian*

Federation using the example of martial arts and the case of Rasul Mirzaev. The research method includes an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, Federal Law No. 329-FZ, Rules of Sport and judicial practice. The result was a recommendation to supplement Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation with the aggravating circumstance "the use of special physical skills confirmed by rank" in order to increase the fairness of such acts.

Keywords: criminal liability, sports training, injury to health, martial arts, aggravating circumstances, Criminal Code of the Russian Federation, athletes.

В современном обществе вопросы уголовной ответственности за причинение вреда здоровью или жизни приобретают особую значимость, особенно в случаях, когда к таким преступлениям причастны лица, обладающие спортивной подготовкой. Спортивные навыки и физическая подготовка могут существенно влиять на степень опасности совершаемых действий, усложняя процесс оценки противоправности и квалификации деяния. Несмотря на наличие соответствующих норм в уголовном законодательстве, практика привлечения к ответственности таких лиц сталкивается с рядом проблем, связанных с определением признаков спортивной подготовки и ее влияния на правовую оценку. Данная тема актуальна как для правоприменительной практики, так и для теории уголовного права, поскольку требует выработки четких критериев и подходов, обеспечивающих справедливость и эффективность уголовного преследования. Введение данной проблемы в научный и практический дискурс позволит улучшить механизм правовой защиты и повысить правовую культуру в сфере применения спортивных навыков вне рамок спорта.

К лицам, проходящим спортивную подготовку и выступающим на спортивных соревнованиях относятся спортсмены.⁸⁰

Спортивная подготовка - учебно-тренировочный процесс, который подлежит планированию, осуществляется в рамках образовательной или трудовой деятельности, направлен на физическое воспитание и физическое развитие спортсменов, совершенствование их спортивного мастерства посредством систематического участия в спортивных мероприятиях, в том числе спортивных соревнованиях.⁸¹

Спортсмен - физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях.

Таким образом, лицо, имеющее спортивную подготовку — это спортсмен или человек, проходящий обучение в спортивной организации с

⁸⁰Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 24.10.2012 № 325 «О методических рекомендациях по организации спортивной подготовки в Российской Федерации» (ст. 3.4.1) [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70147632/>] // Официальный сайт Министерства спорта Российской Федерации. — Режим доступа: URL (30.09.2025).

⁸¹Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 01.09.2025). URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-329-fz-o/> (дата обращения: 30.09.2025).

целью развития спортивных навыков и участия в спортивных мероприятиях согласно установленным программам и правилам.

Актуальность темы проблем привлечения лиц, имеющих или проходящих спортивную подготовку, и выступающих на спортивных соревнованиях, к уголовной ответственности за причинение вреда здоровью или жизни связана с ростом количества случаев, когда вред причиняется с использованием спортивных навыков.

В последние годы наблюдается наличие инцидентов, когда лица со спортивной подготовкой наносят вред здоровью или жизни других с использованием специфических спортивных приемов и навыков⁸². Это усложняет правовую оценку таких деяний, поскольку применение профессиональной техники может усиливать тяжесть вреда или квалификацию преступления.

Статистика инцидентов с применением спортивных навыков в преступлениях в России показывает, что ежегодно порядка 1,5 миллионов взрослых становятся жертвами насильственных действий, из них более 80% получили физические повреждения.⁸³ Среди этих случаев некоторую долю занимают инциденты, когда насилие осуществляется с применением спортивных приемов, что усугубляет тяжесть причинённого вреда. По данным⁸⁴, большая часть насильственных действий происходит без оружия, но именно спортивные навыки используются как средство причинения вреда, что является проблемой растущей значимости в уголовной практике. Однако рост агрессии и грубости в спортивной среде не фиксируется, что сопровождается отсутствием увеличения числа насильственных инцидентов, связанных с применением профессиональных спортивных техник. Специфические количественные данные по этим преступлениям отсутствуют.

С точки зрения уголовного права, сложность оценки таких ситуаций проявляется в необходимости отличать правомерное причинение вреда в контексте спортивного состязания от противоправного, что требует четких критериев и специальных нормативных регулировок.

Данная проблематика будет рассмотрена на примере единоборств.

Правомерность причинения вреда спортсменом, занимающимся единоборствами, определяется несколькими ключевыми факторами и юридическими условиями. Во-первых, важным элементом признаётся

⁸² Коммерсантъ. Боец ММА получил 1,5 года ограничения свободы за убийство в пьяной драке [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2024. — 3 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6552383> (дата обращения: 04.04.2026).

⁸³ Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса : аналит. обзор / А. Кнорре, К. Титаев ; Ин-т пробл. правоприменения Европейского ун-та в СПб. — СПб. : ИПП ЕУ СПб, 2018. — 36 с.

⁸⁴ МВД России. Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году [Электронный ресурс] // Официальный информационный портал МВД России. — 2026. — 28 янв. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 04.04.2026).

наличие согласия участников на риск травматизма, что формализуется в подписании спортсменом соответствующего документа на участие в соревнованиях. В этом документе спортсмен подтверждает осознание и принятие рисков, связанных с видом спорта, добровольно принимает возможность получения травм и берет на себя ответственность за возможные повреждения. Также в согласии прописывается обязательство соблюдать правила и требования безопасности, проходить медицинский осмотр и инструктаж, а при несчастном случае использовать предоставленную медицинскую помощь. Это требование закреплено в Федеральном законе № 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации", где организаторы соревнований обязаны обеспечивать безопасность, а участники — подтверждать осведомленность о рисках. Конкретные формы согласия утверждаются Правилами вида спорта, которые утверждает Минспорт РФ для каждого вида. Например, в Правилах вида спорта «бокс»⁸⁵ (утв. приказом Минспорта России от 23.11.2017 № 1018, ред. от 19.10.2021) (далее -Правила) обязательными документами значатся соглашение на участие в бою и сертификат медицинского страхования от повреждений на ринге.

Во-вторых, правомерность причинения вреда зависит от соблюдения правил соревнований и участия в легально организованном спортивном мероприятии. Причинение вреда в пределах установленных правил ведения боя считается допустимым, что создает условие "обоснованного риска", исключаящего преступность деяния по статье 41 УК РФ⁸⁶. Такой риск является юридическим основанием, признавая физический вред элементом безопасности, присущим спорту. Однако умышленное или неосторожное нарушение правил, влекущее превышение допустимых пределов вреда, может повлечь уголовную ответственность. При этом наличие вины и характер нарушения служат критерием для привлечения к уголовной или дисциплинарной ответственности: умышленные нарушения ведут к уголовному преследованию, неосторожные — чаще к дисциплинарным мерам.

Рамки превышения границы допустимого риска в спортивных единоборствах включают грубое нарушение правил спорта, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью или смерть по неосторожности. К таким нарушениям относятся применение запрещённых приёмов и ударов (удары в затылок, пах, позвоночник, использование локтей, удушающих и болевых приёмов вне разрешённых ситуаций), а также чрезмерная сила

⁸⁵Правила вида спорта «Бокс» : утв. приказом Минспорта России от 23 ноября 2017 г. № 1018 (ред. от 19 октября 2021 г.) [Электронный ресурс] // Приказы Минспорта России. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725408/> (дата обращения: 04.04.2026).

⁸⁶Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026).

воздействия и игнорирование указаний судьи и медицинских предписаний. Конкретные нарушения подтверждаются Правилами вида спорта, например, в боксе типы нарушений раскрыты в Правило 13. Нарушения. Превышением считается ситуация, когда спортсмен совершает действия, выходящие за рамки обоснованного риска, присущего спорту, и приводит к серьёзным травмам, неспособности противника продолжать бой или угрозе жизни.

Важно, что ответственность наступает не за любое неосторожное причинение вреда, а только за грубое, связанное с нарушением правил и высоким уровнем риска, повлёкшее тяжкие последствия. Судебная практика и научные исследования подчёркивают⁸⁷, что причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности в условиях состязаний возможно квалифицировать как преступление, если оно вызвано грубым нарушением правил спортивных мероприятий. Вместе с тем, при отсутствии нарушений вред, вызванный в рамках правил и с согласием участников, не признаётся преступным. Дополнительным отягчающим фактором является использование спортивного инвентаря или амуниции как орудия причинения вреда.

Таким образом, сочетание согласия участника на риск, соблюдения правил соревнований и проведения легального мероприятия формируют законную основу правомерности причинения вреда в спортивных единоборствах. Подписанное согласие обеспечивает юридическую защиту спортсмену и организаторам, фиксируя добровольное принятие рисков и рамки допустимого воздействия. Нарушение этих рамок ведёт к дисциплинарным и уголовным последствиям, если нанесённый вред превышает пределы обоснованного риска, определённого правилами и регламентом конкретного вида спорта.

В повседневной практике, особенно в неформальных обсуждениях, навыки спортсмена или человека, занимающегося спортивной подготовкой, часто приравнивают к владению «холодным оружием», если он причиняет вред здоровью или жизни другого человека. Однако в российском законодательстве такого прямого закрепления нет — ни в Уголовном кодексе РФ, ни в Федеральном законе «Об оружии» № 150-ФЗ⁸⁸, ни в смежных нормах. Наличие какой-либо физической подготовки влияет лишь на квалификацию вины (например, на умысел или неосторожность) и на характеристику личности обвиняемого при

⁸⁷Иванов В. Д., Райн М. А. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за причинение вреда здоровью или смерти при занятиях спортом // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2016. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-prichinenie-vreda-zdorovyu-ili-smerti-pri-zanyatiyah-sportom> (дата обращения: 15.03.2026).

⁸⁸Об оружии : федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 51. — Ст. 6212. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 04.04.2026).

вынесении приговора. При этом разница между обладателем официального спортивного разряда и тем, кто просто длительно тренируется без участия в соревнованиях, юридически несущественна: главное — наличие навыков, подтвержденное тренировками, медицинскими справками или свидетельствами тренеров.

Официально УК РФ в статье 63 (отягчающие обстоятельства) не выделяет среди них преимущество в бойцовской или спортивной подготовке для обвинений в убийстве (ст. 105 УК РФ) или причинении тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

Так, например, в августе 2011 года в московском клубе «Зеленый театр» известный боец смешанных единоборств Расул Мирзаев, обладатель черного пояса по самбо и чемпион мира по самбо, нанес единственный удар в голову студенту Ивану Агафонову во время возникшей потасовки; потерпевший упал, ударился затылком о бетонный пол, получил тяжелую черепно-мозговую травму и скончался на следующий день в больнице, не приходя в сознание. Защитник Мирзаева настаивал на квалификации действий как причинения смерти по неосторожности по ст. 109 УК РФ, подчеркивая отсутствие умысла на убийство и смерть от удара о твердую поверхность. Обвиняемый утверждает, что его удар являлся средством самозащиты, он не стал ждать, пока 19-летний Агафонов ударит его первым. 22 августа Замоскворецкий суд Москвы отпустил Расула Мирзаева под залог в 5 миллионов рублей. В обоснование своего решения судья отметила, что следствие до настоящего времени не располагает доказательствами прямой связи удара Мирзаева и гибели Агафопова. 23 августа Мосгорсуд отменил решение об освобождении Мирзаева под залог. В тот же день Расулу Мирзаеву было предъявлено официальное обвинение по части 4 статьи 111 УК РФ умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть (санкция — до 15 лет), ссылаясь на профессиональные навыки бойца, сделавшие удар особо опасным.⁸⁹

В итоге Замоскворецкий районный суд Москвы в ноябре 2012 года смягчил обвинение до ст. 109 УК РФ, приговорив Мирзаева к 2 годам лишения свободы, после чего он был освобожден из-под стражи в зале суда, так как каждый день содержания в СИЗО ему засчитали за два дня наказания. Судебная коллегия по уголовным делам Мосгорсуда оставила решение суда первой инстанции без изменения, отклонив жалобу потерпевших на приговор.⁹⁰

⁸⁹ РИА Новости. Дело Расула Мирзаева: ход следствия, судебные слушания и приговор [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2012. — 30 июля. — URL: <https://ria.ru/20120730/712855889.html> (дата обращения: 04.04.2026).

⁹⁰ РИА Новости. Приговор спортсмену Мирзаеву обжалован в ВС РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2014. — 20 января. — URL: <https://ria.ru/20140120/990225743.html> (дата обращения: 04.04.2026).

Прецедент дела Мирзаева показывает, что спортивная подготовка фактически не усилила ответственность, такая практика вызывает обоснованные возражения.

Отсутствие законодательного закрепления: Ст. 63 УК РФ не включает бойцовские навыки в перечень отягчающих наказание обстоятельств, любые умения (полученные в результате тренировок под руководством тренера или при самостоятельной подготовке) устанавливаются экспертизой, но без формального статуса «используемые в качестве оружия» это лишь влияет на характеристику личности (ст. 60 УК РФ), а не на квалификацию содеянного.

Для устранения пробелов требуется поправка в УК РФ: по моему мнению целесообразно дополнить ст. 63 УК РФ следующим отягчающим наказанием обстоятельством - «использование специальных физических навыков, подтвержденных разрядом/званием» с четким разграничением (спортсмен vs. любитель по нормам Минспорта). Либо воспринимать навыки бойца, как отдельный квалифицирующий фактор.

Использованные источники:

Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026).

Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 51. — Ст. 6212. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 04.04.2026).

Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу 01.09.2025). URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-329-fz-o/> (дата обращения: 30.09.2025).

Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 24.10.2012 № 325 «О методических рекомендациях по организации спортивной подготовки в Российской Федерации» (ст. 3.4.1) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70147632/> (дата обращения: 30.09.2025).

Правила вида спорта «Бокс»: утв. приказом Минспорта России от 23 ноября 2017 г. № 1018 (ред. от 19 октября 2021 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725408/> (дата обращения: 04.04.2026).

Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса: аналит. обзор / А. Кнорре, К. Титаев; Ин-т пробл. правоприменения Европейского ун-та в СПб. — СПб.: ИПП ЕУ СПб, 2018. — 36 с.

Иванов В. Д., Райн М. А. Проблемы уголовно-правового регулирования ответственности за причинение вреда здоровью или смерти при занятиях спортом // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. — 2016. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-otvetstvennosti-za-prichinenie-vreda-zdorovyu-ili-smerti-pri-zanyatiyah-sportom> (дата обращения: 15.03.2026).

МВД России. Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году [Электронный ресурс] // Официальный информационный портал МВД России. — 2026. — 28 янв. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 04.04.2026).

Коммерсантъ. Боец ММА получил 1,5 года ограничения свободы за убийство в пьяной драке [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2024. — 3 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6552383> (дата обращения: 04.04.2026).

РИА Новости. Дело Расула Мирзаева: ход следствия, судебные слушания и приговор [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2012. — 30 июля. — URL: <https://ria.ru/20120730/712855889.html> (дата обращения: 04.04.2026).

РИА Новости. Приговор спортсмену Мирзаеву обжалован в ВС РФ [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2014. — 20 января. — URL: <https://ria.ru/20140120/990225743.html> (дата обращения: 04.04.2026).

Шматко К.В.
студент 4 курса
Факультет дошкольного, начального и специального образования
Педагогического института
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
Россия, г. Белгород

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

Аннотация: В статье рассматриваются возможности учебного предмета «Окружающий мир» (УМК «Школа России») в начальной школе для формирования коммуникативных навыков у младших школьников. Развитие коммуникативных универсальных учебных действий (УУД) представлено как приоритетная задача образовательного процесса, влияющая на успешную социализацию и самореализацию ребенка. На основе анализа педагогического опыта учителей-практиков, работающих по УМК «Школа России», выделены этапы, методы и приемы работы, способствующие развитию диалогической речи, группового взаимодействия и аргументации. Статья адресована учителям начальных классов, методистам и студентам педагогических специальностей.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, коммуникативные УУД, окружающий мир, начальная школа, УМК «Школа России», диалог, групповая работа, опыт педагогов.

Shmatko K.V.
4th year student
Faculty of Preschool
Primary and Special Education of the Pedagogical Institute
Belgorod State National Research University (NRU "BelsU")
Russia, Belgorod

FORMATION OF COMMUNICATION SKILLS IN THE LESSONS OF THE OUTSIDE WORLD

Annotation: The article examines the possibilities of the educational subject "The Surrounding world" (UMK "School of Russia") in primary school for the formation of communication skills in younger schoolchildren. The development of communicative universal learning activities is presented as a priority task of the educational process, affecting the successful socialization and self-realization of the child. Based on the analysis of the pedagogical experience of practicing teachers working at the School of Russia Training Center, the stages, methods and techniques of work that contribute to the development of dialogical speech, group

interaction and argumentation are highlighted. The article is addressed to primary school teachers, methodologists and students of pedagogical specialties.

Keywords: *communication skills, communication management systems, the surrounding world, elementary school, School of Russia, dialogue, group work, teachers' experience.*

Формирование коммуникативных навыков является одной из приоритетных задач современного начального образования, поскольку от уровня их развития зависит не только академическая успешность, но и социализация, самореализация личности обучающегося [5]. Коммуникативные умения охватывают способность выражать собственные идеи, понимать и интерпретировать информацию, а также выстраивать эффективное взаимодействие с другими субъектами образовательного процесса [2].

Учебный предмет «Окружающий мир» в УМК «Школа России» (автор А.А. Плешаков) предоставляет особенно благоприятные условия для реализации данной задачи. Содержательная линия этого комплекта построена на принципах интеграции естественно-научного и социально-гуманитарного знания, что требует от учащихся постоянного обращения к коллективному поиску, обсуждению и обоснованию версий. Так, уже во 2 классе при изучении темы «Звездное небо» [6, ч. 1, с 48-51] предусмотрена работа в паре: учащиеся учатся находить главные мысли учебного текста, сравнивать свой ответ с ответами одноклассников, обобщать информацию [2]. Аналогичным образом в 3 классе при изучении темы «Почва» [7, ч. 1, с. 68–73] групповая работа организуется для проведения опытов и формулирования выводов, что требует от школьников умения слушать друг друга, договариваться и совместно представлять результаты исследования [5].

Как отмечает учитель начальных классов МКОУ «Возовская СОШ» Поныровского района Курской области Ю.В. Тубольцева в публикации, посвященной уроку по теме «Кто нас защищает» [7, ч. 2, с. 18–19], именно задания рубрик учебника, предполагающие работу в группах и обсуждение, позволяют систематически развивать коммуникативные УУД. В своем опыте педагог делает акцент на формировании у учащихся «готовности слушать собеседника и вести диалог, признавать возможность существования различных точек зрения и права каждого иметь свою, излагать своё мнение и аргументировать свою точку зрения» [1].

Практический опыт учителя МБОУ СОШ № 7 г. Иваново Л.И. Савельевой, представленный в самоанализе урока по теме «Пожар» [6, ч. 1, с. 22-25], демонстрирует эффективность групповой работы для формирования коммуникативных компетенций. Педагог отмечает: «Работа в парах, группах развивает у учащихся умение доказывать, обосновывать, делать выводы, позволяет организовать взаимодействие учащихся между собой». На уроке использовались такие приемы, как групповая

практическая работа по составлению правил противопожарной безопасности («В лесу», «В школе», «Дома») и ролевая игра «Звонок в пожарную часть», способствующая развитию культуры устной речи [3].

Как отмечают ведущие исследователи в области психолого-педагогической теории универсальных учебных действий (А.Г. Асмолов, Г.А. Цукерман, С.В. Скрипова) [1], именно содержательная основа предмета, базирующаяся на познании природных и социальных объектов, требует постоянного обращения к коллективному поиску, обсуждению и аргументированному обоснованию версий. В УМК «Школа России» эта закономерность находит практическое воплощение: система вопросов и заданий учебника побуждает младших школьников не только воспроизводить информацию, но и сравнивать, доказывать, оценивать, договариваться.

Процесс развития коммуникации у младших школьников целесообразно разделить на три последовательных этапа [1]. На первом этапе происходит освоение базовых речевых актов: учащиеся учатся отвечать на вопросы и формулировать их, комментировать высказывания одноклассников и создавать логически выстроенные сообщения. На втором этапе акцент смещается на выработку навыка построения высказывания, которое должно быть максимально понятным для аудитории. В этот период актуализируется умение использовать иллюстративные примеры для подкрепления собственных тезисов. Третий этап направлен на формирование коллективной коммуникативной компетентности, предполагающей умение вести конструктивную беседу в паре или группе, активно участвовать в дискуссии и приходить к бесконфликтному решению проблемы [1; 2].

Эффективность формирования коммуникативных навыков в предметной области «Окружающий мир» обеспечивается систематическим использованием интерактивных методов и приемов. Учитель Е.Г. Комарова в конспекте урока по теме «Звездное небо» [6] подчеркивает важность работы в паре при изучении текста учебника: учащиеся учатся отвечать на итоговые вопросы, формулировать собственное мнение и сопоставлять его с мнением одноклассников [2].

Среди конкретных игровых и дискуссионных приемов, положительно зарекомендовавших себя в практике учителей УМК «Школа России», выделяют: прием «Лови ошибку!», требующий от обучающегося найти и доказать ошибочность неверного утверждения с использованием аргументов; прием «Пресс-конференция», где учащиеся на основе изученного материала формируют вопросы к «экспертам»; а также такие приемы, как «Рассказ-путешествие» и «Сказка в заданном ключе», способствующие преодолению монологичности речи и развитию навыков слушания [1; 2].

Учитель Р.Н. Вознюк в методической разработке урока «В царстве грибов» [7, ч. 2, с. 28-31] акцентирует внимание на формировании

коммуникативных УУД через групповую работу. Среди планируемых результатов педагог выделяет: «формировать готовность слушать собеседника и вести диалог, проявлять готовность признавать возможность существования разных точек зрения и права каждого иметь свою, излагать своё мнение и аргументировать свою точку зрения и оценку событий» [8].

Важнейшим педагогическим условием, обеспечивающим успешность внедрения данных приемов, является создание на уроке атмосферы доверия, доброжелательности и взаимопонимания, что поощряет учащихся к активному выражению собственной позиции без страха совершить ошибку [2; 4].

Таким образом, уроки «Окружающего мира» в рамках УМК «Школа России» выступают не только как источник знаний о мире, но и как площадка для практического освоения жизненно важных коммуникативных компетенций. Опыт педагогов-практиков подтверждает, что систематическое использование интерактивных методов, групповой работы и заданий учебника, направленных на диалог, позволяет достичь устойчивых положительных результатов в развитии коммуникативных УУД младших школьников.

Фактическое освоение предметного содержания на уроках «Окружающего мира» неразрывно связано с развитием способности к кооперации, критической оценке информации и конструктивному разрешению противоречий. Таким образом, формирование коммуникативных навыков приобретает не только прагматическое, но и аксиологическое значение, закладывая основы для успешной социальной адаптации и формирования гражданской позиции, что соответствует целевым установкам Федерального государственного образовательного стандарта.

Использованные источники:

1. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А. и др. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. — М.: Просвещение, 2011. — 159 с.
2. Комарова Е.Г. Конспект урока по окружающему миру «Звездное небо» (2 класс, УМК «Школа России») // Инфоурок. — 2018. — URL: <https://infourok.ru/konspekt-uroka-po-okruzhayuschemu-miru-na-temu-zvyozdnoe-nebo-klass-3446347.html> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Савельева Л.И. Самоанализ урока окружающего мира по теме «Пожар» (2 класс, УМК «Школа России») // Инфоурок. — 2017. — URL: <https://infourok.ru/samoanaliz-uroka-klass-shkola-rossii-okruzhayushchiy-mir-2350364.html> (дата обращения: 23.03.2026).
4. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. — Томск: Пеленг, 1993. — 268 с.
5. Тубольцева Ю.В. Технологическая карта урока окружающего мира «Кто нас защищает» (3 класс, УМК «Школа России») // Инфоурок. — 2025. — URL: <https://infourok.ru/okruzhayushij-mir-kto-nas-zashishaet-7892621.html> (дата обращения: 23.03.2026).

6. Плешаков А.А. Окружающий мир. 2 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. — М.: Просвещение, 2023.
7. Плешаков А.А. Окружающий мир. 3 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 2 ч. — М.: Просвещение, 2023.
8. Вознюк Р.Н. Конспект урока по окружающему миру «В царстве грибов» (2 класс, УМК «Школа России») // Инфоурок. — 2018. — URL: <https://infourok.ru/okruzhayushiy-mir-v-carstve-gribov-2253323.html> (дата обращения: 23.03.2026).

Оглавление

Abdraimova A. A., Prince Xavier, CONGENITAL GASTROINTESTINAL MALFORMATIONS IN CHILDREN	4
Azizova F. S., Tursunqulova X.M., PROBLEMS OF TEACHING VOCABULARIES TO 7 TH GRADE LEARNERS.....	11
Azizova F. S., Gulruxsor A. O., PROBLEMS OF TEACHING GRAMMAR OF THE ENGLISH LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE	14
Azizova F. S., Ismoilova M. O., IMPROVE LISTENING SKILLS USING DIFFERENT TECHNIQUES	19
Azizova F. S., Abdurahimova M. I., IMPACT OF MODERN TECHNOLOGIES ON LEARNING ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE	25
Azizova F. S., Jumamuratova R. R., PROBLEMS OF TEACHING PAST TENSES IN ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM	29
Azizova F. S., Islombekova M. M., PROBLEMS OF TECHING LISTENING TO LEARNERS USING INTERACTIVE METHODS	33
Azizova F. S., Sadriddinova Sh. R., PROBLEMS OF TEACHING COLLOCATION IN VOCABULARY LESSON TO 5TH GRADE LEARNERS	36
Azizova F. S., Mustafojeva S.B., PROBLEM OF TEACHING ENGLISH PREPOSITIONS TO LEARNERS USING INTERACTIVE METHODS	41
Azizova F. S., Eshpo‘latova F.L., LEARNING VOCABULARY THROUGH GAMES: USING KAHOOT AND BAMBOOZLE IN THE CLASSROOM	45
Fan Mengzhu, COMMUNICATION IMPACT OF JOURNALISTIC ETHICS AND CREDIBILITY IN CHINA–KAZAKHSTAN MEDIA COOPERATION...	49
Idrisov V. A., LEGAL AND REGULATORY GAPS IN THE COAL SECTOR AND THEIR MANIFESTATION IN THE PRACTICE OF ISSUING COURT ORDERS	54
Karimov V. R., CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF A CINCESSION AGREEMENT FOR IMPLEMENTATION OF INFRASTRUCTURE PROJECTS	57
Nguyen Thi Thien Trang, A STUDY ON ENGLISH LANGUAGE REQUIREMENTS FOR WOOD PROCESSING STUDENTS IN VIETNAM ...	60
Pham Quang Huy, Pham Xuan Thang, INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT POLICY IN VIETNAM TODAY	64
Shi Chengxiao, PRACTICAL METHODS OF SHORT-FORM VIDEO IN INTERNATIONAL CULTURAL COMMUNICATION: AN OBSERVATION FROM YOUTH AUDIENCES	69
Toshmurodova M.E., Amanov O.A., SOCIO-ECONOMIC IMPORTANCE OF ORGANIZING REMOTE AUDIT PROCESSES	74

Yuan Xuejing, WORKPLACE HIERARCHY AND CROSS-CULTURAL ADAPTATION: A HIGH-LOW CONTEXT INTERPRETATION OF FAMILY COMMUNICATION IN ALL IS WELL.....	83
Абдулатипова Д.П., Скидан А.В., КАДРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ	89
Абизадийнова Р. Б., БИОМОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИДОВ <i>INULA HELENIUM</i> L. И <i>INULA GRANDIS</i> SCHRENK	95
Авхадиев А. И., Вильданов А. Н., ВЫЧИСЛЕНИЕ ВЗВЕШЕННОЙ СУММЫ ВХОДНЫХ СИГНАЛОВ ИСКУССТВЕННОГО НЕЙРОНА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПРИМЕР	99
Алексеев Д. С., Карпова Н.А., ТРЕБОВАНИЯ К СУДЕБНОМУ РЕШЕНИЮ В УПРОЩЕННЫХ ПРОЦЕДУРАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (В КОНТЕКСТЕ ОСОБОГО ПОРЯДКА	104
Арсаланов Д.Ц., МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПО РЕШЕНИЮ СУДА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	114
Архипов И. В., ОЦЕНКА КОММЕРЧЕСКИХ РИСКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ТОВАРНЫХ РЫНКОВ	123
Архипов И. В., УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И ИНСТРУМЕНТАРИЙ.....	128
Багдасарян А. А., Лях Ю.А., УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОМАНДА КАК СУБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ	133
Батыгова Г.Д., Рыбекина Е.Ю., КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОРГАНИЗАЦИИ	140
Белякова С. А., Джура В. В., ЗАЩИТА ПРОКУРОРОМ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	145
Вайнер Е.Е., РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ГОРОДЕ ХАБАРОВСКЕ.....	150
Воробьева А.А., НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ ...	160
Воронов Н.А., Нгодобо Френсис, РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА	164

Ву Хюй Ань, ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РФ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ.....	171
Дедюрина В.В., ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ ОБУЧЕНИЯ ИЕРОГЛИФАМ ХАНЧА	184
Дергунова Е.С., УПРАВЛЯЮЩИЙ СОВЕТ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФЛАГМАН УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ	190
Деретич В. В., Лях Ю. А., ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ ИГР В ОБУЧЕНИИ	195
Джинибалаева В.А., Тукачев Д.Т., ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	201
Дун Си, ИССЛЕДОВАНИЕ АНТИУТОПИЧЕСКОГО НАРРАТИВА В РОМАНЕ Д. БЫКОВА «ЖД»	206
Игнашина П. Ю., ОТ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА К ХЕЛЬСИНКСКОМУ ПРОЦЕССУ: ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ БЕНИЛЮКСА В ЕВРОПЕ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	210
Каландаров П.И., Мамарасулов Х.К., Валиев Р.А., ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА ЕДИНИЦ ВЛАЖНОСТИ: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВ ДО РАБОЧИХ ПРИБОРОВ	217
Канарская К.Е., ИНТЕГРАЦИЯ УЛИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ ГОРОДА ИСПАНИИ, ЭЛЬ-РАВАЛЯ ...	223
Кобзарь Я. Г., ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	230
Лазарева В.Л., Чекрыгина Т.А., ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНТРОЛЬНО- СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ С НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ.....	238
Лобанова Д. С., МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА.....	241
Мандрыгина Н.В.. РОЛЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	247
Момбей-оол А.Б., ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТИВНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ СЦЕНАРНОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ	253

Морекаев Е.А., МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА	257
Низамаддинова З. М., Кочкарова С., ВЛИЯНИЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ВЫСОХШЕГО ДНА АРАЛЬСКОГО МОРЯ: ОЦЕНКА И ПРОГНОЗ	264
Панкратов Б. А., Ямщикова С. С., Алексеева А. М., ПРИМЕНЕНИЕ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ПРИ ГЕОТЕХНИЧЕСКОМ МОНИТОРИНГЕ	268
Петрова А.А., Джура В. В., ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ	273
Плеханов Т.М., УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ НА ФОНЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАМЕЩЕНИЯ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО СЕКТОРА)	280
Родина Ю.Р., ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	286
Романюк Ю. А., Хаитметов Х.З., СОЗДАНИЯ ЦИФРОВОЙ КАРТЫ МЕСТНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ ARCGIS 10.8	290
Романюк Ю. А., Хамраев З. А., МОНИТОРИНГ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ АХАНГАРАНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ	296
Савельева Н. В., РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ..	307
Салехова А. А., РОЛЬ АРМИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕГИПТА ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» (2011-2012 ГГ.)	313
Сафьянникова Е. Ю., Джура В. В., ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ	318
Скворцов Н.Ю., ХАЛАТНОСТЬ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ: БЕЗДЕЙСТВИЕ ПРИ УТЕЧКЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	326
Соколов Н.А., ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ПО РЕКУЛЬТИВАЦИИ НАРУШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ ЗЕМЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	334
Солтамигова Л. Х., ВЗАИМОСВЯЗЬ САМОРЕГУЛЯЦИИ И КОМПОНЕНТОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ СТАРШИХ КУРСОВ	338

Тихонова В.М., НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО НАДЗОРА.....	343
Токарева А.Д, Лях Ю.А., МЕТОДИКА «РИСУНОК ШКОЛЫ» КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ НАДЕЖНОСТИ И ВАЛИДНОСТИ	354
Трушкевич И.М., Панфилов А.С., Горностаева Ж.В., СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ.....	360
Файзрахманова К.Э., РЕИНЖИНИРИНГ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫМ КОНТЕНТОМ.....	367
Файзулина Е. О., Джура В.В., ЭКСПЕРТИЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	372
Фаттахов Д.Р., Беккер Д.С., ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ УТЕЧЕК ГАЗА НА АВТОМОБИЛЬНЫХ ГАЗОНАПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМПРЕССОРНЫХ СТАНЦИЯХ.....	382
Фаттахов Д.Р., Беккер Д.С., АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АВТОМОБИЛЬНЫХ ГАЗОНАПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМПРЕССОРНЫХ СТАНЦИЙ (АГНКС)...	386
Филенко К.А., Моисеева В.И., ИССЛЕДОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕТРО-ТРЕНДОВ В ДИЗАЙНЕ МОЛОДЁЖНОЙ ОДЕЖДЫ	392
Хлебникова Д.И., ВЛИЯНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ НА КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ И АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ.....	403
Чичков А.А., СОВРЕМЕННЫЕ СИСТЕМЫ И СРЕДСТВА ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ СКЛАДОВ	407
Чымба В.М., ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ».....	412
Шандрик М.В., ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ/ПРОХОДЯЩИХ СПОРТИВНУЮ ПОДГОТОВКУ И ВЫСТУПАЮЩИХ НА СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЯХ, К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ИЛИ ЖИЗНИ	415
Шматко К.В., ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА	423